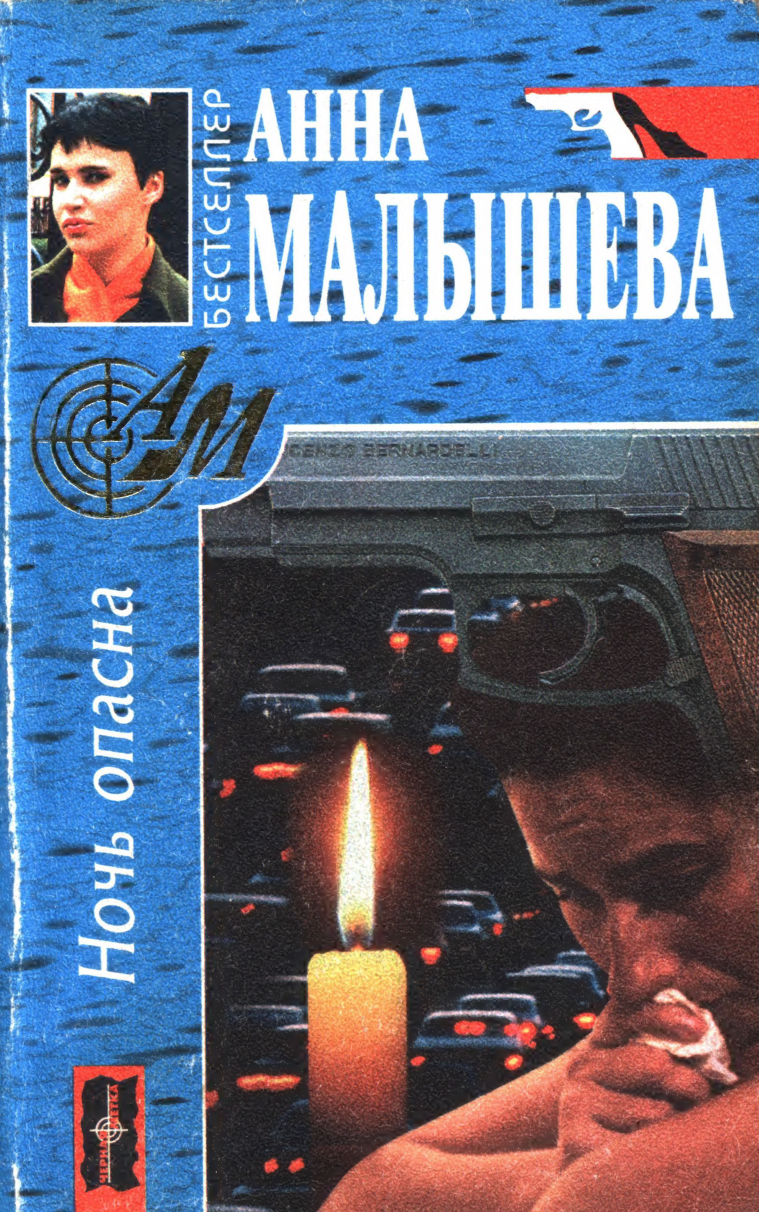
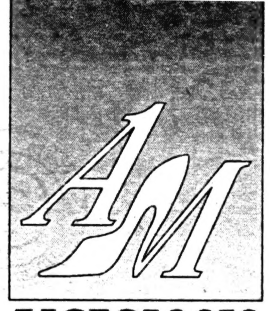

бестселлер
АННА
МАЛЫШЕВА
АМ
Ночь опасна
ЧЕРНАЯ МЕТКА

БЕСТСЕЛЛЕР

В издательстве «Центрполиграф» в серии «ЧЕРНАЯ МЕТКА» выходят криминальные романы Анны Малышевой

ВКУС УБИЙСТВА
ЗАПАДНЯ
ЗАПАСНОЙ ВЫХОД
ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...
ИМЯ — СМЕРТЬ
КТО ПРИДЕТ МЕНЯ УБИТЬ?
ЛИЦО В ТЕНИ
ЛЮБОВНИКИ ПО НАСЛЕДСТВУ
МОЙ МУЖ — МАНЬЯК?..
НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ
НОЧЬ ОПАСНА
ОТРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ
ПАССАЖИР БЕЗ БАГАЖА
ПРЕСТУПНАЯ НАТУРА
СМЕРТЬ ПО ЗАВЕЩАНИЮ
СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ
СТРИПТИЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ
ТРЕБУЮТСЯ ЖЕРТВЫ

ЧЕРНАЯ МЕТКА

АННА МАЛЫШЕВА

БЕСТСЕЛЛЕР

Ночь опасна

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М20

Серия «ЧЕРНАЯ МЕТКА»
выпускается с 1997 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

ISBN 5-227-01719-0

Глава 1

Он бывал в этом книжном магазине раз в неделю — не чаще. Это давно уже превратилось в традицию — обойти любимые отделы, окинув беглым взглядом полки, рассмотреть новинки... Если он что-то и покупал, то чаще всего в подарок. Матери — детектив, сестре — какой-нибудь роман на английском — та училась на переводчика. Трехлетнему племяннику Алеше — какую-нибудь яркую книжку, желательно с картонными страницами, чтобы труднее было порвать. Себе самому он редко делал подарки — книг и так скопилось столько, что впору подумать не о новых стеллажах для библиотеки, а о новой квартире.

В отделе подписных изданий у него была знакомая продавщица Таня — хрупкая блондинка с вечно разочарованными серыми глазами. Насчет ее возраста он колебался, но предполагал, что ей уже немного за тридцать. Скорее всего, они ровесники. И она тоже живет одна — это Олег знал точно, Таня сама как-то сказала. Наверное, девушка рассчитывала, что после такой откровенности он проявит к ней мужской интерес, но он пропустил эту информацию мимо ушей. Впрочем, она не обиделась.

— А, здравствуйте! — приветствовала она старого знакомого. — Вышел ваш маркиз де Сад. Еще два тома — какой-то роман.

Он перелистал книги и решил взять. Таня кривовато улыбалась, разглядывая у него через плечо иллюстрации.

— Разве интересно? — спросила она наконец.

— Ну конечно.

— А по-моему, чепуха. Я пробовала читать... И что все говорят: маркиз де Сад, маркиз де Сад! Ничего особенного.

Олег засмеялся и посоветовал ей меньше смотреть телевизор. После него все кажется пресным. Но Таня его уже не слушала. Она смотрела куда-то в сторону, и он вдруг заметил, что девушка вся как-то подобралась, будто кошка, заметившая мышь.

— Воруют? — Он понизил голос.

Таня как-то пожаловалась, что, несмотря на все меры предосторожности, у них в магазине пропадает очень много книг. Для опытных воров защитная маркировка — не преграда. Они просто сдирают ее — пилкой для ногтей, ножичком, а кто и просто острыми ногтями. Конечно, охрана на выходе иногда просит предъявить чеки на купленные книги, но эффекта никакого. Всех покупателей не проверишь...

— Нет, эта не ворует, — шепнула Таня. — Она по другой части... Нет, вы посмотрите только!

Ничего не объясняя, она бросила Олега и решительно направилась к высокой худощавой женщине в черном пальто. Та стояла спиной к ним, у дальних полок, и листала какой-то раззолоченный томик. Таня остановилась рядом с ней, дождалась, когда женщина поставит том на полку, и демонстративно извлекла его обратно. Быстро перелистала книгу, достала оттуда какой-то листочек размером

с визитную карточку и резко, со стуком вернула книгу на место.

Женщина следила за нею с каким-то странным выражением — не то жалобным, не то укоризненным. Олег встретился с нею взглядом. Приятное лицо, гладкая прическа, никакой косметики. Белый меховой воротник придает ей нечто наивное, детское. Женщине лет сорок — на первый взгляд... Одета прилично. Не воровка, но тогда кто же?

— Нате, почитайте! — Таня раздраженно сунула ему в руки листок из книги. — Чего они только не придумают!

Это и впрямь оказалась визитная карточка, напечатанная с помощью ксерокса на тонкой дешевой бумаге. Всем желающим предлагалось пройти на дому у опытного преподавателя курсы дикции и улучшить свое произношение. Номер московского телефона. Никакого имени.

— Она всегда кладет свои бумажки в русских классиков, — с возмущением добавила Таня.

Женщина в черном пальто давно уже покинула отдел, но Олег все еще ощущал на себе ее умоляющий, покорный взгляд.

Он положил карточку в карман:

— Ну что ж, это логично. Она же учит правильному русскому языку.

— По-вашему, это логично и правильно? — возмутилась Таня. — Все книги перероет, все переставит, перепутает, а покупатели потом находят вот это...

— Неужели жалуются?

— Да нет. — Девушка немного остыла. Таня всегда легко вспыхивала, но при этом быстро успокаивалась. — Просто меня это раздражает. Вы себе не представляете, сколько тут всяких ненормальных! Мы их уже всех в лицо знаем!

В подтверждение своих слов она указала Олегу на полного мужчину в потрепанной зеленой куртке. Тот, ничуть не скрываясь, стоял рядом с ними и сосредоточенно читал какую-то книгу. Аккуратно дочитав страницу до конца, он со вздохом закрыл том, поставил его на полку и записал что-то в маленький блокнотик. После чего, не подходя к кассе, покинул отдел.

— Это он записывает страницу, на которой закончил читать, — пояснила Таня. — Приходит каждый день и читает здесь. Страниц по тридцать прочитывает — хоть ты тресни! До трех часов он у меня, потом идет в другой отдел. Я намекала ему, что у нас магазин, а не читальня, но он же меня не слушает!

— Читать запрещено?

— Перегибать книги запрещено! — возмутилась она. — Книга же вида не имеет, если ее почитали! Так и будет на полке стоять — для него, любимого... И с визитками еще ходят — по крайней мере двое. Только я их поймать пока не могу. Визитки нахожу, а их в лицо не знаю. Одна сует про тантрический секс, вы представляете? Ну, эта трогает только восточную литературу. А есть еще кто-то — тот машинописные работы предлагает, дипломы.

— Да у вас тут целая масонская ложа! — пошутил Олег.

Шутка Тане не понравилась. Она мрачно сказала, что у них тут прежде всего магазин. Народу толчется много, а чтобы росли продажи — пока что-то не видно. Люди приходят, смотрят и уходят.

— А есть и вовсе психи, — обиженно сказала она. Было видно, что девушка принимает все досадные мелочи очень близко к сердцу, может быть, поэтому ее глаза всегда смотрели так разочарованно. — Например, когда у нас встреча с писателями, психи прямо в очередь становятся. Один ходит с открыткой. Что там

написано — никто прочитать не может, но адрес — генеральный прокурор России. Просит всех, чтобы подписали открытку. Ко мне тоже обращался...

— Вы подписали?

— Ага! — неожиданно призналась Таня. — Так, для хохмы. Он просто обалдел! Есть такие, которые тут пытаются собственными книгами торговать, а есть которые к писателям пристают, ругаются... Кого только нет! Я здесь чтобы книги продавать, а мне приходится возиться с этим дурдомом...

Олег посмотрел на часы. Он уже опаздывал — точнее, опоздал. Наступил час пик, значит, на машину рассчитывать нечего, обязательно застрянешь в пробке... Нужно ехать на метро, а это — две пересадки... Он попрощался с девушкой, наспех схватил какой-то детектив — для мамы — и торопливо ушел.

Нина отменила уже два свидания — причем подряд. Такого еще не бывало, а ведь они встречались больше года. Можно было строить какие угодно предположения — у нее в самом деле возникли срочные дела... Что-то случилось дома — заболел ребенок, например, или приехали родственники, или испортилась сантехника... Но раньше, если случалось нечто подобное, Нина всегда звонила ему заранее — хотя бы за полчаса до встречи. И тут же, по телефону, назначала новое время. А теперь...

И вчера, и позавчера он ждал ее в кафе, где они обычно встречались. Это было маленькое, уютное кафе, всего в несколько столиков, в одном из переулков возле Страстного бульвара. Они давно стали здесь постоянными клиентами. Олег обычно приходил первый, а спустя полчаса появлялась она — румяная, задыхающаяся от быстрой ходьбы — Нина всегда опаздывала и торопилась. Она бросала сумку на свободный стул, усаживалась напротив Олега и

радостно протягивала ему руки — ладонями кверху, как будто ожидая сразу двух подарков.

Если у нее было время, они почти сразу отправлялись к нему домой — Олег жил неподалеку. Но если Нина спешила — а это бывало часто, — они просто проводили полчаса в кафе, пили коньяк и обменивались новостями. Хотя бы несколько минут у нее всегда находилось... Но позавчера, когда он прождал ее в кафе почти час, она вдруг позвонила ему на мобильный телефон и упавшим голосом извинилась. Сказала, что находится на другом конце города. Срочное дело, ничего нельзя было предвидеть... Нет, сегодня никак не получится. Может быть, завтра? В то же время. Но и на другой день повторилось то же самое — с точностью до мелочей. Час пустого ожидания, две чашки кофе и ее звонок. На этот раз она говорила так неуверенно, будто заранее знала — он уже не очень ей верит. Опять срочное дело... Да, связано с работой. Она даже не думала, что так задержится, а теперь уже поздно... Ничего не выйдет. Может быть, завтра? То же место, то же время... Пока!

Она ничего не объясняла — да и каких объяснений он мог требовать? С того самого дня, как они познакомились, Нина дала понять, что терпеть не может оправдываться. Никто не имеет права читать ей мораль и чего-то требовать. Ни ее друзья, ни супруг, ни родители... Это единственное, чего она никому не прощает. Тогда это звучало забавно — да и Нина улыбалась, говоря об этом. Сейчас, когда Олегу в самом деле нужны были объяснения, было как-то не до смеха.

«Но, во всяком случае, она должна понимать, что три раза подряд — это уж слишком! — подумал он, сворачивая в знакомый переулок. Он пришел вовремя. — Если и сегодня не появится, ей все-таки придет-

ся объясниться. Мы взрослые люди, и если она решила со мной порвать — пусть скажет прямо... А то что это за детские увертки, в самом деле...»

Ее не было — хватило одного взгляда, чтобы в этом убедиться. Он взял обычный набор: коньяк, кофе без сахара. Достал из кармана сложенную газету, закурил. Дал себе слово не смотреть на часы, по крайней мере слишком часто...

Нина позвонила через полчаса. Услышав ее голос, такой ясный, будто она сидела за столиком, Олег с трудом сдержался. Ему хотелось сказать что-нибудь язвительное, например спросить, не перепутал ли он время. Может быть, они должны были встретиться завтра?

Но она заговорила так устало и грустно, что у него не хватило духу иронизировать.

— Ничего не получается, — сказала Нина. — Ради бога, прости.

— Случилось что-то серьезное?

— Да... Нет.

Она говорила как-то странно — уклончиво, будто с чужим человеком. Никогда он не слышал у нее такого голоса. Ему очень нравилась в Нине именно ее жизнерадостность — эта женщина почти все время улыбалась, шутила, представить ее усталой, раздраженной или плачущей он просто не мог. Олег давно заметил, что рядом с нею и другие люди начинали улыбаться — совершенно бессознательно. Ее оптимизм был так заразителен! А теперь от него и следа не осталось. Нина еле слышно предложила перенести встречу на другое время...

— На завтра? — переспросил Олег. Без иронии, уже с тревогой. Что-то случилось, а она не желает откровенничать.

— Нет... Завтра может быть то же самое.

— Нина, что происходит? Я ведь могу помочь!

— Нет-нет, ничего страшного, — перебила женщина. — Я бы попросила тебя помочь, но сейчас просто не нужно!

— Что-то с ребенком?

— Нет, Дианка здорова.

— С... мужем? — Он сделал паузу. О ее супруге они почти никогда не говорили. Запретная тема, да и к чему ее обсуждать? Нина как-то прямо сказала, что дорожит своей семьей и пусть Олег не обижается. Если их связь аморальна — то, во всяком случае здесь, только ее вина. И ревность тут неуместна. Если кто и должен ревновать, то это ее муж. А он все знает — не может не знать. Но молчит.

— Нет, все в полном порядке. — Нина помедлила. — Только, пожалуйста, не думай, что я хочу от тебя избавиться.

— Я и не думаю. Ты бы так и сказала.

Она как будто удивилась:

— Да, ты думаешь? Наверное... Знаешь, я сейчас тороплюсь и просто не могу сообразить, когда у меня будет время. Давай я тебе перезвоню, чуть попозже?

— Завтра?

— Может быть, сегодня.

И снова этот уклончивый, странный тон. Олегу показалось, что где-то на заднем плане он слышит еще чей-то голос. Мужской. Мужчина говорил очень быстро, и скорее всего, это было радио или телевизор. Она звонит из машины или из дома.

И тут он испытал приступ самолюбия. Отменялась третья подряд встреча, а четвертая была под большим вопросом. Она даже не знает, когда ему позвонит. Ничего не обещает. Впрочем, она никогда ничего и не обещала. Вот уже год он жил по ее графику — являлся на свидания, когда у нее было

время, звонил, когда она разрешала, ни о чем не спрашивал, ничего не просил. Собственно говоря, чего ради? Год назад ради Нины он расстался с другой женщиной, а ведь все считали, что они, в конце концов, поженятся. С той все было с точностью до наоборот — это она к нему подстраивалась, боялась задавать вопросы и диктовать условия. Мало-помалу он начал ее за это презирать. Потом перестал выносить. Что сейчас происходит с Ниной?

— Завтра я не смогу, я уеду, — твердо сказал он. — Возможно, на неделю.

Молчание в трубке. Тихий вопрос: куда он едет?

— Далеко. В другой город.

— Ты не говорил об этом...

— Иначе ты бы сегодня пришла?

Пауза. Нина вздохнула:

— Ты обязательно хочешь встретиться сегодня? Я освобожусь поздно. Может быть, в полночь. И буду уже совсем никакая.

Олег ответил, что полночь — хорошее время. Правда, это кафе закроется, но они могут пойти куда-нибудь еще. В районе Мясницкой всегда можно куда-нибудь попасть. И в этот час еще не поздно заказать столик в ресторане.

Она поколебалась и неожиданно согласилась:

— Ладно, в полночь, если ты уезжаешь. В самом деле, нужно бы поговорить. Только давай не в кафе? У меня будет мало времени.

— Так что, на улице?

Нина задумалась и наконец сказала, что удобнее всего будет увидеться в районе Чистых прудов. Можно даже на берегу пруда на лавочке — напротив того ресторана, где они бывали полгода назад. А потом они просто посидят у него в машине и поговорят. И он отвезет ее домой, хорошо?

Нажимая кнопку отбоя, он подумал, что Нина все-таки незаурядная женщина. Ну кто еще назначил бы ему свидание в полночь, на улице, да еще в такую погоду? Ведь того и гляди пойдет снег. Она просит отвезти ее домой — значит, будет не на машине. Машина только у ее мужа, а сама Нина садится за руль очень редко и водит плохо. Значит, она придет пешком или приедет на такси.

Впрочем, придет ли? Он допил коньяк и подумал, что ждать в теплом кафе — одно дело, мерзнуть ночью на берегу пруда, рискуя назавтра свалиться с ангиной, — совсем другое. Но если она опять его обманет — это будет уже в последний раз. Всему есть предел.

* * *

Ноябрь, деревья на бульваре оголились. Истоптанные газоны покрыты ледяной коркой, на дорожке — затвердевшие к ночи лужи. Он ступал осторожно, чтобы не поскользнуться. Здесь было темно, область света кончалась за чугунной оградой. Там даже в этот час было движение, какая-то жизнь. Грузно, медленно прогрохотал трамвай — поздние пассажиры сидели отчужденно и неподвижно, как восковые куклы. Горели неоновые рекламы ресторанчиков — их тут было особенно много. По тротуару шел парень с овчаркой на длинном поводке. В какой-то момент они поравнялись — парень там, на свету, он здесь, во тьме. И Олегу приятно было знать, что тот его не видит, тогда как сам виден превосходно. А если парень что-то и разглядит, то это будет всего лишь силуэт в пальто. Без лица, без возраста и примет. Кроме него, на дорожке никого не было. Он обернулся к началу бульвара и убедился — никого. Только черный силуэт памятника — да-

леко, у метро. Там он оставил свою машину — специально, чтобы Нина прошла с ним весь обратный путь. У них будет время поговорить — все-таки это совсем не то что за рулем. Конечно, если она все-таки придет, не испугавшись времени и места.

Нина должна ждать его дальше — там, где морщится на ветру оранжево-черный ночной пруд. Заметив сидящую на одной из скамеек фигуру, Олег прибавил шагу. Как будто она. Голова опущена, подбородок зарылся в меховой воротник. Сумка стоит на земле — как будто совсем не нужна хозяйке. Ему пришлось подойти вплотную, чтобы убедиться — эту женщину он не знает. Олег даже хотел извиниться — чего доброго, решит, что к ней пристают.

Но она сидела так смирно, удивительно спокойно на резком, ледяном ветру. Как будто спала с открытыми глазами — такими же оранжево-черными, как и вода в пруду от света фонарей. Он все-таки извинился — она не ответила. Ветер взъерошил ее белый меховой воротник, и вот тут он заметил тонкую, уже запекшуюся струйку крови, перечеркнувшую круглый подбородок.

«Помада... — подумал он. Мысли были странные, текучие, будто во сне. — Размазалась помада». Но помады на губах у этой женщины не было. Прямой, застывший взгляд, тщательно приглаженные темные волосы. На ветру метался и бился отделившийся от пробора одинокий волосок. Хотелось протянуть руку и успокоить его, раз уж сама хозяйка...

«Да ведь она мертва!» Олег выпрямился и огляделся по сторонам. Никого, черт возьми! Некого позвать на помощь! Что делать? Выскочить на проезжую часть и голосовать машинам? Бежать в ближайший ресторанчик? Уже за полночь, машин все меньше. Ближайшую милицейскую машину можно

найти у метро, а отсюда туда минут десять — и то бегом. Если бросить эту женщину, с ней может что-нибудь случиться.

«С ней уже ничего не случится. — Раздавшийся в голове голос был неожиданно спокойным и ироничным. — Она ведь умерла. Самое большее — могут украсть ее сумку и освободить от пальто. И все-таки лучше далеко не отходить. Где Нина? Это она должна была прийти сюда!»

И тут, немного успокоившись, он понял, что нужно делать. Достал телефон и набрал номер. Вызвал патруль, объяснив, что именно произошло, назвал точное место. Пока ехала машина — а она прибыла минут через семь, не позже, — Олег сидел на другом краю лавочки и курил сигарету за сигаретой. Всего он успел уничтожить три штуки. Время от времени он косился на женщину, будто надеясь, что она вдруг оживет. Оглядывал бульвар — не идет ли Нина? Если она опоздает, то явится одновременно с патрулем. Да, четвертое свидание тоже сорвалось. Почти. Он, конечно, встретился с женщиной, но совсем не с той...

Ему вдруг захотелось сбежать. Он начинал бояться этой оцепеневшей фигуры, уже безразличной ко всему на свете — в том числе к своему соседу по скамейке. Она умерла, это ясно, но почему? Что случилось? Сердечный приступ? А эта кровь на подбородке? Кровоизлияние в мозг? Наркотики он отмел сразу — не тот возраст, не тот социальный слой. По виду она, скорее всего, скромная служащая, может быть, учительница. Что-то в этом роде. Убийство? Но как же ее убили? И почему она сидит в такой спокойной позе? Явно не ограбление — иначе исчезла бы сумка...

Он нагнулся и поднял сумку с дорожки. Она была раскрыта. Олег заметил внутри щетку для волос, носовой платок... Блеснул светлый кожаный бок ко-

шелька. Да, не ограбление. И еще внутри маячила пачка нарезанной бумаги. Он раскрыл сумку пошире, вгляделся, достал один листок.

И вскочил, вглядываясь в ее лицо. Она! Как же он не узнал! Быть не может — но тем не менее это та самая женщина из магазина, которая сегодня прятала в книгах свои визитки! Точно такая же визитка лежала у него в кармане пальто — он взял ее у Тани.

«Господи помилуй! Вижу ее второй раз в жизни, и вот она мертва!» Он вспомнил магазин и нервные, быстрые движения, которыми эта женщина перелистывала книги. Поймав ее загнанный взгляд, он ощутил укол жалости. Таня была с нею резка, может быть, жестока — ну какой вред могла принести эта скромная дама, вкладывавшая в книги свои рекламки? Может быть, у нее просто не было другой возможности заявить о себе. Может быть, объявления в бесплатных газетах не давали эффекта. Или она предпочитала именно такой вид рекламы. Что ни говори, а человек, покупающий определенные книги, — уже потенциальный клиент. Кто-то вкладывает свои рекламки в восточную литературу, кто-то — в русскую классику. Интересно, сколько клиентов ей удавалось найти таким образом? Во всяком случае, она не бедствовала. Пальто почти как у Нины — а та в деньгах не нуждалась. Сумка из натуральной кожи. Что с ней случилось, почему она оказалась здесь в такое странное время? Когда приехала патрульная машина, Олег первым делом признался, что держал в руках сумку покойницы — на тот случай, если заинтересуются его отпечатками. Он сказал, что гулял перед сном, — это почти было правдой. Назвал свой адрес, предъявил документы. В самом деле, он был прописан неподалеку. Особого интереса к нему не проявили, и он был этому рад. Если бы пришлось

говорить о Нине... Какое право он имеет впутывать в это замужнюю женщину? Она может сколько угодно говорить, что муж все знает, но ей было бы неприятно...

А Нина так и не появилась. Когда Олег, уже после часа ночи, садился в свою машину, он подумал, что стоит ей позвонить. Но не решился это сделать. Руки дрожали — нервы, ночной холод. Поздно звонить. Она бы и сама позвонила, но если не сделала этого, значит, была занята более важными делами. Кажется, это конец. Стоит ли назначать пятое свидание?

* * *

Он решил ей не звонить. Достаточно. Вполне достаточно. Она слышала, что завтра он уезжает, и поняла намек, что в последующие дни они не смогут увидеться. Если все это хоть сколько-то для нее важно — она позвонит сама этой же ночью. Хотя бы для того, чтобы извиниться перед человеком, который ждал ее в полночь на зимнем ветру. Они не дети, и ни о какой любви между ними не было сказано ни слова. У обоих это не первый роман. У нее — муж и ребенок. У него — в общем ничего. Первый брак распался так давно, что он забыл лицо той женщины. Не осталось ни детей, ни материального ущерба, ни даже моральных травм. Они поженились еще такими молодыми, что не представляли, как два человека могут жить вместе. Последние лет шесть они не виделись. Ее имя он вспоминал только тогда, когда приходилось перелистывать свой паспорт, где стояла отметка о браке.

Нина не позвонила. В шестом часу утра пошел снег — первый в этом году. Он выключил видео, которое смотрел всю ночь, и лег спать. Через три

дня нужно сдавать в издательство готовый перевод, а работы осталось на неделю. Значит, нужно выспаться, а потом выпить кофе, обо всем забыть и сесть за компьютер. В общем, он не лгал Нине, когда говорил, что уедет. Ближайшие дни он проведет в Нью-Йорке — том городе, где происходило действие переводимой книги. Если она позвонит, он скажет, что у него нет времени.

Когда он открыл глаза, в комнату вливался ослепительный белый свет. Занавески были не задернуты, а за окном — зима. Настоящая зима — он видел, как там невесомо летают снежные хлопья. Почему он проснулся? Будильник не заведен, телефон молчит. Время... Чуть за полдень. Можно еще спать и спать.

В дверь снова позвонили. Тогда он понял, что его разбудило, и тихо выругался. Это могли быть адвентисты седьмого дня — первый раз они явились месяц назад и продолжали приходить по сей день, потому что у него ни разу не хватило духу послать их ко всем чертям. Все-таки они разговаривали вежливо, личной неприязни к этим пожилым женщинам он не питал... Наверное, они сочли его колеблющимся и потому никак не хотели оставить в покое. Это могли быть соседи снизу — неужели он опять их залил?! Сифон на кухне давно пора поменять, но все нет времени сходить в домоуправление за сантехником. Это могла быть сестра — вечно ей не хватает до зарплаты...

Но это оказалась Нина. Растерзанная, в расстегнутом пальто, на запястье криво мотается сумочка... Распахнув перед ней дверь, он на миг уловил слабое сходство с той женщиной на Чистых прудах. Немудрено, что сперва он их перепутал. Пальто похоже, и цвет волос, и манера причесываться...

— Можно? — задыхаясь, спросила она. Бежала или лифт опять не работает?

Олег отступил, и она вошла, захлопнула за собой дверь.

— Я так и знала, что никуда ты не уехал, а просто обиделся. Куда ты поедешь, если у тебя перевод не сдан, сам жаловался... — быстро проговорила она. — Ты один?

— Ну да... Я спал. — Он растерялся. Без приглашения она никогда не приходила.

Нина сняла мокрое от снега пальто, бросила его на вешалку. Избавилась от сумки, сняла сапожки. Дрожащей рукой провела по волосам:

— Можно пройти? Спасибо... Ты извини, я вчера опять опоздала...

— Ты все-таки была на Чистых прудах?

Он вошел в комнату вслед за нею. С Ниной творилось что-то странное — можно было подумать, что она пьяна — так ее покачивало.

— Да, я была. Я приехала позже, — невнятно произнесла женщина, опускаясь на край разобранной постели.

— Когда?

— Я не помню... — Она подняла взгляд. — Но тебя там уже не было. Там никого не было.

У Нины вздрогнули плечи, и она сжалась. Теперь он был уверен — с ней что-то происходит. И она всячески пытается это скрыть.

— Дай мне сумку, — попросила она.

Когда Олег принес ей требуемое, из сумки появилась ополовиненная фляжка коньяка. Он поморщился — все-таки пьяна. Время — чуть за полдень, а она успела выпить полбутылки.

— Я простудилась, — заявила женщина, будто оправдываясь. Свинтила крышечку и жадно припала к бутылке. Аккуратно промокнула губы обшлагом блузки. Точно, совершенно пьяна. Только глаза

почему-то остались трезвыми — ясные, прозрачные и ужасно напуганные. В таком состоянии он никогда ее не видел.

— Где же это тебя угораздило? На Чистых прудах? — Он присел рядом на постель. — Неужели ждала меня там?

Нина ответила, что пробыла в назначенном месте несколько минут. Только чтобы убедиться, что Олега там уже нет. А он в самом деле там был? Она еще раз просит прощения...

Еще несколько глотков. Уровень коньяка угрожающе понизился. Олег решился и отнял у нее бутылку.

Нина опомнилась:

— Да, угощайся. Принес бы стаканчики... Как у тебя пыльно! Ты вообще тут живешь?

— Ты зачем так напилась? — Он тронул ее руку. Та была очень холодной — как будто Нина только что возилась в свежевыпавшем снегу. Лепила снеговика, например. — Что случилось? Почему ты здесь, ты же работаешь...

Она не дала ему договорить, хрипло засмеялась:

— Да черт с ней, с работой! Неужели я не имею права напиться?! Может быть, это для меня единственный выход!

— Это что-то новенькое. С мужем поссорилась? Ты вообще дома ночевала?

Теперь он заметил у нее под глазами следы смазанной туши. В углах губ — остатки помады. Нина или спала в косметике, или вовсе не ложилась. И эти ледяные руки, и промокшие насквозь сапожки — они сиротливо стояли на пороге комнаты, и вокруг них уже образовались лужицы.

— Нет, не дома, — с вызовом ответила она. — С какой стати ты меня допрашиваешь? Ты мне не муж.

— Я не допрашиваю. Но у тебя же ребенок...

— С ним все в порядке, — жестко сказала Нина. Теперь она выглядела совершенно трезвой. — И мой муж за меня не волнуется. Очень мило, что ты беспокоишься о моей семье.

Он решил не отвечать ничего. Что бы он ни сказал, Нина восприняла бы его слова в штыки. С тех пор как любовница переступила порог, она ни разу не улыбнулась. Он ее просто не узнавал.

— Стакана ты не даешь, — заметила она, как бы про себя, и лихо допила оставшийся в бутылке коньяк. Это никак на нее не подействовало — она как будто воды глотнула. Пустую бутылку Нина уронила на подушку. Достала сигареты, неловко закурила. Руки плохо ее слушались, взгляд остановился.

Олег подумал, что она вот-вот отключится, уснет. Наверное, это будет лучше всего — дать ей выспаться, а уж потом будет видно. Сейчас с ней бесполезно разговаривать. Нина почему-то злится, хотя и явилась без приглашения.

— Я полночи просидела в каком-то кабаке, потом у меня кончились деньги, — неожиданно сказала она. — Ночью везде такие цены... Я ведь не думала, что у меня будут расходы. Потом ходила по городу, ездила в метро... Ты знаешь, когда так замерзнешь, в метро тоже холодно. Вот купила на оставшиеся рубли коньяк... Пришла к тебе. Если хочешь — могу и уйти.

Эта речь его поразила. Нина говорила жалобно, как будто просила пощады.

— Да совсем я этого не хочу. — Он пытался говорить шутливо. — Наоборот, я вот уже три дня никак не мог с тобой встретиться. Наконец-то получилось.

Нина потерла виски, подняла на него пустой взгляд и вдруг заплакала. Всхлипывая, она говорила, что и сама хотела с ним увидеться, очень хотела! Пусть

он не думает, что она решила от него сбежать! Каждый раз, назначая свидание, она верила, что сумеет прийти! И каждый раз не получалось!

— Я все тебе расскажу, — сдалась она. — Только пообещай, что я могу здесь остаться! Ладно? Мне больше некуда пойти!

Эта просьба потрясла его. У Нины была очень обширная московская родня — Олег слышал множество историй об их семейных неурядицах. Теперь же выяснялось, что Нина оказалась круглой сиротой.

— Конечно, живи у меня, — ошеломленно согласился он. — Значит, ты все-таки ушла от мужа...

«Не из-за меня? — мелькнуло в голове окончание фразы. — Не может быть, чтобы из-за меня! Разве она так в меня влюблена, чтобы бросить семью, ребенка? Скорее всего, поссорились, а я у нее вроде громоотвода...»

Мысль была не слишком приятная. Он никогда всерьез не думал о том, что они с Ниной могут жить вместе. Встречаться — да, сколько угодно. Но ворваться вот так, попросить прибежища...

Женщина вытерла слезы:

— Можно остаться? Ох, слава богу! Я знала, что ты меня не выгонишь! Жалко, что не пришла к тебе сразу... Но я боялась. Я несколько раз хотела вернуться домой... Но теперь мне туда возвращаться нельзя.

Он спросил: почему? И Нина ответила, что ее хотят убить.

Глава 2

Еще три дня назад у нее было слабое подозрение, но теперь это точная уверенность. Ее хотят убить, и это обязательно сделают, если она появится дома, на

работе или еще в каком-то известном всем месте. Его квартиру она пока считает безопасной — ни одной живой душе она не говорила, где живет Олег.

Он только развел руками:

— Слушай, это бред! Тебя — убить?! Ты просто напилась!

— Коньяк тут ни при чем! — Она перехватила его взгляд — Олег покосился на бутылку. — Я и напилась потому, что меня хотели убить. Мне было так страшно! Конечно, пить не стоило... Но иначе я просто не вынесла бы...

— Да о чем ты говоришь?! Кто хочет тебя убить? — Он спрашивал уже с опаской. Мелькнула мысль, что Нина не в себе. Да, возможно, что коньяк тут ни при чем. Тогда... Мания преследования? Ну кто, в самом деле, может всерьез пожелать ей смерти? Нина столько рассказывала ему о себе, но ни разу не обмолвилась, что у нее есть хотя бы один враг — даже самый незначительный. Она была потрясающе оптимистична и предпочитала видеть в людях только хорошее. Но сейчас... Это бледное, иззябшее лицо, загнанный взгляд, ледяные дрожащие руки...

— Я не знаю, кто это... — жалобно выдавила Нина. — Я его не разглядела.

Олег с трудом сохранял спокойствие. Даже если она паникует напрасно, все равно творится что-то неладное. Каждый может ошибаться, особенно если совесть нечиста. Если Нина чего-то боялась, она вполне могла вообразить, что ее пытаются убить.

— Значит, ты этого человека не видела? — мягко уточнил он.

Нина помотала головой и потянулась к пепельнице с окурком:

— Нет! Да разве нужно видеть, чтобы знать? Не смотри на меня так, я знаю, что говорю! Это нача-

лось три дня назад. Помнишь, когда я первый раз не пришла в кафе? Все из-за этого...

...Три дня назад она, пользуясь воскресной свободой, весь день просидела дома. Муж уехал еще с утра — на дачу к другу, у того был юбилей. Дочку он забрал с собой, чтобы ребенок подышал свежим воздухом. Нина ехать отказалась, причем предупредила об этом заранее, сославшись на усталость и накопившиеся дела по дому. Она в самом деле успела приготовить суп, кое-что постирать и вытереть пыль. Все остальное время она смотрела телевизор и делала косметические процедуры. Свидание было назначено на шесть вечера — обычный час, а встала она рано, чтобы проводить семейство на дачу.

После полудня она устала и прилегла на диване вздремнуть. Ей мешал работавший телевизор, она помнит только, как нащупала пульт и нажала на кнопку...

С трудом открыв глаза — часа через два, — Нина обнаружила, что не может поднять голову. На веки что-то давило, дышалось тяжело, ее мутило при каждом движении. Она не понимала, что происходит, и поэтому сразу не испугалась. Ей удалось сесть, но когда она встала — сразу опустилась на ковер, больно ударившись коленом. Голова кружилась, перед глазами все расплылось. Нина с трудом дотащилась до кухни и тут, наконец, ощутила назойливый, мерзкий запах газа, наполнивший квартиру. Она ахнула, увидев, что один газовый кран не завернут, и услышав нежное шипение, исходящее из-под остывшей кастрюли с супом.

— Я все выключила, открыла окно... Господи, я была чуть жива! Но я же помню, что выключила газ!

Олег слушал сочувственно и не перебивал. Он понимал, что она, скорее всего, рассказывает чис-

тую правду — Нина выглядела слишком взволнованной, а вспоминая о запахе газа, непроизвольно морщилась, будто все еще продолжала его ощущать.

— Чтобы все проветрилось, пришлось держать окно открытым до вечера. Ты понимаешь, приехать в кафе я уже не могла. Меня все время тошнило.

Когда вернулись ее муж с дочкой, Нина почему-то не решилась рассказать им о случившемся. Она и сама не знала, что подумать. С одной стороны — твердая уверенность, что газ она выключила, едва доварился суп. Она никогда не забывала этого сделать — ни разу в жизни. С другой стороны... Кран все-таки оказался открытым.

— Даже подумала: а вдруг я лунатик?! Вдруг я уснула, во сне встала, пошла на кухню и открыла газ? Не улыбайся! — нервно воскликнула Нина, хотя он и не думал смеяться. — У моей знакомой старшая сестра впала в старческий маразм... Она и не такое выделывает, причем не во сне. Неделю назад подожгла занавеску... Ну да черт с нею.

— Разве ты когда-нибудь ходила во сне?

— Да что ты, никогда в жизни. Я и сны-то редко вижу.

Ей оставалось только списать все на собственную рассеянность. В конце концов, все кончилось довольно благополучно, и она решила не пугать супруга. А в будущем быть повнимательнее.

— Это все было в воскресенье. А в понедельник я опять не пришла — помнишь?

А ведь она почти добралась до переулка, где располагалось кафе. Перед этим Нина побывала в одном из центральных магазинов, купила дочери давно обещанную игрушку — у той приближался день рождения. Она пораньше ушла с работы и рассчитывала всюду успеть. К кафе она обычно добиралась на такси или от

метро пешком, а в этот раз пошла новой дорогой и едва не заблудилась в кривых, петляющих переулках. Шел дождь, пришлось открыть зонтик. Нести его было страшно неудобно, потому что порывистый ветер то и дело норовил вывернуть зонт наизнанку. Наверное, поэтому она не сразу заметила ту машину.

— И как я успела отскочить! Не иначе Бог спас! — воскликнула она.

— Ты хочешь сказать, что тебя пытались задавить?!

Олегу вдруг стало холодно. Или она в самом деле сошла с ума, или... Все это правда?!

— А что еще, по-твоему, эта машина делала на тротуаре?! На проезжей части места было достаточно, машина была всего одна!

Наверное, автомобиль вынырнул из какого-то бокового переулка или же нагнал ее сзади... Она не видела — как раз боролась с зонтом, сумкой да впридачу с неудобным пакетом из игрушечного магазина... Шум мотора Нина даже не услышала — скорее ощутила краем уха, затылком, каким-то добавочным чувством. Нина даже обернуться полностью не успела, даже закричать не смогла. Увидев перед собой бампер — уже на тротуаре, она отшатнулась в сторону и вжалась в глухую кирпичную стену. Машина немедленно свернула с тротуара на проезжую часть и исчезла за поворотом. Нина стояла оцепенев, уронив зонтик и все, что было в руках...

Машина не вернулась. Нина собрала с мокрого асфальта вещи, постояла немного, приходя в себя... И почти бегом двинулась обратно к центру. Предстоящее свидание просто вылетело у нее из головы. Она вспомнила о нем только дома.

— Слушай, тебе не привиделось? — перебил Олег. — Машина в самом деле въехала за тобой на тротуар?

— Ну да, она чуть не чиркнула по стене, когда разворачивалась. Или чиркнула — я уж не помню... Я просто глазам своим не верила! Меня хотели задавить!

— Машина знакомая?

— Нет, кажется, нет. Я ее даже толком не разглядела. Темная, синяя или зеленая... Грязная такая... — растерянно сказала Нина.

— У вас тоже синяя машина, и в такую погоду они все грязные. Короче, машина тебе незнакома, ну а водителя разглядела?

— Какого водителя! — рассердилась она. Теперь она казалась совершенно трезвой. — По-твоему, у меня было время что-то разглядеть?! Это длилось пару секунд, а потом она уехала!

— Но хотя бы сколько там было человек? Один или несколько? Может, пьяные заехали на тротуар?

— Ага, в пять часов, в понедельник, перепутали стенку с поворотом! — усмехнулась Нина. — Трезвый он был, я уверена. Просто хотел меня задавить.

Олег развел руками:

— Ну, я же этого не видел... Приходится верить на слово.

— Вот и поверь. — Она как будто обиделась. — Я пока не сошла с ума, если ты это имеешь в виду. И вообще, это свинство не верить, если я тебе клянусь! Он хотел размазать меня по стенке, точно тебе говорю! И никто бы его не нашел! В этих чертовых переулках никого никогда не встретишь!

— Значит, свидетелей нет?

— Если б были, я бы милицию вызвала. А так... — Она вздохнула. — Я ведь не пострадала, меня не задавили, не обокрали. Говорить вроде не о чем, и номера машины я тоже не заметила. Ну какие приметы я могу дать? Даже ты смеешься...

— Ну ладно, это было в понедельник, — нахмурился он. — В самом деле, для двух дней два таких случая — многовато. А что случилось вчера?

После того как ее чуть не задавили в безлюдном переулке, Нина просто не знала, что думать. Вот уже второй раз подряд смерть подходила к ней так близко — совсем вплотную. Она немедленно припомнила воскресный нелепый случай с газовой горелкой и почему-то никак не могла отвязаться от этой мысли. Она выключила газ — даже если сознание этого не зафиксировало, то ее рука и привычка сделали свое дело. Она выключала газ в течение тридцати лет — так почему именно вчера дала такую нелепую осечку? А на другой день ее чуть не задавили. Случайный наезд, мокрая мостовая, в самом деле пьяный водитель? Но для этого он слишком ловко развернулся и умчался прочь. Псих, сумасшедший? Может быть. Однако разве он мог попасть в ее квартиру, чтобы отравить ее газом? Машина и газ — это слишком разные вещи. Но почему же все это случилось подряд — одно за другим?

— В конце концов я решила, что у меня просто наступила какая-то черная полоса и мне лучше никуда не соваться и вести себя осторожно, — призналась Нина. — Ну бывает же, что человеку вдруг перестает везти, на него валятся все несчастья сразу... Но после того случая...

Вчера днем она, как обычно, сидела на своем рабочем месте в офисе и разбирала поступившие документы. Первое образование Нина получила в Институте культуры и собиралась работать в библиотеке. Однако выйдя замуж, освоила новую профессию — работала в фирме мужа и параллельно училась на бухгалтерских курсах. Она частенько с улыбкой повторяла, что в профессиональном плане всегда была придатком к

кому-то или к чему-то. Именно поэтому и оберегала так ревниво свою свободу в личной жизни.

— Понимаешь, сижу это я, копаюсь в своих бумажках и вдруг звонок, городской. Беру трубку, а там кто-то говорит, да так быстро: «У вас из-под двери дымом тянет, уже вся лестница в дыму, приезжайте скорее! Пожарных уже вызвали, они сейчас дверь сломают!» Я, сам понимаешь, все швырнула и помчалась к Кольке в кабинет. А он полчаса как уехал к партнерам. Ну что делать?! Слава богу, машину он оставил, ключи мне с утра забросил. Я за руль — и домой. Мне уже представлялось, что плита взорвалась. А что?! Ведь накануне было такое... Про ту проклятую машину я уже и не думала!

Однако, подъехав к родному дому, Нина не обнаружила никаких пожарных машин. Паники тоже не наблюдалось — у подъезда спокойно беседовали две молодые мамаши с колясками, рядом гулял с палочкой знакомый старичок — он жил этажом ниже. Нина, не веря своему счастью, вбежала в подъезд, убедилась, что дымом и не пахнет... Она уже поднялась на второй этаж — нужно все-таки взглянуть на квартиру... И тут ее что-то остановило. Возможно, то самое чувство, которое заставило ее вчера обернуться и в последний момент спасло от машины-убийцы.

— Мне вдруг стало нехорошо, только не физически, а как-то так... Гадко, холодно. Этот голос по телефону — он был такой тревожный. Мужчина тараторил как в истерике, будто дом уже пылает. А тут — все тихо, чисто. Значит, что? Ложная тревога? Обман? Зачем?

Она нервно вздохнула:

— Понимаешь, в шутку я сразу не поверила. Взрослые люди так не шутят. Значит, что получается? Муж у меня уехал по делу, дочь в школе. Время — час дня.

В квартире — никого. Я поднимусь, войду... А если там меня кто-то ждет? Тут мне и газ припомнился — кто-то же вошел и открыл кран, когда я спала! Теперь я уверена — это сделал кто-то другой, не я!

— И ты не пошла наверх? — напряженно поинтересовался Олег.

Нина с трудом растянула губы в улыбку — та получилась неузнаваемой, кривой.

— Нет, я пошла. Тихонько так, на цыпочках. И все время смотрела наверх... Там никого не было. А у своей двери остановилась, так, чтобы меня в глазок не было видно. Постояла, послушала. Я, наверное, минут пятнадцать там стояла как дура, у собственной квартиры... Так и не решилась открыть дверь.

Точнее, она решилась. Уже почти решилась, когда из-за двери донесся слабый, но очень знакомый звук. Скрипнул паркет — кто-то топтался за самой дверью, переминаясь с ноги на ногу. Там, внутри, уже устали ее ждать.

Она замолчала и вынула из пачки еще одну сигарету — последнюю. Зябко повела плечами:

— А у тебя не жарко... Хотя мне почему-то везде холодно. Никак не могу согреться — трясет со вчерашнего дня. Можно я приму ванну?

Олег наконец очнулся. Завершение ее рассказа повергло его в такой шок, что он долго не мог заговорить. Но тут его прорвало:

— Нина, но тебе же могло показаться! Скрипел паркет, большая беда! У меня тоже скрипит, он просто рассыхается!

Та чиркнула зажигалкой:

— У нас скрипит по-другому. Там у самого порога неважно пригнана доска. Как наступишь — она скрипит. Меня это ужасно раздражает. Но если не наступать — она и не шелохнется.

— Значит, послышалось! Ты хотела что-нибудь услышать и услышала!

В ответ на это женщина совершенно спокойно ответила, что слух у нее в полном порядке. А также зрение, обоняние и прочие органы чувств. И она уверена — кто-то там, за дверью, был.

— Но ты, конечно, не стала это проверять?

— Я что — самоубийца? — Она вскинула голову и пристально посмотрела на него. — Ты мне не веришь, по глазам вижу. Ты думаешь, что никого в квартире не было.

— Почему ты не обратилась к соседям, не позвонила мужу? Можно было просто вызвать милицию!

— А что бы я сказала соседям? Что боюсь идти домой? У Коли были важные переговоры, и он все равно не смог бы приехать. А милиция... — Она невесело засмеялась: — Представляю себе свой звонок! Третий день хотят убить, а сейчас заманивают в собственную квартиру! Да кто бы стал меня слушать!

— Ну и что ты сделала?

— Свалила оттуда, вот что! Вернулась на работу и оттуда позвонила домой. Никто, конечно, не отвечал.

— Ну а за дочку ты не боялась? Она-то должна была прийти домой после школы!

Нина покачала головой:

— Не домой, а в свою художественную студию. Ребёнок возвращается домой позже нас всех. И мы всегда забираем ее из студии на машине.

В самом деле, Олег припомнил — дочь Нины занималась сразу в четырех кружках, где пытались развивать ее художественные наклонности. Девочка танцевала, пела, рисовала и училась какому-то изящному рукоделию. Он никогда не встречал этого ребенка, но, судя по снимкам, которые ему както показала Нина, этой бледной худенькой девочке

больше всего нужен был полноценный отдых, а не развитие художественных наклонностей. Но кем он был для нее, чтобы давать такие советы?

— Во всяком случае, когда мы все втроем вернулись домой, там уже никого не было, — сказала Нина. — В кафе после работы я, сам понимаешь, не поехала. Уж ты меня прости, но меня волновало кое-что другое.

Он с готовностью ее простил. Женщина сказала, что, едва войдя в квартиру, тщательно осмотрела паркет, все следы на нем, проверила расположение и наличие всех мелочей... Казалось, все было так, как она оставила утром. И никаких следов.

— А что ты ожидала там найти? — удивился Олег.

— Ну, если он был в мокрой обуви...

— Он мог приехать на той самой машине, которая чуть тебя не убила. — Олег невольно включился в игру. — А потом, почему ты уверена, что это мужчина? Ты же не видела водителя... Хотя да, голос по телефону... Голос ты тоже не узнала?

— Да я бы и твой не узнала, если бы ты так тараторил и сообщал такие ужасы! — отмахнулась она. — Не узнала и вряд ли узнаю. Короче, все. Тьма. Знаю только одно — меня кто-то хочет убить.

— Как же ты не побоялась назначать мне свидание на полночь? — удивился он. — Ты пришла туда пешком? Неужели решилась ловить машину?

— Я вызвала такси. Да не в этом дело! Раньше полуночи я просто не могла освободиться. Понимаешь, Коля тем же вечером уехал в командировку — они наконец пускают новую линию на заводе. У него самолет улетал в одиннадцатом часу. Ну, мы с Дианкой отвезли его в аэропорт, а потом, на обратном пути, я забросила ее к маме. Дите, конечно, возмущалось, но я обещала, что целую неделю она не бу-

дет ходить в свою студию. Она все эти кружки просто ненавидит!

— Значит, дома у вас никого сейчас нет?

Она кивнула:

— Я сразу решила — раз уж тот тип знает, как попасть в квартиру, — мне там нечего делать. И ребенку там нельзя оставаться. Вдруг он переключится на Дианку? Я же не знаю, почему он на меня взъелся!

— И тем не менее ты всю ночь моталась по городу?! — воскликнул Олег. — А если он за тобой следил? Ты не подумала, как легко ему будет убить тебя после полуночи, на Чистых прудах, где в такое время ни одна собака не...

Он осекся. Нина снова отмахнулась и принялась что-то объяснять. Краем уха он слышал, как она убеждает не то его, не то себя: никто не следил за их машиной ни по дороге в аэропорт, ни потом, на обратном пути, — она была настороже. Прежде чем завезти Дианку к матери, она нарочно петляла, выдумывала самые невообразимые маршруты — и никто за ней не ехал. Машину она оставила на платной стоянке, а без машины, просто по силуэту, тот человек не смог бы ее вычислить. Подозревать таксиста — это нелепость, тогда уж нужно подозревать всех. А ночью на Чистых прудах для нее теперь намного меньше опасности, чем дома, в собственной постели, за запертой дверью...

Он слышал ее, но как-то отстраненно — как радио с приглушенным звуком. Олег снова увидел ту фигуру, замаячившую впереди, на скамейке. На земле, рядом с чуть подвернувшимся на сторону маленьким сапожком, — раскрытая сумка. Черное пальто с меховым воротником — Нина повесила в прихожей почти такое же, только марка подороже и фасон по-

новее. Гладко причесанные темные волосы и распахнутые, отражающие огненно-черный пруд глаза...

— Так есть у тебя горячая вода? — настойчиво переспросила Нина. — Неужели отключили?!

— Послушай, откуда ты мне вчера звонила? — опомнился Олег. — Ну, когда я ждал тебя в кафе?

Она ошеломленно молчала, собираясь с мыслями. А потом заявила, что конечно же звонила из дома.

— Какое это имеет значение?

— Когда ты говорила, я слышал в трубке еще чей-то голос. Мужской. Кто это был?

Нина окончательно растерялась:

— Кто? Господи, да какая разница? Муж, наверное!

— Ты что — при нем назначала мне свидание?

Нина призадумалась и наконец сказала, что это вряд ли могло быть. У них дома, конечно, свобода и равноправие, но всему есть предел... Она не стала бы так оскорблять супруга, тем более что тот ведет себя в высшей степени терпимо.

— Но кто-то ведь был с тобою рядом! — настаивал Олег. — Я слышал голос!

— Да что ты прицепился к этому звонку? Если я назначала тебе свидание, значит, никто меня в этот миг не слышал! Дура я, что ли, или окончательная стерва, чтобы назначать тебе свидания при муже и ребенке! Дома я была, наверное! Вещи ему собирала в командировку и кормила всех ужином!

Олег перевел дух и как можно спокойнее сказал, что, если все рассказанное Ниной — правда, тогда этот звонок как раз имеет большое значение. Потому что вчера ее пытались подстеречь дважды. Первый раз — в собственной квартире, а второй — ночью, на Чистых прудах. Кто-то слышал, как она

назначала ему свидание, иначе как об этом могли узнать?

Нина осторожно заглянула ему в глаза — как-то по-кошачьи вкрадчиво:

— Ночью, на прудах? Олежка, там никого не было!

— Уже не было! — сорвался он. — Ты пришла, когда труп уже увезли!

И, встретив ее обезумевший взгляд, добавил, что, наверное, Нину вчера хранил какой-то добрый ангел. Если бы она, по своему обыкновению, не опоздала на свидание, на скамейке мог бы оказаться именно ее труп.

— А там б-был к-кто-то... — в панике запиналась Нина, хватая его за рукава пижамы.

— Вместо тебя убили кого-то другого. Другую женщину. Я издали принял ее за тебя... Пальто похоже, и прическа... Я и милицию туда вызывал. Да не смотри ты на меня так. — Он освободился от ее рук и встал. — Сейчас принесу тебе воды.

Он задержался на кухне, давая своей гостье время, чтобы прийти в себя. Ему и самому нужно было успокоиться — когда он наливал воду, стакан приплясывал у него в руке. До самого последнего момента он все-таки сомневался, что Нина говорит правду. Может быть, и не лжет, но наверняка запуталась, все неверно поняла, напугалась, когда нужно было разобраться... Какие-то неприятные совпадения и, конечно, расстроенные нервы... Но теперь, вспомнив ту женщину на Чистых прудах, Олег был уверен — Нина и впрямь подвергалась опасности.

«Ее убили вместо Нинки, потому что она сидела на том месте, где должна была быть Нина! И одета была примерно похоже! Господи, я ведь мог найти там Нинку!»

Из комнаты донесся жалобный голос:

— Где ты? Кому-то звонишь?

Он вернулся и протянул ей стакан. Нина торопливо вытерла проступившие слезы, окончательно размазав вокруг глаз косметику:

— Ну кто меня так ненавидит?! Да я никому зла не сделала, чтобы вот так... Ее убили, да?! Как?!

— Я не знаю, — уклонился он от ответа. На самом деле он знал. Это был выстрел, судя по всему — почти в упор. В темноте, на черном пальто, он не разглядел дыру в груди, но когда патруль осветил жертву сильным фонариком, Олег едва удержался на ногах. Такое он видел впервые — если не считать телевизора, конечно. И сейчас решил не пугать свою гостью. Пистолет — это уже чересчур серьезно.

— Нина, так не бывает, чтобы кто-то просто так к тебе привязался, — сказал Олег. — Если сама не можешь вычислить, кто это, нужно обратиться в милицию.

Она ответила, что сперва должна согреться. Иначе точно заболеет. Нина всегда переводила разговор на другую тему, если прежняя ей не нравилась. Она отправилась в ванную, заперлась и включила воду. Потом принялась кричать через дверь: не найдется ли у него лишней зубной щетки? нет ли чистого полотенца? Он подал ей все это в приоткрытую дверь — войти Нина не разрешила. Еще через несколько минут из ванной опять донесся ее голос. Олег устало подошел к двери, но выяснилось, что на этот раз Нине ничего не требуется.

— Я просто вспомнила, как тебе звонила. Точно из дома, а мои в это время обедали на кухне. Меня никто не подслушивал. А голос, который ты слышал, — это телевизор, наверное. Он у нас всегда орет.

— Это очень плохо, — сказал Олег, но за шумом льющейся в ванну воды она его не услышала.

Он вышел в прихожую, повесил на «плечики» ее мокрое пальто, провел рукой по слипшемуся белому воротнику, издававшему острый, химически-звериный запах. Порылся в карманах собственного пальто. Да, вот визитка из книжного магазина. Теперь Таня получит передышку — эту женщину она больше у себя в отделе не увидит. И все, кто позвонит по этому номеру, не получат никакого ответа. Впрочем, у нее могла быть семья. Что она делала среди ночи в таком месте? Жила рядом и вышла прогуляться? Может быть, ведь тот книжный магазин, куда она захаживала, располагался неподалеку...

«Но я могу ошибаться, — пытался он себя переубедить, рассматривая визитку. — Ночью в большом городе чего только не происходит! Это может быть просто совпадение — что она оказалась там и ее убили! Я ведь ничего о ней не знаю! Но Нина, Нина... Ее-то пытались подстеречь и убить три дня подряд! Был четвертый раз или нет? Они знали, что она отправится в полночь на Чистые пруды, или там разыгралась совершенно другая история?»

Нина вышла из ванной в его купальном халате и босиком. Она взбивала спутанные мокрые волосы и смущенно улыбалась:

— Ты, ради бога, прости, что я так к тебе свалилась! Работаешь? Ты работай, а я могу обед приготовить... Я не буду мешать.

«Как все-таки быстро она освоилась», — с неожиданным неудовольствием подумал Олег. И поразился этому — скажи ему кто дня три назад, что Нина поживет у него, он бы только обрадовался. А сейчас никакой радости не ощущал.

— Знаешь, о чем я подумал? — сказал он, не отвечая на поставленный вопрос насчет обеда. — Если

ту женщину убили вместо тебя, то кто-то все-таки подслушал наш разговор.

Она попросила не говорить больше о той женщине. Дескать, и так держится из последних сил, у нее совсем нет желания продолжать эту тему. Главное для нее сейчас — успокоиться. А потом подумать, как жить дальше. Ведь если к ней привязался какой-то маньяк — домой возвращаться никак нельзя. А ее разговор по телефону никто не подслушал — она в этом уверена так же, как и в том, что всегда закрывает газовый кран!

* * *

Нина проспала в его постели до вечера — она так и улеглась с мокрыми волосами, в халате, заявив, что вздремнет только пару минут. Олег все это время просидел на кухне, обложившись книгами и пытаясь заниматься переводом. Он несколько раз заходил в комнату, чтобы взглянуть, не проснулась ли его гостья. Во сне Нина разрумянилась, темные волосы высохли и растрепались. Она выглядела довольной и безмятежной; и ему даже начинало казаться, что рассказанная ею история — просто бред. В обратном его убеждала только визитка, которую он положил в словарь, в качестве закладки. Ему почему-то хотелось набрать указанный там телефонный номер. Была ли семья у той женщины? В сущности, какое ему до этого дело? Если кто и должен мучиться угрызениями совести, то это Таня — она накануне была так резка с покойницей. Или, наконец, сама Нина — ведь похоже, что несчастная женщина пострадала именно из-за нее.

Номера он так и не набрал. Что он мог сказать, о чем спросить? Ближе к вечеру ему позвонила млад-

шая сестра. Нина спала так крепко, что даже не услышала звонка.

— Ты не мог бы одолжить мне пару тысяч, до десятого числа? — без предисловий поинтересовалась Оля. Она никогда не церемонилась, прося взаймы, — с тех пор, как отец ее ребенка так на ней и не женился, девушка считала, что весь мир, в том числе и брат, чем-то ей обязан.

— Тысячу я тебе дам, — пообещал Олег. — До десятого тебе вполне хватит.

Про себя он прикинул, как ему выкрутиться с оставшимися деньгами. Теперь он вроде как женат... А свои последние деньги Нина истратила на коньяк — сама же призналась. Да он и не сможет ей сказать, чтобы она вносила в бюджет свою долю.

— Тысячи не хватит, — испугалась Оля. — Знаешь, я нашла наконец эти квартирные книжки, мне столько придется платить... И потом, я должна сделать кучу ксерокопий, только за это придется заплатить рублей двести. Ну дай полторы, а? Я могу приехать прямо сейчас. Я тут, рядом.

Когда она занимала денег, то всегда оказывалась «тут рядом». Олег запаниковал — он не хотел, чтобы женщины столкнулись. Сестра никогда не видела его подругу, но заочно очень не одобряла ее поведения. Ведь та была замужем... И как Нина может смотреть в глаза своей дочери, если у нее совесть нечиста? У самой Ольги, после первой неудачи, никаких романов не было. Во всяком случае, так она утверждала, подчеркивая, что теперь целиком посвятила себя учебе и работе.

— А я как раз ухожу, — торопливо сказал Олег. — Давай встретимся завтра, в городе.

— Но я же совсем рядом, в метро! — умоляюще воскликнула та. — Я буду у тебя через пять минут!

И, не дожидаясь согласия, Оля бросила трубку. Он ничуть не сомневался, что сестра окажется тут ровно через пять минут — может быть, даже раньше, потому что метро в самом деле совсем рядом с его домом. И... Что тогда?

Он решил не впускать ее в комнату и плотно прикрыл дверь. Была одна надежда — что Нина не проснется и не выйдет на кухню. А от Ольги можно будет избавиться в два счета: стоит ей получить деньги — и она сразу улетучится.

— Что-то непохоже, чтобы ты уходил, — критически заметила та, переступая порог. Дверь он открыл заранее — чтобы сестра не звонила. — А куда ты собрался в такое время?

— Тише! — не выдержал он — сестра говорила так звонко, что ее голос отдавался под потолком.

— Почему? — опешила она, машинально принимая протянутые деньги. — У тебя что — гости?

— Да нет, просто голова трещит, — соврал он. — Ну все, беги! Я зайду к вам как-нибудь на днях.

Но Ольга никуда не побежала. Положив деньги в карман, она завела разговор о том, как продвигается перевод, который делала она сама. Учась в институте, она подрабатывала — заказы от издательств для нее находил старший брат. Оборвать ее и выставить Олег не мог — она так настойчиво просила его профессионального совета... Наконец Оля заметила, что кухонный стол завален книгами и бумагой, и изумленно подняла брови:

— Ты что — тут работаешь? А почему не в комнате?

— Потому что потому. Иди, ради бога! — Олег говорил шепотом, а вот сестра не собиралась понижать голос. И она своего достигла — в комнате заскрипела кровать, потом раздался короткий сонный

стон, и через полминуты дверь открылась. Вышла Нина — розовая, растрепанная, со смутной блаженной улыбкой. Улыбка тут же исчезла — она уставилась на Ольгу. Та тоже замерла, сразу же оценив обстановку. Женщина в халате Олега, босая, молодая, привлекательная...

— Здравствуйте, — нерешительно произнесла Нина. Она перевела взгляд на Олега, в ее глазах ясно читался вопрос.

— Это моя сестра, — сказал он, решительно беря девушку за плечи и разворачивая ее лицом к двери. — Ну все, беги. Я завтра зайду.

— А... — начала было та, но Олег попросту выставил ее за дверь. До последней секунды Ольга не переставала оглядываться и рассматривать Нину. Деликатность никогда не числилась в списке ее достоинств.

Когда дверь закрылась, Нина почему-то шепотом спросила:

— Твоя сестра, да? Похожа на тебя.

— Плохой комплимент, — угрюмо ответил он и пошел варить кофе.

Нина последовала за ним:

— Почему? Она такая милая. Глаза у нее совсем как у тебя. А зачем она приходила?

— Да как всегда, занимала денег. — Он поставил турку на огонь.

Нина протянула руку и уменьшила пламя горелки:

— Знаешь, после того случая я совсем не переношу запаха газа. У тебя на таком огне кофе выкипит... Кстати, насчет денег. Нужно съездить к нам домой и забрать наличность. И еще документы, и мои побрякушки... Я не хочу, чтобы все это досталось какому-то мерзавцу! Он же входит в мою квартиру как к себе домой!

— Откуда же у него ключи? — спросил Олег, следя за тем, как вода в турке начинает мутнеть и закипать. — Как ты думаешь?

— Не знаю, — нервно ответила Нина. — Украл, подделал... Спроси у него!

— Что-то не хочется. — Олег достал пачку молотого кофе. — Он вооружен, а я даже в детстве никогда не играл в ковбоев.

— И мне не хочется! Но оставлять в квартире ценные вещи — это просто безумие!

Олег согласился с нею. В самом деле, у Нины было что украсть — судя по ее рассказам. Больших сумм в доме не держали, но деньги на хозяйство — а Николай выдавал их очень щедро — тоже представляли собой неплохой куш для грабителя. И потом, в кошельке у женщины было пусто.

— Дочь ты оставишь у матери, пока не вернется муж? — поинтересовался он.

— Конечно. — Нина разлила кофе по чашкам, добавила молока. — Куда же мне ее девать? Не везти же к тебе.

— Ну а что ты будешь делать, когда твой Коля вернется? По-прежнему прятаться у меня?

Нина ответила, что так далеко она еще не заглядывала. Пока у нее есть весьма конкретная цель — пережить здесь несколько дней, прийти в себя и обезопасить дочь. Последнее она уже сделала...

Но тут Олег нанес ей удар. Он сказал, что, если судить по тому, что случилось, преследователь очень осведомлен о ее жизни. У него есть свободный доступ в ее квартиру. Он выследил ее после работы в переулках, когда пытался задавить. Это может значить только одно — ему известно, где она работает. Тем более, что он звонил ей на работу — ему известен даже ее прямой городской номер.

— Даже я его не знаю, — заметил Олег. — Так что подумай — вдруг ему известно, где живет твоя мать, в какую школу ходит дочь?

Нина побелела. Она отставила чашку и после паузы сказала, что и сама думала об этом. Ее немного утешает одно — пока не было никаких попыток напасть на Диану.

— Она ведь очень доверчивая, — убито произнесла женщина. — Сколько раз я ей внушала, что нельзя так доверять людям! Кажется, она поняла, но... Если какой-нибудь добрый дяденька скажет, что это я за ней послала, Дианка сядет к нему в машину...

У нее задрожали губы, и она добавила, что, наверное, девочке вообще нельзя выходить из дому. Она немедленно позвонит маме и скажет, чтобы Дианку в школу не пускали. Так будет лучше всего. А мама на пенсии — она и так целый день проводит у телевизора. Вот пусть и смотрит его с Дианой вместе — у нее тоже других интересов нет. Если предоставить ей мультики, дурацкие сериалы и жевательную резинку — девочка будет совершенно счастлива.

Нина притянула к себе телефон и немедленно выполнила задуманное. Ее мать очень удивилась, услышав такой наказ — не пускать ребенка в школу, но Нина настояла на своем. Дескать, у девочки слабое здоровье, она переутомилась и ей нужен отдых. А то придет настоящая зима и Дианка не будет вылезать из гриппов и ангин. Наконец мать сдалась. Нина сказала несколько напутственных слов дочери, строго-настрого запретила ей гулять одной и повесила трубку.

— Дианка так радуется! Даже не сразу поверила в такое счастье. Конечно, она и в самом деле устала...

— Нет худа без добра, — философски заметил Олег. — А что ты будешь делать, когда...

— Коля вернется? А... Там видно будет. Так ты поедешь со мной?

Он согласился. Отпускать Нину одну ему не позволила бы совесть. Они наскоро поужинали, — впрочем, для Нины это был завтрак, — и отправились в путь.

* * *

Олег никогда не бывал у нее дома и теперь мог своими глазами убедиться, что вкус у его возлюбленной есть. Как-то, рассказывая о ремонте своей квартиры, Нина упомянула, что они обошлись без дизайнера — она сама общалась со строителями и заказывала все на свой страх и риск.

— Понимаешь, я не хотела, чтобы все было так безлико, казенно, — с гордостью заметила Нина, поймав одобрительный взгляд Олега. — У всех наших друзей что квартира, что офис — все едино, как только не путают! Ну как, нравится тебе? По-моему, оригинально.

Весь дизайн был выдержан в деревенском стиле — яркие стены, некрашеное дерево, керамическая плитка. Никакого пластика, никаких подвесных потолков и арочных дверных проемов. У Олега мелькнула мысль, что эта квартира в конце концов оказалась похожей на саму Нину — такую улыбчивую, веселую, немного наивную и резковатую. Он даже ненадолго забыл, зачем они сюда пришли, тем более что Нина сразу принялась варить кофе.

— Я заодно прихвачу Дианкины вещи, — соображала она вслух. — Нужно будет отвезти их маме. Не может ведь она ходить в одном и том же всю неделю. И книжки тоже возьму, хотя она совсем у меня не читает, не любит... Да и себе нужно кое-что взять.

— Так ты увезешь весь дом, — заметил он. — Ты ведь собираешься сюда вернуться?

— Если ты против — себе могу ничего не брать. — Нина слегка обиделась. — Или боишься, что я навсегда у тебя поселюсь? Не переживай, от этого ты застрахован.

Олег ничего не ответил, сделав вид, что не заметил подпущенной шпильки. Но ситуация ему действительно не нравилась. Муж вернется через несколько дней, не обнаружит Нины на месте, и что тогда? Все перерастет в глупый и неприятный фарс. Обманутый супруг, неверная жена, любовник в дурацком положении. Может быть, даже придется встретиться с этим Николаем и выяснять отношения. Ну и как их выяснять, что говорить? Встать в позу и попросить Нининой руки? Самое смешное, что это ей вовсе не нужно. Но о таких вещах Нина, конечно, не думает. Ей просто страшно здесь оставаться — ничто другое ее не заботит.

Она набила вещами две объемистые сумки, отдельно уложила все документы, шкатулку со своими украшениями, конверт с деньгами на хозяйство. А потом притихла и, казалось, о чем-то задумалась.

— Знаешь, ничего ведь не пропало. А я уж думала, что за ночь он обчистил квартиру. Получается, что вещи его не интересуют? В самом деле, откуда у него ключи? — сказала она наконец. — Я никогда ключей не теряла.

— А Диана? Обычно этим грешат дети.

— У нее вообще нет ключей. Я же говорю — мы всегда забираем ее из кружков на машине. Она-то обязательно потеряет. Ей еще рано иметь свои ключи.

Подумав, Нина сообщила, что ее волнует еще одна вещь. Мысли только вокруг этого и вертятся. Если бы тогда, три дня назад, она каким-то чудом не проснулась вовремя, то, конечно, отравилась бы газом на-

смерть. Ведь муж вернулся только через несколько часов — тогда было бы уже поздно ее спасать.

— Это выглядело бы как несчастный случай, — сказала она. — И когда он пытался сбить меня машиной — это тоже был бы несчастный случай. Если уж он так хочет, почему бы ему просто меня не убить? Ты понимаешь, о чем я?

— Да, первые два раза он был осторожен, — отозвался Олег. Этот «он» уже казался ему бесспорной реальностью. — А вот ту женщину на Чистых прудах он попросту застрелил.

— Что?! — отшатнулась она. — Ты не говорил об этом! Ты сказал...

— Не хотел тебя пугать еще больше. Но ее в самом деле застрелили. Кажется, почти в упор. Уж это никак не смахивает на несчастный случай, хотя для нее... Для нее, конечно, несчастней не бывает.

Нина зажала уши ладонями:

— Не говори мне про ту женщину! По-твоему, это из-за меня она погибла? Я виновата?

— Ты не виновата, но погибла она из-за тебя. — Олег подошел и заставил ее убрать руки. — Послушай, что я тебе скажу. В самом деле, похоже, что первые два раза он боялся, что кто-то примет твою смерть за убийство. Потому и старался оформить все как-то по-другому. А вот теперь он уже не боится, раз перешел к таким решительным действиям.

— Почему? — растерянно прошептала Нина.

— Может быть, ему надоело полагаться на судьбу? Первые два раза тебе слишком повезло — ты легко отделалась... А может, он торопился?

Нина вздрогнула и сказала, что она больше не хочет здесь оставаться. Ей все время кажется, что кто-то караулит за дверью, на лестнице, и сейчас войдет. Им лучше отсюда уйти.

Глава 3

Олег предусмотрительно оставил машину в другом дворе. Он предположил, что если за Ниной следят, то вполне могут контролировать подъезд, а значит, заметят его машину. Тогда его собственная квартира станет очень ненадежным убежищем.

Он понес сумки, Нина взяла портфель с деньгами и документами. Оба внимательно оглядывались по сторонам, прислушивались к каждому шороху в подъезде, но ничего подозрительного не заметили. Насколько мог судить Олег — никто за ними не следил. И тем не менее он придумал еще один способ маскировки. Он отвел Нину на обочину проезжей части, оставил там вместе с сумками, а сам вернулся во двор, где оставил машину. Спустя несколько минут он подъехал с другой стороны, сделав вид, что остановился по Нининому сигналу. Она погрузила сумки, уселась сама, и они двинулись в дорогу.

— Кажется, никого, — сказала она, нервно оглядываясь. — Но я все-таки не верю, что за мной больше не следят.

— Во всяком случае, у меня тебя никто не найдет.

Олег и сам старался контролировать ситуацию. Он несколько раз сворачивал с пути, забираясь в какие-то переулки, менял направление, потеряв при этом в общей сложности лишний час... Но убедился, что никто за ними не следует.

— Теперь ты понимаешь, почему я спряталась у тебя? — Нина достала сигареты. — Ты — самая моя большая тайна.

Он и сам не знал — приятно ему слышать такое или нет. Получается, что других причин выбрать в защитники именно его у Нины не было. Она не счи-

тала его надежной опорой — просто он был так далек от ее повседневной жизни...

— А разве ты не рассказывала обо мне каким-нибудь подругам? — сдержанно осведомился Олег.

— У меня нет близких подруг.

— Как так?

И в самом деле — за все время знакомства он ни разу не слышал от Нины ни о какой близкой подруге. Она охотно рассказывала ему о своем прошлом, об учебе, о трудностях на работе. Даже о семейных делах — женщина говорила обо всем этом так легко, будто даже не предполагала, что он может ее ревновать. Он знал подробности о детских болезнях ее дочери, о сложных отношениях с матерью, о родителях мужа, о самом муже... Но вот о друзьях — ни слова.

— Вообще-то у всех есть друзья, — заметил он. — Даже у меня — уж на что я волк-одиночка...

— Ну а у меня нет. — Она приоткрыла стекло со своей стороны и курила, выставив руку наружу. Дым вливался обратно в салон, и Нина досадливо разгоняла его. Она очень нервничала и постоянно оглядывалась назад. — Откуда у меня возьмутся друзья? У меня и времени-то нет с кем-то видеться.

— А откуда в таком случае взялся я? Ты нашла на меня время?

Она выбросила сигарету и повернулась к нему:

— Знаешь, я часто думаю — в самом деле, откуда ты у меня взялся? Как я вообще решилась на это? Ты для меня все равно что член семьи. Как будто свой человек... А ведь это не так.

— Спасибо на добром слове.

— Не обижайся. — Рука, тронувшая его пальцы, была совершенно ледяной и немного дрожала. — Я говорю правду, нравится это тебе или нет.

— Да, — иронично заметил Олег. — Ты же предупредила, что всегда будешь говорить правду.

— Так и есть. — Она запалила новую сигарету. Прежде Нина никогда не курила так много. — Знаешь, когда ты появился, я сперва думала, что это быстро кончится. У меня ведь было уже два романа. Это ты тоже знаешь.

— Знаю.

Он в самом деле знал — от нее самой. Нина оставалась верна своему слову и всегда говорила правду, не скрывая даже того, что могло бы ей повредить в чужих глазах. И это было еще одной причиной того, что Олег в свое время в нее влюбился.

Первый роман Нина пережила еще до брака. Она тогда едва не вышла замуж — ее мама была против, причем действовала очень активно, «открывая глаза» совсем еще юной, неопытной дочери. Жених оказался иногородним — Нина училась с ним в Институте культуры. Мама испугалась, что тот имеет в виду не саму Нину, а московскую прописку и жилплощадь. У парня в самом деле не было иных возможностей остаться в столице. Но каковы были его истинные чувства, была ли тут замешана корысть — теперь уже невозможно было выяснить. Он твердил, что любит, но Нина все же отказала ему и больше никогда с ним не виделась.

Второй роман у нее случился, когда дочке было три года. Диана ходила в детский садик, потому что мама пошла на работу и не могла сидеть с девочкой дома. Денег тогда не хватало, и Нине срочно пришлось осваивать новую профессию, чтобы помогать мужу. Вместо библиотекаря она стала бухгалтером. Бабушка ничем помочь не могла — в то время она еще не вышла на пенсию, а сделать это ради внучки не решалась — не терять же желанную выслугу лет и

связанные со службой льготы. Она работала в Министерстве путей сообщения.

Диана редко видела родителей и какое-то время даже с трудом узнавала их в лицо. Это был несчастный ребенок — в измятых, криво надетых платьях, в заношенных колготках, вечно голодный, потому что питание в садике Диане не нравилось и свою порцию она отдавала соседям по крошечному столику. Ее родители часто ссорились из-за того, кому именно забирать ее из садика, — времени катастрофически не хватало, бизнес Николая едва-едва начинал налаживаться...

Однажды Нина не нашла дочери в садике, явившись туда уже около десяти часов вечера. Оказалось, что ее забрал вместе со своим ребенком какой-то мужчина — он живет в соседнем доме, объяснила легкомысленная молоденькая воспитательница. Нина бросилась туда и обнаружила умилительную сцену — Диана уже накормлена, напоена, умыта, переодета в сухие колготки... И смотрит телевизор рядом с симпатичным белокурым мальчиком. А его папа — такой же симпатичный блондин — то ли гладит белье, то ли что-то стирает. Выяснилось, что они живут без мамы — та снова вышла замуж и увела с собой младшую девочку. Детей поделили по ее настоянию: она заявила, что не может взять двоих — новый супруг будет против. Нина возмущалась ее поступком, пила чай с милым отцом-одиночкой... Както неожиданно вышло, что однажды она задержалась у них в гостях.

Ни о какой любви, как в первый раз, не было и речи. Это было что-то вроде жалости — тем более что мальчик, стосковавшийся по женской ласке, просто боготворил Нину. Та очень скоро поняла, что этот мужчина ей вовсе не нужен, и пожалела о своем по-

ступке. Диане было запрещено уходить из садика с «этим дядей». Ее стали забирать вовремя. Ну а по маленькому мальчику с тоскливым, потерянным взглядом Нина долго еще скучала. Она призналась Олегу, что, скорее всего, и ходила-то туда только ради того, чтобы приласкать этого заброшенного ребенка. А до его отца ей и дела не было, он только осложнял ей жизнь, тем более что оказался очень требовательным и ревнивым.

— Он даже ревновал меня к мужу, представляешь?! А вот с тобой... — Она помедлила. — С тобой все по-другому. Сначала я просто не понимала, что творится, а теперь... Знаешь, если бы ты сказал, что все кончено, нам пора расстаться...

— Ты бы плакала? — Он не удержался от иронии. Но, обернувшись, в самом деле увидел слезы.

Нина быстро вытерла их тыльной стороной ладони:

— Извини, это все нервы. Мне так плохо, так страшно. Кто меня так ненавидит? Я никому ничего не сделала!

— Ты уверена, что никому?

Она утверждала, что это так. На работе она держалась скромно, несмотря на то что была женой главы фирмы. Ни один сотрудник не был уволен по ее указке — в этом Нина готова была поклясться. Другие мотивы? Какие же? Ведь невозможно предположить, что кто-то решил убить ее из ревности. Ее муж вообще не ревнив — он трудоголик, и когда Нина сообщила ему, что ее роман никак не повлияет на их семейную жизнь, он совершенно успокоился и больше никогда об этом не упоминал.

— Да мы давно уже живем как друзья, — сказала она. — Уже и не помню, когда по-настоящему чувствовала себя его женой. Это началось еще до

тебя. Он видит только свою работу, а я... Я... Я, наверное, плохая мать, — неожиданно закончила Нина.

— Потому я и появился?

— Ну хватит! Не поэтому. — Нина достала пудреницу. — Ты появился, потому что пришло твое время. Если будешь продолжать в том же духе — я начну хамить. Ты хочешь услышать, что мне нужна была какая-то замена мужу?

Он согласился с тем, что хамить не нужно. И подумал, что Нина в самом деле ни в ком не могла вызвать ревность. Ни личную, ни служебную. Во всяком случае, не в своем муже.

— Ну вот, — оживилась она. — Ты и сам так думаешь. Тогда что же это? Какие-то материальные мотивы? Да какие же? Что с меня взять?

— Неужели нечего?

— Но если меня хотят убить — значит, рассчитывают на наследство, так? А какое может быть после меня наследство? Квартира зарегистрирована на нас с мужем, там же и Дианка прописана.... Если я умру — никто не сможет захватить жилье. За это убивать просто нет смысла. Дача? У нас ее нет. Машина? Смешно, она Колькина. Деньги? Каким образом их кто-то может получить? Нет, все бессмысленно, абсолютно бессмысленно.

Она прижала ладони к вискам:

— За эти дни я все обдумала. Пыталась понять, найти причину... И ничего не нахожу, не понимаю! Вот поэтому мне страшно, ужасно страшно! Если это маньяк — как же я могу его вычислить?! Он же сумасшедший!

— Сумасшедший он или нет — а наш разговор насчет Чистых прудов слышал.

Нина так и подскочила:

— Хватит про Чистые пруды! Я уверена, что это было случайное совпадение! Никто не слышал и не мог слышать, как я назначала тебе встречу! Не считай меня такой уж дурочкой, чтобы я не могла припомнить, как говорила по телефону!

Он пожал плечами:

— Ну пусть, никто тебя не подслушал. Но я нашел ту бедняжку именно на месте нашей встречи. И она была так похожа на тебя, что за несколько шагов даже я обознался. А тот, кто ее убил, и подавно мог ошибиться.

Нина зарылась лицом в меховой воротник — почти такой же, как у той женщины на Чистых прудах. Некоторое время она молчала. Потом отрывисто произнесла, что все-таки верит в совпадение. Иначе... Иначе это какая-то сатанинская шутка. Никто не слышал ее беседы по телефону, никто не знал, куда она поедет после того, как проводила мужа в аэропорт.

— И твоя дочь? И мать?

— С ума сошел? Им я сказала, что еду домой.

— И ты никому не звонила?

Нина покачала головой и снова погрузила лицо в белый мех. Помолчав некоторое время, она сказала, что уже сломала себе голову: как могло получиться такое совпадение? Пусть та женщина была одета похоже на нее, пусть даже прическа имела что-то общее с ее собственной... Но как ни крути, а она, Нина, не может найти ни единой точки соприкосновения между ними. Нет, это случайность. Разговор не был подслушан, и пусть Олег не обвиняет ее в том, что та бедняжка на Чистых прудах погибла именно из-за нее. Это случайность — ужасная, пугающая, но все-таки случайность. Просто совпадение.

* * *

На следующий день он поехал к матери. Олег никак не ожидал встретить там Ольгу — он просто хотел отдать маме купленный для нее детектив... Но Ольга оказалась дома. Она кашляла, глаза были красные, и вообще вид совершенно больной.

— Ну что там у тебя? — тревожно спросила мать.

И по ее тону Олег сразу догадался — сестричка все рассказала.

Вот уже много лет мать переживала из-за того, что семейная жизнь у Олега так и не сложилась. Когда он разводился, она была единственной, кто возражал против развода. Мать была совершенно не посвящена в детали его семейной жизни, но тем не менее считала, что развод — это страшное горе. Она сама когда-то это пережила и поэтому может судить... Когда Олег оставил свою постоянную возлюбленную ради Нины — поводов для переживаний тоже было достаточно. Мать решила, что он упустил свой единственный шанс жениться на «той самой женщине» и обзавестись семьей. Нину она в расчет не принимала — впрочем, это было вполне обоснованно. Ведь у той была семья...

— Она перешла к тебе жить? — спросила мать. — Совсем?!

Олег поежился:

— Мама, это только на несколько дней.

— Да? Я так и думала. — Она бросила уничтожающий взгляд на Ольгу. Та немедленно зарылась лицом в носовой платок.

— Эта твоя Нина — она ведь не собирается разводиться? — продолжала мать. — Так я и думала.

Это была ее любимая фраза.

— У нее, кажется, ребенок? И она работает в фирме у мужа?

Все эти подробности Олег когда-то сообщил сестре. Та уж очень интересовалась его новой пассией.

— Нина проживет у меня всего несколько дней, — сказал наконец он. — Сватать нас бесполезно.

Ольга ушла в другую комнату — у нее начался приступ кашля. Олег был уверен — она просто не желает присутствовать при этом разговоре.

— Я не понимаю, о чем ты думаешь, — сообщила мать. — Семьи здесь все равно не получится. Она просто водит тебя за нос.

— А я и не думаю на ней жениться.

— Тогда... Зачем все это?

Она бросила короткий взгляд на дверь, за которой скрылась Ольга. Олег знал — мать глубоко ранило то, что у дочери тоже не получилось семейной жизни, да еще с отцом ее ребенка.

— Не всегда получается так, как мы хотим, — уклончиво произнес Олег. — Что же теперь поделаешь? У нее в самом деле семья.

— Она не любит тебя, просто развлекается, — горестно сказала мать. — А ты зря теряешь с ней время. Понятно — твоя Нина не желает терять деньги. Муж — глава фирмы... А ты кто? Простой переводчик. Неужели ты думаешь, что она всего этого не учла? Неужели тебя это не унижает?

Олег ответил, что ничуть не унижает. И с его точки зрения, он устроился куда лучше, чем супруг Нины. По крайней мере, у него больше свободного времени, и он бережет свои нервы. А у того вся жизнь — постоянная гонка и стресс. Хотя денег у него, конечно, неизмеримо больше.

Из соседней комнаты донесся простуженный, севший голос:

— Олежка, зайди ко мне на минуту!

Он отдал матери книгу, та вздохнула и тут же ушла на кухню. Заполучив новый детектив, она совершенно выпадала из жизни и могла провести над книгой сутки напролет.

— Ну и зачем ты на меня настучала? — спросил Олег, входя к сестре и прикрывая за собой дверь. — Ты же знаешь, как ма относится ко всему этому.

Та жалобно посмотрела на него:

— Я не стучала. У меня само как-то выскочило... Я просто сказала, что к тебе сейчас лучше не ходить, у тебя гостья. А она вытащила из меня все остальное.

Олег вздохнул и присел на край тахты, куда улеглась сестра:

— Ладно, но только больше никому не говори. Слышишь? Никому! Или ты успела оповестить всех подружек?

— Да я никому не говорила! — испугалась Ольга. — И мама никому не скажет. Ты что — она же стыдится этого!

Олег просил об этом одолжении вовсе не из скромности. Его пугало другое — убежище, которое Нина нашла у него в доме, могло стать небезопасным. Если убийца (кто бы он ни был) решил всерьез взяться за нее, то сейчас он ищет женщину по всему городу. Их визит в пустую квартиру он явно проворонил. Но если он бывает там запросто, то теперь уже заметил, что оттуда пропали кое-какие вещи и документы. Понял он и то, что его вычислили. Иначе почему Нина не вошла в квартиру, когда он подал ложную весть о пожаре? Он многое знает о ее жизни, вплоть до номера служебного телефона, распорядка дня, тайных звонков... В конце концов, он может вычислить и адрес ее любовника. Лишние слухи вокруг этого будут ему только на руку.

«Правда, у Ольги и Нины нет общих знакомых, — подумал он. — Но если пойдет сплетня — неизвестно, кто может ее услышать».

— Я никому не скажу, — опять пообещала Ольга. — Но один-то вопрос можно задать?

— Смотря какой.

— Ее муж знает, что она у тебя?

Он покачал головой:

— Слава богу, нет. Он сейчас в отъезде.

Услышав это, Ольга почему-то успокоилась. Она заметила, что ее больше всего пугала реакция мужа. Он ведь состоятельный человек. Олег вообще представляет, чем иногда кончаются такие истории? Вот как раз на днях она читала в газете ужасающую заметку о...

Олег решительно ее оборвал:

— Даже не думай об этом! И не смей пугать маму! Она и так за меня боится, даже как будто намекала на что-то вроде... Что ты наговорила ей насчет Нининого мужа? Он не из тех людей.

— Ты же с ним незнаком! Твоя Нина могла наговорить тебе все, что угодно, чтобы ты не беспокоился! А потом будет поздно прятаться!

Сестра искренне тревожилась. Олег понимал, что здесь она права. С Николаем он в самом деле ни разу не встречался. Все, что он о нем знал, было известно только со слов Нины. Но какой резон ей было выставлять супруга более спокойным и мягким человеком, чем он был на самом деле? Кроме того, еще ни разу он не подловил Нину на лжи...

«А разве я когда-нибудь пытался ее проверять?»

От этой неожиданной мысли он вздрогнул. И сам себе ответил: никогда. Неприятно, но факт. В мелочах Нина была честна — в этом Олегу приходилось

убеждаться не раз. Но... Разве это доказывает, что она не способна лгать по-крупному?

Он готов был возненавидеть сестру за то, что та навела его на эту мысль. Никогда прежде он не чувствовал себя так скверно. У Олега появилось чувство, что его обманули. Провели как мальчишку. Он ничего не знает о том, как обстоят дела у Нины! Только ее слова да еще эта пустая квартира, куда его соизволили вчера впустить.

— Когда ты к нам зайдешь? — Сестра явно чувствовала себя виноватой и старалась быть поласковей. — Ты приходи почаще, нам же скучно... И Алешка о тебе все время спрашивает: где дядя Олег, где дядя?..

Он рассеянно пообещал прийти, почти не слыша своих слов. Зашел на кухню, попрощался с матерью, кивнувшей ему, не поднимая головы от романа. На плите посвистывал выкипающий чайник. Она явно собиралась угостить сына обедом, но, зачитавшись, обо всем забыла. Олег молча закрыл газ. Поворот крана снова напомнил ему о Нине. Она лгала? Нет. Ольга может говорить что угодно, Нина может что-то скрывать... Но в любом случае ему приходится только верить или не верить. Ничего другого все равно не остается.

* * *

Когда он утром уходил из дому, Нина сказала, что будет очень его ждать. Одной ей и страшно, и скучно. Олег обещал вернуться как можно раньше. Днем он несколько раз ей звонил — сперва из издательства, куда пришлось заехать, потом — перед визитом к матери, из своей машины. Звонить при своих родственницах он не хотел — у них и без того оказалось слишком много пищи для размышлений.

Голос у Нины по телефону был совсем не грустный, а даже очень оживленный. Олег обрадовался — он боялся, что она снова расплачется и попросит его поскорее вернуться. Ему еще предстояло заехать в свой любимый книжный магазин и поискать в отделе литературы на иностранных языках необходимую книгу.

Таня приветствовала его обычной, слегка замороженной улыбкой. Она стояла на боевом посту — перед кассой. Это случалось, только когда нужно было выписать чек и принять деньги за покупку.

— Сегодня у вас много народу, — сказал он, пропуская в отдел очередного покупателя. — Жаловаться не на что, верно?

— Ну да. — Она внимательно следила за тем, что происходило в отделе. — Четверг, неделя идет к концу. А что тут будет завтра и в субботу! Нашли, что искали?

Она заметила у него в руках книгу с вложенным чеком. Полюбопытствовала, что это, Олег вкратце объяснил. Таня всегда живо интересовалась его покупками. Он подозревал, что она уважает его именно за умение читать по-английски и по-немецки. Ей иностранные языки были совершенно недоступны.

— А у нас тоже есть кое-что новенькое, — чуть ревниво сказала она. — Посмотрите — вон там, за лесенкой...

И вдруг, взглянув туда, прерывисто воскликнула:

— Да что же это такое! Опять он здесь! Говорила же ему русским языком, еще сегодня...

И она бросилась на свою жертву — мужчину в потрепанной куртке, который стоял в глубине отдела и безмятежно читал какую-то книгу. Это был тот самый человек, который, по словам Тани, являлся сюда как в публичную библиотеку и никогда ничего не покупал.

Олег наблюдал за разыгравшейся сценкой. Таня говорила тихо, но даже по ее спине было видно, в какой она ярости. Тем более, что эту жгучую ярость приходится сдерживать. Мужчина же повел себя очень хладнокровно. Он выслушал все, что та имела ему сообщить, пожал плечами и подчеркнуто медленно поставил книгу на полку. Уходил он с таким видом, будто его незаслуженно оскорбили, но он предпочитает не обращать на это внимания.

Таня вернулась, на ее щеках пылали розовые неровные пятна.

— Он меня достал! — шепотом высказалась она. — Сегодня взял и уронил на пол книгу — между прочим, восемьдесят рублей стоит! Прямо на разворот, страницами вниз! Я аж подскочила! Помчалась к нему, а он говорит: ничего, не запачкалась. Пол чистый, видите ли! Да какое мне дело, чистый у нас пол или нет! Я ему сказала, чтобы духу его больше тут не было. Или пусть немедленно купит эту самую книгу. А он мне, как король-изгнанник, важно так говорит: «Голубушка, денег нет. А то бы обязательно купил». И вот опять пришел.

— В самом деле, почему бы ему не записаться в библиотеку? — задумчиво произнес Олег.

— Может, ему тут удобнее! К дому ближе! — Таня все еще не остыла от гнева. — А потом, кое-каких изданий в библиотеках просто нет! Они же новые!

— Ну а визитки все еще появляются?

Она удивилась:

— А то как же! И про тантрический секс, и про дипломы...

— Но вот про уроки дикции визиток больше не будет. — Олег произнес это с неожиданным для него самого упреком в голосе.

— Почему?

— Та женщина погибла. Помните? Черное пальто, белый воротник.

Таня казалась ошеломленной. Щеки ее как-то сразу выцвели, она словно окаменела и уставилась на него, не в силах ничего сказать. Олег даже испугался произведенного эффекта: «Не думал, что она такая сердобольная! Скорее, казалось, наоборот».

— Погибла? — наконец выговорила продавщица. — Покончила с собой?

Он понял, что так напугало Таню. Ей, видно, пришло в голову, что женщина в черном пальто решилась на такой шаг после того, как ее обидели в магазине. Олег поспешил ее успокоить:

— Нет-нет, несчастный случай. Вернее, убийство.

— Убийство? — Танины глаза округлились. — Вы шутите? Откуда вы знаете? Да кому она нужна?!

В этот момент ее отвлекли — пришлось заняться покупателем. Вряд ли она сознавала, что делала, — руки ее механически выполняли привычную работу: сняли с книги магнитную защиту, выбили чек, уложили книгу в пакет... Она снова обернулась к Олегу — тот все еще стоял перед кассой:

— Рассказывайте! Как ее убили?

— Почему вы так испугались? — удивился он. — Вы же совсем ее не знали!

— Конечно, но столько раз видела! Общалась даже... Ну, вы в курсе. — Она помрачнела. — Знаете, а она ведь была самой приличной из всех этих... За кем я тут бегаю. Никогда не грубила. Скажешь — уйдет. Ну все, этой ночью я не усну.

— Тогда тем более не стоит рассказывать, — заметил Олег.

Ему и самому не хотелось опять переживать события той ночи. Тем более, что все это оказалось так

тесно связано с Ниной... Но Таня продолжала просить его — тревожно и настойчиво. У нее был такой растерянный, испуганный взгляд, что Олег в конце концов сдался. Он рассказал обо всем, опустив только те подробности, которые касались Нины. В его изложении получалось, что он просто решил прогуляться по бульварам перед сном. И на Чистых прудах нашел на одной из лавочек мертвую женщину. Опознал ее, вызвал милицию. Вот и все.

Рассказ то и дело прерывался, приходилось умолкать всякий раз, когда кто-нибудь из покупателей подходил слишком близко и мог что-то расслышать. Впрочем, можно было подумать, что он просто делится со старой знакомой подробностями недавно прочитанного детектива.

Когда он закончил рассказ, Таня снова повторила, что этой ночью ни за что не уснет.

— Это ужасно, — сказала она. — Знаете, какая я впечатлительная?

— В самом деле? — вырвалось у него. Вот уж чего он никогда не подозревал в своей приятельнице.

— Да-да. — Она даже не заметила его невольной грубости. — Если я что-то страшное прочитаю — потом несколько дней трясусь. А уж если что-то на самом деле случится... Она мне будет сниться — это точно! В этом самом пальто, на скамейке...

— Не дай бог, — вздохнул Олег.

Таня замолчала и пробила еще несколько чеков. Толпа покупателей заметно редела. До закрытия магазина оставалось полчаса.

— Ужасно, что такое случилось именно с ней, — неожиданно произнесла Таня. — Знаете, я почему-то всегда тревожилась, когда видела ее. Она мне казалась какой-то... Странной.

— Ну, вы же прямо называли ее сумасшедшей, — заметил Олег.

Таня возмутилась:

— Сумасшедшей? Никогда! Психи — это те, другие, которые ко всем пристают. Вот человек с открыткой — тот псих. А она... Она казалась мне какой-то несчастной. Знаете, я никогда не ошибаюсь в людях!

Последние слова она произнесла очень гордо. Олег пожал плечами:

— Ну, раз так, вы могли бы вести себя с ней чуть поспокойней. В последний раз она очень расстроилась, когда вы выбросили из книги ее визитку.

Таня снова поникла:

— Не напоминайте! Я сама об этом думаю. В сущности, что такого плохого она делала? Но вы не думайте, что я ее травила! Только всего один раз и сорвалась. Значит, ее застрелили... Ужасно. И вы говорите, что ее не ограбили?

— Сумка была при ней. И кошелек, как я заметил, был на месте.

— Какие негодяи, — прошептала женщина. — Но что ее понесло среди ночи в такое место? Она же, судя по ее визиткам, была преподавательницей! А какие уж там уроки — в темноте, на ветру... Правда, она один раз меня напугала. Все-таки она была какая-то странная!

Этот неожиданный скачок в ее рассуждениях заставил Олега встрепенуться:

— О чем вы, Таня? Чем это она могла вас напугать? Вы же так храбро воевали с ее несчастными визитками!

Он понимал, что подобные замечания должны еще больше растравить неспокойную совесть собеседницы. Ведь та явно переживала из-за своей последней стычки с покойной. Но Таня, казалось, его

не слышала. В отделе было уже совсем пусто, но она пристально смотрела на дальние книжные полки, как будто все еще наблюдала за покупателями.

— В начале осени... — задумчиво произнесла она. — Да, это было в октябре... Тогда я заметила ее в первый раз. С ней тут случился какой-то припадок, и она уронила книгу.

По словам Тани, это выглядело очень странно. В тот час в ее отделе было просторно, покупателей немного. Слышался только тихий гул голосов да шелест страниц. Та женщина — тогда она была одета иначе, холода еще не наступили, — стояла в глубине и листала книгу. И вдруг резко обернулась и остолбенела, а книга выпала у нее из рук прямо на пол, страницами вниз.

— Все измялось, конечно, — жалобно сказала Таня. — Для меня это — как ножом в сердце. Я подскочила к ней, хотела сделать замечание. А она стоит белая-белая, глаза безумные... Руку держит у сердца. Я даже не ругалась — решила, что ей плохо. Но она ничего, пришла в себя. Извинилась и книгу купила. В таком виде ее нельзя было ставить обратно на полку. А на полу я увидела эти визитки — несколько штук. Она их выронила, наверное. И тут я все поняла. И потом уже всегда за ней следила.

— С ней что — в самом деле случился припадок? — Олега эта история очень заинтересовала. — Может, она просто чего-то испугалась?

— У меня-то в отделе? Тут нечего пугаться. Наверное, у нее было больное сердце, — извиняющимся тоном произнесла Таня. — В общем, я помнила это и потому старалась ей не грубить. Только в последний раз не сдержалась. Но я же ничего ей не сказала! Совсем ничего! Просто дала понять, что хватит!

Олег не пытался ее утешать. Он только напомнил, что женщина скончалась не от сердечного приступа, и вряд ли это было самоубийство, потому что никакого оружия поблизости от трупа он не видел. Конечно, неизвестно, что потом обнаружила милиция... Но даже если пистолет упал — вряд ли он мог отлететь далеко.

— Его могли украсть!— неожиданно предположила Таня.

— Украсть? А сумку оставить?

Таня была вынуждена согласиться, что он прав. В таком случае исчезла бы и сумка. Она вдруг опомнилась и заторопилась: нужно было сдавать кассу — магазин закрывался через несколько минут. Олег попрощался и ушел.

* * *

Вернувшись домой, он сразу увидел, что Нина времени зря не теряла. Она успела навести порядок в квартире — вытерла пыль, почистила ковер, повесила в шкаф разбросанные всюду вещи. И расставила на полках книги, до этого свободно валявшиеся по всей квартире — стопками и поодиночке. Увидев это, Олег с трудом подавил раздраженный возглас.

— Ты что? — Нина заметила его невольное резкое движение. — Чем ты недоволен?

— Нет, все в порядке... Тут отродясь такого порядка не было.

Он подошел к столу. Все передвинуто, все не на своих местах. Конечно, пыли теперь нет и места стало больше... Но ведь беспорядок был рабочим — ему просто удобно было так существовать! Олег не выдержал и принялся перекладывать бумаги. Потом обер-

нулся и заметил, что Нина молча наблюдает за ним, быстро покусывая нижнюю губу.

— Ты даже не сказал спасибо, — сдавленно произнесла она.

— Спасибо, — сдержанно сказал он и снова вернулся к бумагам.

— Пожалуйста! — с непередаваемой иронией ответила Нина. Она помедлила и вдруг выпалила: — Ты самый настоящий старый холостяк! И умрешь холостяком — это я тебе гарантирую!

— Да что ты так взорвалась? Я тебе ни слова не сказал!

— Зато как смотрел на свои книги! Будто я их порвала, испачкала! Господи! — Она неестественно засмеялась. — Я всего-навсего поставила их на полки. Вот — взгляни! Неужели тебе трудно будет достать их оттуда?

Олег остыл. В самом деле, Нине было на что обидеться. В его отсутствие она вылизала эту запущенную конуру и, судя по запахам с кухни, что-то приготовила. А он разыгрывает сурового барина...

Он обнял ее — для этого пришлось преодолеть легкое сопротивление. Глаза у Нины были мокрыми и от этого еще больше потемнели. Она отворачивалась, но в конце концов ему удалось ее поцеловать. Они постояли немного, обнявшись. Нина тяжело дышала.

— Я так тебя ждала, — сказала она наконец. — Извини, если я что-то передвинула. Мне нужно было чем-то заняться, чтобы не сходить с ума от страха. Когда работаешь — меньше думаешь.

— Здесь тебе бояться нечего.

— Может быть, — пробормотала она, отпуская его и отходя к окну. — Знаешь, я говорила сегодня с мужем.

Олег вздрогнул. На миг ему представилось, что Николай приходил к нему домой, но эту мысль он тут же отмел.

— Он, конечно, звонил домой, и вчера и сегодня, — пояснила она. — И никого не заставал. Тогда стал звонить мне на мобильный, а я его отключила — уже после того, как отвезла Дианку к маме. Вспомнила об этом только сегодня, включила, ну и...

— Он знает, что ты живешь не дома?

— Теперь знает. Спрашивал, что это означает. Почему Диана у моей мамы, почему не ходит в школу. Почему они думают, что я живу дома... Они-то ничего не знают.

Олег достал сигарету:

— И что же ты ему сказала?

Нина стояла спиной к нему, опершись на подоконник. Она медленно повела головой из стороны в сторону — усталый отрицательный жест.

— Про тебя — ничего. Он не знает ни твоего адреса, ни телефона, ни даже имени. Прицепиться ему не к чему, проверить он не сможет. Я сказала, что чувствую себя неважно, вот и решила подлечиться в санатории, в Подмосковье, пока он не вернется домой. А маму с Дианкой просто не хотела пугать.

— Он поверил?

Нина обернулась:

— А почему бы и не поверить? Я имею право болеть, как любой другой человек. Даже его подчиненный... Вот и весь разговор. Потом пришлось звонить на работу, еще маме... И всем выкладывать одно и то же — про санаторий. Я врала, что звоню прямо оттуда. Самое неприятное, что нужно было назвать место... А я ничего путного не придумала, наугад назвала какой-то район. Даже не знаю, есть ли там вообще санатории.

— А муж об этом не спрашивал?

Оказалось, что супруга такие детали не волновали, поскольку она обещала, что к его приезду уже будет дома. Зачем же ему название санатория? С мамой было сложнее — пришлось солгать, что пора идти на процедуры и говорить нет времени. Та, конечно, очень расстроилась.

— А вот на работе... — вздохнула Нина. — Я звонила нашей секретарше. Понимаешь, со всеми остальными я слишком близко знакома — они бы сразу стали расспрашивать, что и как, и где я конкретно... Хотя бы просто из вежливости. Все-таки я жена босса! Ну а эту девочку я почти не знаю, она не посмела бы лезть ко мне в душу. Но представляешь, Олежка? Она добрых две минуты уговаривала меня дать адрес! Твердила, что они все обязательно меня навестят, приедут... В конце концов я просто отключила телефон, чтобы не послать ее подальше. Так привязалась, что просто диву даюсь! Может, она просто хотела ко мне подлизаться, но явно перестаралась!

Нина сказала, что вечером поищет в справочнике какой-нибудь подходящий адрес. Ведь очень скоро она снова появится на людях, и тогда ей придется лгать, потребуются детали. Олег согласился с ней без особого энтузиазма, припомнив собственные сомнения, которые внушила ему сестра. Сколько раз Нина уверяла, что никогда не лжет! А тут, гляди-ка ты, солгала вполне умело, прямо на ходу, в разговоре с мужем придумав целую историю.

На душе у него было нехорошо, и когда Нина пригласила к столу, он едва не отказался. Впрочем, она быстро его уговорила, сообщив, что испекла пирог. Просто чудо, что в шкафчике у «старого холостяка» отыскались дрожжи!

Глава 4

Ужин был закончен к десяти, и Олег понял, что потерял еще один рабочий день. Ему ни за что не завершить перевод в срок. Правда, надвигаются выходные, можно договориться, что он сдаст книгу в понедельник... Но успеет ли он до понедельника — при теперешних-то обстоятельствах?

— Когда возвращается твой муж? — машинально спросил он.

Нина обернулась от раковины — она как раз мыла посуду.

— Он сказал, что задержится. Наверное, в середине следующей недели...

«Не успею, — понял Олег. — Она не даст мне работать. Может быть, перебраться к маме?»

Но тут же запретил себе думать об этом. Работать там негде — в двухкомнатной квартире и без того ютятся три человека, если считать ребенка. А считать приходится, потому что Алешка очень энергичный мальчишка и поднимает вокруг себя настоящий ураган. Когда Олегу по дедушкиному завещанию досталась эта квартира, где он теперь жил, мать пробовала убедить его поселить здесь Ольгу с ребенком. А он пусть бросает свою съемную квартиру и живет у нее. Она будет ему готовить, стирать — все как прежде, пока Олегу почему-то не захотелось самостоятельности. От этого предложения он отказался, и сестра еще долго обижалась. Для нее все было просто — два человека в двухкомнатной квартире — это лучше, чем три. О чем еще рассуждать? Для матери тоже все было просто — она хотела, чтобы сын снова оказался у нее под боком. Но Олег и слушать их не хотел. Если он сейчас туда переберется — он всех стеснит,

и работать ему все равно не дадут. Одних разговоров о Нине хватит, чтобы забыть о любом переводе.

— О чем ты думаешь? — удивилась Нина, заметив недовольное выражение его лица. И вдруг нахмурилась: — Послушай, я что — тебе мешаю?!

— Вовсе нет, — солгал Олег. — Просто нужно срочно сдать перевод.

— Ну так что ж? — Она все еще не верила ему. — Если ты собираешься работать в комнате — я посижу на кухне, а если здесь — побуду в комнате. Подумаешь, проблема! Наоборот, я же буду тебе помогать! Готовить, стирать, убираться...

«Все говорят одно и то же, а в результате мешают», — подумал Олег. И вдруг испугался этой мысли — а если он и впрямь старый холостяк? Он считал, что в тридцать три года этим вопросом задаваться рано, но теперь ему стало не по себе. И он попробовал успокоить Нину. Она вовсе ему не мешает, он даже рад, что все так сложилось и Нина поживет у него. Но вот работа...

— Короче, — перебила она. — Я сегодня с тобой и слова не скажу, чтобы ты не отвлекался. Работай сколько хочешь! И завтра тоже, и послезавтра! Только не прогоняй меня!

Слезы. Ни о какой работе в тот вечер речи уже не было.

Когда Олег уже засыпал, он почувствовал, как Нина гладит его плечо, и чуть приоткрыл глаза. В дальнем углу комнаты горел ночник под зеленым колпачком. В его тусклом свете ее лицо показалось Олегу встревоженным.

— Знаешь, о чем я думаю? — сказала она сконфуженно. — Как передать вещи Дианке? Ведь ей не во что переодеться.

— Съезди к матери и передай, — сонно ответил он.

— А вдруг он меня выследит? — Нина произносила слово «он» почти с суеверным ужасом. — Вдруг он теперь следит за маминым домом? Он ведь знает, что я рано или поздно приеду к дочери!

Олег вздохнул и приподнялся на локте:

— Так. И что ты предлагаешь?

— Если бы ты мог... — Она ласково потерлась щекой о его плечо, как кошечка. — Если бы ты мог отвезти туда ее вещи...

— Я?! — От сонливости и следа не осталось. Олег был ошеломлен. — Нин, да ты представляешь, что говоришь?! Чтобы твой любовник повез вещи дочке?! А твоя мама?! Что она мне скажет, когда поймет, кто я такой? Ты с ума сошла!

Нина заулыбалась:

— Да откуда ей знать, кто ты такой! Пойми же — никто, никто о тебе ничего не знает! Ты войдешь в подъезд с сумкой, и если даже за входом следят — тебя не заподозрят! И даже когда войдешь в квартиру, а кто-то это увидит — тоже ничего страшного! Подумаешь! Может, это родственник приехал!

Олег покачал головой:

— Ты с ума сошла! Я туда войду? Ни за что. Слышишь? Я отказываюсь! И по-моему, ты все преувеличиваешь! Так уж и следят за твоей мамой! Ты же всем раззвонила, что отдыхаешь в санатории! Если тебя и будут искать где-то, то в Подмосковье!

Однако Нина не унималась, пока он не сдался. Она пообещала, что позвонит матери и предупредит ее, что вещи девочки завезет ее знакомый.

— А у твоей матери нет ключей от вашей квартиры? — недовольно спросил Олег. — Она сама туда не приезжала?

Выяснилось, что мама к ним вообще ездила очень редко. У нее не очень ладились отношения с зятем. Непонятно почему — тот никогда не грубил, ничего не требовал, вел себя в высшей степени корректно...

— Но мама его не выносит, — грустно сообщила Нина. — Знал бы ты, сколько из-за этого всяких неудобств... Ты спишь? Ну спи, спи.

* * *

Утром, за завтраком, Нина возобновила разговор. Она больше не настаивала на поездке к матери, но говорила так грустно, так живо обрисовала свое беспомощное положение, что Олег в конце концов сдался.

Нина очень обрадовалась:

— Я бы и сама отвезла, но ты понимаешь... Вспомни — я ведь никогда ни о чем тебя не просила!

Это было правдой. Олегу даже казалось, что у него сейчас живет не совсем та женщина, которую он знал. Прежнее лицо, прежние глаза, манера говорить и улыбаться... Но совсем другое поведение. Уверенность, смешливость, равнодушие к условностям — все, что когда-то удивило и покорило его в этой женщине, все это сейчас исчезло. Все подавил страх — от него у Нины даже голос изменился. Она стала говорить тихо, то и дело внезапно оглядывалась, будто хотела скорее выставить Олега за дверь, опасаясь, что за спиной кто-то стоит и подслушивает.

— Что мне сказать твоей маме? — хмуро спросил Олег и начал одеваться.

— Чем меньше скажешь — тем лучше. — Нина услужливо подала ему свитер, быстро начистила ботинки. Она как будто хотела скорее выставить Олега за дверь, опасаясь, что он передумает ехать. — Скажи, что ты мой сослуживец. Вот и все. Имен не на-

зывай, в разговоры не вступай. Скажи, что велено передать сумку. Ее зовут Инесса Павловна. Да, впрочем, можешь не запоминать, вы все равно больше не увидитесь.

Олег застегнул куртку, поправил шарф. Ехать страшно не хотелось. Ситуация была настолько щекотливой... А тут еще перевод. Если бы не Нина — он бы вторые сутки сидел, с головой погрузившись в любимую работу, которая ему никогда не надоедала.

— А если она спросит, как меня зовут?

— Скажи правду! — Нина ласково улыбалась. — Подумаешь, имя! Главное, фамилию не называй.

— А если спросит, откуда у меня эти вещи? Где я с тобой встретился? Где ты отдыхаешь, в каком санатории? — Олег не считал, что задание было таким уж простым.

Но тут Нина возмутилась:

— Черт, я же не требую ничего не выполнимого! Можешь даже не переступать порога! Сунь в дверь сумку и уходи! Покажешься грубым — ну и пусть! Я же говорю — вам все равно не придется больше общаться! Какая тебе разница, что о тебе подумают! Неужели для тебя так важны условности!

И, переведя дух, она добавила, что главное — вовсе не это. Главное — чтобы Олег на пути домой проследил, не едет ли за ним какая-нибудь машина. Потому что, если его все-таки выследят — ей придется отсюда срочно съехать.

У него мелькнула шальная мысль: «А если взять и солгать, что машина за мной ехала?! Тогда я точно закончу перевод к сроку!» Но Олег тут же оборвал себя. Это было бы просто подло по отношению к женщине, которой негде больше спрятаться. Во всяком случае, она не нашла другого места. Олег попрощался и уехал.

Нина подробно объяснила, как добраться до дома ее матери. Он нашел нужный адрес без труда, хотя разобраться во всех этих одинаковых панельных домах было сложно. Дом, который был ему нужен, стоял в глубине большого микрорайона, на краю парка. Наверное, летом здесь было красиво — во дворе много деревьев, за оградой парка виднеется небольшой пруд. Но сейчас, в ноябре, все было унылым и каким-то жалким. На убогой детской площадке возились озябшие малыши. Около дальнего подъезда какой-то мужичок чинил старый потрепанный автомобиль. Женщина возила по двору коляску, и одно из колес душераздирающе скрипело. Непонятно было, как это не мешает спать лежащему в коляске младенцу. Но он все-таки спал, — проходя мимо, Олег заметил под пологом пухлое бледное личико.

Он вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, отметив облупленные, будто обколотые топором стены. Почтовые ящики — сплошь без замков. Зато все двери квартир как на подбор — стальные. Возле одной из таких дверей он и остановился. Повторил про себя сочиненную в дороге историю. Он — сослуживец Нины, она просила передать вещи. Больше ничего говорить не нужно — он повернется и уйдет. Убежит, если быть точным. Больше всего ему хотелось убежать.

На звонок открыла моложавая женщина в узких черных брючках и кокетливом розовом свитере. Олег даже не сразу понял, что это и есть мать Нины. Женщина выглядела от силы лет на сорок пять.

— Заходите, она только что звонила. — Хозяйка приветственно взмахнула сигаретой и посторонилась. — Ну? Заходите!

Он хотел поставить сумку и уйти, но она неожиданно взяла его за рукав куртки и почти втащила в

прихожую. Не успел он сообразить, что происходит, как за ним закрыли входную дверь. «О боже, — подумал Олег. — Этого я не ожидал...»

— Инесса Павловна?

— Я, — небрежно ответила она и выпустила дым. — А вы — Олег?

Он молча кивнул. Нина обещала позвонить матери, как только он выедет. Наверняка она назвала его имя.

— Вы Нину давно видели? — Инесса Павловна оказалась очень живой, разговорчивой женщиной. Заметно было, что она соскучилась по общению и теперь ей не хочется отпускать неожиданного визитера. — Диана! Тут от мамы приехали!

Из кухни выглянула худенькая темноволосая девочка в спортивном костюме. Она была до того похожа на мать, что у Олега замерло сердце. Почти точный портрет Нины — а с годами он станет еще точнее. Девочка смотрела на гостя без всякого смущения, но и без радости. Видно было, что он ее совершенно не интересует.

— Поставь чайник, — приказала ей бабушка. Это слово очень не подходило к Инессе Павловне. Даже вблизи было невозможно определить ее настоящий возраст. А ведь ей было уже под шестьдесят — так сказала ему Нина.

— Я не могу, у меня нет времени! — испугался Олег. — Вот сумка, и я... Мне нужно ехать!

— Ничего не знаю, — отрезала та. — Выпьете с нами чаю и поедете. Да что вы?! Такая мерзкая погода! Нужно побольше пить, иначе — грипп, грипп, грипп... Ничего не слышу!

Она говорила весело, почти игриво. Диана скрылась в кухне, там зашумела вода, послышался легкий треск зажигалки.

— Проходите. — И снова его почти насильно втащили в комнату.

Олег, повинуясь мягкому нажатию руки, уселся в кресло. Ему велели не разуваться — конечно, если он не промочил ноги. Ах, не промочил? Замечательно. Он на машине, да? Инесса Павловна видела, как к подъезду припарковались новенькие «Жигули». Он доволен этой моделью? У ее подруги — такая же. Она недовольна.

Олег с трудом улучил момент, чтобы перебить хозяйку:

— Большое вам спасибо, но мне в самом деле нужно ехать. Срочная работа!

Она даже не обратила внимания на его умоляющий тон и быстро перебила:

— Вы работаете с Ниной? Ну так что же тут страшного? Она же ваша начальница, так? Нет? Ну, она за вас Колю попросит, чтобы не ругал. В каком отделе вы работаете?

Олег прикусил язык. В самом деле — в каком отделе он работает? Фирма Нининого мужа занималась производством изделий из натурального дерева. Сама фабрика находилась в Подмосковье. Офис, где сидела Нина, — в Москве. К дереву Олег никакого отношения не имел, и в лесу, когда случалось там бывать, узнавал только березу. Различить, к примеру, ель и сосну он уже не мог.

Но Инесса Павловна, спросив его о работе, тут же забыла об этом. В комнату заглянула Диана и сообщила, что чайник вскипел.

— Или, может быть, кофе? — поинтересовалась хозяйка у гостя. — Я сейчас сварю.

Олег согласился на чай. Ему не хотелось задерживаться здесь ни единой лишней минуты. Когда он остался в комнате один, то почувствовал облегчение.

«Однако какая энергичная дама! — подумал Олег. — Шестьдесят лет? Кто бы мог подумать! С мужем она в разводе, Нина говорила... Но кажется, вполне довольна жизнью».

Инесса Павловна принесла ему чай на подносе, в подстаканнике — это выглядело очень эффектно. Она предложила гостю домашнее печенье — маленькие песочные крендельки. Олег поколебался и не устоял. Очень довольная, Инесса Павловна опустилась в соседнее кресло. Девочка околачивалась тут же — она бочком присела на подлокотник и выглядывала из-за бабушкиного плеча.

— Так вы виделись с Ниной? — приветливо повторила Инесса Павловна. — Когда?

— Вчера, — вынужденно ответил он.

— Вчера? — Та подняла брови. — Но она же в санатории?

— Да, я туда съездил, она дала мне ключи... Сказала, какие вещи нужно забрать из дома и отвезти сюда.

Олег злился. Легенду для матери Нина придумала сама... Но звучало все это довольно странно, что сразу же заметила Инесса Павловна:

— Постойте, она доверяет вам ключи? Странно! Родной дочери не доверяет... И у меня их нет! Они что — у вас?

Олег ответил, что, забрав вещи, тут же отвез ключи обратно в санаторий.

— Она так вам доверяет... — повторила женщина с неприкрытой завистью. — Кто бы мог подумать... Хотя что это я? Вы же работаете у нее в фирме!

Все это время она не переставала цепко оглядывать Олега. Это был неприятный, слишком пристальный взгляд. Он понял, что успел внушить хозяйке дома подозрение. Только в чем она его заподозрила?

«Вот будет весело, если из квартиры что-то украдут! — мелькнуло у него в голове. — Эта дама сразу подумает на меня! И будет права — я кандидат номер один! Хорошо, что она пока не спрашивает фамилии!»

— Когда вернется Николай? — спросила она. — Нина говорит — в следующий вторник.

Олег это подтвердил. Он уже допил чай и мечтал об одном — встать и уйти. Но Инесса Павловна явно собиралась изучить его как следует.

— Что же они бросили свою любимую фирму, среди недели да сразу оба? — задумчиво произнесла она, закуривая новую сигарету. — Диана, выйди.

— Ну бабушка!

— Иди, нечего этим дышать! — Когда девочка вышла, дама почти игриво подмигнула гостю: — Просто невозможный ребенок! Вылитая Нина в детстве! Так вы близко с ней знакомы? Давно?

— Не так давно... — Олег старался не встречаться с нею взглядом.

— А Николая хорошо знаете?

— Почти не знаю.

Та удивилась:

— Работаете там и не знаете? Странно! Впрочем, сейчас вообще ничего не поймешь. Фирма вроде маленькая, народу там — человек двадцать. И никто друг друга не знает, все пашут, друг на друга внимания не обращают. Когда я еще не вышла на пенсию, знаете, сколько у меня было знакомых? Человек сто! Все министерство, весь мой отдел, все соседние! Сейчас, конечно, почти никого не осталось...

Она резко хохотнула:

— Скучно жить, ничего не делая, правда? Я бы оттуда не ушла, но меня молодежь подсидела. Кому-то захотелось устроить на мое место племянницу...

Ну и черт с ней! — Она сделала зачеркивающий жест сигаретой. — Здоровее буду!

Олег решил, что это самый удобный момент, чтобы уйти. Пока он был собой доволен. Он не сказал ни слова сверх того, о чем разрешила говорить Нина. Придраться при всем желании было невозможно — он свое задание выполнил. А пожилая дама явно решила поболтатть — просто от скуки. Конечно, если в былое время у нее было сто человек знакомых, то сейчас ей очень скучно. Но следующий вопрос застал его врасплох. Олег уже начал подниматься с кресла, но замер, неожиданно услышав:

— Скажите-ка, моя Нина в самом деле такая стерва, как говорят?

Олег медленно повернулся:

— Извините, что?!

— Ну, на работе, на службе, — занервничала Инесса Павловна. — Придирается, да?

— Что вы... — пробормотал он. — Она вовсе не... Кто такое сказал?

Та развела руками:

— Ну, если я скажу — кто, этого человека уволят, правда? Или нет? Или Нина его простит? Вы же расскажете ей, правильно? Вы ведь ее близкий друг?

Она подчеркнула слово «близкий». «О господи! — подумал Олег. — Она все поняла! Не знаю, как, почему, но все поняла. Я этого не хотел! И как они умеют это сразу видеть — что между людьми что-то есть?! Может быть, я держусь как-то неправильно? Не нужно было сейчас так подскакивать...»

— Я ей не расскажу, — как можно спокойнее ответил Олег. — Просто я удивился. Она... Она, в общем, очень скромный человек.

— Скромный? — заулыбалась собеседница.

— Сдержанный, — поправился Олег.

— Это она-то? Да, кажется, вы плохо ее знаете... — разочарованно произнесла Инесса Павловна. — Впрочем, вы же мужчина! Молодой симпатичный мужчина! С вами она, может быть, и скромная. А вот с женщинами... Хотя разве можно ее осуждать? Если посмотреть здраво, все бабы — стервы. А бабы-начальницы — тем более. Не нужно ей было переучиваться. Была бы библиотекарем, как вы считаете? Знаете, это ведь самая безопасная профессия в смысле нервного перенапряжения! Я об этом недавно читала. А Нина очень нервная. Про ее сдержанность вы мне не рассказывайте, пожалуйста! Вот и допрыгалась — помчалась в санаторий. Как он называется, вы сказали?

— Я не помню. — Олег наконец встал. Ничто не заставило бы его задержаться здесь еще на минуту.

Женщина тоже поднялась. Ее пристальный взгляд его не отпускал. Олегу даже показалось, что она хочет загородить ему выход. От ее приветливости не осталось и следа.

— Как не помните? — почти издевательски произнесла она. — Вы же ездили туда по крайней мере дважды! Вы сами только что сказали!

— Названия я не помню. — Олег вышел в прихожую и снял с вешалки куртку. Одеться он решил уже в подъезде. Все сложилось так, как он себе и представлял. Ему не поверили.

Но женщина не торопилась открывать ему дверь. Сделать это самостоятельно он не решился, тем более что вдруг обнаружил рядом девочку. Та стояла и испуганно смотрела на него. В ее глазах тоже было недоверие, но больше всего страха. Она показалась ему еще больше похожей на мать.

— Диана, выйди, — снова скомандовала бабушка. — Иди на кухню и закрой за собой дверь. А вы,

Олег... задержитесь еще на минуту. Мне нужно кое-что вам сказать.

Девочка исчезла. Олег обернулся:

— Извините, но я очень тороплюсь. Откройте мне, пожалуйста.

Та неожиданно улыбнулась:

— Да ладно вам. Куда вы торопитесь? Со мной вы можете говорить прямо, я ничего не расскажу зятю.

Он хотел спросить, на что она намекает, но все было ясно и так. Женщина продолжала улыбаться — смутной, неопределенной улыбкой заговорщицы.

— Ни в какой санаторий моя дочка не поехала, конечно, — легко сказала она. — Да вы пройдите в комнату, что же тут стоять... И потом, Диана может услышать...

Он машинально повиновался. Эта женщина просто ошеломила его.

— Когда я видела ее в последний раз, она была совершенно здорова, — продолжала Инесса Павловна, когда прикрыла дверь столовой. — Кстати, о ее здоровье. Она вообще исключительно здоровый человек. Это даже странно, в наше-то время и при нашей экологии. Последний раз она простужалась года два назад. Трудно поверить, правда?

Олег хотел ответить, что два года назад он еще не был знаком с Ниной, но ничего не сказал.

— И ни в какое переутомление я не верю, — легко продолжала Инесса Павловна. — А если бы она и заболела, то не бросила бы фирму, пока нет Николая. Она, знаете ли, обязательная... Даже чересчур, — добавила пожилая дама как бы про себя.

— Не понимаю, зачем вы мне это говорите, — наконец вымолвил Олег. — Она скоро вернется и все вам расскажет.

— Она мне солжет. Хотя... нет, солжет наверняка. — Инесса Павловна вздохнула. — Иногда она предпочитает солгать, чем поделиться с близким человеком. Чтобы не расстраивать, понимаете? Так для нее проще. А я уверена, что она здорова, находится в Москве... Если вы, конечно, живете в Москве. Короче, она у вас.

И женщина пленительно улыбнулась:

— Меня вы не обманете, да и зачем это?

— С чего вы взяли... — начал Олег, но она не дала ему договорить:

— Ну ладно вам, я ее слишком хорошо знаю. Никогда, слышите, никогда она не отдала бы чужому человеку ключи от квартиры. Тут у нее пунктик. Она и мне ключи не дала, хотя я намекала, что неплохо где-то хранить запасные. Нет, и все. Значит, вы ей не чужой. А что-то... Вроде мужа!

И Олег готов был поклясться — она ему подмигнула!

* * *

— Какой бред! — Нина ужасно рассердилась, услышав его отчет о визите. Она вскочила с дивана, где до этого уютно лежала с книгой, и машинально потянулась к телефону. Но тут же осеклась. — Ты, надеюсь, ни в чем не сознался? — подозрительно спросила она.

— Ни в чем. Но я едва сбежал. Твоя мама чуть не благословляла нас, можешь себе представить? Говорила, что очень за тебя рада и что я ей понравился. Конечно, я не сознался. Твердил одно и то же, как болван: что ты в санатории, что я работаю у вас в фирме... Но она не поверила.

Нина с досадой хлопнула по телефонной трубке:

— Ничего, я ей еще выскажу! Какое она имеет право... А ты представь — если бы все это было правдой! Если бы к ней приехал наш сотрудник, а она выдала ему такое! Как бы я после этого показалась на работе?! Об этом она, конечно, не подумала...

Она прошлась по комнате и трагически добавила, что все это мама выдумала только от неприязни к зятю. Она, Нина, давно подозревала, что маму очень радует каждая неудача Николая. Но радоваться тому, что жена ему изменяет...

— Она так тебе и сказала, что я выбрала хорошее время, когда Коля уехал? — переспросила она. — Вот, значит, как она обо мне думает! Муж в дверь, а жена в Тверь, так, да?

— Не кричи, я же не твоя мама, — устало попросил Олег. Он присел к столу и с отчаянием разглядывал свои бумаги. Сейчас бы несколько тихих часов да чашку крепкого чая... Он бы многое успел.

— И все это слышала Диана? — продолжала кипятиться Нина. — Бог ты мой, мама никогда не отличалась особой церемонностью, но сегодня побила свой личный рекорд!

Она задыхалась, снова и снова бралась за телефон, но каждый раз отдергивала руку.

— А звонить нельзя, — сказала она наконец. — Если я позвоню — сразу станет ясно, что я в Москве. Ты бы просто не успел со мной увидеться, будь я в санатории... Нет, нельзя.

— Ты боишься, что она все скажет мужу? — не выдержал Олег. — Что ты так беспокоишься? И девочка ничего не слышала. Это я, я один выслушивал все эти глупости.

— Коле она не скажет, нет... — протянула Нина. — Она же теперь с нами в заговоре! Ох, теперь я понимаю, что ма давно мечтала о чем-то таком! Она всегда

обижалась, что я не делюсь с ней тайнами... Ну вот, поделилась... Однако ловко она тебя расколола!

Олег стоял на том, что он не виноват. Надо было предупредить, что мама так проницательна. Похоже, она всю жизнь не в том министерстве проработала. В другом месте она принесла бы намного больше пользы. В разведке, к примеру. Нина постепенно успокоилась и снова забросала его вопросами. Не заметил ли Олег за собой слежки? Нет, ничего подобного он не замечал. Он все больше убеждался, что преступник — если тот в самом деле существовал — не знал, где живет мать Нины.

До вечера он напряженно работал над переводом. Нина вела себя идеально — ходила на цыпочках, потихоньку возилась на кухне, что-то стирала в ванной... Все эти мирные домашние звуки создавали какой-то непривычный уют. Олег очень это оценил.

«А хорошо было бы так жить, — подумал он, на минуту отрываясь от книги. — Конечно, в одной комнате двоим тесновато, но если бы Нина вела себя так всегда... Нет! Что за глупости! У нее прекрасная квартира, не то что моя сталинская развалюшка! Муж хорошо зарабатывает, дочке уже восемь лет. Такое не бросают». И все-таки.... Все-таки Нина была такой уютной! Он никогда не знал ее с этой стороны.

Олег засиделся за работой допоздна. Им никто не звонил — ни ему, ни Нине. Та снова отключила свой мобильный телефон. Они больше не касались неприятной темы — его визита к Нининой матери. Но Олег видел, что Нина все время думает об этом. Сам же он думал совсем о другом.

Нина могла сколько угодно утверждать, что ее муж человек мягкий — не мстительный, не подозрительный. Что ревность ему чужда. Но она ведь могла ошибаться. Или даже лгать. Сегодня он вто-

рично убедился в том, что Нина лгать умеет. Ее мать сказала, что дочь постоянно ей лжет — во всем, что касается ее семейной жизни, например.

Но если ей верить... Если предположить, что она в самом деле закрыла газовый кран, а он потом оказался открытым... Кто же мог это сделать? Нина не задавалась этим вопросом. Она даже не упоминала об этом. Она просто впала в панику и спряталась в надежное убежище. Но Олег не мог избавиться от мысли об этом неудавшемся покушении.

Тот, кто сделал это — вошел к квартиру и открыл кран газовой горелки, — знал по крайней мере одно: муж и дочь Нины останутся за городом допоздна. И значит, Нина успеет надышаться газом до такой степени, что спасать ее будет поздно. Также у него были ключи от квартиры (если не принимать в расчет отмычки). Если у него были ключи — кто это мог быть? Мать Нины говорит, что та очень трепетно относилась к ключам, не доверяла их даже близким родственникам. Кто мог иметь ключи? Кто мог все это знать?

Второе покушение — неизвестно откуда подвернувшаяся машина. То, что убийца знал место работы Нины, уже вне всяких сомнений. Он выследил ее — от магазина до кафе. Кафе — место встреч Нины с Олегом. Знал ли об этом убийца? Или просто следовал за ней? Нина сказала, что не успела толком разглядеть машину. Уверена только в цвете — темно-синяя. У ее мужа тоже темно-синий автомобиль. Но разве она не узнала бы собственную машину?

Третье. Звонок на работу — ложная тревога насчет пожара. Мужа в это время на месте нет — он уехал встречаться с партнерами, и Нина не смогла с ним посоветоваться.. Где он был на самом деле? Можно ли это проверить? Подтвердят ли его партнеры, что они беседовали с ним именно в то вре-

мя, когда Нина подошла к двери своей квартиры? К той двери, за которой ее ждал убийца?

Нина может сколько угодно уверять, что муж ее не ревнует. Возможно, она даже говорит правду, то есть считает это правдой. Но как обстоят дела в действительности?

Вот только звонок мужа из командировки никак не укладывался в эту подозрительную схему. Олег даже слегка расстроился — все остальные улики указывали на Николая. Было так удобно все свести к этому... Но тот даже не поинтересовался, куда на самом деле отправилась Нина. Ему не нужен был адрес пансионата. Его волновало одно: вернется ли та домой к его возвращению? Впрочем, он мог особо не торопиться.

Так или иначе, но адреса Николай не спросил.

Олег принялся грызть карандаш. Николай не заинтересовался, но вот его секретарша... Они должны держать связь, разве нет? Шефа не может не волновать то, что происходит на фирме.

Нина уже лежала в постели. Он обернулся, посмотрел на ее темные волосы, свесившиеся над книгой. Она его не замечала. Забыла о нем — как забывала иногда, если не было времени позвонить. И все-таки сейчас она была здесь, рядом.

— А у твоего мужа были любовницы? — спросил он, стараясь говорить как можно непринужденнее.

Нина подняла голову:

— Что?!

— Я спросил...

— Я слышала. — Она приподнялась на локте. — Не знаю. Правда, не знаю. Если и были — он мне не говорил.

— Но ты же сказала, что в последнее время вы жили друг с другом как друзья, не больше. Он еще не

стар, почти мой ровесник. Как ты думаешь, ему этого хватало?

Нина раздраженно ответила, что таких вопросов она с мужем не обсуждала.

— Вот как? — удивился он. — А какие вопросы вы обсуждали?

Они обычно говорили только о служебных проблемах. О деньгах, о сделках, о счетах. В крайнем случае обсуждали вопросы образования своей дочери.

— Мы вообще редко с ним разговаривали, — призналась она.

— Почему?

— Было не о чем.

Олег не стал спрашивать, что же в таком случае скрепляло этот брак. Он подумал, что Нине, скорее всего, было важно жить с человеком, который уважал ее мнение, считался с ее словами. Все это муж предоставлял ей в избытке. И даже не претендовал на ее верность. Кто еще мог предложить ей нечто подобное? Наверное, не он...

— Но пойми, — сказала она уже гораздо тише. — Мы с ним вместе ездили на работу. Вместе возвращались. На работе тоже постоянно с ним общались. Если бы он завел любовницу, я бы заметила. И вообще, почему ты об этом спрашиваешь?

— Как ты считаешь, — он решил не отвечать прямо на ее вопрос, — у твоего мужа были причины желать твоей смерти?

Нина так и подскочила:

— У Коли?! Ты с ума сошел?

— Но ты ему изменяла, и он это знал.

Нина впала в неистовство. Да это же абсурд! Если бы муж страдал от ее неверности — он бы нашел другой способ избавиться от нее! Существует развод. Существует просто раздельное проживание. И в конце

концов, они оба очень терпимы в этом плане. Она бы все простила мужу, как он прощал ей.

— Я отталкиваюсь от того, что ты мне рассказала, — возразил Олег. — Первый раз, когда тебя пытались убить, убийца знал, что твои муж и дочка не вернутся домой допоздна.

— Ну и что?

— Кто еще знал, что они поехали за город? У кого могли быть ключи от твоей квартиры? Ведь вошли туда так тихо, что ты даже не проснулась.

Нина задумалась. Потом сказала, что все это могло быть случайным стечением обстоятельств. Убийце, который отвернул кран газовой горелки, могло в этот день просто повезти. Вовсе не обязательно, чтобы преступник был так хорошо осведомлен о том, когда вернется домой ее семья.

Олега это не очень убедило, однако он не стал ее разубеждать.

— Ну хорошо, а второй раз? Та машина... Водитель знал, какой дорогой ты пойдешь со службы в кафе. Он следил за тобой. Это не может быть случайным стечением обстоятельств.

Нина ответила, что этот второй случай вообще кажется ей странным. Что она не может утверждать, что на нее наехали нарочно. В конце концов, могло случиться всякое.

То, что она говорила сейчас, разительно отличалось от ее панического рассказа в тот день, когда она сюда прибежала. У Олега было чувство, что Нина ощутила себя загнанной в угол и теперь пытается защищаться — даже наперекор здравому смыслу.

— А когда тебя пытались заманить в собственную квартиру? — спросил он. — Это тоже стечение обстоятельств?

Тут она была вынуждена признать — кто-то готовил убийство. Но чтобы это был ее муж?

— Ты можешь проверить — был он в то время на встрече с партнерами?

Она ответила, что попробует это сделать. Это возможно — ведь ей известно, куда он собирался. Достаточно пары звонков. Она знает всех партнеров, и муж никогда не делал секрета из того, куда он собирается ехать.

— А та женщина на Чистых прудах...

Нина даже не дала ему договорить. Она вспылила, заявив, что случай с той женщиной она вообще не воспринимает как нечто, относящееся к ней лично. Та погибла — тут уже ничего не поделаешь. Но мало ли преступников шляется по центру Москвы? Мало ли преступлений совершается без всяких мотивов? Почему Олег так хочет приписать смерть этой женщине ей — Нине?! Она никогда в жизни с ней не встречалась! Не знает ее имени, не видела ее в лицо! Достаточно вспомнить то, что никто не подслушал ее разговор по телефону. Никто не знал, где она назначила встречу Олегу. А значит, никто не мог поджидать ее там и, ошибившись впотьмах, убить из-за нее кого-то другого! И достаточно об этом!

Он не выдержал:

— Достаточно? Хорошо.

И направился к телефону. Нина встревоженно следила за ним:

— Что ты собираешься сделать?

Вместо ответа, он достал визитную карточку, которая давно валялась у него в кармане пальто. Набрал номер. Дождался ответа.

— Алло? — сказал он, услышав приятный женский голос. — Я звоню по объявлению. Я нашел визитку в книге...

Глава 5

...Он вообще не думал, что кто-нибудь снимет трубку. И если даже ответят, наверняка скажут, что никаких уроков дикции больше не будет.

Однако получилось совсем не так. После секундной паузы тот же приятный голос поинтересовался, какое время для занятий его устроит. Где он желает заниматься — у себя на дому или у преподавателя? Если с выездом на дом — это будет стоить дороже. Не намного, но все-таки...

Олег с трудом пришел в себя. Значит, та женщина вовсе не была учительницей? Значит, она просто занималась своеобразной рекламой языковых курсов?

— Нет, у вас, — вымолвил он. — Лучше всего у вас.

— Хорошо, тогда запишите адрес, — приветливо ответили ему.

Олег взял ручку, поймал на себе пристальный, недоумевающий взгляд Нины. Записал адрес. Это было не очень далеко — если ехать на машине, конечно. Голос в трубке спросил, знает ли он расценки. Двести рублей в час — это его устраивает?

— По московским меркам — это почти даром! — Голос зазвучал ласкающе, почти интимно.

— Конечно, — ответил Олег, пропустив мимо ушей цифру. Меньше всего на свете он сейчас думал о расценках. С ним вежливо распрощались и дали отбой, а он все еще сидел у телефона и размышлял, правильно ли поступил. Все это он затеял только затем, чтобы переубедить Нину. Она так яростно защищалась от его нападок. Ей почему-то вдруг захотелось представить все случившееся с ней как стечение несчастных случаев.

Мертвая женщина на Чистых прудах была его главным аргументом. Если удастся доказать, что не-

счастную убили вместо Нины, перепутав их в темноте, значит, разговор по телефону все-таки был подслушан. А тогда уж Нина сама сделает выводы, кого ей следует опасаться. В сущности, ему сейчас стоило всего-навсего представиться по телефону, рассказать, что это именно он той ночью вызвал милицию к телу покойной... А потом спросить — вдруг да и ответят, — с чего бы это она отправилась в такое место и в такое время? Чего она боялась, кто ее преследовал? Были ли у нее враги?

Но ни слова из всего этого он не произнес. У него было предчувствие, что на такие темы с ним говорить откажутся. Поэтому Олег просто записался на урок.

Нина наконец не выдержала:

— Слушай, кому ты звонил? Ты завтра опять уедешь?

Олег бессмысленно посмотрел на нее, вспомнив, что он не один. И вдруг ему расхотелось отвечать. По крайней мере, до тех пор, пока он не узнает всей правды. Вот когда он докажет, что та смерть на Чистых прудах не была случайной, Нина, возможно, будет меньше верить своему супругу. Потому что его невиновность представлялась весьма сомнительной. Но она должна сама это признать, без нажима с его стороны. Ведь он необъективен.

«А почему мне так хочется, чтобы Нина перестала ему верить? — подумал Олег. — Неужели я хочу, чтобы они развелись? И... Что дальше? Она придет ко мне насовсем? С дочкой, со своим странным независимым характером, со своими проблемами?»

Его слегка зазнобило. Нет, это слишком! Он не собирается разрушать семью, тем более что Нина очень ею дорожит. Но если именно ее супруг подстраивал все эти «несчастные случаи» и в конце кон-

цов дошел до убийства... Тогда Нине ни в коем случае нельзя к нему возвращаться. По крайней мере, это нужно предотвратить. Если она сама не понимает этого, Олег ей поможет. Хотя бы из простого человеколюбия.

— Деловая встреча, — ответил он. — Но я скоро вернусь.

Нина тихонько застонала и разочарованно уткнулась лицом в подушку.

* * *

Ему было назначено на два часа. Женщина, с которой он разговаривал, подчеркнула, что это самое лучшее время. Олег не стал возражать. Ему показалось, что этот урок гораздо более важен для учительницы, чем для него. У нее свободно самое удобное время, а она отдает его первому попавшемуся. Значит, учеников не так уж много, сообразил он.

Олег явился вовремя и без пяти минут два уже нажимал кнопки на домофоне, которым была оборудована подъездная дверь. Ясный голос из динамика откликнулся:

— Слушаю?

— Я звонил вам вчера, мне назначено...

Он не успел договорить — после тихого гудка дверь доверчиво открылась.

Лифта не оказалось — дом был пятиэтажный. Олег поднялся на четвертый этаж, сверил номер квартиры со своей записной книжкой.

— Заходите!

Улыбка, пышные темно-рыжие волосы, влажные темные глаза. Женщине было никак не больше двадцати пяти — она показалась ему совсем молоденькой. Олег вошел, поздоровался, представился. Снял

куртку, украдкой приглядываясь к хозяйке. Он пытался найти в ней что-то общее с погибшей. И не находил ничего.

— Вы так точно пришли, — улыбнулась она. — Меня зовут Тамара Владимировна. — Отчество она выговорила с небольшой запинкой, как будто сознавала, что по возрасту не совсем имеет на него право. И тут же поправилась: — Просто Тамара. Пожалуйста.

Она провела его в одну из комнат. Всего, как заметил Олег, их было две.

— У нас с вами целый час, — сказала хозяйка. — Давайте сразу обсудим: для чего вам нужны мои уроки?

— То есть? — растерялся Олег.

Тамара объяснила. К ней приходят люди, которых по тем или иным причинам не устраивает собственное произношение. Иногда это связано с работой — например, если человек чувствует, что неправильный, провинциальный выговор мешает ему продвинуться по службе. Иногда приходит молодежь, мечтающая о театральной или киношной карьере. Таких, кстати, меньше.

— И это очень жаль, — заметила Тамара. — Потому что стоит включить радио или телевизор... Чего там только не услышишь. Иногда я просто не понимаю, что говорит диктор. Раньше, конечно, такого не было.

Она вернулась к предмету разговора. Прежде всего ей нужно знать, какая у него цель. Потому что от этого зависит, какой курс занятий ему нужен. Иногда достаточно просто кое-что подправить. Но куда чаще требуется серьезная длительная работа. Так зачем же это ему?

— Для... Собственного развития, — наконец ответил Олег.

Она чуть сощурилась — видимо, была близорука. На письменном столе лежал кожаный очешник,

но очки явно надевались только для работы. Тамара разглядывала гостя спокойно, вежливо, но удивленно.

— Значит, для себя? — уточнила она. — Странно, что вы сами поняли, как это нужно... Первый подобный случай...

И спохватилась:

— Извините!

— Ничего. — Олег воспользовался приглашением и присел к письменному столу. — Мне даже лестно, что я — единственный в своем роде.

Тамара тихонько засмеялась. В самом деле, голос у нее был удивительно приятный, произношение мягкое, но отчетливое, напоминавшее какую-то ненавязчивую, давно знакомую музыку. Почему эта музыка показалась такой знакомой, Олег понял позже. Тамара говорила в точности так, как дикторы на прежнем, советском телевидении. Он уже успел от этого отвыкнуть.

— Прочитайте, пожалуйста, текст, — попросила она, подавая ему раскрытую книгу и доставая из футляра очки.

Олег прочел. При этом он почему-то начал запинаться, хотя старался произносить слова как можно вернее. Он досадовал на себя и заметил, что пару раз неверно расставил ударения. Наконец Тамара его остановила. Лицо у нее было задумчивое.

— Знаете, неплохо. Совсем недурно. Вас в самом деле беспокоит произношение?

Олег удивился:

— Неплохо? Мне показалось, что я все время сбивался!

— Это не важно. — Тамара прикусила кончик карандаша, не отрывая от своего ученика задумчивого туманного взгляда.

Ему было до странности неловко. В конце концов, учительница дикции моложе его. Почему же он чувствует себя каким-то школьником, мальчишкой? Едва переступив порог, он поймал себя на мысли, что для преподавателя она слишком молода и не может внушать своим ученикам почтение. Ошибся, оказывается. А еще при виде ее юного лица он было решил, что завести разговор на интересующую его тему не составит особого труда. И вот теперь он почти робел.

— Ну что ж, можно с вами поработать, — милостиво сказала Тамара, оставляя карандаш в покое. — Если вы сами этого хотите, конечно.

— Я хочу.

— Хорошо. Тогда я попрошу вас заплатить за пять уроков вперед.

Такого поворота Олег не ожидал. Тысяча рублей у него нашлась бы, но отдать их вот так, ни за что, этой незнакомой женщине — это уж слишком. Дороговато за сведения о трупе на Чистых прудах. И он наконец преодолел свое смущение:

— Видите ли, я не рассчитывал заниматься так долго.

— Долго? Да что вы! — воскликнула она. — Нам потребуется по крайней мере двадцать занятий, чтобы я с чистой совестью смогла вас отпустить.

— Двадцать?!

— Не меньше!

— Но вы же говорите, что у меня все не так уж плохо! — взбунтовался Олег. Его возмутил сам факт: это же надо — выложить такие деньги, чтобы выучиться говорить на своем родном языке! Немалая сумма — четыре тысячи рублей!

— Вот именно, не так плохо, — все так же спокойно согласилась Тамара. — Но и хорошего тоже ничего

нет. И учтите — с другими учениками я занимаюсь иногда по полгода, а то и дольше. Зависит от способностей. Иногда и вовсе не удается ничего сделать.

Олег покачал головой:

— Я не собираюсь учиться у вас так долго. Достаточно двух-трех занятий.

— А это уж позвольте решать мне. — В голосе ее неожиданно зазвучали повелительные нотки. — Все-таки я специалист, а вы пришли ко мне, чтобы исправить свое произношение. Я, кстати, совсем от него не в восторге.

Помедлив, она добавила:

— Хотя я не могу вас принуждать. Решайте сами. Но этот потерянный час вы должны мне оплатить.

«Неплохой способ зарабатывать деньги, — подумал Олег. — Приходит ученик, сразу пугается, отказывается от дальнейших уроков. Но за потерянное время он все-таки платит двести рублей. Так можно заработать кучу денег!»

Он достал бумажник и положил на стол две сотенные купюры. Тамара слегка пожала плечами, помедлила и спрятала деньги в раскрытую книгу. Этот жест ему кое-что напомнил. Сам он никогда не имел привычки что-либо прятать в книгах. Потом всегда бывает слишком трудно найти спрятанное.

— За этот час я могу только рассказать, какие у вас трудности с произношением, дать несколько советов, упражнений, — уже без всякого энтузиазма сказала она.

Олег покачал головой:

— Мне бы хотелось поговорить о другом.

— О чем же?

Он снова раскрыл бумажник и достал оттуда визитку:

— Вот об этом.

Тамара едва взглянула на измятый клочок бумаги:

— А что об этом говорить? Это моя реклама.

— Вы ее распространяете довольно странным способом. Я, например, нашел эту визитку в книге. В книжном магазине.

Тамара все так же непринужденно спросила: что странного в этом способе рекламы? У нее нет денег, чтобы рекламировать себя с помощью платных объявлений в метро, например. А газеты с бесплатными рекламными купонами... Кое-какие результаты это дает, но она давно от этого отказалась.

— Идеально было бы, если бы мои ученики рекомендовали меня знакомым, — сказала она. — Идеально, но... Уж очень у меня специфическая работа, понимаете? Это не иностранные языки, которые сейчас нужны всем. Люди обычно думают: зачем платить за то, чтобы научиться говорить по-русски? Они же говорят на этом языке с детства! А помощь нужна многим. Но только мало кто готов это признать.

Олег с трудом ее перебил:

— Простите, я все-таки хотел поговорить об этой визитке...

— Да почему она вас так волнует?

— Меня волнует женщина, которая эти визитки распространяла. Ведь это были не вы?

Тамара на миг замерла. Затем ее темные глаза сузились — медленно, угрожающе, будто кто-то задергивал шторы. Взгляд стал непроницаемым.

— Значит, вы из милиции, — как бы про себя заметила она. — Странно. Сказали бы сразу.

Она раскрыла книгу и протянула ему деньги:

— Возьмите. Не стоило маскироваться под ученика. Тем более, что с милицией я уже разговаривала.

Олег поколебался, но деньги не взял. Тамара подняла брови:

— Возьмите же. Надеюсь, вы не устроите мне неприятностей с налоговым управлением? Или вы сами оттуда? Интересно придумано!

Она говорила резко, раздраженно, и ее голос уже не казался приятным.

— Я не из милиции и не из налоговой инспекции, — ответил наконец Олег. — Я нашел эту женщину на Чистых прудах.

Рука, протянувшая деньги, опустилась. Тамара подняла ресницы, недоверчиво глядя на гостя. Наконец убрала деньги — обратно в книгу.

— Еще более странно, — сухо произнесла она. — Не понимаю... Вы что — были с ней знакомы?

— А вы?

Она не ответила, всем своим видом давая понять, что сперва хочет выслушать его. В конце концов Олег признался, что не был знаком с той женщиной. Он видел ее всего дважды — оба раза случайно. Во второй раз она уже была мертва.

— Значит, вы видели, как она раскладывала рекламу по книгам, — задумчиво произнесла Тамара. Доверия в ее голосе по-прежнему не было, но тон несколько смягчился. — Да, она это делала иногда. По моей просьбе. У меня самой нет времени на это. Уроки...

И, помедлив, добавила:

— Но странно, что вы столкнулись еще раз... В таком месте, в такой час...

— Вот об этом-то я и хотел поговорить.

Встретив ее непонимающий взгляд, он вкратце объяснил, что сам-то оказался в том месте не случайно. У него было назначено свидание.

— С женщиной, — добавил он. — Но она не пришла вовремя, опоздала больше чем на час. А за этот час случилось многое... Погибла ваша...

Тамара неожиданно поднялась из-за стола:

— Моя свекровь. То есть бывшая свекровь. Хотите чаю?

Через десять минут Тамара принесла с кухни две большие кружки, поставила их на стол. Она не спрашивала, нужен ли сахар, не налить ли молока. Видно было, что она предложила чай не из любезности, а просто машинально. «Или чтобы успеть прийти в себя», — подумал Олег, разглядывая в кружке свернувшиеся, плохо заваренные чаинки.

— Я не знаю, что она там делала, — сказала Тамара, доставая сигареты. — И милиции тоже сказала, что не знаю. В общем-то они бы ко мне и не пришли, если бы не визитки. Они были в сумке у Маши.

Она закурила, взгляд сосредоточился на какой-то невидимой точке. Олег, не прикасаясь к своей кружке, молча ждал. Наконец Тамара очнулась:

— Самое жуткое, что она в последний раз заходила ко мне в тот самый день. После полудня, чтобы взять новые рекламки. Старые у нее закончились. У меня был ученик, мы даже поговорить толком не успели... Так, обменялись парой слов... Я ведь не знала, что случится ночью!

Она вздохнула:

— Милиции я тоже про этот визит рассказала. Ведь это нужно, чтобы найти убийцу. Только не знаю, какой в этом смысл. Она выглядела как обычно, говорила только о погоде. О том, что скоро пойдет снег. А у нее был ревматизм, для нее перемена погоды всегда была мучительна. Осенью и зимой она болела. А летом... Выглядела моей ровесницей. Летом вы бы ее просто не узнали.

Тамара говорила очень тепло, а Олег слушал и удивлялся. «Называет свекровь, да еще бывшую, про-

сто Машей... Переживает из-за ее болезней. Редкий случай».

— Значит, у нее был ревматизм? — спросил он, когда Тамара замолчала. Из всего рассказа его заинтересовала только эта деталь.

— Да, застарелый. Иногда она страшно мучилась.

Он ничего не ответил, но Тамара сама угадала его сомнения:

— Вот-вот, и я о том же подумала! Для ревматика не так уж полезна ночная прогулка, да еще по берегу пруда, на таком ветру. Ветер был ужасный, у меня всю ночь дрожали стекла. Окна на север...

— Так зачем же она туда пошла?

— Вы меня спрашиваете? — Тамара погасила сигарету, едва докуренную до половины. — Это уж милиция разберется. Надеюсь... А вас вызывали?

— Нет, слава богу, — машинально ответил он.

— Но это же вы ее нашли!

— А зачем меня вызывать? Чтобы я это подтвердил? Может быть, все еще впереди, конечно.

Тамара кивнула:

— Да, удовольствие среднее. Почему-то сразу чувствуешь себя преступником, верно? Хочется оправдываться. А в чем? Больше всего им не понравилось, что я даю частные уроки. Лицензия у меня есть, но боюсь, что налоговики все равно придерутся. Сами понимаете, я не обязана докладывать им о каждом ученике. И вообще, когда лицензия кончится, я, наверное, не буду ее продлевать... Найду работу в офисе.

— Потому что больше некому распространять вашу рекламу?

Ее глаза снова сузились, превратившись в темные щелки.

— Не шутите на этот счет, пожалуйста! Маша помогала мне просто так, хотела быть полезной. Да, я

попросила ее об этом, но, во всяком случае, обошлась бы и без нее! Она сама настаивала, чтобы я что-то ей поручила.

И, видя, что гость молчит, Тамара добавила:

— Вас, кажется, удивляют наши отношения? Мы с ней дружили. Просто дружили. С самого начала, как я с ней познакомилась. И когда я развелась, она очень боялась, что я и с ней не захочу больше видеться. Наверное, потому и разносила эти рекламки. Она была очень одиноким человеком. Почему-то ни с кем не могла сблизиться, подружиться... А вот со мной у нее получилось. Можно сказать, я была ее единственной подругой. Остальные считали ее... Странноватой.

И неожиданно резко спросила, не хочет ли он еще чаю. Слово «еще» было подчеркнуто, и Олег понял, что его попросту выставляют. Он отодвинул нетронутую кружку, поблагодарил, встал. Тамара сделала слабую попытку вернуть ему деньги. Было видно, что ей не хочется с ними расставаться. Олег отказался:

— Не нужно, я занял у вас даже больше часа. Но просьба у меня есть.

— Да?

— Скажите, она жила со своим сыном?

Тамара удивилась:

— Конечно. А почему вы...

— Вы не могли бы дать его адрес? Или хотя бы телефон?

После короткой паузы она записала ему и то и другое на клочке бумаги. И попросила не ссылаться на нее, если они все-таки встретятся с Валерой.

— Еще подумает, что я ищу повод для встреч, — сквозь зубы произнесла она. — Нам и так придется увидеться. На похоронах.

— А вы его не спрашивали, зачем его мать той ночью ушла из дому?

Тамара уже отпирала входную дверь. Обернувшись через плечо, она бросила, что, будь ее воля, она бы и вовсе ни словом с ним не обмолвилась. Так что задавать какие-то вопросы — не в ее интересах. И вдруг, захлопнув уже открытую дверь, она прямо посмотрела на гостя:

— А все-таки, почему это так вас волнует? Она же вам совершенно чужая! Вы все-таки не из милиции, нет?

Ее рука, придерживающая дверную ручку, заметно подрагивала. Но голос прозвучал ровно и чисто. Олег покачал головой:

— Я не из милиции. Мы с вами в каком-то плане коллеги. Я переводчик.

На губах Тамары медленно расцвела улыбка. Она даже в лице изменилась:

— Почему же вы не сказали? Хотя я сразу догадалась, что вы имеете отношение к языкам. Такое своеобразное произношение... Ну, так почему?

— Я буду с вами откровенен, — решился он. — Меня это тревожит, потому что я боюсь, что вместо вашей свекрови хотели убить мою подругу. Это она должна была оказаться на той лавочке, понимаете? Она просто опоздала.

— Вы думаете, это ошибка? — прошептала Тамара. — Но как это может быть? Вашей подруге угрожают?

— Если вы не расскажете об этом милиции, я сознаюсь. Да, угрожают.

Она неожиданно положила руку ему на локоть:

— Я ничего не расскажу. Но вы бы сами сходили, рассказали! Ведь это может быть опасно! Машу застрелили — невероятно! Оказывается, вот оно что!

А я все думала — как такое могло произойти! У нее ведь нет врагов, да еще вооруженных!

— Совсем нет? — упавшим голосом спросил Олег. Его догадка подтверждалась... Но никакой радости он не испытывал.

— Совсем, — нерешительно сказала Тамара. — Боже мой, я не могу утверждать... Но чтобы убить человека, нужно иметь веские причины. Правда? Я не верю, что это сделала уличная шпана... Они бы избили, ограбили, зарезали...

— Я тоже не верю. Но... — Он цеплялся за соломинку. — Может быть, она кого-нибудь боялась?

— Боялась?

— Да. Знакомая продавщица в магазине сказала, что давно заметила вашу свекровь. Она постоянно заходила к ней в отдел. И как-то в октябре ваша родственница вдруг чего-то сильно испугалась. Так сильно, что даже уронила книгу... Тогда и выяснилось, что она кладет туда ваши визитки. И еще это было похоже на сердечный приступ. Это мог быть приступ?

— У нее было вполне здоровое сердце. Небольшие шумы, но не больше. Несмотря на ревматизм.

— Тогда она кого-то испугалась. Кого?

Ответ Тамары его поразил. Она ответила, что ее бывшая свекровь боялась всех.

— Всех?!

— Да, всех подряд. Кроме сына и нескольких родственников. И меня, конечно. Она вообще боялась жизни. Боялась заболеть, обнищать, попасть под машину, поссориться с соседями, лишиться жилья, семьи... — В ее голосе зазвучало глухое отчаяние. — Она могла уронить книгу просто потому, что ей почудилось, будто ее накрыли. Вы понимаете?

Олег кивнул.

— Маша была очень мнительна и часто выдумывала себе проблемы. Не поздоровался с ней кто-то во дворе — и вот она уже терзается: чем провинилась? Жаловалась, что сын почти с ней не разговаривает. А он вообще молчун. Если у меня не было лишней минуты, чтобы с ней пообщаться — а у меня вообще мало времени, — она решала, что я за что-то на нее обижена. У нее делалось такое лицо, что плакать хотелось.

Олег был потрясен:

— Она была настолько нервной? И при этом пошла ночью в такое безлюдное место?

— Да-да-да! — Тамара уже не пыталась скрывать волнение. — Когда я услышала, где ее нашли, я не поверила! Зачем она туда пошла?!

Внезапно дверь приоткрылась — с наружной стороны кто-то сильно ее потянул на себя. Тамара слабо ахнула и выглянула. На лестничной клетке стоял молодой парень.

— Заходи, сейчас начнем. — Она пропустила его в квартиру и поманила Олега наружу. Прикрыв дверь, она шепотом попросила позвонить ей, если он что-нибудь выяснит. Ведь он пойдет туда, к Маше? Сама она не может... Не хочет... Не те отношения с бывшим мужем. Он обещал ей позвонить и попрощался.

«Значит, никаких врагов. Тихая, робкая женщина, очень одинокая, всегда готовая оказать услугу, — думал он, спускаясь по лестнице. — Значит, никаких криминальных знакомств. Никаких друзей с пистолетами». Делать нечего — приходится признать, что ее перепутали с Ниной. Подвело пальто с таким же воротником, и еще темнота, прическа, цвет волос... «Я прав, Нине придется об этом задуматься. Она же просто могла не заметить, что муж подслушивает наш разговор по телефону». Время и место она на-

звала сама — Олег точно это помнил, потому что еще очень удивился ее странному выбору. Ее слова мог ясно расслышать тот, кто этого хотел. И ведь кто-то слышал — это ясно. А потом ее снова пытались убить.

Спустившись еще на один пролет, Олег приостановился. Его поразила одна мысль. Может ли муж не узнать в темноте собственную жену, да еще подойдя к ней вплотную? Мог ли он принять ее за другую? «Чушь. Она проводила мужа в аэропорт, посадила в самолет. И не станет солидный бизнесмен мараться в крови. Это черная работа, он поручил ее кому-то другому».

Он открыл дверь подъезда, вдохнул воздух — свежий, зимний, пахнущий замерзшим чистым бельем, которое вносят в дом с балкона. «И все-таки я к нему съезжу, — подумал Олег. — Зачем-то же эта женщина поехала ночью на Чистые пруды. Это последний шанс. Пока я его не использую, я не могу обвинить мужа Нины. Она мне просто не поверит. Потому что не хочет верить».

* * *

Он позвонил Валерию из машины. Перед этим включил печку, немного согрелся. Его почему-то знобило — то ли от волнения, то ли он заболевал. Но о такой возможности Олег даже думать не хотел. Не говоря обо всем остальном, над ним висел неоконченный перевод. «Буду работать всю ночь», — решил он и набрал номер.

Ему ответил женский голос, и он решил, что ошибся. Ведь Тамара сказала, что ее бывший муж жил с матерью, а та была мертва. Но он вовремя опомнился, позвал Валерия и вскоре уже говорил с ним.

Олег не стал представляться как знакомый Тамары. Он вспомнил, что та сперва приняла его за сотрудника органов, и теперь рассчитывал на то же самое. По крайней мере, его впустят в дом. Но и лгать открыто он не хотел, поэтому просто сказал, что хочет поговорить с Валерием о его покойной матери.

— Приезжайте, — после заминки ответил тот и повесил трубку. Адрес он не сказал — значит, был уверен, что звонят из милиции. У него наверняка уже побывали. Олег был там через час — пришлось ехать через центр, и он несколько раз попадал в пробки.

Дверь открыла женщина — точнее, совсем еще молодая девушка. Он взглянул ей в лицо, а отвернувшись, тут же его забыл. Это было бледное, чуть припухшее, невыразительное лицо, из которых, кажется, и состоит вечерняя толпа в метро. Олег даже не заметил, какого цвета у нее волосы, и, только когда она заглянула в комнату, разглядел. Темно-русые.

Валерий принял его настороженно. Правда, позвал в комнату, пригласил гостя сесть, но держался так, как будто делал все это вынужденно. Олег окончательно убедился, что его принимают за блюстителя закона.

— Вы нашли что-нибудь? — осведомился Валерий.

— Нет. Но я хотел вас кое о чем спросить.

— Спрашивайте, — окончательно угас хозяин.

Олег впервые в жизни оказался в ситуации, когда его принимали за другого. Да еще и за сыщика. Сперва он колебался: не нарушает ли он закон? Но потом приказал себе не думать об этом. Он ведь не подделывал удостоверений и не говорил, что пришел из милиции. Это сам Валерий так решил.

— Скажите, у вашей матери были враги? — спросил он, решив не тратить времени на подходы.

Валерий удивился:

— Вы же спрашивали. Я уже сказал, что нет.

— А вы подумайте еще.

— Да какие у нее могли быть враги? Она не работает, сидит на пенсии по инвалидности. Почти все время проводит дома. — Сын по привычке продолжал говорить об умершей в настоящем времени. — Какие у нее могут быть враги?

— Может быть, ей кто-нибудь завидовал? Кто-нибудь ее ненавидел?

— А чему завидовать? — Тот красноречиво обвел взглядом довольно скудную обстановку. — Этому, что ли? Квартира маленькая, живем тут втроем.

Олегу очень хотелось узнать, кто была та невыразительная особа, только что заглянувшая в комнату, но спросить он не решился. Сожительница — ясное дело, раз тут живет. Тамара ничего о ней не сказала, но может, ей просто неприятно было касаться этой темы. «Однако! Променял такую интересную женщину вот на это... Хотя, кому что нравится».

Валерий тем временем продолжал перечислять все причины, по которым у его матери не могло быть врагов. В самом деле, выходило, что покойнице скорее могли сочувствовать, чем завидовать. Достаток в семье был невысокий, ни машины, ни дачи не водилось. Здоровье у его матери тоже было неважное. Мужа потеряла уже давно — скончался от инфаркта.

— А почему ваша мать с ее ревматизмом вдруг отправилась на такую странную ночную прогулку? У вас есть какие-нибудь предположения?

Валерий вздохнул:

— Я же говорил — не знаю. Она мне ничего не сказала, когда уходила.

Он искоса с неприязнью посмотрел на Олега. Этот взгляд красноречиво говорил, что он вынужденно терпит расспросы, которые считает дурацкими.

Олег и сам чувствовал себя не слишком уверенно. Если его попросят показать удостоверение, он пропал. Пожалуй, этот парень еще и милицию вызовет.

— Во сколько она ушла из дому? — торопливо произнес Олег. Главное, не дать ему возможности самому задавать вопросы.

— В начале одиннадцатого.

— Вечера?

Тот прямо посмотрел на него:

— Понятно, что вечера. Вы же спрашиваете, когда она ушла в последний раз?

— Днем она тоже куда-нибудь уходила?

— Не знаю, я был на работе допоздна. Когда я пришел, она была дома. Лики тоже весь день не было.

«Зовет ее уменьшительным именем. Точно, жена или сожительница».

— Она и раньше уходила из дому в такое позднее время? — спросил Олег. — Я имею в виду вашу мать.

По его словам, она уходила когда и куда ей вздумается. Тем вечером он увидел, что мать уходит, и спросил, куда это она собралась.

— Мама что-то пробормотала, мол, хочет пройтись. Перед сном. Она плохо спала.

— Ей звонил кто-нибудь перед тем, как она ушла? Или после?

Оказалось, что матери вообще никто не звонил. Рассказ Тамары подтверждался. Покойная явно была очень одинока.

— А когда вы забеспокоились? Когда заметили, что ее уже долго нет?

— Ну... Сперва я вышел ее поискать, походил вокруг дома. Потом вернулся, потом еще раз вышел, уже с Ликой. Где-то около часу ночи мы позвонили в милицию. А потом они сами позвонили нам.

— Чистые пруды — это довольно далеко отсюда. Она что же — часто там гуляла?

— Никогда, — твердо ответил Валерий. — Да еще в такое время. Это же нужно ехать на метро.

Дверь опять приоткрылась. Валерий посмотрел туда и встал:

— Я сейчас.

В коридоре послышался сдавленный шепоток, потом Валерий вернулся:

— Вы чаю не хотите?

Предложение явно исходило от молодой хозяйки.

— Спасибо, уже пил, — в тон ему не слишком любезно ответил Олег. — Значит, вы не знаете, что ваша мать могла делать в такое время в том районе? Там не жил никто из ее знакомых? Может быть, родня?

— И даже близко никого нет, — ответил Валерий. — Это же крутой район! И потом, все это вы уже спрашивали.

Теперь его голос прозвучал уже раздраженно. С кухни тянуло запахами обеда. Назойливо пахло тушеной капустой. Хозяин явно проголодался и не знал, как избавиться от незваного гостя. Олег встал:

— Ну что ж, тогда все. Хотя нет, еще один вопрос. Ваша мать кого-нибудь боялась?

Валерий замер. Потом посмотрел на него расширенными глазами:

— Мама? Нет... Вряд ли... Наверное, больше всего она боялась темноты.

— Темноты?!

Олег был ошеломлен, но хозяин стоял на своем:

— Да, она боялась уходить поздно вечером из дому. Разве что куда-нибудь по соседству. В дежурную аптеку или в магазин на углу. Он работает до полуночи.

Олег недоуменно спросил: почему же она в таком случае ходила туда по вечерам? Ведь они жили втроем и продукты мог купить кто-нибудь другой?

Валерий сумрачно ответил:

— Мы с Ликой работаем, иногда возвращаемся поздно. И времени просто нет. Она же сидит дома! Сидела... — тут же поправился он.

— Но в тот вечер она пошла не в магазин?

Расспрашивать дальше никакого смысла не имело. После последнего вопроса, да еще и выговора впридачу, Валерий разозлился. Лицо у него потемнело, и теперь он уже не выглядел симпатичным. А в первый момент, когда Олег его увидел, то подумал, что они с Тамарой когда-то, наверное, хорошо смотрелись рядом.

Глава 6

Выйдя из подъезда, Олег остановился, чтобы остыть и прийти в себя. Лицо у него горело. Конечно, повезло, что его не разоблачили как самозванца. Но с другой стороны — что он сумел узнать? Ровным счетом ничего. Покойная иногда по вечерам выходила из дому за покупками, хотя боялась темноты. Судя по всему, вела все домашнее хозяйство. Ей никто никогда не звонил. Жила она очень скромно — на пенсию по инвалидности. И все это никак не вязалось с местом, где ее обнаружил Олег.

«Милиции, наверное, удалось узнать больше, — подумал он. — Нашли каких-нибудь свидетелей, сделали экспертизу. А что могу я? Да ничего. К этой парочке больше не пойдешь — второй раз мне так не повезет. Они и сейчас уже провожали меня нехорошими глазами. Тамара? Она сказала все, что знала. Или что хотела сказать. Ничего я не выяснил, ничего ров-

ным счетом. Во вторник в Москву вернется Николай, и Нина поедет домой. Она уже почти успокоилась — заставила себя поверить в несчастные случаи. Конечно, так легче пережить это смутное время. Она спокойно спит, чувствует себя в безопасности. Потом вернется под защиту мужа. А в следующую среду или в четверг ее снова попытаются убить».

Он подумал, не позвонить ли в милицию самому, не попросить ли о помощи. Так советовала и Тамара. Но... «Разве меня будут слушать? Мы с Ниной уже это обсудили. Ведь она жива-здорова. У нее нет никаких доказательств, что все это в самом деле случилось с ней. Телефонный звонок на работу? Кто его проверит? Отпечатки пальцев в квартире? Кто их будет снимать, если ничего не украдено! Машину в переулке никто не видел, и запах газа давно выветрился. Она даже умудрилась опоздать на собственное убийство, из-за нее погибла другая. Нет, меня поднимут на смех!»

Он медленно пошел к своей машине, но потом остановился. Его привлек разговор двух женщин на тротуаре. Одна из них держала на поводке собачку — лобастого кокер-спаниеля с кудрявыми ушами. Спаниель подрагивал то ли от ветра, то ли от возбуждения. Ему хотелось побегать, а хозяйка стояла и разговаривала с соседкой.

— Похороны завтра? — спрашивала она.

— Да, в воскресенье. Повезло.

— Почему?

— Служба будет пышнее.

— А если не заплатишь, ничего не будет, — раздраженно бросила хозяйка спаниеля. — А Валерка не раскошелится.

Олег достал из кармана сигареты. Закурил, отвернувшись от ветра. Он делал вид, что просто остановился покурить, чтобы женщины не обращали на него

внимания. В его сторону было брошено несколько быстрых взглядов, но потом собеседницы потеряли к нему всякий интерес и снова повернулись друг к другу.

— Она к тебе заходила, его новая?

— Да, вчера вечером. Я ей пятьдесят рублей дала. А она такими глазами смотрит, будто еще просит, — фыркнула женщина с собакой. — Вообще, что это за манера? Каждый дает сколько может и хочет, а не хочет — не дает. Пользуются тем, что похороны... В другое время так я бы ей и дала!

— А на поминки тебя позвали?

— Да, пригласила. Завтра в три.

— И ты пойдешь?

— Наверное. — Женщина с собакой подняла повыше воротник дубленки. — Ну и погодка, Божье наказание. Интересно, сколько же она с меня взять хотела? Неужели сотню? Хотят устроить шикарные похороны? Все равно часть оплатит город. Маша ведь инвалид, пенсионерка... Мне даже странно, что детки так ради нее стараются!

— При жизни бы старались, — заметила другая. — Знаешь, я ведь первый раз к ним домой заглянула, на днях. Не очень-то шикарно они живут. Я думала — лучше. А все потому, что одеты всегда прилично. Даже Маша.

Сигарета дотлела. Олег решил заняться уборкой машины — на стекла и дверцы налип медленно сыпавшийся с неба снег. Он достал щетку и медленно начал чистить машину, продолжая прислушиваться.

— Из-за чего ее убили? Ограбили?

— Нет. Говорят, даже денег не взяли.

Женщина с собакой испугалась:

— Что, просто так убили?! Ну, сволочи!

— Кто ее знает, за что убили, — неохотно заметила другая. — Может, кому-то помешала.

— Она? Да кому? Я тут лет десять живу и всего пару раз с ней говорила. Она же все время сгорбившись бегала, чтобы на глаза не попадаться.

— Точно, — согласилась с ней соседка. — Вообще-то странно. Что ей было скрывать, да? Нет, я думаю, убили ее не зря.

— Да ты что!

— Я имею в виду — была причина. Ее же застрелили!

Но женщина с собакой настаивала на своем. Ну не верит она, что Маша была в чем-то замешана! Так не бывает, и потом, тогда они и жили бы получше. Чем мучиться с такими детьми, лучше повеситься! Она ведь живет за стеной, и если там начинают орать — все слышно через слово! Будь у Маши солидные друзья, да еще при оружии, — она бы давно оттуда уехала.

— И вообще, глупости, — резко сказала она наконец. — Если кто и хотел ее убить, то это детки.

Соседка ахнула, и они немедленно перешли на шепот. Олег больше не мог расслышать ни слова. Он бросил щетку в багажник и повернулся к женщинам. Те испуганно застыли.

— Извините, — сказал он. — Я тоже знал Машу...

И с ужасом понял, что фамилии покойной так и не удосужился спросить. Даже отчество, без которого неловко называть женщину в таком возрасте, было ему неизвестно.

Но женщинам отчество не потребовалось. Они заинтересовались совсем другим:

— Вы с ее бывшей работы?

— Да нет. — Олег покрылся испариной. Он не знал, кем работала Маша. — Я родственник, дальний. Вот, случайно узнал...

Глаза у соседок загорелись. Его просто потрясло, как они обрадовались, услышав такие слова.

— Вы у них были? — кивнула на подъезд женщина с собакой. — Ну и что они вам сказали?

— Сказали, что ушла из дому вечером, и вот...

— Да, они всем говорят одно и то же. — Та снова оглянулась, обвела взглядом окна, будто желая убедиться, что за ней не следят. — А чего ради она ушла в такую пору?

— Вот и я так подумал, — заметил Олег. — Странно, да? И нашли ее на Чистых прудах... Сидела на лавочке, с ее-то ревматизмом.

Упоминание о ревматизме всколыхнуло женщин. Сами они об этом не задумывались, хотя про застарелую болезнь покойной тоже знали. Та, что постарше, даже лечилась с Машей у одного врача в поликлинике.

— Слушай, Галя, а в самом деле, как это получилось? — переглянулась она с соседкой. — С ума она, что ли, сошла? Что ее туда понесло?!

— Может, срочное дело? — предположил Олег.

— Она не работала, какие у нее дела.

— Ну, свидание с кем-то.

Женщины заулыбались, оглядывая его с каким-то сожалением. Олег почувствовал себя наивным мальчишкой — второй раз за этот долгий день.

— У нее? — раздельно произнесла пожилая соседка. Она тряхнула пышной копной волос, безжалостно сожженных перекисью. — Да ладно вам.

— А почему ладно? — Олег подстроился под их тон — пренебрежительно-шутливый. — Она же была симпатичной женщиной. И еще не старая.

— Все так, только она была чуть-чуть с...

Одна из женщин так резко потянула к себе собачку, что та злобно взвизгнула, другая сразу умолкла. Олег понял:

— Хотите сказать, она была странноватая, да?

— Немножко, — охотно согласились они. — Вы же сами знаете. Вы ей кто?

— Племянник. Двоюродный.

— А, дальняя родня, — с сожалением ответила ему пожилая блондинка. — Да, на квартиру вам рассчитывать нечего.

— Да я и не рассчитывал.

— А они бы и не отдали. — Та подняла глаза на верхние окна. — Да, повезло так повезло. Галя, ты говоришь, они часто с ней ругались?

— Да. Дышать не давали.

— Из-за квартиры?

— Да нет, все больше из-за денег. Ругались, что она много тратит, а они ничего за эти деньги не видят, питаются черт-те чем. Они же все хозяйство на нее взвалили! Так мало того что сын на Машу злился, но ведь эта, как ее там...

— Лика, — подсказал Олег.

— Вот-вот. Она же по дому ничего не делала. Ни в магазин, ни на кухню, ни в ЖЭК за мастером. Маша на них пахала как каторжная, а эта стерва на нее же за это орала.

— А Лика — законная жена Валеры? — вкрадчиво спросил Олег. — Я что-то так и не разобрался. Я давно у них не бывал.

Его охотно просветили, что Лика — жена гражданская. Ни в какой ЗАГС они не ходили, потому что Лику не устраивало, что в квартире живет еще и свекровь. Теперь, наверное, пойдет под венец. А что? Чего хотела, того и дождалась.

Соседки чего-то недоговаривали. По их лицам было видно — они полностью уверены, что дело не обошлось без этой парочки, но не хотят наживать неприятности — ведь родственник может запросто переметнуться на другую сторону.

— Вот оно как... — задумчиво произнес Олег. — Они давно живут?

— Он сразу после развода ее привел. Тамара уехала, эта появилась.

— Ну, с Тамаркой не сравнить! — заметила блондинка. — С ней Маша хорошо жила.

— Она бы и с этой хорошо жила — это Лика с ней плохо обращалась, — возразила женщина с собачкой. — Ну что такое творится, взяли и убили человека!

— Но ведь не они же убили! — Олег указал наверх. — Они-то были дома!

Женщины разом притихли и переглянулись.

— Могли нанять, — округлив глаза, почти шепотом предположила блондинка. — Не смотрите на меня так! Могли!

— Из-за квартиры?! Сын?!

— А, ладно! И за меньшее убивают!

— Но как же они ее туда заманили? На бульвар? Проще было это сделать дома!

— Не проще, — вмешалась женщина с собачкой. — Стены тонкие, каждый чих слышен. А выстрел?! А вдруг бы она закричала?! Вы, наверное, в хорошем доме живете, раз так говорите! А у нас, если наверху труба лопается, сразу все пять этажей заливает. Насквозь! Вот вам и изоляция!

Олег смолчал. Версия о том, что сын мог завезти мать на Чистые пруды, усадить на лавочку и хладнокровно застрелить, казалась ему абсурдной. И прежде всего из-за выбранного места. Что может быть нелепее — сделать это в таком открытом месте? С двух сторон — проезжая часть. Машины, поздние трамваи. Иногда, даже в такое время, — прохожие. Работают ночные рестораны, часто проезжают патрульные машины. Это же центр, цивилизованный район. И та-

кая инсценировка никакого смысла для убийцы не имела.

— Хотя я не думаю, что они ее застрелили, — неожиданно добавила Галя. — Откуда у них пистолет, в самом деле?

— Вы живете с ними стенка в стенку, так я понял? — спросил Олег. — А в тот день или вечером вы ничего не слышали? Они не ругались?

Галя покачала головой:

— Думаете, я весь день дома сижу? Я вернулась где-то в восемь, выгуляла собаку. Ну а потом ничего особенного не слышала — они включили телевизор. Он стоит прямо за стеной.

— Вот сволочи! — прокомментировала соседка. — У них же две комнаты, могли поставить телик у своей перегородки.

— Да-а, — протянула Галя. — Слушают на всю катушку, а у меня голова пухнет. Я Валерке как-то сказала, чтобы имел совесть, делал звук потише, а он на меня та-ак посмотрел! Что с ним связываться, с бирюком! Эта его белая моль тоже хороша. Как за деньгами на похороны — так она ко мне. А как телик переставить — так ей некуда — площадь не позволяет. Я ей сто раз говорила, а она хлопает глазами и молчит, как партизан.

— Сволочи, — повторила соседка. — Маша бы сразу переставила.

— Маша там права голоса не имела. Я ей как-то сказала: поговорите со своими детьми. Она, бедная, чуть не заплакала. Я уж махнула рукой — к черту, что с них взять! Один был порядочный человек в семье, и того убили.

Она натянула поводок и, попрощавшись, ушла в сторону сквера. Пожилая соседка попыталась вытянуть из Олега некоторые подробности: что ему сказал

Валера да как при нем себя вела Лика? Не испугались ли, что он будет претендовать на квартиру? Позвали ли на поминки? Олег быстро свернул перешедший на опасные темы разговор, сел в машину и уехал.

Домой возвращаться не хотелось. Темнело, он проголодался. Нина, наверное, волнуется, ждет. Он сказал, что приедет к четырем часам. Она обещала приготовить обед. Нужно позвонить...

Звонить Олег тоже не стал. Вместо этого высмотрел в окно машины небольшое кафе, остановился рядом, зашел, взял порцию пельменей. Поколебавшись, добавил к заказу легкое пиво. «Не могу, нужно как-то расслабиться. Что же все это означает?»

Он не слишком поверил словам соседок. Тем более, что у одной из них была причина недолюбливать соседей за стеной. Они причиняли ей беспокойство, на жалобы не реагировали. Конечно, если тебя изо дня в день донимают оглушительной телепередачей, можно приписать соседям все смертные грехи. В том числе убийство. Но что-то в словах этой женщины его встревожило.

В соседней квартире часто ссорились, кричали. Судя по всему, кричали на Машу — женщину безответную, и без того запуганную, боявшуюся лишнее слово сказать. Она вела все хозяйство, а ее упрекали в расточительности. Конечно, она мешала молодой паре с удобством разместиться в тесной квартирке. Лика даже не хотела регистрировать отношения, пока в квартире живет свекровь. Правда ли это? Скорее всего, да. Соседка не могла на ходу выдумать такие подробности.

Могла ли эта пара желать Маше смерти?

Олег залпом выпил полбокала, достал сигареты. Чего только не случается из-за квартирной тесноты! Но дальнейшее уже просто полный абсурд.

«Ну хорошо, допустим, что муж Нины разговора не подслушивал, никого на жену не натравил, а она просто неудачно назначила мне место для свидания, и я случайно наткнулся на труп. Допустим даже, что убить хотели именно Машу (как ее отчество, фамилия?). Тогда с мужа Нины подозрения снимаются. Хотя бы частично. Но... Почему эту несчастную женщину завезли так далеко от дома? Как она согласилась поехать? Было уже поздно, холодно. И главное — темно. Ее болезнь, ее боязнь темноты — и эта лавочка на берегу пруда! Нужна была очень веская причина, чтобы она туда отправилась! И потом этот выстрел — такой наглый, в открытом месте! Ведь могли быть свидетели! Ведь даже я мог бы увидеть убийцу, если бы пришел пораньше! Нет, из-за квартиры так не убивают! Это уж слишком! Ведется следствие, Валеру и его жену допрашивают, наверное, подозревают. Если говорили с соседями — те молчать не стали. Зачем же наводить на себя такие подозрения? Куда проще было бы избавиться от женщины другим способом. Например... Включить газ, когда она спит, и уйти из дому».

Последняя мысль явилась как-то сама собой. Олег вздрогнул и отодвинул опустевшую тарелку. Он достал телефон и позвонил домой. Нина откликнулась немедленно:

— Где же ты?! Я волнуюсь!

— Я сейчас приеду, — пообещал Олег. — Тебе больше никто не звонил?

— Свой телефон я отключила, а тебе никто не звонит, — ответила Нина. — Я даже удивляюсь. Ты у меня какой-то одинокий!

Судя по голосу, от его звонка у нее сразу поднялось настроение. Нина говорила весело и беспечно — совсем как прежде.

* * *

Войдя в квартиру, он не сразу понял, что в ней так сильно изменилось. Сообразил чуть позже, когда огляделся по сторонам. Старые, выцветшие и пыльные занавески исчезли. На их месте, и в комнате, и на кухне, красовались новенькие шторы — с шелковыми кистями и ламбрекенами — только что из магазина. Олег замер, не в силах оторвать от них взгляда.

Нина следила за ним с улыбкой, которая из довольной постепенно превращалась в жалобную. Наконец она робко спросила: неужели ему не нравится? Тогда он пойдет в магазин и все обменяет.

— Нравится, — медленно выговорил Олег. — Но ты... Выходила из дому?

— А что — я в тюрьме? — мгновенно завелась Нина. — Ну, вышла на минутку, у тебя тут рядом хороший магазин тканей. Шторы мне сделали на заказ, всего за два часа. Я приплатила немного за срочность.

— Нина, зачем?!

— Хотела сделать тебе подарок, — все так же робко объяснила она. — Такой, чтобы я ушла, а он остался... Чтобы сделать тебе приятное. Опять что-то не так?

— Но зачем же ты рисковала! Сама же боялась, что тебя могут выследить!

— Да кто меня выследит! — засмеялась Нина. — Никто не знает даже, в каком я районе! Или ты думаешь, что по всей Москве расклеены мои портреы с подписью — розыск? Ты лучше похвали шторы!

Олег наконец опомнился. Шторы в самом деле были хороши. То, что у Нины отличный вкус декоратора, он понял, побывав в ее собственной квартире. Теперь она снова блеснула. Шторы в комнате были изумрудными, с золотыми узорами, за-

навески — золотистыми, почти прозрачными. На кухне висела плотная атласная ткань с китайским рисунком. И все это, должно быть, стоило Нине кругленькой суммы, хотя Олег в таких вещах не разбирался.

— Теперь сразу видно, что пора делать ремонт, — медленно проговорил он. — Слишком шикарные шторы для такой квартиры.

Нина оживилась:

— А что, пора сделать! Я знаю одну фирму, и там берут по-божески! Если трудности с наличными, я помогу! Ты же отдашь, я знаю!

Олег повернулся к ней, увидел искреннюю радость на ее лице. Нина была счастлива, что ее не выругали — как давеча, когда она повсюду вытерла пыль. Он даже не решился ее упрекнуть. Только сказал, что она не должна тратить свои деньги на устройство его квартиры.

— Какая глупость, — слегка обиделась женщина. — Я ведь тоже тут живу.

— Но во вторник ты уйдешь.

Нина вздохнула и, ничего не отвечая, отправилась на кухню.

Обед был отменный — борщ и запеченный в духовке карп. Олег и сам умел готовить — научился, когда переехал сюда и остался без материнской заботы. Но в основном пользовался полуфабрикатами. У них был какой-то грустный вкус — вкус одиночества. А Нина готовила великолепно.

— Завтра я сделаю кучу пирогов, — пообещала она, придвигая к нему тарелку.

— Это про запас? — пошутил Олег. — Чтобы я без тебя продержался?

— Ты все время стараешься показать, что и без меня справляешься. — Она уселась напротив, быст-

ро пригладила волосы и подняла на него неподвижный темный взгляд. — Я не обижаюсь, просто... Мне кажется, ты боишься.

— Чего?

— Что я останусь у тебя насовсем.

Олег с негодованием отверг эти подозрения. Он сказал, что был бы очень рад, если бы Нина у него осталась. Увидев на ее лице недоверчивую улыбку, он добавил:

— Тогда бы я за тебя не боялся.

— А ты будешь бояться, когда я уйду? — кокетливо спросила она. Какой контраст с ее затравленным видом и безумной речью в тот день, когда она просила об убежище! — Или... Ревновать?

Олег помахал вилкой, отвергая это обвинение, и принялся за рыбу. Некоторое время Нина хранила молчание, а потом неожиданно поинтересовалась, где же он все-таки был. Это прозвучало так естественно, по-семейному, что Олег даже улыбнулся.

— Ездил на урок.

— Ты даешь уроки?

— Нет, беру.

Нина подняла брови:

— Ого! Еще один язык? Третий? Какой?

— Русский. — Олег с удовольствием посмотрел в ее удивленные глаза. — Я очень плохо говорю, ты не замечаешь?

Сама Нина безбожно «акала», растягивала слова, иногда пришепетывала. Все это бросалось в глаза даже ему, коренному москвичу. У него дома говорили по-другому, может быть, потому, что там выросло не одно поколение переводчиков. Олег подумал, сколько уроков назначила бы его подруге Тамара. Не меньше сотни. Да и то — без гарантированного результата.

— Какая глупость, — заметила Нина. — Ты меня вообще не принимаешь всерьез. Ну правда, какой язык? Итальянский? Испанский?

Олег рассмеялся — ее удивление было таким искренним и комичным.

— Правда русский.

— Глупо, — повторила она, уже всерьез обидевшись. — Не хочешь говорить, где был, — не надо. Я тебе не жена, в конце концов.

— Помнишь ту женщину на Чистых прудах?

Стоило ему произнести эти слова, как Нина сразу замкнулась. От ее веселой иронии не осталось и следа. Она вскочила из-за стола и с грохотом опустила тарелки в раковину.

— Не злись, — продолжал Олег. — Возможно, она в самом деле погибла не из-за тебя.

— Надеюсь, — процедила Нина и открыла воду.

— Ты не хочешь о ней слышать, но кое-что тебе будет интересно. Я уже встречал ее раньше — в книжном магазине, где она раскладывала в книгах рекламки языковых курсов.

— Как интересно! — иронично оборвала его Нина. Она с каким-то ожесточением мыла посуду.

Олег мельком подумал, что после такого мытья уцелеет, дай бог, треть тарелок и чашек.

— Вчера я позвонил по телефону, указанному в рекламе. Сегодня туда сходил. И...

Она неожиданно обернулась — с ее дрожащих рук на пол закапала пена.

— Чего ты добиваешься?! Зачем ты меня мучаешь? Я в жизни не видела ту женщину и видеть не хочу! Это случайность, сколько можно повторять!

— Я и хочу доказать, что это случайность, — пояснил Олег. — Мне очень хочется, чтобы это было так. Чтобы ты могла спокойно вернуться домой, к

мужу, и не боялась оставаться с ним наедине. Я хотел выяснить — могло ли убийство этой женщины быть не связанным с тобой. Мне бы очень не хотелось, чтобы вас просто перепутали.

Нина ничего не ответила. Секунду она разъяренно смотрела на него неподвижным взглядом, потом резко отвернулась и продолжила мыть посуду. Олег говорил, глядя ей в спину, и даже не знал, слушает ли она. Хочет ли слышать.

— Эта женщина — ее зовут Мария — жила в маленькой квартирке с сыном и его второй женой. Отношения у них, как я понял, были очень плохие. Парочка ее донимала, попрекала тем, что она плохо ведет хозяйство. Они часто ссорились.

— Однако ты провел настоящее расследование, — сквозь зубы процедила Нина. Но не обернулась.

— У нее было очень мало друзей. — Олег решил не обращать внимания на пренебрежительный тон Нины. — Она почти ни с кем не общалась. Ей редко звонили, она выходила из дому только в магазин. В том числе и в книжный магазин. Туда она ходила, чтобы помочь своей бывшей невестке распространять рекламу языковых курсов. Я виделся с этой девушкой. Она говорит, что Мария очень боялась простудиться, потому что у нее был застарелый ревматизм, и вообще она была очень боязливой и робкой.

— Ну и что? — все так же сухо откликнулась Нина.

— А то, что я никак не могу понять, за каким чертом ее понесло среди ночи на Чистые пруды. Это не вяжется с ее образом жизни.

Нина наконец слегка повернула голову. А что, если у Марии был любовник? Или просто друг, который вдруг попросил о помощи и назначил свидание? И вообще — чего ради Олег копается в чужой

жизни? Что ему до этой женщины? Разве он ее хорошо знал? Разве ее судьба его тревожит?

— Меня тревожит прежде всего твоя судьба, — оборвал ее Олег.

— Я достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе, — отрезала Нина. — Ради бога, оставь ты эту женщину в покое! Ты ездишь к ее родным, вмешиваешься, расспрашиваешь их. Ты не подумал, что в конце концов в убийстве могут заподозрить тебя самого?

Он думал о такой возможности. Довольно скоро обнаружится, что мужчина, выдававший себя то за милиционера, то за родственника, на самом деле не был ни тем ни другим. И тогда у всех возникнут весьма естественные подозрения.

— Из дому она вышла добровольно. — Олег, не отвечая на заданный вопрос, упрямо гнул свою линию. — Я не верю, что можно было ее связать, вывезти из квартиры аж на Чистые пруды, усадить на лавку и пристрелить. Да еще проделать это бесшумно. Малейший шум был бы замечен соседями — там очень плохая изоляция между квартирами.

— И даже это ты заметил, — прокомментировала Нина.

— Я старался заметить все. Я хотел понять, с кем она могла встречаться на Чистых прудах. Почему согласилась туда поехать, да еще ничего не сказала об этом сыну. Это было очень важное дело. Во всяком случае, ей оно казалось очень важным, а ее туда заманили и убили. Из-за нее самой или из-за тебя — вот что я хочу знать. Поэтому туда и ездил.

Нина перекрыла воду и сняла с вешалки полотенце. Вытирая руки, она с непередаваемой иронией поинтересовалась: уж не пойдет ли он на похороны? Даже близкий родственник не мог бы волноваться о покойнице больше!

— Не думал, что тебя это насмешит, — ответил Олег, подавив неприятное чувство, и сам себя упрекнул за него. В конце концов, Нина не знала покойную, а он был с нею, можно сказать, почти знаком. Она вполне могла иронизировать над его интересом. Он — не мог.

— Ничего смешного не нахожу. — Нина снова присела к столу, достала из пачки сигарету. — Я вижу, что ты постоянно думаешь о ней. Пытаешься найти между нами какую-то связь. А ее нет, и это тебя злит. И тебе совершенно все равно, что через два дня я отсюда уйду. Тебя ничто не волнует! Мне даже не верится, что когда-то мы назначали друг другу свидания, торопились, ждали... Теперь живем вместе — и все ушло. Ничего не осталось. Тебе больше нужна эта женщина, чем я.

— Но я занялся ею только из-за тебя!

— Может быть, — заметила она. — А может быть, и нет.

— Ты о чем?

— Я подозреваю, что ты просто не хочешь оставаться здесь со мной. Ищешь любой повод, чтобы исчезнуть из дому. И эта женщина — тоже повод.

Олег покачал головой:

— Думай, что хочешь. Я просто хочу доказать, что твой муж не имеет отношения к этому убийству. Или... Наоборот.

Нина взвилась:

— Ты мне надоел! Почему ты все время пытаешься выставить Колю убийцей? Мне с ним, между прочим, еще жить и жить! И твое мнение меня не волнует!

Олег молча вышел из кухни. Реакция Нины была именно такой, какой он и ожидал. Она даже не захотела его выслушать.

«Она идет навстречу собственной смерти. — Олег уселся за стол, разложил бумаги, раскрыл книгу. Но не увидел там ни единой строчки. — Я пытаюсь ее остановить, помочь, а она не хочет слушать. Но почему она прибежала прятаться именно ко мне? Сумасшедшая. Она не желает видеть очевидного».

Новые шторы невыносимо его раздражали. Он был готов сорвать их с петель и выбросить за окно. Но мало-помалу успокоился. И когда ярость прошла, он услышал на кухне слабые, приглушенные всхлипывания.

«Она плачет. Нужно пойти и... А что толку? Успокаивай или нет — она все равно будет считать, что права, а я хочу очернить ее мужа. Еще бы — у меня есть для этого основания. Ох, если бы я просто был ее знакомым, другом! Она бы выслушала меня совсем по-другому!»

Рыдания понемногу затихали. Олег ждал, что Нина вернется в комнату, но она не приходила. Время тянулось невыносимо медленно. На кухне звякнуло стекло, полилась вода. Потом снова тишина, а затем — скрип открывшейся дверцы холодильника. Ее шаги — идет в комнату.

Он обернулся — Нина открывала шкаф. Она достала оттуда свой сиреневый свитер, сложенные джинсы, белье. С непроницаемым лицом бросила все это в объемистый пакет. Добавила туда косметичку, фен, массажную щетку. Олег не выдержал:

— Далеко собираешься?

— Домой.

— С ума сошла?! — Его напускное безразличие мигом испарилось. Из-за своей дурацкой гордости она может попасть прямо в лапы к маньяку!

— Может, и сошла, — отчеканила Нина. — Но не больше тебя. Ты шатаешься по родственникам усопшей, причем усопшая тебе даже незнакома! А я вот

желаю вернуться туда, где меня пытались отравить газом. Попытка не пытка — может быть, теперь у него получится.

Олег вырвал у нее пакет:

— Никуда ты не пойдешь!

— Почему это?

— По крайней мере, поезжай к матери, если тебе здесь невмоготу! Дома ты будешь одна, тебя никто не спасет!

— Ты же считаешь, что главная опасность исходит от моего мужа? — Нина невозмутимо вырвала руку и продолжала собирать вещи. — Значит, пока его нет в Москве, я могу быть спокойна.

— Но...

— Ты, как маленький мальчик, играешь в следователя! Это глупо и жестоко!

— Приди в себя! — упрашивал он. — Скоро ночь, ты не сможешь там уснуть! Ты же так боялась там оставаться!

Но Нина была непреклонна. Он впервые видел на ее лице выражение такого бешеного упрямства и с трудом ее узнавал. Ему вспомнились слова ее матери. Стервозная? Упрямая? Сложный характер? Возможно, та знала, о чем говорила.

— Поезжай к матери, — уже бессильно повторил он. Но Нина только покачала головой и сжала губы. Олег не выдержал: — Ну что ж, в таком случае на твои похороны я не приду.

Доверху набитый пакет полетел в сторону. Она побледнела, но старалась держать себя в руках.

— Давай смейся! Очень легко смеяться, когда тебе ничего не могут ответить!

— По-моему, ты все время отвечаешь.

— Ты меня ставишь в такое положение, что я просто вынуждена уйти, — зло продолжала она. — А куда

мне идти — ты не думаешь. К маме я не могу — она сразу набросится на меня, начнет выматывать душу. Она это умеет — ты же с ней познакомился. Подруг у меня не осталось. Других любовников нет.

При этих словах она смерила его выразительным, почти ненавистным взглядом.

— Значит, мне остается снова ночевать на улице или идти домой. Я предпочитаю домой.

Он больше не пытался ее удерживать. Нина помедлила на пороге, будто хотела еще что-то сказать. Но в итоге не сказала ничего. Открыла дверь и ушла.

Первые полчаса Олег ждал, что она вернется. Он даже не подошел к двери, чтобы запереть замок. Но ожидание затянулось. На улице совсем стемнело, к оконному стеклу сухо и резко прикасалась снежная крупа, закрученная сильным ветром. В голове вертелась поговорка насчет погоды, собаки и хорошего хозяина.

«Я ведь ее выгнал. Она права. Выгнал своими расспросами, все время пытался склонить ее на свою сторону. А она этого не любит. Нина и так долго терпела, просто ей некуда было деться. А теперь не выдержала, ушла. Я просто убийца!»

«Нужно ехать вдогонку! — Олег снова подошел к окну, всматриваясь в темноту. — Она не должна оставаться там одна! А если все-таки поехала к матери?»

В конце концов он подошел к двери и запер ее, причем, поворачивая ключ, ощущал себя предателем. Нина убежала расстроенная, оскорбленная, вряд ли осознавая грозившую ей опасность. Может быть, сейчас она уже жалеет о своем бегстве. А он ничего не делает, чтобы ей помочь.

Олег страшно устал, глаза у него слипались. Чтобы не уснуть, он снова уселся за перевод и проработал над ним до полуночи. Когда он опомнился,

поднял голову от книг и обнаружил, который час, у него сжалось сердце. Нина уже не вернется, это ясно. Нужно ей позвонить.

Она взяла трубку почти сразу и, узнав его голос, вяло поинтересовалась, не случилось ли чего. Почему он вдруг забеспокоился? Олег понял, что она давно ждала его звонка.

— Я думал, ты вернешься, — признался он.

— Нет, зачем же. Нужно привести квартиру в порядок, убраться. Коля скоро вернется.

— Только не бери туда ребенка, слышишь? — виновато попросил Олег. Он чувствовал, что не вправе давать ей какие-то указания.

Нина ответила, что Диана прекрасно проведет время у бабушки. А за нее саму Олег пусть больше не переживает. Она запрется на все замки, закроет задвижку. И газ тоже перекроет. У нее был усталый, равнодушный голос, и судя по всему, она уже ничего не боялась.

— Хочешь я приеду? — неожиданно предложил Олег, представив при этом, как он в таком состоянии поведет машину. Но Нина наотрез отказалась. Она ответила, что это классика — приводить домой любовника, когда муж в командировке, а она не хочет превращать свою жизнь в пошлый анекдот. И повесила трубку.

«А вот теперь действительно конец. — Олег подошел к столу, закрыл книги, тщательно все прибрал. Он делал это, чтобы хоть чем-то заняться. И сам не ожидал, что ему будет так горько, как сейчас. — Она больше не вернется. Слишком гордая. Пошлый анекдот? Наверное, со стороны это так и выглядело. Но мне так не казалось».

Он разделся, выключил свет, забрался под одеяло. В комнате постепенно стало светло — за окном

мела метель, подсвеченная фонарями. Олег подумал, что, если такая погода продержится до завтра, похороны выйдут скомканными.

«Я в самом деле схожу с ума. От меня ушла любимая женщина, я не успеваю сдать в срок работу и при этом все время думаю о Маше, как будто это самое главное. Но что же делать, если я не могу понять этой загадки? Пойти туда опять? Поминки завтра, в три, но меня никто не приглашал. Затесаться среди гостей? Поговорить с другими соседями? Единственные потенциальные враги этой женщины — собственный сын и вторая невестка. Больше всех об этом может знать Тамара — Маша ей доверяла. Может быть, во второй раз она будет откровенней...»

Он вспомнил темные рыжие волосы, близорукий взгляд карих глаз и голос, похожий на музыку. Музыка усыпляла — и он заснул, как будто его убаюкали знакомой с детства сказкой.

Глава 7

А на следующий день, в воскресенье, он сидел в машине неподалеку от уже знакомого подъезда и внимательно разглядывал всех, кто попадался ему на глаза. Снег во дворе был усыпан еловыми веточками. По ним можно было угадать, в какую сторону понесли гроб. У подъезда играли дети, рядом топталось несколько старух. Старухи о чем-то азартно спорили, а дети к ним прислушивались. Олег обратил внимание, что все они суеверно опасались наступать на ветки — чтобы не отправиться вскоре той же дорогой.

Наконец появился маленький автобус — сперва один, за ним, чуть погодя, второй. Несколько машин въехали вслед за ними и полностью забили уз-

кий двор. Олег вышел наружу, вглядываясь в лица, но стараясь не привлекать к себе внимания. Он увидел, как в подъезд вошла пара, с которой он вчера беседовал, — Валерий и Лика. Узнал знакомых соседок — одна из них, та, что постарше, была в черном кружевном платочке на обесцвеченных волосах. А из последней машины вышла Тамара. Он узнал ее даже со спины и негромко окликнул по имени. Она обернулась, растерянно повела глазами... И нахмурилась, увидев его.

— Вы тоже здесь? — Она не подала руки, когда Олег подошел к ней вплотную. — Зачем? Вас пригласили?

— Нет, конечно. Хуже того. — Олег покосился на подъезд. — Когда я вчера тут был, меня приняли за следователя.

— Ничего удивительного.

— Да, конечно... Только я не стал их разубеждать. Так что теперь никак не могу туда пойти.

Тамара нетерпеливо взглянула на часы, одернула рукав серой шубы:

— А собственно, зачем вам туда ходить? Вы едва знали Машу.

— Вот и хотелось бы узнать о ней больше.

— Вы все еще беспокоитесь о своей подруге? — Тамара была без очков, и он не понимал выражения ее глаз. То ли она почти ничего не видит, то ли в самом деле растерялась. — Я вам уже говорила — обратитесь в милицию.

— Она сама не хочет, а я... Я ей никто. Дело в том, что она замужем. И не за мной.

— О боже мой, — протянула женщина. — Что вы вчера узнали?

— Почти ничего. Только то, что в одиннадцатом часу вечера ваша бывшая свекровь ушла из дому в

неизвестном направлении. И уже не вернулась. Что никто ей перед этим не звонил, никуда не звал. Что она боялась темноты и была абсолютно бесправна в собственном доме. Что родной сын сживал ее со свету за малейшую оплошность, за плохой обед...

Когда он произнес последнюю фразу, Тамара неожиданно схватила его руку. Пальцы у нее были очень горячие, хотя женщина была без перчаток.

— Правда! — тихо сказала она. — Сколько раз я думала, что ее нужно забрать к себе! Только это было невозможно. Она бы не пошла, боялась стеснить. И потом, он ей все-таки сын... Что еще?

— Вот именно что ничего. И я все еще не знаю, зачем она поехала на Чистые пруды, кто ее позвал туда, кого она ждала.

— Но этим занимается милиция! Не проще ли подождать, пока они это выяснят?

— Они могут сделать это слишком поздно. Моя... — Он чуть запнулся: — Знакомая может быть уже мертва. Она убедила себя в том, что все это — стечение обстоятельств, и даже слышать не хочет, будто Машу могли убить вместо нее. Говорит, что это простое совпадение и у нее самой могли быть смертельные враги. Конечно, хорошо бы...

Олег наткнулся на пристальный, похолодевший взгляд Тамары и быстро поправился:

— Хорошо бы это доказать.

Во дворе уже почти никого не осталось, если не считать тех же старух у подъезда. Их, как видно, не пригласили на поминки. Тамара помедлила, снова взглянула на часы и неожиданно предложила Олегу идти за ней. Она что-нибудь придумает.

Пока они поднимались по лестнице, она тихо сообщила, что поминки будут происходить сразу в двух квартирах. На это пришлось пойти, так как кварти-

ра Валерия слишком мала — там с трудом разместились бы двадцать, в крайнем случае — двадцать пять человек. И готовить негде — на крохотной кухоньке стоит двухконфорочная плита. Так что соседка, живущая дверь в дверь и хорошо знавшая Машу, сама предложила свою площадь на этот день. В ее однокомнатной квартире разместятся те, кому не хватит места у хозяев. Кто именно, Тамара не знает. Хотя лично она предпочла бы сидеть именно там — на сегодня с нее хватит общения с бывшим мужем.

В самом деле, на площадке были приоткрыты две двери. Тамара, не постучав, провела Олега в ту, что напротив. В комнате за двумя составленными столами сидели люди. Судя по их потерянному виду — едва друг с другом знакомые.

— Сюда. — Тамара тихонько подтолкнула его к свободному стулу. — Я сейчас приду, подержи мне место.

Она перешла на «ты» неожиданно и совершенно естественно. В этом было что-то заговорщицкое, одновременно ребяческое и интимное.

Олег остался за столом один. То есть вокруг были люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. «Какого я свалял дурака, — подумал он, не притрагиваясь к стоящему перед ним прибору. — Что я могу узнать вот так — забравшись в чужой дом?! Кто со мной заговорит? О чем я могу спросить?!»

На лестничной клетке послышался какой-то шум, оттуда тянуло табаком. Опять появилась Тамара. Ее тут многие знали и смотрели на нее как на хозяйку. И она, казалось, знала всех. С ней пришла какая-то скромно одетая женщина, по виду — ровесница Маши. Поминки начались.

После первой рюмки почти немедленно последовала вторая. Люди приехали с кладбища замерзшие

и подавленные, но теперь за столом понемногу завязывался разговор. Кто-то знакомился, кто-то обсуждал расположение кладбища, или делился впечатлениями от церковной службы, или просто просил передать еще одну тарелку. Тамара легонько коснулась Олега локтем:

— Познакомься. Это — Ирина Степановна, лучшая Машина подруга.

Он слегка привстал, представился. Ирина Степановна едва взглянула на него. Глаза у нее были припухшие, очень усталые, она куталась в пышную вязаную кофту, будто была простужена.

— Они с Машей вместе работали, — продолжала Тамара, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ирина Степановна, вот этот молодой человек виделся с Машей в последнее время. В самые последние дни, можно сказать.

Та, наконец, проявила к нему какой-то интерес, хотя и весьма слабый. Сама-то она, как выяснилось, очень давно не видела старую подругу. Почти год, наверное. Вообще, с тех пор, как Маша ушла на пенсию по инвалидности, ее мало кто встречал.

— Она как-то пришла к нам в хранилище, мы попили чаю, — вспоминала Ирина Степановна. — Я сразу поняла, что ей живется несладко. Маша была такая грустная...

— Жаловалась на кого-то? — спросила Тамара.

— Ты про Валеру, милая? Нет, про него она ничего не говорила.

Тамара внимательно на нее посмотрела, и Ирина Степановна смутилась:

— И про нее тоже ничего... Нет, Тамарочка, она не жаловалась. Да ты ведь ее помнишь — Маша все держала в себе.

Тамара с этим согласилась. После третьей рюмки водки Ирина Степановна совсем расстроилась и даже прослезилась. Она припомнила, что с трудом узнала старую подругу, когда та впервые после увольнения пришла к ней на работу. Маша выглядела неплохо и даже казалась чуть здоровее, чем раньше. Но была такой притихшей, такой запуганной... И без вопросов все было ясно.

— Ну какие у нее могли быть еще расстройства? — Она нажала на слово «еще». — Понятно, что это семейные дела. Пока ты жила с ними, она выглядела по-другому.

Тамара повела плечами:

— Ну, когда это было!

— Не так давно. — Ирина Степановна понизила голос. — Вы же два года назад развелись? Я помню как сейчас. Маша так переживала...

— А я уже забыла, — отрывисто, почти грубо бросила Тамара. Было ясно, что ничего она не забыла и эта тема ей неприятна. — Ирина Степановна, когда вы виделись в последний раз, Маша не называла никаких имен? Ей никто не угрожал?

Ответ был стереотипным — Олег уже успел к нему привыкнуть. Кто мог угрожать такой безответной, кроткой женщине, как Маша? У нее не было врагов. Конечно, одни относились к ней лучше, другие — хуже, но чтобы угрожать...

— Когда я узнала, что с ней случилось, — на глаза Ирины Степановны снова навернулись слезы, — думала, с ума сойду. Уж если убивают таких, как Маша... У нас в хранилище всю неделю плакали. Одна закончит, другая начнет. Директор выделил деньги на венок... Она ведь у нас почти двадцать лет проработала — как пришла из института.

Тамара поднялась из-за стола, взглядом приказала Олегу оставаться на месте и снова исчезла. Он сидел рядом с плачущей женщиной и не знал, что ей сказать, да и нужно ли что-то говорить. «Все бесполезно, — думал он. — Ее убили, потому что перепутали... Что же будет с Ниной? Я не звонил ей утром, а может, нужно было даже поехать».

— А вы сосед? — неожиданно обратилась к нему Ирина Степановна — чуть ли не впервые. До этого она обращалась исключительно к Тамаре.

— Нет, мы познакомились в книжном магазине, — машинально ответил Олег.

— О, Маша так любила книги, — вздохнула та. — Жить без них не могла. Знаете, она ведь из совсем простой семьи. У нее родители — рабочие. Я их знала когда-то. Чтением у нее дома не интересовались, зато дочкой гордились — окончила институт, работает в таком месте... А вот сын ее за человека не считал. А я ведь его помню совсем мальчишкой, тоже рос среди книг... Вечно упрекал мать, что мало зарабатывает, что блата на этой работе никакого. И в кого он пошел?

Ирина Степановна вздохнула:

— А сейчас сидит за столом как чужой. Пьет, закусывает, аппетит хороший... Хотел телевизор включить, спасибо, не дали. Скучно ему... Этот долго горевать не будет.

Женщина вдруг встрепенулась, оглянувшись на дверь:

— Легок на помине! Чего ему тут надо?

Олег краем глаза увидел вошедшего в комнату Валерия и отвернулся к окну. «Если он меня узнает, будет скандал! Ну не полезу же я под стол!»

Однако он тревожился напрасно. Валерий его не узнал. Он обменялся с кем-то из гостей нескольки-

ми фразами — говорили насчет машин, упоминали мраморную мастерскую. Речь шла о памятнике — и даже Олега, человека постороннего, задело, как спокойно и деловито обсуждал эту тему осиротевший сын. Ирина Степановна сидела как на иголках. Когда Валерий ушел, она немедленно встала:

— Ну и я пойду. Что-то мне так тяжело... С Тамарой повидалась, и спасибо.

Через несколько минут к столу вернулась Тамара. Она уселась, дунула в сложенные ладони, будто отогревая их, и залпом опустошила рюмку водки. Лицо у нее было бледное, сердитое, нижняя губа слегка подергивалась, будто ее сводило судорогой.

— Я знала, что он дурак, но не думала, что такой, — вымолвила она наконец. — Ты представляешь — не желает со мной говорить! Я вхожу в комнату — он глаза отводит. Подхожу к нему — убегает. Он тут был? Я так и думала. Только на лестнице его и перехватила.

— Валерия?

Она кивнула:

— Ведет себя как школьник. Чего он боится? Или невеста попалась такая ревнивая? Просто идиотизм! Мы же давно развелись, пора успокоиться... — И, неожиданно сменив тему, Тамара сообщила: — Он мне сказал то же, что и тебе. Маша в тот вечер ушла из дому поздно, куда — не сказала. Только со мной такой номер не пройдет.

— Что вы... Ты имеешь в виду?

— Маша обязательно должна была что-то сказать перед уходом, — пояснила Тамара. Она говорила тихо, еле слышно, делая вид, что занята своей тарелкой. — Я ведь жила с ними и прекрасно знаю, как она себя вела. Правда, теперь многое могло измениться. Эта Лика... Да черт с ней.

Тамара сказала, что бывший супруг наотрез отрицал, будто его мать сообщила, куда идет. Дескать, просто хотела прогуляться, что тут такого? Она часто гуляла перед сном.

— Это верно, — заметила женщина. — Но не в такую пору и не в такую мерзкую погоду. Словом, они что-то скрывают. И он, и его невеста.

— И узнать невозможно?

Тамара пожала плечами и отодвинула тарелку.

— А как узнаешь? Ножом припугнуть, что ли? Не захотят — не скажут. Я думаю, этот вопрос им уже задавали десятки раз. И следователь, и ты. Это бесполезно. Кстати, тебя так и не вызывали?

Узнав, что персоной Олега следствие так и не заинтересовалось, Тамара раздраженно заметила, что в таком случае надеяться вообще не на что. Если его — такого важного свидетеля — оставили в покое, значит, делом занимаются спустя рукава.

— Я тут спрашивала кое-кого из соседей: ходила ли милиция по квартирам, спрашивали о чем-нибудь? Нет, никто их не беспокоил. А могли бы спросить: может, кто-то видел Машу в тот вечер? Может, разговаривал с ней?

— В конце концов, прошло еще не так много времени, — попробовал возразить Олег, но Тамара возмутилась:

— Прошло достаточно времени, чтобы люди все перезабыли. Неужели мне самой пойти по квартирам? Так у меня времени на это нет!

Она разволновалась и заговорила громче. В какой-то момент Олег обнаружил, что за столом наступила тишина и все слушают только его соседку.

— Тамара...

Она осеклась, обвела взглядом притихшее застолье и неожиданно встала:

— Что ж, я пойду. Ты со мной?

Он тоже поднялся, неловко попрощался — сам не зная, с кем именно, и они вышли. Тамара велела ему взять верхнюю одежду и не задерживаться в прихожей — она явно нервничала и спешила. Одевались они уже на лестнице, спустившись на один пролет.

— Как глупо, — пробормотала Тамара, выйдя на улицу вслед за Олегом. — Но иногда я просто не умею сдержаться.

— Ничего, — успокаивал ее Олег. — Никто не понял, в чем дело.

— Надеюсь. Знаешь, ведь могут решить, что я злюсь на бывшего мужа и потому его подозреваю. Люди всегда придумывают самые простые объяснения. Ревность, например... А я на него не злюсь.

Олег лицемерно заверил, что не сомневается в этом. Было очевидно, что она испытывает по отношению к бывшему мужу довольно сильные чувства. Если не злость, то по крайней мере презрение. Он предложил подвезти ее, и Тамара уже без колебаний согласилась. Она успокаивалась, по мере того как машина удалялась от дома. Казалось, само место, где прошло несколько лет ее жизни, действовало на нее угнетающе. Наконец она вздохнула:

— Ну вот и все. Маши нет, и мне незачем будет сюда возвращаться. Знаешь, за эти два года я ни разу не чувствовала себя свободной. Хотелось отрезать прошлое, не думать, забыть этот адрес... Но тут оставалась Маша — не могла же я отрезать и ее!

— Удивительно, что у вас были такие отношения, — решился заметить Олег. — Все-таки свекровь...

— Все удивлялись, — улыбнулась та. — А я сама — больше всех. Думаешь, я такая простая, широкая на-

тура, со всеми дружу, все меня обожают? Вовсе нет. Я недавно перелистывала свою записную книжку. И знаешь, что обнаружила? Там в основном записаны телефоны моих учеников, еще какие-то деловые адреса. А вот друзей как-то маловато, да и тем давно не звонила. Мне даже страшно стало...

— У меня почти то же самое, — заметил Олег. — Времени ни на что не хватает. Ни ходить в гости, ни самому звать. Не помню, как встречал Новый год, как прошел день рождения... Как будто праздников не стало — только будни. Может быть, это возраст?

Она улыбнулась:

— Какой там возраст? Это просто такая собачья жизнь.

— А звонить я вообще не люблю, — продолжал Олег. — Это женщины любят дружить по телефону. Иногда не встречаются годами, но звонят друг другу, часами болтают...

Тамара промолчала. Ее минутное оживление прошло, и она уставилась в окно, покусывая нижнюю губу, на которой уже не осталось помады. И вдруг обернулась:

— Ты больше туда не ходи, договорились? Ты и так уже примелькался, это опасно.

Олег, слегка ошеломленный резкой сменой темы, не нашелся что ответить. Она продолжала:

— Я сама попробую что-нибудь выяснить. Там нечисто — это сразу чувствуется. Только в чем дело — не понимаю.

— Но тебе же неприятно туда ходить?

— Ради Маши как-нибудь выдержу, — отрезала Тамара. — Конечно, ей уже не поможешь, но убийца-то жив, свободен... Как подумаю об этом, хочется что-нибудь сломать!

Она снова отвернулась, и Олег услышал, как изменился ее голос:

— А потом это нужно твоей подруге.

— Она-то как раз никого искать не хочет.

— Успокоилась?

— Даже слишком. Больше всего ей не нравится, что я пытаюсь опорочить ее супруга.

Тамара подняла на него изумленные глаза.

— Мужа? Ты думаешь, ее пытался убить муж?!

— Я не вижу другого кандидата. — Олег пожал плечами. — Пока все сходится на нем. Правда, в ту ночь, когда погибла твоя бывшая свекровь, его не было в Москве. Но он мог действовать чужими руками. Ведь он не бандит, а бизнесмен.

— А твоя подруга с этой версией не согласна?

— Она, как ты выразилась, нашла самое простое объяснение. Решила, что я ревную и хочу довести ее до развода. Хотя этого у меня и в мыслях не было! Разобиделась, решила больше не прятаться и вернулась домой. Я даже не знаю, жива она еще или нет...

Помолчав, Тамара с неожиданной жесткостью заявила, что все это ужасно и, уж во всяком случае, Олег не имеет права бросать свою подругу — даже если они поссорились.

— Если с ней что-то случится, ты себе этого не простишь. Ну, вспылила она, повела себя глупо... Может, уже раскаялась, но вернуться к тебе ей неловко!

— Она не хочет возвращаться, уверяю тебя. И не вернется уже никогда.

В тот момент Олег искренне верил в то, что говорил. Стоило ему подумать о Нине, как тут же в памяти всплывала ее фраза насчет пошлого анекдота. Если женщина так выражается о своем романе — продолжения быть не может.

* * *

Он отвез Тамару домой и отклонил ее приглашение на чай. Ему очень хотелось подняться, посидеть в тепле, поговорить с этой женщиной, которую он неожиданно стал называть на «ты». Просто поговорить — не касаясь убийства, своих домыслов и подозрений. Как давно он ни с кем не говорил по душам! Олега сильно задели ее слова о записной книжке. «Все правда — я тоже так живу! Все время с кем-то встречаюсь, разговариваю, кажется, что вокруг меня так много людей! А если разобраться, кто из них — друзья? Никого нет. На самом деле вокруг пусто, а я все удивляюсь, почему мне так одиноко».

Но дома на столе лежал неоконченный перевод. И сдать его нужно было завтра — иначе отношения с издательством будут безнадежно испорчены. До сих пор он никогда никого не подводил. Тамара записала его телефон и пообещала позвонить, как только что-нибудь узнает. На этот раз она сама подала ему руку на прощание. Олег нерешительно ее пожал — поцеловать не решился. И встретил ее странный близорукий взгляд, к которому никак не мог привыкнуть, — растерянный и ласковый.

Возвращаясь домой, Олег все чаще поглядывал на часы. Начало шестого... Если он засядет за работу прямо сейчас, первый перерыв на кофе сделает в девять, второй — около полуночи... Тогда есть надежда, что часам к шести утра ему удастся закончить перевод. Он ненавидел работать в такой спешке, потому что не мог ручаться за качество. Какие-то погрешности проскальзывали сами собой, а тяжелая усталость мешала их заметить.

Наконец Олег въехал в свой двор и, погруженный в мысли о переводе, не сразу заметил знакомую си-

нюю машину, припаркованную неподалеку от его подъезда. А когда заметил, оттуда уже вышла Нина.

Она стояла, придерживая на груди расстегнутое пальто, ветер трепал меховой воротник и ее темные, распущенные по плечам волосы. Олег припарковался и нерешительно вышел. К своему удивлению, он испытывал нечто похожее на страх. Ему почему-то трудно было встретиться с Ниной лицом к лицу. Такое случалось впервые.

— Ты был на похоронах? — сразу спросила она, отбросив приветствия.

— Давно меня ждешь? — так же лаконично поинтересовался Олег.

— Даже не знаю. — Нина плотнее запахнула пальто. Она выглядела озябшей, почти больной. Бледная, никакой косметики, под глазами — голубые тени. — Мне кажется, что давно. Все в голове путается... Да это не важно! Я приехала, чтобы кое-что тебе показать.

Он проследил за ее жестом — Нина легко коснулась правого крыла машины, над передней фарой. Подошел ближе, нагнулся, провел пальцем по железу...

На фоне «родной», блестящей темно-синей краски выделялось свежее пятно того же цвета. Оно не было отполировано, и потеки краски застыли на железе, бросаясь в глаза. Олег некоторое время рассматривал это пятно, не в силах отвести взгляда. Рядом, в полированной части крыла, смутно отражалось лицо склонившейся Нины. Ее рука легла рядом — и железо слегка запотело от прикосновения теплых пальцев.

— Значит, мне не привиделось, — спокойно сказала женщина.

Олег наконец выпрямился. Теперь они стояли лицом к лицу — и ему было по-настоящему страшно. В животе что-то задрожало — сперва легко, потом

все сильнее. А Нина... Она почему-то начала улыбаться. Олегу показалось, что он сходит с ума — настолько неожиданной была эта улыбка.

— Ты был прав, — все так же ровно произнесла женщина. — Как видишь, я умею признавать свои ошибки. Потому и вернулась.

— Когда ты это заметила?!

— Краску? Сегодня. Пойдем к тебе? — И она взяла его под руку и сама повела в подъезд.

Эту ночь Нина провела относительно спокойно. Вскоре после звонка Олега она решила выпить снотворное, которым изредка пользовалась. Таблетки подействовали безотказно, и, проспав почти до полудня, она принялась наводить в квартире порядок — по старой воскресной привычке. Сварила кофе, позвонила матери, поговорила с дочкой. Продолжала утверждать, что отдыхает в санатории — чтобы не пришлось сознаваться во лжи.

— У меня не было настроения придумывать что-то еще. Названия санатория я не сказала. Сейчас думаю, что очень правильно поступила.

Потом Нина вспомнила о машине. В ночь со вторника на среду она оставила автомобиль на платной стоянке и с тех пор почти о нем не вспоминала. Но теперь машину следовало забрать и поставить в гараж. Она отправилась на стоянку, заплатила долг и вернулась домой. Только отпирая гараж, чтобы завести туда машину, Нина наконец заметила пятно.

— Это вышло совершенно случайно. Я уронила в снег ключи, наклонилась... Пятно оказалось прямо перед глазами. Я так и застыла скрючившись. Наверное, почти на минуту... Глазам своим не верила.

— А раньше ты этого пятна не замечала?

— Нет. Мне в голову не приходило осматривать собственную машину.

— Постой... Когда тебя пытались сбить?

— В понедельник вечером. — Нина понимающе кивнула. — Знаю, о чем ты подумал. Все верно, у меня не было времени как следует присмотреться к машине. Во вторник я села за руль только поздно вечером, когда отвозила мужа в аэропорт. И мне было не до машины — я думала только о том, как оторваться от преследователя... Если он был. Как спрятать Дианку у матери, как замести следы. И было слишком темно...

Она вздохнула:

— А главное — я подумать не могла, что меня пыталась сбить собственная машина. Наверное, это главная причина того, что я ничего не замечала.

— Пятно на том самом месте, где машина задела стену?

— Именно на том. Стена была справа от меня, а машина догоняла сзади. Все совпадает.

— Царапины под краской есть?

— Если снять краску, то думаю, найдутся и царапины... — У Нины подрагивали руки, она сжала их в замок. — Зачем красить невредимое крыло, да еще так поспешно. Ведь это явно сделано не в мастерской!

Они помолчали. Олег разглядывал бледное, чуть припухшее лицо Нины. Казалось, снотворное все еще действовало — она выглядела какой-то заторможенной. Она сидела опустив глаза, сцепив руки — будто о чем-то молилась. «Я мог сколько угодно подозревать ее мужа, но когда это оказалось правдой, сам не хочу верить. А каково ей?!»

Будто услышав его мысли, Нина подняла глаза:

— Скажи, что мне теперь делать? Как я могу к нему вернуться? Как быть? — У нее пресекся голос. — А Дианка? Он хотел убить меня, так, может, собирается сделать то же самое и с ней?!

Он взял ее руки в свои. Пальцы у нее были ледяные — как будто они все еще не могли отойти от прикосновения к холодному металлу.

— У нас есть время подумать, — попытался успокоить ее Олег. — Твой муж вернется только послезавтра.

— А что изменится за день?

— Ты пойдешь в милицию, и тогда уж многое изменится. Царапины — это улика. Это уже не подозрения, а факт.

— Ты думаешь? А Коля вернется да скажет, что поцарапался уже давно, а я просто ничего не замечала. Я в самом деле не интересовалась машиной. Никогда в жизни.

Он был вынужден признать, что в чем-то Нина права. Такую улику, как несколько царапин и закрашенное крыло, можно было с легкостью опровергнуть.

— Раньше ты говорила, что не разглядела машину, которая пыталась тебя сбить. Помнишь только цвет — темно-синий. Но теперь-то ты уверена, что это твой собственный автомобиль? Может, ты и водителя все-таки разглядела?

Нина вырвала у него руки и прижала их к щекам — они неожиданно разгорелись.

— Я его не видела! Я и машины не видела! Это была тень — темно-синяя тень! И все было как в кошмаре — так быстро, так неожиданно!

— Ну все, успокойся! — Олег обогнул стол и склонился над женщиной, сжимая ее дрожащие плечи. — Не видела так не видела. Ничего не бойся — здесь ты в безопасности.

— Но послезавтра...

— Это будет еще не скоро. А сейчас посиди немножко одна.

Она встрепенулась, с мольбой вглядываясь ему в лицо:

— Уходишь? Опять?

— На полчасика. Хочу еще раз осмотреть твою машину и снять краску. Растворитель у меня есть. И дай мне ключи от машины, я ее переставлю подальше.

У Олега не было гаража, и ему пришлось возиться с чужой машиной на виду у всего двора. Знакомые соседи с удивлением приглядывались к нему, но не подходили и вопросов не задавали. Свежую краску удалось снять довольно легко. Теперь на крыле красовалось белесое пятно. А на нем — несколько отчетливых царапин и неглубокая вмятина, будто от удара. Повреждения в самом деле пустяковые, и когда это место прикрывала краска, они были почти незаметны. Если, конечно, не приглядываться чересчур пристально.

«Кто же был за рулем? Неужели сам Николай? — Олег снял посиневшие резиновые перчатки и бросил их на утоптанный грязный снег. — Но Нина после покушения уцелела! Она могла узнать его или хотя бы машину! И что же? Вечером муж встречает ее дома как ни в чем не бывало. Значит, был уверен, что она его не видела? Впрочем, здесь тонированные стекла, водителя она в самом деле увидеть не могла. Но не узнать свою машину?»

Он поставил автомобиль в глубине двора — чтобы не так бросался в глаза. Хотел перегнать туда же свой «жигуленок», но остановился, задумался... И почти бегом вернулся домой.

Нина лежала в комнате на постели. Она едва подняла голову, услышав его шаги:

— Ну что? Так и есть?

— Есть, — задыхаясь, подтвердил Олег. — Но мы должны проверить все до конца.

— Что ты имеешь в виду?

— Стоянку!

Она приподнялась на локте:

— О чем ты?

— Понимаешь, я вспомнил, какой случай был с одним моим приятелем. Он тоже оставлял машину на стоянке. А охранник, когда ставил рядом другой автомобиль, случайно его стукнул. И, чтобы не платить за ремонт, замазал царапины сам, подручными средствами. Конечно, все обнаружилось — охранник все-таки не маляр по металлу. И могло случиться, что с твоей машиной было то же самое!

Нина возмущенно тряхнула разметавшимися волосами:

— Бог с тобой! Ты веришь в такие совпадения?! Вмятина на том самом месте!

— Конечно, это было бы слишком... Но все равно нужно проверить.

— Ты хочешь поехать на стоянку? — Она снова легла и устало закрыла глаза. — Езжай. У меня нет сил двигаться. Я посплю. Ключи у тебя есть, адрес я дам. Делай что хочешь. Только возвращайся быстрее.

* * *

Машину узнали — он понял это по удивленному взгляду охранника. Олег въехал на охраняемую, обнесенную сеткой территорию, вышел и поздоровался.

— Моя... сестра оставляла здесь эту машину, — без предисловий начал Олег. — А сейчас обнаружила вот это.

Охранник осмотрел белесое размытое пятно. Помрачнев на глазах, он наконец заявил, что этот номер не пройдет.

— Когда она сегодня уезжала, все было в порядке!

— Верно, краску снял я сам. Но царапины — видите их? И крыло помято.

— Вмятина была, ничего не говорю, — подтвердил тот. — Только закрашенная. Слушайте, какие у вас могут быть претензии? Какую машину к нам поставили — такую же точно и забрали!

— А кто дежурил в ночь со вторника на среду? Не вы?

Мужчина призадумался и наконец ответил, что тогда работала другая смена. Если нужно повидаться с ребятами — можно приехать завтра утром.

— Мы дежурим через сутки, — уже спокойнее пояснил он. — А эта машина простояла тут чуть не неделю. Я вам одно могу сказать: когда я приехал сюда в среду утром — вмятина уже была. Я обратил на это внимание сразу, как увидел машину.

— А покраска?

— Ясное дело, все было закрашено. Правда, плохо. Да будет вам, лучше спросите, где она стояла, ваша машина!

И не дожидаясь вопроса, охранник отвел Олега в угол стоянки, указал место у самой сетки:

— Вот здесь и простояла все пять дней. Где поцарапано — справа? Так справа, сами видите, — сетка. Отсюда ее стукнуть никак не могли. Не верите мне — спросите вашу сестру, так это или нет! Мы вашу машину не перегоняли, ключей у нас не было.

Олег осмотрел место парковки и убедился, что охранник прав. У него упало сердце: «Нина тоже была уверена, что машина на стоянке не пострадала. В таком углу ее и правда задеть невозможно. Теперь нет никакой надежды. На нее нападал муж».

Он больше не думал о переводе — было ясно, что окончить его к утру уже не удастся. Возвращаясь до-

мой, Олег с трудом удерживал руль. «Я должен посмотреть ей в глаза и сказать, что не осталось никаких сомнений. Я не хотел ей этого говорить! Не хотел! Даже когда уже всерьез подозревал Николая... Я не мог поверить, что он способен ее убить. Значит, в воскресенье он каким-то образом вернулся с дачи в Москву, вошел в квартиру и открыл газ. В понедельник выследил ее после работы в глухом переулке. Во вторник, вместо того чтобы ехать к деловым партнерам, отправился домой и пытался заманить туда жену. Он подслушал наш разговор по телефону, выяснил, где и когда Нина назначает мне встречу, и послал туда наемного убийцу. Сам в это время летел в самолете. Он выбрал удобный момент, чтобы обеспечить себе алиби на момент ее смерти. Но убийца ошибся! Его подвела темнота, похожая одежда, цвет волос, прическа... Маша погибла случайно!»

Он снова вспомнил одинокую фигурку на берегу пруда, оранжевый свет фонарей, первый снег наступающей долгой зимы... Эта картинка возвращалась к нему снова и снова, снилась каждую ночь — будто требовала объяснений. «Так могу я объяснить ее теперь? Можно все это доказать? Можно! Завтра я сам отведу Нину в милицию, и она напишет заявление...»

Уже поднимаясь по лестнице, Олег задал себе еще один вопрос: «Почему? Почему ее пытаются убить?»

Ответа не было даже у самой Нины.

Глава 8

Он работал всю ночь напролет, пока черное окно не сделалось белым. Во дворе уже погасли фонари, когда Олег опустил голову на кипу бумаг и закрыл глаза. «Поработаю еще час, и хватит. Правда, я уже

почти ничего не соображаю. Могу себе представить, как обрадуется редактор, получив мою стряпню! Такого безобразия я никогда прежде не допускал...»

Скрипнула кровать, и послышался сонный встревоженный голос:

— Сварить еще кофе?! Тебе не будет плохо с сердцем?

Нина всю ночь помогала ему чем только могла. В частности — сидела тихо, как мышка, не задавала вопросов и по первому требованию варила ему кофе. Когда Олег ознакомил ее с результатами своей поездки на стоянку, она совсем сникла, больше не паниковала и даже перестала спрашивать, что ей теперь делать. Просто сидела, забившись в угол, и думала о чем-то своем. Иногда Олегу казалось, что она уснула, но стоило обернуться — и он тут же натыкался на ее вопросительный взгляд.

— Не нужно кофе, в меня уже не лезет, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Мне бы поспать — хотя бы часа два... А то уже русский язык кажется иностранным.

— Когда тебя разбудить?

— В девять... Нет, в половине десятого, — решил Олег. — Поработаю до полудня и повезу рукопись. А ты что же? Так и не уснула?

Нина не ответила. Она тщательно подвела стрелки будильника и поставила его в изголовье. Олег забрался в постель и, не раздеваясь, уснул — просто исчез из мира.

...Он шел по ночному бульвару. И хотя торопился, но шагал очень медленно — дул такой сильный встречный ветер, что трудно было дышать. Наконец по левую руку появился пруд, оранжевый от света бульварных фонарей. На пруду качался плавучий домик, вокруг него сонно дрейфовали утки. Все было

как летом — но стояла глубокая осень. За спутанными черными ветвями прошел освещенный изнутри трамвай. Пассажир в нем был только один; и эта тонкая черная фигурка вдруг подняла руку и приветственно махнула Олегу — как будто могла его видеть в темноте на берегу пруда.

Скамья оказалась пустой, его никто не ждал. Олег остановился, не решаясь присесть. Ему не хотелось задерживаться здесь, он мечтал поскорее уйти. Потому что на этой скамье вот-вот произойдет убийство. Ему хочется уйти, и он может сделать это с чистой совестью, потому что Нина все равно безнадежно опоздает.

Но сзади него уже кто-то появился. Олег заставил себя повернуть голову. Мария. Она держалась на ногах нетвердо, как пьяная, и зябко стягивала на груди пальто с белым воротником. «Она не пьяна, а мертва. Ее уже убили, а я так ничего и не видел». Мысль проплыла сквозь сознание, исчезла, вернулась. Мария протянула ему руку. Олег помог женщине сесть на скамейку. Она удовлетворенно вытянула вперед уставшие ноги, опустила голову на грудь и замерла — точно в той позе, в какой ее когда-то нашел Олег. Все было кончено, и пришло время уходить.

Ветер стих, и поэтому Олег даже не шел — он летел, едва касаясь ногами дорожки. И был счастлив, что вот-вот вырвется из этого проклятого места. Только бы добраться до конца бульвара, туда, где рельсы делают поворот. За этим стальным кольцом его уже никто не настигнет.

Олег пересек трамвайную линию и только тут осмелился оглянуться. Но напрасно он беспокоился — Мария и не думала его преследовать. Она так и сидела на скамейке, как он ее усадил, и ее пышный

воротник резко белел в темноте. А рядом с ней стояла еще одна женщина в похожем пальто. Это была Нина, она все-таки пришла. Просто опоздала — как опаздывала везде и всегда...

...Каждый раз, когда его выносило из сна ближе к границе реальности, он силился открыть глаза. Его немного тревожило, что сон так глубок — даже сейчас не покидала мысль о неоконченном переводе. Но Нина не будила его, а значит, время еще было.

Окончательно Олег проснулся вовсе не от звонка будильника и не от прикосновения женской руки. Он открыл глаза, потому что в дверь настойчиво и часто звонили. Повернул голову, думая увидеть рядом испуганную, проспавшую Нину, но ее не было. Олег сел — так резко, что у него пошла кругом голова. Нащупал тапочки и пошел открывать, окликая по дороге Нину. Та не отзывалась.

А на лестничной площадке стояла злая, засыпанная снегом Ольга и била о колено мокрой шапкой, пытаясь вытрясти из вязаных ячеек ледяную крупу. Увидев брата, она возмутилась:

— Что это за фокусы? Я уж думала — ты помер.

— Постой, почему ты здесь? — Он попробовал не пустить Ольгу, но та отвела его руку и ворвалась в квартиру, с любопытством озираясь по сторонам.

«Сейчас она опять нарвется на Нину, о господи, — подумал Олег. — Куда та спряталась?»

— Почему трубку не берешь? Или телефон испортился? — поинтересовалась Ольга, снимая с аппарата трубку. И удивленно воскликнула: — В самом деле! Молчит!

Олег тоже послушал — в трубке было тихо.

— Я и на мобильный тебе звонила, но аппарат отключен, — пожаловалась сестра.

— Я его не отключал, — пробормотал Олег.

— Да? Ну, стало быть, сигнал не дошел. Ты хоть знаешь, что тебя все ищут? Нам несколько раз из твоего издательства звонили — нашли твой старый домашний номер. Хорошо, что это я взяла трубку, а мамы дома нет... — Ольга говорила быстро и не переставала оглядываться. Убедившись, что никого, кроме брата, в квартире нет, она протянула: — Значит, она уже вернулась к мужу?

И, не дав ему опомниться, заявила, что ничем иным это кончиться не могло, и пусть Олежка не переживает — по крайней мере, теперь у него меньше проблем.

Сестра торчала на пороге кухни, загораживая вход. Олег, придя в себя, отодвинул ее и самолично убедился, что Нины там нет. На плите стояла турка, полная свежесваренного кофе. Все это явно было приготовлено для него. Олег коснулся медного бока турки — тот давно остыл.

— Который час? — спросил он, переводя взгляд на окно. Снова шел снег, это была та же смутная тусклая белизна, при свете которой он уснул.

— Шестой, — покладисто ответила сестра. — Она что — бросила тебя? Позвони в издательство, они тебя потеряли!

Она исчезла в коридоре, и через несколько мгновений оттуда донесся ее изумленный голос:

— А телефон работает! Он просто отключен! Я подключила, иди звони!

— Сейчас, — заторможенно ответил Олег. Он все еще смотрел в окно и медленно осознавал, что именно произошло. Шестой час? День прошел, а он успел увидеть всего один сон... Ему казалось, что миновало часа два-три.

Вернувшись в комнату, он осмотрел будильник. Стрелка стояла на половине десятого, но зазвенеть

будильник никак не мог — был опущен предохранитель. Кто ставил будильник — он сам или...

«Нина ставила, — вспомнил Олег. — Я даже не проверял, что она делает, сразу упал на постель. Наверное, случайно опустила предохранитель, когда заводила. Но где же она сама?»

Он обшарил комнату взглядом. Подошел к столу, осмотрел бумаги. Записки не было. «Опять сбежала? Ушла в магазин, как тогда, за шторами? Но почему же она не разбудила меня, когда уходила?! Я же говорил, что работа не закончена, что это срочно!»

— Слушай, ты здоров? — Ольга встревоженно следовала за ним по пятам. — У тебя такой вид... Почему ты спал в такое время? Да скажи что-нибудь, я же волнуюсь!

— Нет, я здоров. — Олег взъерошил волосы — сперва себе, потом сестре — стрижки у них были примерно одинаковые.

Та с облегчением улыбнулась:

— Слава богу! Значит, просто проспал?

— Проспал, как школьник, — подтвердил Олег. — Когда тебе звонили?

— Начиная с трех часов. Я пообещала, что обязательно найду тебя. Сказала, что, наверное, с тобой случилось несчастье, если ты не сдал работу вовремя.

— Какая же ты добрая, сестренка! — усмехнулся Олег. — Сказала бы еще, что я умер.

— Я специально их напугала, чтобы они потом больше радовались, когда ты окажешься жив-здоров, — авторитетно пояснила Ольга. — Ну, теперь звони. И сделай такой слабый, умирающий голос, понимаешь? Иначе тебе никто не поверит.

Олег взял трубку, позвонил своему редактору и сослался на нездоровье. Он лгал без всякого энтузи-

азма, и сам в этот миг удивлялся, как мало для него значило — поверят ему или нет? Редактор сочувствовал, но не слишком горячо. Голос у него был кислый, и в нем ясно слышалось: «Может, ты и впрямь болен, а скорее всего — просто перебрал в воскресенье и валялся с похмельем».

— Когда же вы привезете роман? — спросил он, дав Олегу несколько врачебных советов.

— Завтра с утра — непременно.

— Только приезжайте точно к десяти часам, — предупредил его коллега. — Иначе мы не успеем поставить книгу в план... Вы и сами это знаете. Все сроки давно прошли!

Олег еще раз извинился и повесил трубку. На кухне возилась Ольга — разогревала кофе.

— У тебя новые занавески, — заметила она, когда вошел брат. — Просто шик! Она купила, да?

— Как догадалась, морда?

— Ты бы никогда на такие не разорился, — ничуть не обидевшись, ответствовала та. Они с братом нередко награждали друг друга весьма нелестными эпитетами. — Что же у вас случилось? Работу ты не сделал, спишь днем, одетый, под глазами круги...

— Я бы тоже хотел знать, что случилось, потому что Нина никуда уходить не собиралась, — проворчал Олег, принимая из рук сестры кружку. — Что у нее за манера — хоть бы раз записку оставила!

— Это значит, что она о тебе не заботится, — наставительно пояснила сестра. — А вот ты слишком много думаешь о ней. Она тебя в грош не ставит — считает тряпкой, я уверена!

— Цыц!

— Вот еще! Мне обидно, что какая-то дамочка оседлала моего брата и помыкает им как хочет! За-

навески купила — надо же! Проявила заботу, и теперь ты целый год будешь ходить счастливый и прощать ей все!

Но Олег больше не слушал. Он отдернул занавеску и оглядел заснеженный двор. В глубине тонул в сугробе его «жигуленок», рядом с ним стояла синяя «хонда» Нины. Все, как он оставил вчера. Во всяком случае, машиной она не воспользовалась.

— Больше всего мне хочется поговорить с ней по душам, — продолжала Ольга. — Она морочит тебе голову, отвлекает от работы. Вот ты не закончил перевод к сроку. Между прочим, раньше ничего подобного не бывало! Ей на это плевать — у нее богатый муж, она не понимает, что тебе не на кого рассчитывать, кроме себя самого...

— Ладно, хватит, — оборвал ее Олег. — Если ты действительно так обо мне заботишься — садись и помогай переводить. А я займусь редактурой.

Ольга скисла, узнав, что от нее требуется перевод нескольких страниц текста, и попробовала сопротивляться: и не расположена она этим заниматься, и заскочила-то всего на минутку, а дома сидит ребенок... Но Олег напомнил, что она охотно берет у него деньги и никогда не знает отказа. Неужели ей не хочется как-то его отблагодарить?

Ольга уселась за перевод. Он выделил ей две страницы текста, чистую бумагу, нужные словари. Сестра уже не отлынивала, хотя продолжала что-то ворчать себе под нос. Но вскоре она затихла и перестала обращать на него внимание.

Мобильный телефон лежал в кармане пальто — вчера Олег весь день протаскал его там. Если звонила сестра — почему он не слышал звонка? Олег встал, на цыпочках прошел в прихожую, достал телефон. Аппарат был отключен.

«Я не делал этого, точно помню. Вокруг меня происходит слишком много событий, чтобы я отключал телефон. Могли позвонить Нина, Тамара, да кто угодно... Вплоть до следователя. И домашнего телефона я тоже не отключал. Вообще не помню, чтобы я когда-нибудь это делал. Значит, это проделала Нина? Но зачем?»

Он мог придумать только одно объяснение такому странному поступку. Нина хотела, чтобы он хорошо выспался и его не тревожили звонки. Возможно, она просто беспокоилась о нем... Но почему же в таком случае не разбудила его в назначенное время? Может быть, она исчезла из дома до половины десятого? Что заставило ее уйти?

Он набрал ее домашний номер — никто не отвечал. Позвонил ей на мобильный — отключено. «Однако она оставила машину. Да и ключи от машины до сих пор у меня!» Он нащупал их в кармане пальто вместе со своим мобильником. «Если она залезла ко мне в карман и отключила телефон, то и ключи видела. Но не взяла. Никуда она не сбежала, просто ушла. Но до чего это неосторожно! Наверное, рассчитывала быстро обернуться! И вот — сейчас уже вечер, а ее все еще нет!»

— Мы так не договаривались, — мрачно и жалобно донеслось из комнаты. — Ты не говорил, что я должна делать за тебя всю работу!

— Ненадолго же тебя хватило, — отпарировал Олег, возвращаясь в комнату и усаживаясь за стол. — Делай свое дело и молчи. Пока не закончишь — я тебя не отпущу.

Однако он больше делал вид, что работает, чем переводил на самом деле. Думая об исчезнувшей Нине, Олег места себе не находил, но сделать ничего не мог. Можно было поехать к ее матери — он

помнил адрес. Но что толку? Вряд ли Нина пряталась именно там. Во всей Москве для нее не было убежища надежней, чем эта квартира! И вот отсюда-то она сбежала уже второй раз подряд!

С дивана время от времени доносились грустные красноречивые вздохи — сестра давала понять, что недовольна своей рабской участью. Но Олег не обращал на нее внимания. Он ждал звонка — по телефону или в дверь — только бы от Нины.

Она вернулась в половине восьмого. Олег посмотрел в глазок и молча отпер. Нина шагнула вперед, оступившись и чуть покачнувшись. Поймав ее за плечи, он понял, что она снова напилась. Как неделю назад — когда впервые пришла и попросила убежища.

— Я так устала, — пробормотала она, позволяя себя раздеть. У нее не хватило терпения снять пальто, и она попросту стряхнула его на пол, резким движением опустив руки. — Можно, я сразу лягу спать? А расскажу потом...

Олег не успел ее остановить — Нина неожиданно резво отправилась в комнату. Там воцарилась тишина. Потом послышался голос Ольги — она приветствовала гостью как старую знакомую:

— Вот хорошо, что вы вернулись! А то он места себе не находит!

— Езжай домой. — Он вошел и отобрал у сестры исписанные листы. — Остальное сделаю сам.

— Ну вот еще. — Ольга даже не взглянула на него. Она не отрывала взгляда от гостьи, будто стремилась запомнить ее внешность до мелочей.

А Нина... Нина уселась на самый краешек дивана, как можно дальше от всех, и сидела неподвижно, молча, чуть сгорбившись. Она вела себя совершенно пассивно, но сразу было заметно, что

она пьяна. У Ольги в глазах загорелся хищный огонек.

— Мы с вами так мало знакомы, — вкрадчиво сказала она, по-прежнему обращаясь только к Нине. — Это даже странно. Все Олег виноват, я давно его просила — познакомь...

— Ольга, перестань. — Он почти насильно поднял сестру с дивана, но увлечь ее в прихожую ему уже не удалось. Она упиралась — незаметно, но настойчиво.

— Что — перестать? — обиженно ворковала Ольга, легонько пощипывая ему запястья, чтобы освободиться, — совсем как в детстве, когда они ссорились. — Что я такого сказала?

В конце концов, Олегу удалось бы выпихнуть из дома несговорчивую сестрицу, но тут неожиданно очнулась Нина. Она подняла голову, посмотрела на парочку остановившимся, но до странности ясным взглядом и заявила, что также давно хотела познакомиться. Причем не только с Ольгой, но и с матерью Олега. Он так оторопел, что выпустил сестру.

— Но я ужасно устала, — продолжала Нина, трезвея на глазах. Как ей это удавалось — Олег не постигал. Теперь перед ним была совсем не та измученная, едва стоящая на ногах женщина, которая только что позвонила в дверь.

— Где ты была весь день?

Она перевела взгляд на Олега и просто ответила:

— В милиции. Это было... трудно. Прости, я немного выпила на обратном пути. Но мне нужно было расслабиться, пусть даже таким первобытным способом.

Ничего не понимавшая Ольга выслушала все очень внимательно. Нина начала ей улыбаться — как старой приятельнице, чем окончательно разоружила

девушку. Та немного помялась и наконец предложила поставить чай. Она явно не хотела уходить со сцены, но прекрасно понимала, что продолжать разговор при ней никто не будет. Когда Ольга исчезла, Олег прикрыл за нею дверь и повернулся:

— Повтори! Ты в самом деле была в милиции? Ты все рассказала?!

— Только насчет машины. — Она подняла руку, будто защищаясь от дальнейших вопросов. — Я никого не обвиняла, просто рассказала, как меня пытались сбить и в каком виде нашла свою машину.

Нина запнулась и нерешительно призналась, что о ночном свидании на Чистых прудах она не сказала ни слова.

— Но почему? Это же самое важное!

— Только не для меня, — упрямо ответила она. — Моя смерть была ближе всего, когда меня пытались сбить. Или отравить газом. Олег, подумай — неужели я должна обвинить мужа в том, что он застрелил человека?!

— Мужа — нет! Он как раз был в самолете! Ты видела, как он прошел за барьеры? Видела его билет?

— Конечно!

— Значит, он не мог быть на Чистых прудах около полуночи! Там был кто-то другой, но этот кто-то хотел убить именно тебя!

Нина на миг спрятала лицо в ладонях, но когда она их отняла, в ее глазах появилась ярость. Олег даже отшатнулся, когда она прошипела:

— Все это твои домыслы, догадки! Ты все еще ничего не доказал! Машина — это доказательство, а что случилось на самом деле с той женщиной — ты знать не можешь!

— Я не знаю только одного... — Олег чувствовал, как его захватывает та же агрессия, которая горела в ее

глазах. — Не знаю, почему она пошла туда среди ночи, кого ждала и чего хотела. Но почему ее убили — я знаю! Она была слишком похожа на тебя там, на берегу, в темноте!

— Чай готов, — ангельским голосом произнесла за дверью Ольга.

Ей никто не ответил. В комнате стало так тихо, что щелканье будильника казалось оглушительным. Это кое о чем напомнило Олегу.

— Почему ты не разбудила меня, когда уходила? Когда ты вообще ушла?

— В десять.

— И будильник не звонил?

— Я нажала на предохранитель, — призналась Нина. — Мне хотелось, чтобы ты немного поспал... У тебя было такое измученное лицо, такие тени под глазами! Я решила, что переставлю стрелки на одиннадцать, когда буду выходить из дома... Чтобы ты проснулся уже без меня.

— И почему ты не переставила стрелку?

— Забыла...

Она произнесла это с таким комичным и виноватым видом, что половина его злости сразу улетучилась. Нина развела руками:

— У меня вылетело из головы! Я боялась идти в милицию и все-таки шла... Обо всем остальном просто забыла. Ведь я собиралась донести на мужа — пойми ты это! Он — отец Дианки, она его любит... Да и вообще, у нас всегда были хорошие отношения. Я даже думала утром — а вдруг мне все это показалось, нет никаких царапин... Вышла во двор, как дура, потрогала свою машину. Царапины, конечно, оказались на месте. И тогда я решилась окончательно.

— Чай... — снова донеслось из-за двери, но на этот раз уже куда глуше. Ольга стояла там и под-

слушивала, но Олег не собирался ее прогонять. Он забыл о ней — как забыла Нина о незаведенном будильнике. Подошел к дивану, присел, поймал ее руку. Она ответила сухим и нервным пожатием. От нее все еще пахло коньяком, но теперь Нина выглядела совершенно трезвой. Только очень уставшей.

— Что тебе сказал следователь?

— О... — со смешком протянула женщина. — Прежде чем я к нему попала, мне пришлось пройти столько инстанций. До сих пор не уверена, что говорила с нужным человеком. Понимаешь, они сперва решили, что я пришла сообщить об уличном столкновении. О ДТП, как говорится.

Потом Нине, по ее словам, долго пришлось объяснять, что никаких жертв это уличное происшествие не принесло. Единственная жертва — она сама, но у нее нет ни царапины. А вот машина поцарапана. Причем весьма заметно.

— Они решили, что я слегка чокнутая, — грустно улыбнулась Нина. — Особенно когда я сказала, что все это было неделю назад и машина, которая хотела меня сбить, — моя собственная. В самом деле, звучит дико... Вся эта история — сплошная дичь, потому я и не хотела туда идти...

— Они не поверили тебе?

Она вздохнула:

— По крайней мере, я убедила их принять мое заявление. Хотя думаю, они его куда-нибудь засунут. Пойми — я жалуюсь на свою машину! Они меня все спрашивали: чего же я хочу? Чтобы машину отремонтировали, что ли? Зачем подаю заявление?

Он все больше сочувствовал Нине. Ей в самом деле пришлось нелегко. Объяснять столь экстрава-

гантные вещи и выглядеть при этом нормальной — задача почти невыполнимая.

— Я сказала, что только хочу проверить, кто был за рулем. И больше мне ничего не нужно.

Она неожиданно упала на бок и ткнулась головой в подушку — будто хотела выбить из головы неприятные мысли. Ее голос зазвучал глухо:

— Меня спросили: как они, по моему мнению, это проверят? Раньше надо было обращаться или самой выяснять.

— Дурочка. — Он ласково погладил ее плечо. За эту неделю Нина заметно похудела, издергалась.

«Она не выдержит долгого разбирательства. И так уже на грани срыва. Но чем я могу ей помочь? Только прятать у себя и не выдавать мужу. Однако насильно ее не удержишь, а сама она то и дело куда-то сбегает».

— Почему дурочка? — откликнулась Нина. — Чем ты опять недоволен?

— Тебе обязательно нужно было рассказать про то, что из-за тебя убили другую.

— Это ты дурак, — донеслось сквозь подушку. — Мне пришлось бы рассказать все, понимаешь? В том числе и про тебя тоже.

— Ну и рассказала бы. Я не барышня, сплетен не боюсь. Сказала бы, что у тебя есть старый друг, у нас близкие отношения. Думаешь, в милиции упадут в обморок от такой безнравственности? Они и не такое слышали!

Нина повернулась к нему лицом. Ее взгляд был загадочным и долгим — иногда, когда она смотрела вот так, он подозревал, что она его не видит. «И Тамара смотрит так же, — неожиданно вспомнил он. — Глаза у них чем-то похожи. И взгляд. Только Тамара близорука, а Нина видит прекрасно. И обе они для меня — загадка».

— Нравственность тут ни при чем, — сказала Нина, не сводя с него непроницаемого взгляда. — Я боюсь другого...

— Понятно. Боишься за супруга. Только он что-то не слишком беспокоится за твою жизнь. Скорее наоборот.

Нина неожиданно махнула рукой — это был пренебрежительный, отстраняющий жест:

— Я ему плачу взаимностью. Если он ко мне так отнесся — я отвечу тем же.

— Тогда почему...

— Есть две причины. Во-первых, мне не хочется обвинять его голословно. Ну, поцарапана машина. Да, он мог слышать, как я назначала тебе свидание по телефону...

— Все-таки мог?

— Думаю, да. Я за этим не следила. Но есть еще одна вещь. Я боюсь... За себя.

И Нина, запинаясь, объяснила ему, что боится быть вовлеченной в настоящее уголовное дело. Как-никак, а та женщина на Чистых прудах была убита в том месте и в то время, которые назначила Нина!

— А как я докажу, что была в тот миг не там, а где-то еще?!

— Постой, но это я первым ее нашел! — воскликнул Олег. — Если уж кого подозревать — то это меня! А мне даже ни разу не позвонили!

— В самом деле? — Нину ничуть не успокоили его слова. — Так еще позвонят. Если эту женщину убили из-за меня, то это все равно что я сама ее убила!

Такой вывод его потряс. Мгновение он сидел неподвижно, не находя слов для возражений. До него донесся слабый, скребущий звук. Ольга деликатно царапала запертую дверь.

— Чай... — наверное, в десятый раз донеслось из щели.

Нина резко села, пригладила волосы, взглянула на него исподлобья.

— Не знаю, как ты, а я хочу чаю, — сказала она. — Ну что ты так на меня смотришь? Не могла я рассказать об этом. Я трусиха, я слабая... Ругай меня, если хочешь... Только от этого не легче.

Они пошли на кухню, и Ольга наконец получила возможность напоить их чаем. Олег видел, что сестрица лопается от любопытства. Еще бы! На нее обрушилось столько всего интересного и непонятного! Она была так заинтригована, что больше ни о чем не расспрашивала — как будто боялась. Но глаза у нее от возбуждения горели шальным огнем.

— Поздно, — сказал Олег, с трудом допив свою чашку. — Тебе пора домой, ребенок соскучился.

— По тебе он соскучился еще больше. — Ольга невозмутимо придвинула к себе печенье. — Ты совсем у нас не бываешь. А что — может, поедем к нам прямо сейчас? Нина, вы тоже приглашены! Познакомитесь с нашей мамой!

— Не говори глупостей, — оборвал ее Олег. — С какой стати им знакомиться?!

Нина неожиданно покраснела. Она быстро приложила к зардевшейся щеке ладонь, будто проверяла температуру, встала, извинилась и вышла.

— Добилась своего? — прошипел Олег.

— А что я? Что я такого сказала? — возмутилась сестра. — Пригласила человека в гости!

— Думай, кого и куда зовешь! — разъяренно рявкнул он. — Нина замужем, как я представлю ее маме? В качестве кого?!

— Скажешь — подруга. — Та дернула плечом. — Мама сгорает от любопытства — кто она, да как вы-

глядит, да какой у нее характер... Пусть бы познакомились — подумаешь, какая беда. Маме будет приятно!

— С ума сошла?!

— Почему? Ты же знаешь, как она переживает, что мы с тобой холостые... — засмеялась Ольга. — Нас как будто сглазили! Знаешь, а я не думала, что твоя Нина такая застенчивая!

— Брала бы с нее пример!

Ольга перешла на заговорщицкий шепот. Ничуть не оскорбившись отповедью, она поинтересовалась: что тут все-таки происходит? Почему говорили о милиции? Кого-то убили?

— А ты и рада подслушать!

— Я не подслушивала, просто слышала, — с достоинством возразила сестра.

Это прозвучало совсем как в детстве. Сестра всегда отличалась чрезмерным любопытством, но если ее ловили на том, что она копалась в чужих вещах, пыталась прочесть письмо или подслушать разговор, она всегда отвечала стереотипно — так получилось, ее вины нет. Она-де просто проходила мимо.

— Никого не убили. Отправляйся домой.

Ольга неохотно встала, попыталась пройти в комнату и попрощаться с Ниной, но брат заявил, что это совершенно излишне. Он с удовольствием передаст Нине все, что нужно. Она не обидится, тем более что слишком устала для обмена любезностями.

Сестра больше ни на чем не настаивала, не пыталась узнать правду. Она притихла и оделась, не произнеся ни слова. Только открыв дверь, Ольга оглянулась и тихо заметила, что старший брат стал слишком многое скрывать.

— Я не слепая и вижу, что у вас тут неладное творится. Ты во что-то вляпался, Олежка...

— За меня не бойся. — Он поцеловал ее на прощание, неожиданно для самого себя смягчившись. Это детское, назойливое любопытство — не больше, чем замаскированная тревога за него. — Это у Нины неприятности, а у меня все в порядке. Если не считать того, что я так и не закончил перевод.

* * *

Он закончил работу только во втором часу ночи. Нина за все это время не издала ни звука. Лежала на постели, забравшись под толстое одеяло, изредка резко вздрагивая всем телом — когда ей снилось, что она куда-то падает. Олегу уже было знакомо это ее движение, но на сей раз Нина «падала» слишком часто. Он подозревал, что ей снится какой-то нескончаемый кошмар с погонями.

«Хорошо, что она не видела ту женщину на скамейке, — подумал он, когда под Ниной в очередной раз содрогнулся матрац. — Иначе бы ее навсегда замучили кошмары. Они были слишком похожи, слишком. Как будто их подобрали нарочно!»

Он вытряхнул из пачки сигарету, поднес зажигалку... И пронес пламя мимо, едва не обжегши себе ресницы. У него дрогнула рука. Ему впервые пришел в голову вопрос о том, как могли оказаться столь схожими эти две женщины, не знавшие друг друга, не состоящие в родстве, непохожие даже внешне? Однако всего нескольких штрихов во внешности Марии оказалось достаточно, чтобы ошибся даже он. Правда, только издали и с первого взгляда... Однако наемный убийца, плохо знавший свою жертву, ошибся, даже подойдя к ней вплотную!

«А если это сходство не случайно?» Он, наконец, зажег сигарету. На цыпочках подошел к постели,

вгляделся в лицо спящей женщины. Она дышала глубоко, но неровно, тяжело. Тени от ресниц вытянулись до середины щек. Вот ее снова что-то подбросило — как будто внутри расправлялась и тут же снова сокращалась тугая пружина сна. Олег даже отшатнулся.

«Могла ли Мария быть специально одетой и причесанной так, чтобы как можно больше походить на Нину? И кто-то вызвал ее на Чистые пруды в такой поздний час именно потому, что там назначила свидание Нина?! Я не вижу других объяснений тому, что она там оказалась!»

«Но как это может быть? — возражал он сам себе. — Мария не знала о том, что готовится покушение, — это неоспоримо. Она боялась темноты, а если бы знала, чем грозит ей эта ночь, — и подавно не вышла бы из дому. Она пошла туда, ничего не подозревая... И была убита вместо Нины. А Нина опоздала».

Олег подошел к окну, приоткрыл форточку, выпустил туда дым. Его лица коснулся ночной воздух — холодный, но неожиданно мягкий, влажный, почти ласковый. Погода наконец установилась — двор был засыпан свежим, чистым снегом, ветер утих, небо очистилось. Ветки, машины, провода — на всем лежало пушистое белое покрывало, как будто потрудился старательный дизайнер.

Он пытался убедить себя в бредовости домыслов. Откуда Мария могла узнать о готовящемся свидании? А если узнала — зачем поехала туда? Какое ей было дело до чужой любви и чужих тайн?

«О свидании знали всего трое. Я, Нина и тот, кто нас подслушал и натравил убийцу. Предположим, это Николай. Я точно не приглашал туда Марию, Нина тоже. Значит... Николай? Но зачем бы ему это делать?

Если он хотел убить жену, то ему вовсе не выгодно было подставлять на ее место кого-то другого. Нет, бред, полный бред!»

Он прибрал бумаги на столе, включил ночник, погасив настольную лампу. Завтра с утра нужно было везти рукопись в издательство. Завтра же Нина должна была выйти на работу. Во всяком случае, она собиралась... Пока не обнаружила повреждений на своей машине. Каковы ее планы сейчас — он не знал. Об этом они еще не говорили — Олег боялся бередить открытую рану.

Когда он лег рядом, Нина пошевелилась и медленно повернулась к нему. Сонная, тяжелая рука легла ему на грудь.

— Ты спишь? — прошептал Олег.

Ответа не было — она дышала все так же ровно и глубоко.

«Я не пущу ее завтра на работу. Возьму с собой в издательство. Там пропускная система, но ничего — она посидит внизу, в буфете. Нельзя, чтобы она снова встретилась с мужем. В милиции к ней отнеслись как к психованной дамочке, которая изобретает несуществующие проблемы. Машину у нее поцарапали, видите ли! Покушение без жертв. Катастрофа без разрушений. И во всем эта дамочка обвиняет своего супруга, находящегося в служебной командировке. Нет, такому заявлению ходу не дадут. Вот если бы ее действительно сбили!»

Он легко погладил ее руку. Пальцы дрогнули и сжались, словно пытались что-то ухватить. Нина еле слышно застонала и вдруг приоткрыла глаза. Ее взгляд в тусклом свете ночника был пугающе остекленелым. Она облизала губы и хрипло спросила:

— Что это было?

— Где?

— Вот сейчас. Какой-то звук... Как будто выстрел!

Олег заверил ее, что и в комнате, и на улице было тихо. Да она и сама может слышать, какая вокруг тишина, даже ветра нет! Нина прислушалась, настороженно глядя куда-то в пространство. А потом призналась, что сейчас видела во сне убийство.

— Была убита та самая женщина, на похороны которой ты ходил, — тихо сказала она. — Ее застрелили. Господи, я опоздала совсем немного...

— На самом деле ты тогда опоздала порядочно, — мягко поправил ее Олег. — Кстати, почему? Где ты была?

— Не помню... Заметала следы... Кружила по городу... Даже мест не помню. Сидела в каком-то кафе, там был шведский стол. Я заплатила, но есть не могла. Я так нервничала! И совсем забыла о времени.

«И обо мне тоже, — подумал Олег. — В чем ее винить? Она спасала свою жизнь, свидание отошло на второй план».

— Завтра я никуда тебя не пущу! — твердо сказал он. — Ни на какую работу. Ты везде будешь ездить со мной.

Она кротко с этим согласилась, добавив, что и сама не собиралась возвращаться к прежней жизни.

— Уж если я донесла на Колю в милицию — война объявлена.

— Еще не объявлена. Мы пойдем туда вместе и расскажем следователю все, что случилось с Марией на самом деле. Не знаю, кто ведет ее дело, не знаю, насколько интенсивно они ищут убийцу... Но похоже, что пока стараются не очень. Ты представляешь, как мы можем им помочь?

Нина молчала. Он продолжал ее убеждать. Говорил, что убийца, оставаясь на свободе, будет исполнять полученный приказ — убить Нину. Он уже зна-

ет, что ошибся, знает об этом и муж Нины, заказчик. Возможно, на время они притихнут, им вовсе незачем навлекать на себя столь явные подозрения. А может быть, наоборот — начнут действовать еще более активно.

— Все зависит от того, почему тебя хотят убить, понимаешь? Ты уверена, что никаких видимых причин нет?

Она спрятала лицо у него на плече:

— Никаких. Ни единой причины.

— Ревность? Материальные вопросы? Работа? Старая обида? Нина, подумай хорошенько!

— Нет ничего.

— Но так не бывает, чтобы семейная пара со стажем не имела ни одного скелета в шкафу! У всех накапливаются обиды! Ты хочешь сказать, что у вас был идеальный брак?!

И она выдохнула ему прямо в ухо, что именно таким ее брак и являлся. Тихим, мирным, идеальным. Олег слышал это много раз. Когда Нина сказала это впервые, ему было больно. Его самолюбие было ущемлено; и наверное, именно тогда он впервые задумался, какие же чувства привязывают его к этой женщине. Тогда и началась любовь. Началось то, что Нина недавно назвала пошлым анекдотом.

Она слишком часто рассказывала ему о своей замечательной семейной жизни. Со временем это перестало его шокировать. Он привык и уже почти не ревновал. Или старался не ревновать. Олег начинал понимать, что она поступает так не из-за душевной нечуткости и вовсе не желает его уязвить. Она просто хотела поделиться с ним всем, что было у нее за душой, а причин для ревности не видела.

Но теперь ему было больно, как в первый раз. И страшно, как никогда. Женщина, чья семья была

разрушена, пыталась уцепиться за обломки, собрать их воедино, слепить какое-то подобие прежнего покоя и счастья. Она изо всех сил старалась не замечать, что ее муж оказался убийцей, возвращение невозможно, и родной дом таит в себе страшную угрозу.

Нина снова спала — она заснула так тихо, что Олег этого даже не заметил. Она отодвинулась, ушла под одеяло почти с головой. Он даже не слышал ее дыхания.

«О свидании знал еще один человек. Убийца. Тот, о ком никто ничего не знает. Неизвестно, молод он или в летах, как выглядит. Известно одно — он застрелил Марию в упор. И ничего у нее не взял, кроме жизни. Сразу ли он понял свою ошибку или Николай позже связался с ним по телефону и устроил нагоняй?»

Он постарался не думать об этом — ночь зашла за середину, подняться нужно было спозаранку... Беспрестанно ворочался, опасаясь разбудить Нину, вставал, шел на кухню и, не включая света, пил остывший чай. Смотрел во двор, заметенный снегом, и снова видел фигурку в черном пальто — сиротливую, беспомощную, безответную.

«Никто из нас троих не мог позвать Марию на Чистые пруды, — повторял про себя Олег. — Да она бы и не пошла ради кого-то из нас. Но кто же ее туда позвал?! Кто подставил ее вместо Нины?»

Ответ пришел откуда-то из ночной снежной тишины, из глубоких синих теней вокруг единственного фонаря. На Олега ощутимо дохнуло холодом, как будто оконное стекло вдруг исчезло, оставив его наедине с глубокой ночью.

«Это сделал четвертый. Тот, кому была выгодна смерть Марии. Тот, кто знал, как сделать ее похожей

на Нину, чтобы застрелить. Между двумя женщинами есть какая-то связь — я ее чувствовал. Такое сходство не могло быть случайным совпадением. Николай мог заказать убийце свою жену, но в тот вечер хотели убить именно Марию. И сделали это, выманив ее из дому поздней ночью. Убийца обманул Марию, а потом обманул заказчика, выдав ее смерть за случайность, за ошибку. Но так или иначе, своего добился».

Глава 9

Они ждали вторника, как должник ожидает дня, когда придется платить по счетам. В Москву возвращался Николай, и лгать про лечение в санатории Нина уже не могла. Однако утром, встав по звонку будильника и торопливо одеваясь, они совсем не говорили о предстоящих испытаниях. Олег строил планы, как и где они пообедают в городе, после того как он сдаст рукопись. Нина искренне восхищалась пушистым свежим снегом, то и дело подходила к окну, совсем как девчонка, которой не терпится убежать на прогулку.

Но когда они подошли к заснеженной синей «хонде», настроение у нее резко переменилось. Она провела перчаткой по железу, счистила прилипший снег, как будто хотела, чтобы царапина всегда была на виду. Нина ничего не сказала, ни о чем не напомнила, но Олег хорошо ее понял. Он и сам все время думал о Николае.

...В редакции его встретили одновременно радостно и настороженно. Радостно — потому что он все-таки успел принести перевод, хотя бы к последнему сроку. Настороженно...

— Выздоровели? Ничего серьезного, надеюсь? — осведомился редактор.

Это был потрепанный котообразный мужчина, с которым у Олега никак не складывались отношения. Он сотрудничал с ним недавно, до этого его редактировала пожилая, очень опытная дама, работавшая в свое время с лучшими переводчиками. Она зачастую придиралась по мелочам, поучала молодого коллегу, но ее замечания всегда шли переводу только на пользу. Когда Ева Юрьевна уходила на пенсию, Олег искренне это переживал. Новый редактор придирался ничуть не меньше, но текст от этого лучше не становился. Зачастую он переписывал целые куски, и Олег никак не мог добиться, чтобы его ставили об этом в известность. Раскрывая вышедшую в свет книгу, он не узнавал собственного перевода. Это бесило его, но редактор состоял в штате, он же был всего лишь наемным работником, поденщиком.

— Да, пустяки, — наигранно-легко ответил Олег. — Давление скакало.

— Давление? В вашем-то возрасте?

Это могло быть шуткой, могло быть даже комплиментом. Но прозвучало как выговор. Олег с трудом отделался от предложения немедленно засесть за текст вдвоем и просмотреть его. Редактор был потрясен. Он впервые предложил именно то, о чем Олег тщетно просил почти полгода, — и получил отказ.

— Мне нужно в больницу, — сказал нерадивый переводчик. — Прием назначен еще с прошлой недели, я не могу его пропустить.

Нина ждала его внизу, в полуподвальном кафе, где столовались сотрудники издательства. Она сидела, забившись в угол, вертя в руках бокал. На дне его качалась янтарная прозрачная жидкость. Олег подсел, отобрал у нее бокал, поднес к носу...

— Опять коньяк. — Он отодвинул бокал подальше. — Ты можешь спиться.

— Это будет самое меньшее зло, — равнодушно ответила она.

— Ну конечно, — иронично откликнулся Олег. — Жизнь кончена, ты одинока как перст. Ни ребенка, ни дома...

Она подняла глаза:

— Ты думаешь, я забыла о Дианке? Я только о ней и беспокоюсь. Она пропускает школу уже целую неделю, дальше так тянуться не может. Девочка должна учиться. Но в какой школе? Кто будет ее туда отвозить, забирать обратно? Мама? Я? Николаю это доверить невозможно.

Нина снова взяла бокал, отпила глоток и опять заговорила о своих тревогах. Что ждет их с дочерью? Она может завести уголовное дело против супруга, может с ним развестись. Но что дальше? Ведь она работает в его фирме, и значит — останется также и без работы. Невозможно сотрудничать с человеком, который хочет тебя убить!

— Ты хороший бухгалтер, неужели так сложно найти работу? — возразил Олег. — И потом, у тебя есть еще одно образование, первое...

— Не смеши меня! Сколько сейчас безработных бухгалтеров, намного более классных, чем я? А сколько из них получают маленькие зарплаты? Я не привыкла жить в нищете! Ты думаешь, так просто найти хорошее место? — Нина говорила горячо и вместе с тем грустно. — А первое образование... Ты знаешь, сколько получает библиотекарь?

Он был вынужден с нею согласиться. Возвращаться в библиотеку для Нины смысла не имело. Но Олег считал, что сейчас она видит все в черном свете. Так или иначе, а работу она найти может. Да и

потом, отец обязан содержать ребенка. Даже если ему грозит срок. К тому же остается общее имущество, квартира, машина...

— Я больше не сяду за руль этой машины! — перебила она.

— Не важно, ее можно продать, обменять. Главное, что на улице ты все равно не останешься. В конце концов, у тебя есть я...

Она ответила непередаваемым взглядом, который его и озадачил, и оскорбил. Нина взглянула так, как будто уличный попрошайка неожиданно предложил ей денег взаймы. Это было совершенно неосознанное, естественное движение — но Олег впервые понял, каким она его видит. Ему стало душно. «Что же это такое?! Я для нее — ничто?! Не мужчина, не защитник, не кандидат в спасители? Как она может так на меня смотреть? Разве я нищий, бездомный, разве я когда-нибудь позволил ей за себя заплатить — в ресторане, например? Это просто безумие! Она даже не так богата, чтобы смотреть на людей подобным образом! И будь она в сто раз богаче — никто не имеет права так смотреть!»

Нина даже не заметила его смятения. Она допила коньяк, достала сигареты и попросила взять ей кофе. Олег машинально выполнил ее просьбу.

Мобильный телефон зазвонил, когда он расплачивался у стойки буфета. Олег достал из кармана трубку, и Нина настороженно на него взглянула. Теперь у нее снова был затравленный, жалкий вид, может быть, потому, что она не могла слышать, о чем говорит Олег с Тамарой. А звонила именно она.

— Я тебя не разбудила? Знаешь, появились коекакие новости. Тебе будет любопытно узнать!

Олег сам не ожидал, что так обрадуется этому звонку, так соскучится по этому непередаваемому,

глубокому и ясному голосу. А может быть, слишком силен был контраст с тем взглядом, который только что бросила на него подруга.

— Давай встретимся ближе к вечеру? — предложил он. — Я сейчас в городе.

— Лучше заезжай ко мне, прямо сейчас! У меня есть свободное время.

Он замялся. Оставить Нину одну невозможно. Она может выкинуть какую-нибудь очередную глупость — например, попытается склеить осколки своей семьи... «С нее станется», — хмуро подумал Олег, следя за тем, как она подходит к стойке. Нина взяла свой кофе, вопросительно посмотрела на Олега. Но он отвел глаза — специально, чтобы отомстить.

— Не можешь приехать? — расстроилась Тамара. — А я тоже не могу. Правда, я не знаю, где ты живешь, но это безразлично. Ко мне в час придет ученик, а предыдущего я только что спровадила. Как раз свободное окошко!

— Я могу приехать, но... Не один.

— С подругой? — моментально догадалась Тамара. — Конечно, бери ее! Ей тоже будет интересно послушать. Значит, вы все-таки вместе? Она вернулась?

Узнав, что они немедленно отправляются с визитом к родственнице убитой, Нина оцепенела. Потом спросила, нельзя ли ее избавить от этого испытания? В конце концов, это Олег наладил с нею связь, а она, Нина, не имеет к этому никакого отношения.

— Все еще боишься? — перебил он.

— Чего мне бояться? Просто неприятно...

— Думаешь, она станет тебя обвинять в смерти Марии? Это не тот случай. Уверяю, никаких сцен не будет. Это очень разумная девушка, и она хочет тебе помочь.

Нина отмахнулась:

— Все хотят мне помочь, если тебе верить. Я не желаю с нею видеться, и точка. Кто она вообще такая?

— Я уже говорил тебе — Тамара была замужем за сыном покойной.

— Весьма дальнее родство. — Нина немного остыла. — Вообще, покойной очень повезло с дальними родственниками и случайными знакомыми!

— Я бы на твоем месте не острил.

— Что ты имеешь в виду? — Она подняла тяжелые темные ресницы. Ее взгляд стал почти угрожающим. — Хочешь прочитать мне мораль? О мертвых либо хорошо, либо ничего, так? Так вот, я выбираю «ничего». И ничего не желаю знать об этой Марии. И вообще, на сегодня у меня были другие планы.

— Можно узнать, какие?

И Олег услышал то, чего боялся. Нина долго думала, сомневалась, но все-таки решила, что самым разумным выходом будет поговорить с мужем начистоту. В том числе передать ему все подробности своего вчерашнего визита в милицию.

— Я хочу знать, чем ему так досадила, что он решил меня убить. И потом... Все равно скрываться дольше невозможно.

— Значит, ты решила вернуться домой? — У него упало сердце.

Но Нина его успокоила. Она сказала, что для начала хотела просто встретиться с мужем на работе. Не станет же он убивать ее в присутствии стольких свидетелей, хотя они всего лишь его подчиненные! Олег попытался ее отговорить, убедить, что это вовсе не самый лучший выход, что разумнее будет еще раз сходить к следователю и выложить ему все, что до сих пор Нина пыталась скрыть. Но та стояла на своем: прежде всего — разговор с мужем.

— И кстати, — ввернула она. — Я вовсе не собираюсь оставаться без защиты. Ты пойдешь со мной?

— К нему?!

— А что тут такого? — безмятежно спросила она. — Коля давно знает о твоем существовании. А мне нужно, чтобы рядом был кто-то... Верный.

Это предложение не нравилось ему так же, как Нине не хотелось ехать к Тамаре. Наконец они пришли к компромиссу — решили выполнить желание друг друга. Нина поедет с ним к учительнице-речевичке, а он будет сопровождать ее к мужу на службу.

— И все равно я в проигрыше, — хмуро заметил Олег, садясь за руль. — Меня с Тамарой никакие отношения не связывают, а вот тебя с твоим Николаем... Ты никогда не думала, что существует такая вещь, как ревность?

Нина повеселела. Она легко и быстро чмокнула его в щеку, весело сказала, что в подобные глупости вообще не верит. Ревности нет. Есть ущемленное чувство собственности. А ни она сама, ни ее Николай никогда не были жадинами. Скорее всего, она просто шутила, но Олег давно заметил, что не понимает некоторых ее шуток.

* * *

— Присаживайтесь, я сейчас принесу кофе. — Тамара стряхнула с дивана несколько цветастых подушечек, освободив место гостям. — Олег, я не помню — тебе с сахаром? А вам?

Получив ответы, она ушла на кухню. Нина приподняла бровь, насмешливо и лукаво глядя на своего спутника:

— Вы на «ты»? Ого...

— А кто только что говорил, что ревности не существует?

— Ее и впрямь не существует, — быстро ответила Нина. — Меня только удивляет, что вы так быстро сблизились. Мы с тобой перешли на «ты» не так оперативно. Это что — родство душ?

Он не успел ответить — Тамара внесла на подносе кофейник и чашки. Расставляя посуду на столе, она предупредила, что времени у нее осталось не больше часа, потом начнется урок. Но обсудить ее новости они все-таки успеют.

— Во-первых, и это самое важное. — Она подала чашку Нине, потом Олегу. — Тебя, Олег, разоблачили.

Он застыл. Заметив его смятение, хозяйка поспешила его успокоить. Кто он такой — никто до сих пор не знает, зачем приходил к Валерию и расспрашивал о его матери — тоже никому не ясно. Выяснилось только одно — что Олег не имеет никакого отношения к милиции.

— К Валере снова приходил следователь, и тот спросил, кого это они присылали. Ну и сам понимаешь, что все сразу обнаружилось. Следователь очень недоволен, задавал кучу вопросов. О Валере и говорить нечего. Он жутко перепугался.

— Принял меня за убийцу?

— Вряд ли. Скорее за сообщника. Думает, ты хотел из него вытянуть, что именно известно следствию.

— А я тебе говорила! — вмешалась до сих пор хранившая молчание Нина. — Я предупреждала, что ты ведешь себя подозрительно!

— Лучше подозрительно, чем никак! — отрезал Олег. — Я ведь заботился о тебе!

— А я не просила об этом!

Тамара следила за ними со смутной, едва уловимой улыбкой, чем-то похожей на усмешку Джоконды, созерцающей посетителей через бронированное стекло. Наконец она посоветовала Нине не беспокоиться.

— Его имени никто не знает, машину не запомнили. Валерий всего лишь описал его внешность. Ну и что? Теперь главное — не встречаться с ним. А это нетрудно. Не думаю, что им устроят очную ставку.

Олег был полностью с этим согласен, но его подруга никак не могла успокоиться. Она продолжала бормотать, что добром это самостоятельное расследование не кончится. Раз милиция работает, зачем ей мешать?

— Во-вторых, — как будто не слыша ее, продолжала Тамара, — мне удалось найти одного свидетеля. Не слишком важного, но все-таки...

И она с торжеством поведала, что практически поголовно опросила соседей покойной свекрови, причем всем задавала одни и те же вопросы. Не встречался ли кто-нибудь с Марией ближе к вечеру в тот несчастный вторник, когда она погибла? Если встречался — как себя при этом вела Мария? Может быть, что-нибудь рассказала? Упоминала, что куда-то собиралась вечером?

— Я даже попыталась еще раз расспросить Валеру, но тот не пожелал говорить, — вздохнула Тамара. — Либо он говорит правду, либо что-то скрывает. Но в любом случае ведет себя так, будто я ему враг. Впрочем, он почти прав.

Опрос почти никаких результатов не дал. Тамара была совершенно права, когда негодовала на медлительность следствия. Почти никто из обитателей дома не мог вспомнить никаких событий прошлого вторника. За небольшим исключением.

— В третьем подъезде молодая семья снимает квартиру, — сообщила Тамара. — У них есть собака, английский бульдог. И молодой человек выгуливает ее перед сном. Так было и в тот вторник, около одиннадцати вечера. Точное время он вспомнить не смог.

Владелец бульдога увидел, как из соседнего подъезда вышла женщина в черном пальто и направилась в сторону автобусной остановки. Он встречал эту соседку и прежде, но имени не знал, поскольку жил здесь совсем недавно. Им было по пути: он всегда водит собаку в ту же сторону — там есть небольшой сквер. Поэтому какое-то время они шли почти рядом.

— А потом Маша вышла к обочине и стала ловить машину. Поймала и уехала куда-то в сторону центра, — закончила рассказ Тамара.

— Ну и что здесь такого? — не выдержала Нина. — Если бы он запомнил номер машины!

— Конечно, номера он не запомнил, — вежливо согласилась с ней хозяйка. — Он даже цвета не помнит. Но все это не так уж важно. Важнее то, что Маша никогда не садилась в незнакомую машину. Никогда в жизни.

Нина опять хотела что-то возразить, но Олег ее остановил. Его охватило лихорадочное возбуждение, почти азарт.

— А может быть, водитель был ей знаком? — сказал он.

— Но зачем же тогда было ловить машину? — возразила Тамара. — Она бы просто стояла на обочине и ждала, когда ее подберут.

— А она точно голосовала? Поднимала руку, пыталась остановить любой проезжавший автомобиль?

Тамара призадумалась. А потом была вынуждена признать, что этого владелец бульдога не говорил. Он

произнес дословно только что Мария «поймала машину».

— Он мог не понять, что произошло. — Олег чувствовал настоящее вдохновение. — Тамара, ты же сама сказала, что она не садилась в машину к незнакомцам! Она была пуглива, боялась всего на свете!

— Может быть, ты прав, — задумчиво произнесла женщина. — Нужно будет еще раз его расспросить... Поднимала ли она руку? Нет, этого он не говорил. Олег, у тебя, кажется, есть какая-то новая идея? Ты думаешь, ее убил кто-то знакомый?

— Я почти в этом не сомневаюсь.

Он хотел объяснить, к какому заключению пришел в результате своих ночных размышлений, но его снова прервала Нина. Она неожиданно встала и поставила на стол почти нетронутую чашку кофе.

— То, чем вы занимаетесь, — просто вредительство, — сказала она, глядя куда-то вдаль и стараясь не встречаться ни с кем взглядом. — И больше всего вы вредите мне! Что вы хотите доказать?! Что ее убили из-за нее самой?! А как же я? Кто травил меня газом, кто хотел сбить?! Значит, я остаюсь в стороне, за меня можно не беспокоиться?!

— Нина, я сейчас объясню...

— Я с ума сойду! — Она сбросила с плеча его руку и повернулась к нему всем корпусом, будто собираясь драться. — Сперва ты говорил, что женщина погибла из-за меня, потому что нас перепутали! Теперь...

— Но вас перепутали не случайно!

Теперь оторопели обе женщины. Тамара, потянувшаяся было за лежащими на столе очками, замерла, да так их и не надела. Нина обморочно нащупала край стола и медленно опустилась на стул.

— Что? — протянула она с детской недоверчивостью.

— В самом деле, Олег...

— Вас не могли перепутать случайно, вы оказались слишком похожи! — Он не знал, удастся ли ему внушить женщинам ту убежденность, которую сейчас испытывал. — Я и сам ошибся, пока не подошел к Марии вплотную! Нина, ее подставили вместо тебя! Тебя тоже хотели убить, но у нее был свой враг, и в тот вечер он с ней рассчитался!

Она вздрогнула — ее передернуло, как будто прошило молнией. Тамара наконец надела очки и, сразу повзрослев, заговорила другим тоном. Очень серьезно, почти сухо она попросила Олега объяснить: как такое пришло ему в голову? Значит, теперь он считает, что убить хотели обеих женщин?

— Да! Раньше я думал, что нацелились только на Нину, но теперь вижу, что ошибся! Если бы хотели убить Нину — убили бы именно ее! Убийца дождался бы ее на бульваре — он ведь знал, что она может опоздать! Любой человек может опоздать!

— Так ты считаешь, что убийца заманил или сам привез туда Марию, замаскированную под Нину... — Она поправила очки и смущенно добавила: — Извини, это бред. Это слишком трудоемко. Если у него был пистолет, он мог убить Машу в ее собственном подъезде. Там вечно вывернуты лампочки.

— А если убийца все-таки не знал, что жертву подменили? Если Марию туда вызвал кто-то другой, якобы на свидание, добившись прежде ее сходства с Ниной?

Но тут не выдержал главный предмет обсуждения — Нина. Она вскочила и потребовала немедленно замолчать. Лицо у нее пошло пятнами, сохранять самообладание ей явно удавалось с трудом.

— Прекратите! — взмолилась она странным, севшим голосом. — Что вы пытаетесь доказать? Меня

это совершенно не интересует. Я пришла сюда, потому что думала — вы, Тамара, разумный человек и не будете слушать эти безумные бредни. Я выслушиваю нечто подобное уже неделю, но сегодня он превзошел себя!

— Да уж, — согласилась та. — Версия дикая. Но знаете, что я вам скажу? То, что Маша села в незнакомую машину и отправилась бог знает куда посреди ночи, — это еще более дико. Она могла сделать нечто подобное только в одном случае... Если бы нужно было кого-то спасти.

— Достаточно. — Нина взяла с дивана свою сумку и повернулась к Олегу: — Я подожду тебя в машине. Не забудь, что ты мне обещал.

Она сухо попрощалась с хозяйкой, попросила не провожать и вышла. Щелкнул замок на входной двери — Нина прекрасно справилась с ним сама. И как только утихли ее шаги, Тамара неожиданно рассмеялась:

— Ну и характер! Тебе скучать не приходится!

— Это просто нервы. — Олегу было неприятно, что критикуют его подругу, хотя в последнее время он и сам часто на нее досадовал. — Она сейчас не в себе. И это можно понять.

— Конечно можно. Наверное, ты ее замучил своими расследованиями?

— Особенно насчет Марии. Она просто не выносит, когда я завожу о ней речь. Считает себя виновной в ее смерти и бог знает что еще.

Тамара перестала улыбаться. Она сказала, что прекрасно понимает душевное состояние Нины. Точнее, не в силах себе его представить, ее саму никто никогда не пытался убить, хотя, наверное, было за что.

— Но твоя версия насчет того, что Машу специально выдали за твою подружку... Прости, она кажет-

ся мне нереалистичной. Предположим, что даже убийца этого не знал. Ты говоришь, что кто-то мог обмануть и убийцу, и жертву сразу — так я поняла?

— Это единственное, что мне приходит в голову.

— Хорошо. У меня только один вопрос: зачем ему это? К чему такая сложная комбинация?

— А к тому, что тогда это убийство будет всеми восприниматься как случайность. Дескать, перепутали похожих женщин в темноте. Тем более, что покушения на Нину уже были — очевидно, что настоящая жертва именно она. А на самом деле...

— Она опоздала, — закончила Тамара. — Кажется, именно так ты когда-то выразился? Опоздала на собственную смерть. Разве кто-нибудь мог знать, что она опоздает? Если бы они с Машей пришли туда вовремя, там оказалось бы сразу две женщины. Нет, Олег, придумай что-нибудь другое. Это интересная, даже эффектная версия. Только она неправдоподобна.

— Но почему?!

— Если у Маши был враг, который хотел ее убить, — он не стал бы устраивать подобную инсценировку. Это чересчур рискованно — впутываться в чужое заказное убийство.

Волей-неволей пришлось признать, что она права. Но тогда все рушилось, рассыпалось, не имело отгадки.

— И все-таки между ними есть какая-то связь, — мрачно сказал Олег. — В случайность я не верю.

Тамара слегка пожала плечами:

— Я бы пока не делала никаких выводов. Все, что нужно сейчас сделать, — выяснить, почему Маша отправилась ночью на Чистые пруды. А этого мы до сих пор не знаем. И следствие не знает. Зато мне удалось узнать кое-что еще.

Она явно не чувствовала особого воодушевления, рассказывая о своем новом открытии, и даже извинилась, что передает такие сплетни. Но что делать, если никаких других источников нет...

— Я говорила с соседями, в том числе с Галей. Впрочем, ее имя ничего тебе не скажет. Так вот, она незадолго до Машиной смерти слышала кое-что любопытное.

— Галю я как раз знаю. — Олег наслаждался ее изумлением. — С ней я тоже говорил. Но она сказала, что весь вторник была на работе и потому ничего не слыхала.

— Верно! Но в воскресенье она сидела дома. И можно сказать, была свидетелем ссоры за стеной.

Такие сцены для Гали были не новостью. Она успела к ним привыкнуть, хотя не уставала возмущаться тем, в каких условиях теперь живет ее соседка. И она с готовностью поведала Тамаре, что воскресный скандал превзошел все предыдущие.

Началось с пустяка, как считала Галина. Сперва где-то в недрах соседской квартиры послышались громкие голоса. О чем говорили — ей расслышать не удалось, она только узнала по голосам участников разговора. Это были, с позволения сказать, молодожены. Машиного голоса слышно не было. Впрочем, она обычно в ссорах отмалчивалась.

— Потом они перешли в смежную комнату, и вот тут Галя услышала почти все. Валерка орал, что мать нарочно делает все ему наперекор. Кажется, он злился из-за рыбы, которую она купила накануне и теперь собиралась зажарить. Думаю, это была камбала. — Тамара грустно усмехнулась. — Из-за камбалы он мог устроить Варфоломеевскую ночь. А Маша как раз ее очень любила, иногда позволяла себе купить рыбку-другую. Для собственного употребления.

Скандал становился все омерзительнее. Лика тоже не могла не встрять — визжала, что губит на работе здоровье, надрывается, стараясь принести в этот дом лишний рубль, а в результате не получает ничего, кроме унижений. С ней не считаются, она тут никто и не может даже зайти на кухню и приготовить воскресный обед, чтобы не задохнуться от жуткой рыбной вони... Нет, лучше ей уйти навсегда! Валерий от этих слов совершенно остервенился и заявил, что лучше всего было бы уйти кое-кому другому. И тут впервые раздался голос Маши. До этого момента задыхавшаяся от гнева и любопытства соседка даже не знала, находится ли она в той же комнате.

— Знаешь, что сказала Маша? Она объявила, что им недолго осталось терпеть ее присутствие, она уйдет отсюда очень скоро. И после этого — как отрезало. Сперва наступила тишина, а потом кто-то включил телевизор и уже ничего не было слышно.

Они помолчали. Олег украдкой взглянул на часы. Ждет ли его Нина? Она не могла сесть в машину, ключи он унес с собой. Наверное, уже замерзла, ожидая его на улице, а может, вообще ушла. Но это были какие-то спокойные, отстраненные мысли, как будто дело касалось чужого человека.

— Когда Галя мне это передала, я решила, что Маша просто рассердилась и намекнула им на свой возраст, на здоровье, — тихо добавила Тамара. — Хотела дать понять, что нельзя с ней так обращаться. Знаешь, я не суеверна, не верю в предчувствия. Но получается, что она как будто предсказывала свою смерть. А теперь еще эта твоя версия...

— Но если прав я, тогда она говорила именно о своей скорой смерти.

— И поехала на Чистые пруды, зная, что ее там убьют? Не оставив никакой записки, не по-

прощавшись хотя бы с сыном? Со мной, в конце концов?

— Ты же говоришь, она приезжала к тебе в тот самый день!

Тамара остановилась у окна, повернувшись к нему спиной. Вместо лица Олег различал смутное пятно — в комнате было сумрачно, а света хозяйка не зажигала.

— Может быть, она в самом деле хотела проститься, — пробормотала Тамара. — Но не решилась. Все может быть. А теперь беги, тебя ждут!

Такое неожиданное прощание ошеломило его. Он поднялся, хотел еще что-то сказать, но она остановила его движением руки:

— Я хочу побыть одна и подумать. И потом, сейчас ко мне придут, я должна успокоиться. Ну иди же! И не забывай звонить!

* * *

Он волновался напрасно — Нина никуда не исчезла и даже не выглядела озябшей. Она не проронила ни слова за все то время, пока он вез ее на работу. Правильнее было бы сказать — на бывшую работу, но Олег предпочитал не обсуждать этот вопрос. И только когда Нина стала давать указания, как удобнее проехать к зданию, где располагался офис, Олег осмелился задать вопрос:

— Ты уверена, что он уже там? Может быть, сегодня он решил отдохнуть после командировки?

— Коля не знает, что такое отдых, — заявила она. — Следующий поворот, и до конца. Да, сюда.

Остановив машину, он еще раз уточнил, нужно ли его присутствие при объяснении. Но Нина была неумолима. Она желала, чтобы Олег пошел вместе с нею, и точка. И он повиновался.

Начальницу и жену босса почтительно приветствовали все — от массивного охранника, открывшего им тяжелую железную дверь, до щуплой девушки-секретарши, сторожившей подходы к кабинету. В коридоре Нину несколько раз останавливали коллеги, она же отделывалась от них невнятными фразами. Все спрашивали о ее здоровье, но ответа не получали.

— Николай здесь? — резко спросила она секретаршу.

— Да. — Та поднялась при их появлении. Девушка была до того хрупкой и миниатюрной, что Олег испугался, как бы она не переломилась пополам от этого движения.

— Как хорошо, что вы вернулись! Мы все так за вас переживали!

— Приятно слышать. Он один?

И, не дожидаясь ответа, Нина прошла в кабинет, жестом пригласив с собой Олега.

Кабинет неожиданно оказался очень маленьким. Здесь помещался стол самого директора, несколько кресел, компьютер и кофейный столик с приготовленным на нем сервизом. Все остальное место занимали два застекленных шкафа с документами. Ну и сам Николай, конечно. Возможно, именно благодаря его присутствию кабинет и казался таким тесным.

Вид его потряс Олега. Муж Нины оказался настоящим богатырем — высоким, плечистым, упитанным, с на редкость здоровым румянцем во всю щеку. И, как ни странно, он выглядел намного моложе жены. На нем был дорогой, но изрядно помятый костюм и золотистый галстук, скрепленный зажимом с каким-то желтым камнем. Нина подошла к богатырю и, перегнувшись через стол, поцеловала его румяную щеку. Это был скорее сестринский, чем страстный поцелуй.

— Как съездил? — спросила она.

— Да нормально, лучше, чем ожидал. А ты что-то бледная. Может, нужно было еще остаться в санатории? Дела подождут!

Все это Николай говорил, глядя через плечо жены на непрошеного визитера. Нина, наконец, обернулась и представила Олега:

— Это мой друг, он меня подвез. Знакомьтесь...

Мужчины пожали друг другу руки. Несмотря на безличное представление спутника Нины, ее муж все-таки держался настороженно. Было ясно, что слова «мой друг» не произвели на него впечатления. Олег старался сохранять независимый вид и внутренне очень злился на Нину. «Вот это уже в самом деле пошлый анекдот! Зачем я ей понадобился?!»

— Присаживайтесь, — пригласил хозяин. — Сейчас выпьем кофе. А может быть, немного коньяка?

— Олег за рулем, — перебила Нина. — А я уже сегодня выпила.

— Вижу, — заметил муж. — Точнее, унюхиваю. Лучше бы тебе поехать домой, а завтра...

— Я не поеду домой, и Диана тоже не поедет. — Нина неожиданно стала слегка задыхаться. — Сперва ты мне кое-что объяснишь!

Мужчины снова обменялись красноречивыми взглядами. Николай пока не решался задавать вопросы, но Олег видел, что они у него уже возникли.

— Что случилось? — довольно спокойно поинтересовался муж.

И Нина потребовала, чтобы он объяснил: откуда взялись царапины на их машине?

Тот был очень озадачен. Попросил уточнить: какие царапины имеются в виду? Получив исчерпывающие разъяснения, Николай забеспокоился. Он утверждал, что, насколько помнит, ни в какие аварии не попадал.

Наверное, Нина сама была за рулем и поцарапала машину!

Теперь он забыл свою сдержанность, и присутствие постороннего свидетеля ему не мешало. Николай начал было отчитывать Нину за невнимательное вождение, но она резко его оборвала:

— Значит, я сама была за рулем и сама себя пыталась задавить? Так, по-твоему?

— Ты о чем?!

— О том, что меня пытались убить! Сбить моей собственной машиной! Это было в прошлый понедельник, и не делай вид, что не знаешь!

Николай смотрел на нее, словно не узнавая. Потом потер висок указательным пальцем, как будто это помогало ему сосредоточиться. Что это она несет? Ее пытались сбить? Неделю назад? Но он же был еще в Москве! Почему он ничего об этом не знает?! Как она могла умолчать!

Нина не ответила и повернулась к своему спутнику:

— Ну что я тебе говорила? Сам видишь — никакая это не улика! Ему очень легко отвертеться! Ничего не знаю — и конец! А машину мог поцарапать кто угодно!

— Постой, я не понимаю! — почти взмолился Николай. — И кто это такой, в конце концов?!

Уже не церемонясь, он указал на Олега. Тот встал. Ему показалось, что сейчас дойдет до обмена оплеухами — такой агрессивный вид был у Николая, но Нина не испугалась. Напротив, чем больше горячился ее супруг, тем она сама становилась смелее и наконец заявила, что не потерпит такого наглого вранья. Он был за рулем их синей «хонды», подстерег ее после работы в переулке, попытался сбить, а когда она увернулась, машина чиркнула о стенку и скрылась. Цара-

пины остались на том самом месте, где и должны были. И неумелая покраска их не скрыла.

— Да ничего я не красил, господи! Ерунда какая! — взмолился наконец Николай. — Где машина? Дай хоть посмотреть!

— Машина там, где ты ее не достанешь! А то отремонтируешь как следует, и вообще никаких следов не останется!

— Ты сошла с ума! — в отчаянии повторял Николай. Теперь он смотрел на Олега так, будто хотел обрести в его лице союзника. И обращался исключительно к нему: — Что она говорит? Откуда она все это взяла? Я пытался ее сбить, так, что ли? В прошлый понедельник?! Во сколько?!

— Около шести!

— Да я вообще в это время не садился за руль!

— Врешь!

Это, конечно, сказала Нина. Олег предпочитал хранить молчание.

— Я докажу тебе это! — Николай горячился все больше, и теперь его румяное от природы лицо сделалось совершенно багровым. — В понедельник ты ушла с работы первая, ты же помнишь, я задержался! Так было всю неделю! Было или нет?

— Ну и что?! Я ушла, а ты меня догнал на машине!

— Да я сидел здесь, в кабинете! И у меня было совещание! Вот — посмотри записи! — Он швырнул через стол распухший ежедневник.

— Ты мог написать там что угодно, — холодно возразила жена.

— Тогда спроси кого хочешь — Кузнецову, Зацепина, спроси Лизу, да кого угодно! Они тебе скажут, до скольких мы тут просидели! Ты же помнишь, в котором часу я вернулся домой!

— А кто в таком случае был за рулем? Кому ты давал ключи?!

— Никому! Они были у меня в кармане, как всегда! — Он указал на шкаф в углу кабинета. — Ты же сама все прекрасно знаешь, зачем же спрашиваешь! Они были в куртке! А я сидел здесь!

И он в бессильной ярости указал на свое рабочее место.

Глава 10

Олег чувствовал себя чрезвычайно неловко — в особенности оттого, что теперь Николай подчеркнуто обращался именно к нему. «Кажется, он сообразил, что я не просто подвез Нину... За кого он меня принимает? За ее телохранителя? За следователя?»

Нина тем временем поведала мужу о своем визите в милицию. Тот выслушал, с трудом удерживаясь, чтобы не перебить. С его лица не сходила апоплексическая краска — казалось, богатыря вот-вот хватит удар. Наконец он воскликнул:

— Это маразм! Я сейчас же все докажу!

Нина сделала движение, будто собиралась уйти, но тот обогнул стол, легко приподнял жену за плечи и буквально бросил в глубокое мягкое кресло. Она тихо ахнула, но попыток встать больше не предпринимала. Олег с трудом подавил в себе желание вмешаться.

Николай позвонил секретарше, назвал ей несколько фамилий и велел этим людям срочно прийти к нему. Как выяснилось, это были сотрудники, присутствовавшие на том злополучном совещании в прошлый понедельник — именно в то время, когда Нину пытались сбить. Двое из них оказались на ме-

сте и явились в кабинет. Нина говорила с ними сама. Она не касалась настоящих обстоятельств дела, а задала вместо этого несколько наводящих вопросов. Все подтверждалось — Николай в то время действительно был на месте. Больше того, на том же совещании присутствовал его деловой партнер из другой торговой фирмы.

— Хочешь ему позвонить? — поинтересовался Николай, когда опрошенные и слегка удивленные сотрудники удалились. — Я сейчас наберу номер.

— Ладно, — фыркнула она. — Я верю.

— Мне или им?

— Им больше, чем тебе. Но все-таки я бы хотела знать, кто сидел в нашей машине, если это был не ты.

— Наверное, тот, у кого были ключи, — это вмешался Олег. Ему стоило большого труда вставить свое слово, но молчать дольше он не мог. Все, что он только что услышал, всколыхнуло в нем старые сомнения. Нину хотел убить муж? Но как бы он осмелился воспользоваться собственной машиной? Ведь это — главная улика против него.

Нина обернулась с таким изумлением, будто впервые заметила его присутствие в крохотном кабинете.

— Ты это о чем?! — воскликнула она.

— Сперва надо узнать, у кого были ключи.

— У тебя они тоже были! — Великан торжествующе ткнул пальцем в присмиревшую супругу. — У нас два комплекта! Сама-то где была в понедельник, а?!

— Не твое дело, — невежливо буркнула она, раскрывая сумку и роясь в отделениях. — Мои ключи должны быть у меня. А свои ты увез с собой в командировку.

— Третьего комплекта не было?

Николай с проблеском уважения взглянул на гостя и сказал, что они не имеют привычки делать лишние наборы ключей. От этого они начинают теряться. У них всего по два, потому что дочь еще не имеет ни водительских прав, ни права самостоятельно отпирать квартиру.

Нина тем временем все еще рылась в сумке. Наконец она захлопнула ее и сказала, что ключи, должно быть, остались дома.

— А ты вообще давно их видела? — встревожился муж. — Последнее время ты постоянно брала ключи у меня! Где же твои?

— Хочешь сказать, у меня украли ключи, чтобы потом сбить моей же машиной? — Нина произнесла это уже не так напористо и перевела растерянный взгляд на Олега.

— Могло случиться и так, — сдержанно ответил он. — Лучше спроси про воскресенье.

— Да! Ты был на даче у Арарата, на его юбилее?

— Сама знаешь, что был.

Николай открыл крохотный бар в углу и достал бутылку коньяку — видимо, имя друга-юбиляра навело его на эту мысль. Налил себе почти полный стакан, потом опомнился и предложил Олегу. На сей раз тот согласился.

— Ну и что, уже к другу съездить нельзя? — возмутился Николай, залпом хватив полстакана. — Я ведь звал тебя туда, а ты не поехала. В чем дело?

Услышав, что в воскресенье его жена едва не умерла от отравления газом, Николай неожиданно стих. Он покачал стаканом, который все еще сжимал в руке, заглянул туда, будто надеялся обнаружить там коньяк, и налил себе новую порцию. Нина вызывающе смотрела на супруга, Олег молча ждал объяснений. Наконец тот откашлялся и хрипло произнес:

— Ты что — с ума сошла?

— Надеюсь, что нет. А ты можешь доказать, что все воскресенье пробыл на даче с Дианкой? Или мне придется звонить Арарату и прочим... Кто там еще был?

Николай заявил, что она может звонить кому угодно — черту, дьяволу, Арарату, жене и бабушке Арарата, и по крайней мере пятидесяти гостям, которые были приглашены на юбилей! И все скажут одно и то же — он там был и никуда не уезжал!

— Позвоню, — пообещала Нина. Она старалась держаться твердо, но Олег видел, что ее уверенность уже поколеблена. — Составь мне список и дай все телефоны.

— Может быть, лучше опять пойти к следователю? — ядовито спросил муж. — Тот скорее разберется!

— Пока предпочитаю никого не впутывать. А что ты скажешь насчет вторника?

— Как, и во вторник что-то было?!

Николай вдруг осекся. Он перевел взгляд с жены на Олега, потом опять на жену... И вдруг начал улыбаться. Улыбка получилась какая-то нервная, неестественная и кривая, в общем — жуткое зрелище.

— Понятно, — грозно произнес он. — И все это ради такой чепухи? Ты что, хочешь со мной поссориться? Развестись? И поэтому спрятала дочь? Что ты забрала себе в голову, а?

— Да послушай... — начала было жена, но он не дал ей договорить:

— Я тебе когда-нибудь мешал?!

И он совершенно недвусмысленно указал на Олега. Тот понял и вскочил.

— Я подожду тебя в машине, — сказал он, хотя не был уверен, что Нина его слышала.

Она с пылающим лицом наступала на своего супруга. Кабинет был такой тесный, что было совершенно ясно — долго гоняться за ним не придется.

Олег выскочил в приемную. Хрупкая секретарша чрезвычайно грациозно поливала кактус на своем компьютере. У нее был такой сдержанный и в то же время лукавый вид, что сомневаться не приходилось — девушка слышала абсолютно все. Тем более, что сюда, в приемную, отчетливо долетали все звуки из кабинета. Там еще не дрались, но ссорились вовсю. Олег перевел дыхание.

— Водички не хотите? — приветливо спросила секретарша, оставив крохотную леечку. — Может быть, кофе?

— Нет. И передайте Нине, что я внизу.

Та загадочно на него взглянула и согласно склонила тяжелые локоны с искусственным блеском.

Оказавшись на улице, Николай жадно вдохнул задымленный воздух, показавшийся ему райски-чистым и свежим. «Понятно, что я ничего хорошего не ждал, но чтобы такое... Какие у них отношения, в конце концов?! Неужели и правда — никакой ревности? Полная свобода? Он прекрасно знает, кто я, и даже не волнуется? Нет, это что-то запредельное...»

Он ждал минут десять, и за это время немного успокоился. А потом снова заволновался — Нины что-то долго не было. Когда она наконец появилась — в расстегнутом пальто, красная, растерзанная, — он даже подумал, что они там подрались. Нина достала сигареты и после нескольких неудачных попыток закурила. Ее глаза лихорадочно блуждали по верхним этажам противоположного здания, где не было ровным счетом ничего интересного. Потом она заметила Олега.

— Какой мерзавец! — громко возмущалась она.

— Кого ты имеешь в виду? Меня или...

— Его! Намекнул, что я сумасшедшая! — фыркнула Нина, в бешенстве ломая сигарету. Руки у нее прыгали, пальто почти сползло на ступени крыльца, но она не замечала, что топчет его подол.

Олег помог ей одеться и усадил в машину. Но она никак не могла успокоиться — гневно рассказывала, как нагло вела себя Лиза (эта «недоразвитая» секретарша, которая не может двух слов написать без ошибки), как в самый разгар разговора ворвалась в кабинет, хотя ее никто не звал, и стала навязывать кофе. И как Николай («этот боров!» — критически вставила Нина) сразу присмирел и стал куда вежливее с собственной женой.

— Уверена — у них что-то есть. Слон и моська — страшно представить! Он все время выбирает в секретари таких недокормленных девиц! Прямо извращение какое-то!

— Это тебя взволновало больше всего?

— Да плевала я на это, если хочешь знать! Меня возмущает другое! Он отпирается! Ничего не хочет признать! Теперь вот уперся, что мне нужно показаться врачу! Как называется эта болезнь? Ну, когда человеку кажется, будто его преследуют?

— Мания преследования?

— Нет, он сказал — паранойя!

— И это все, чего ты добилась?

Это было почти все. Единственным трофеем оказалась записная книжка, которую Нина буквально вырвала у супруга. Там были телефоны Арарата и прочих приятелей, присутствовавших на юбилее.

— Но что толку! Я уверена, что они будут его покрывать.

— Брось! Покрывать убийцу? Им-то зачем твоя смерть?

— Да не убийцу, а своего друга! Они все знакомы уже сто лет. А я им чужая. Думаешь, почему я не поехала на юбилей? Мне просто противны все эти рожи! Их жены, дети, их бизнес!

И Нина тихонько заплакала. Он даже не пытался ее утешать, только нашел в складках пальто горячую подрагивающую руку и потихоньку сжал пальцы. Она ответила таким же, едва заметным пожатием.

Олег чувствовал что-то очень похожее на угрызения совести. За прошедшие дни он часто сердился на Нину, одергивал ее, иной раз почти ненавидел... А в сущности, она была так одинока! Неужели у нее в самом деле нет никого ближе, чем он? «Бедняжка... В сущности, кто я для нее? Случайная связь, о любви не было сказано ни слова. Все было случайно, даже то, что мы оказались довольно близкими людьми. Это тянется больше года, но разве мы рассчитывали на такой срок? Ей хотелось развлечься, мне тоже... Потом обнаружилось, что мы скучаем друг по другу, что у нас есть о чем поговорить... Но дальше-то что? Ничего! И вот она просит меня о помощи, а я... Бросил ее там, в кабинете, и попросту сбежал. Я должен был остаться и помочь ей».

— Ну, хватит. — Он все еще гладил и сжимал ее пальцы. — Если хочешь, я поеду с тобой к этому Арарату, куда угодно, хоть к черту в гости. Только не отчаивайся! Еще ничего не потеряно! Нам нужно все обдумать и не впадать в панику.

Она подняла на него полные слез глаза и, захлебываясь, сказала:

— Самое противное, что нечем крыть, понимаешь! Он в самом деле в понедельник был здесь и не мог сидеть за рулем! Я уже не знаю, что думать...

— За рулем был кто-то другой, — твердо сказал Олег. — Вспомни — ведь Николай не мог и в Ма-

рию стрелять. Он в это время летел в самолете. Твой муж кого-то нанял. И совершенно бессмысленно звонить его приятелям и выяснять алиби. Он сделал все, чтобы обеспечить себе надежных свидетелей.

Ответа не последовало. Некоторое время они сидели молча, держась за руки и не произнося ни слова. Нина опустила голову к нему на плечо. Время от времени она громко и прерывисто вздыхала, но больше не плакала. И вдруг подняла голову, встрепенулась. Олег проследил за ее взглядом.

На крыльцо, накинув на плечи пушистую шубку, вышла секретарша. В этом одеянии она была похожа на легкую тонконогую птичку. Девушка сощурилась, оглядывая незнакомую машину и явно пытаясь определить, кто находится внутри. Нина отвернулась:

— Поехали отсюда.

— Куда?

— Ко мне. Я хочу найти свои ключи от машины.

* * *

Посреди прихожей стояла расстегнутая дорожная сумка. Оттуда свешивался галстук и рукава шерстяного теплого свитера. В углу валялись щегольские, но грязные ботинки. Видимо, приехав утром домой, Николай бросил вещи и немедленно отправился на работу.

Нина даже не пыталась навести порядок. Она сразу прошла в спальню, открыла огромный встроенный шкаф и принялась копаться в своих вещах. Извлекла на свет кожаную куртку, несколько сумок, перерыла все карманы. Ее движения становились все более порывистыми, небрежными, так что Олег несколько раз напоминал, чтобы она смотрела повнимательнее. Но женщина его не слушала. Бросив на

постель последнюю вещь, она с отчаянием в голосе заявила, что ключей нигде нет.

— Где они еще могут быть? На работе ты искала? Может, в твоем столе?

— Никогда в жизни я их туда не клала, — отрезала Нина. — Кажется, они в самом деле пропали... Ужас! Так я сама виновата?!

— В чем, Нина? Ведь их явно у тебя украли!

Она присела на край постели и задумчиво спрятала подбородок в воротник свитера. Монотонным глухим голосом она принялась вспоминать случаи, когда держала ключи в руках в последнее время. С каких пор Нина стала обращаться за ними к мужу?

— Не помню, — пожаловалась она. — Вероятно, это было в начале осени.

— Так давно?! Уже почти зима! Ты ничего не путаешь?

Женщина высвободила подбородок, улыбнулась и снисходительно объяснила, почему так считает. У нее есть летние сумки и есть демисезонные. Каждая подходит к разной одежде. Так вот, она помнит, что пока стояла теплая погода, то есть еще в сентябре, она садилась за руль и доставала ключи из собственной сумки. А с наступлением холодов она сменила гардероб, включая сумки. И скорее всего, именно тогда начала «стрелять» ключи у мужа.

— Наверное, мне казалось, что просто руки не доходят переложить ключи в другую сумку. Но их уже тогда могли украсть!

Она собиралась сказать еще что-то, но Олег ее остановил. Его мучила какая-то мысль, связанная скорее даже не с ключами, а с самой машиной. Она возникла еще вчера, когда Нина вернулась из милиции и стала жаловаться на то, как к ней там отнеслись...

— Вспомнил! — воскликнул он.

— Что? — испугалась Нина.

— Вспомнил, что тут самое нелепое! Дело даже не в том, что у тебя пропали ключи!

Она смотрела на него недоумевающе, и Олег поспешил объяснить. Сейчас они убедились, что алиби ее мужа безупречно. Он не мог быть за рулем собственной машины, поскольку в это время находился на многолюдном совещании. Ключи тоже могли быть у него в куртке, как он утверждает. И конечно, убийца мог воспользоваться заранее украденными ключами Нины. Но во всем этом была одна странность, совершенная нелепость, на которую сразу обратили внимание в милиции.

— Нина, я ни за что не поверю, что у киллера не было другого автомобиля, чтобы тебя сбить!

Нина не сводила с него неподвижного взгляда, и в нем читался все тот же застывший вопрос. Олег присел рядом и тряхнул ее за плечи — не грубо, как это делал ее муж, а слегка, чтобы привести в чувство.

— Если твой супруг велел тебя задавить, он бы никогда не позволил воспользоваться собственной машиной! Погляди, сколько против него улик! Царапины, которые даже толком не закрасили! Твои пропавшие ключи! Могли быть даже свидетели наезда, хотя ты их не заметила! В конце концов, у вас на работе есть охранник! Он мог выйти из офиса и увидеть, что машины шефа нет на месте, тогда как сам шеф в офисе!

Она озадаченно покрутила головой:

— Слишком сложно... Что ты хочешь сказать?

— Да то, что, возможно, твой муж не поручал тебя убивать! Тем более, что других причин, кроме ревности, у него нет, а как он тебя «ревнует», я сегодня убедился на своей шкуре!

— Бред!

Нина рывком освободилась от его объятий и со слезами в голосе заявила, что у него семь пятниц на неделе! То ему позарез нужно обвинить Николая, то он становится на его сторону! А кто же в таком случае пытался ее прикончить?!

— У твоего мужа есть враги?

Она замерла, глядя в сторону, в раздвинутые дверцы шкафа. Пошевелила губами, будто произнося какие-то имена, но не издав ни звука. Наконец качнула головой:

— По-твоему, его хотели подставить? Отсюда его алиби, поэтому он якобы ничего не знает?

— Вот именно, Нина! Это тоже нельзя исключать!

— В таком случае, — отчетливо и почти издевательски произнесла она, глядя прямо ему в глаза, — в таком случае, будь добр, объясни — кто мог подслушать, как я назначала тебе встречу на Чистых прудах?! Мужа ты исключил. Значит, остается Диана?

Они почти поссорились. Олег не смог опровергнуть этот последний аргумент, но и отказываться от своей версии тоже не хотел. Нина язвительно раскритиковала его следовательский талант, намекнула, что в свое время он неверно выбрал профессию. Ему куда больше подошло бы стать сыщиком! Уж очень авторитетно он осуждает и оправдывает людей. Вот только чем это грозит ей, жертве? Бояться ей своего супруга или доверять ему? Может быть, она должна опасаться собственной дочери, которой едва минуло восемь лет? Когда она говорила с Олегом по телефону и назначала свидание, больше никого поблизости не было!

— Да, здесь что-то не сходится, — вынужденно признал Олег. — Но это еще раз подтверждает мою версию, что Марию убили ради нее самой!

— Значит, нас все-таки не перепутали? — ядовито усмехнулась Нина. — Ты же только что живопи-

сал своей новой подружке, что ту несчастную женщину специально нарядили под меня!

— Ну и тут я мог ошибиться...

— Так, может, ты вообще ошибаешься? Во всем — от начала и до конца?

Олег только беспомощно взглянул на нее. Чего бы он не дал, чтобы оказаться в стороне от всего этого, чтобы не решать головоломок, поминутно нарываясь на оскорбления и насмешки! Мелькнула соблазнительная мысль: «А собственно, почему я должен этим заниматься? Просто отойду в сторону. Они сами во всем разберутся... Как она шипит на меня, как кричит! Прямо... Гусыня!»

Он не сказал этого слова, но, вероятно, что-то отразилось в его взгляде. Нина осеклась, на секунду замолчала и неожиданно твердо предложила ему уйти. Олег встал:

— Совсем? Или...

— Совсем. — Она демонстративно отвернулась и принялась наводить порядок в развороченном шкафу. — У меня много дел. Нужно прибраться, привезти домой дочку, приготовить ужин.

— Ты...

— Я не слушаю, — донеслось из шкафа. Нина исчезла там почти целиком.

Он постоял еще с минуту, потом попросил проводить его и запереть дверь. Она то ли не слушала, то ли не слышала. Олег ушел.

* * *

И вот — свобода. А вместе с ней — тревога и странная пустота, которая ничем не заполнялась. Только что он мечтал освободиться от Нины, а теперь и сам не знал, рад этому или нет. Скорее все-

таки рад. Олег мельком подумал, что, расстанься они чуть раньше, перевод у него получился бы более качественным. «Представляю, как рвет и мечет редактор! Теперь он с полным правом может вытирать об меня ноги!»

Потом он подумал о Тамаре. Та просила его не бросать подругу, несмотря на все разногласия. Что она скажет теперь? Да и скажет ли что-нибудь? Встретятся ли они еще или расстанутся навсегда? Собственно, что их связывает, кроме той застывшей фигурки на берегу пруда?

Ехать домой не хотелось. Олег проверил наличность — денег осталось совсем мало. Открыл папку, лежавшую на заднем сиденье, просмотрел свои издательские договоры. Позвонил по нескольким номерам. В одном из издательств ему пообещали ближе к вечеру дать аванс. Если он приедет к шести...

До пяти он сидел в Исторической библиотеке, потом отправился в издательство. Взяв в кассе деньги, получил приглашение на небольшой банкет по случаю чьего-то дня рождения. В этой редакции его давно и хорошо знали, Олег работал здесь сразу после окончания института. Он просидел за праздничным столом до десяти, с трудом удерживаясь, чтобы не напиться. А напиться хотелось ужасно — вдребезги, до беспамятства. Давненько с ним такого не случалось.

Время от времени собутыльники спрашивали, что с ним стряслось. Почему у него такой странный вид? Он здоров? Дома все в порядке? Олег односложно отвечал, что все замечательно. При этом думал, что Нина могла опомниться и вернуться к нему, как уже делала однажды. Сейчас она стоит под запертой дверью и ждет. Но он туда не поедет. Не сейчас.

Олег поймал себя на том, что специально тянет время, чтобы она передумала и ушла. Он не хотел

найти ее под дверью и снова выслушивать примирительные и, как оказалось, ничего не значащие фразы. «Она извиняется, чуть не стелется в ногах, говорит, что я у нее единственная защита и опора! А через час глядит как солдат на вошь и разве что не посылает к черту. Хватит! Ее любовь похожа на пустыню. Днем умираешь от жары, ночью — от холода. И спрятаться негде. Мне по душе более мягкий климат».

Он все-таки выпил — в меру, чтобы решиться вести машину. Поговорил со старыми знакомыми на отвлеченные темы. Впрочем, сейчас любая тема, не касающаяся убийств, казалась ему отвлеченной. Позвонил маме и узнал, что последний детектив она прочитала и теперь хочет чего-нибудь новенького.

— Привезу на днях, — пообещал Олег, улыбаясь при мысли, что может не только привезти детектив, но и рассказать его. Впрочем, нет. Мама слишком испугается! Его всегда удивляло, что эта мирная тихая женщина, в быту боявшаяся малейших неурядиц, так любила кровавые авантюрные истории. Возможно, таким способом она получала недостающий ей в обыденной жизни адреналин?

...Нины под дверью не было. Впрочем, он и не ожидал ее там увидеть — с того самого момента, как увидел, что синяя исцарапанная «хонда» исчезла со двора.

* * *

Диану привезла бабушка. Девочка не знала, радоваться ей возвращению домой или огорчаться. С одной стороны, она снова была с родителями, которых не видела почти неделю. С другой...

— Опять в школу? — уныло спросила девочка, едва расцеловавшись с матерью и отцом. — И в кружки тоже?

— Обязательно, — твердо ответила Нина. — А теперь беги мыть руки и ужинать. Мама, садись с нами. Потом мы тебя отвезем.

Инесса Павловна чутко приглядывалась к «детям». Дочь держалась спокойно, пожалуй, даже чересчур спокойно. Она вежливо спрашивала мужа, какой хлеб он будет к супу — белый или серый. Как в командировке было с погодой? Надевал он хоть раз белый свитер или она опять зря его уложила? Если вещь не носится, зачем было ее покупать, да еще за такие безумные деньги? Словом, обыкновенные семейные разговоры. Необыкновенным был тон Нины. Она задавала вопросы с таким видом, будто ответы ничуть ее не интересовали.

Николай держался далеко не так корректно. Правда, он ничего не спрашивал, зато отвечал сквозь зубы, если вообще удостаивал жену ответом. И теща сделала вывод, что в семействе не все благополучно. Она забеспокоилась.

— Ниночка, ты так свежо выглядишь, — сказала она, когда над столом повисла тишина. Слышался только скребущий звук вилки — Диана распахивала картофельное пюре в своей тарелке. Против обыкновения ее никто не одергивал.

— Правда? — удивилась дочь. И, спохватившись, нервно подтвердила, что в самом деле хорошо отдохнула.

— В Москве сейчас такая грязь, так тяжело дышится, — продолжала Инесса Павловна, в основном обращаясь к зятю, — а за городом, наверное, прелесть что такое!

— В самом деле, — коротко ответила Нина. — Да, мам! Я кое-что тебе привезла. Пойдем покажу.

Они вышли из-за стола, и, уведя мать в комнату, Нина трагическим шепотом спросила, что означают все эти разговоры.

— Но я же говорила о санатории!

— Ни в каком санатории я не была!

Инесса Павловна испуганно шикнула. А потом еле слышно сказала, что ей ничего рассказывать не нужно. Она ни о чем не спрашивает. Все эти вопросы задавались только для Николая.

— Он такой мрачный! Думаю, что-то заподозрил!

Ответ поразил ее своим равнодушием. Дочь заявила, что Николай не нуждается в том, чтобы для него разыгрывали такие комедии. Он прекрасно знает, что ни в какой санаторий она не ездила. А разговоры об этом только его раздражают.

— Нинка, ты рехнулась! — воскликнула мать, забыв о своем заговорщическом тоне. — Ты ему сказала?!

— Мама, он в этом не нуждается.

— Тогда откуда он все знает?

Дочь поразила ее вторично, пояснив, что ее брак с Николаем — это союз двух умных людей. Они не ссорятся по пустякам, не вцепляются друг другу в глаза, как иные импульсивные пары. Николай знает, что у нее кто-то есть, а теперь даже знает, кто именно. А сказочка про санаторий — это просто ширма.

— Которая устраивает нас обоих, — холодно добавила она. — Когда в комнате стоит какой-то некрасивый предмет, его нужно чем-то загородить, верно? Или вот пятно на обоях — на это место вешают красивую картину. А санаторий на ней нарисован или еще что — для умного человека совершенно безразлично.

Инесса Павловна даже не смогла ей ответить. Заранее заготовленные упреки — что дочь неосторожна и своими руками разрушает семью — вылетели у нее из головы.

— Это безумие, — выдавила она наконец. — Это просто... Цинизм какой-то! Как же ты изменилась!

— И с каких же пор, по-твоему? — так же холодно и вежливо поинтересовалась Нина. — Я не менялась. Я всегда была такая. А теперь пойдем ужинать, все остывает. И Диане пора спать.

Инесса Павловна растерянно оглядела спальню. Спросила, что именно дочь хотела ей показать. И тут Нина не выдержала. Рассмеявшись, она заявила:

— Мама, ну, это просто еще одна ширма! Ширмочка, чтобы отозвать тебя и поговорить! Всем же ясно, что ничего я тебе не привезла, потому что никуда не ездила! Ну, пойдем! Попрощайся с Дианкой!

Больше в тот вечер они почти не разговаривали.

Ужин окончился в полном молчании. Николай довольно невежливо унес тарелку с печеньем и кружку чаю в столовую, заявив, что будет смотреть футбол. Диана клевала носом и бесцельно ломала печенье на мелкие кусочки. Инесса Павловна наконец встала.

— У меня на сердце неспокойно, — пожаловалась она дочери, когда та отпирала ей дверь.

— Все совершенно нормально, — уже с явным раздражением произнесла та. — Ты приедешь к нам на выходные и тогда сама убедишься. Просто сейчас Коля немного устал. Коля! Подвези маму!

Инессе Павловне пришлось удовлетвориться этим обещанием, так как в дверном проеме тут же возникла внушительная фигура зятя. Ей очень хотелось спросить, как развиваются отношения дочери с тем симпатичным молодым человеком, который привозил

Диане вещи, но сейчас для этого был крайне неподходящий момент. На этом они и расстались.

...Николай звонил ей крайне редко — можно сказать, никогда. И поэтому, когда в середине следующего дня у нее в квартире раздался телефонный звонок, а в трубке — голос зятя, она удивилась и даже испугалась. Николай спросил, не приезжала ли к ней Нина.

— Разве она должна была...

— Нет? Ну хорошо, я потом перезвоню. — Он даже не дал ей задать вопрос и сразу повесил трубку.

Инесса Павловна встревожилась. Она не могла себе представить, куда отправилась ее дочь вместо того, чтобы ехать на работу.

— Страшно подумать, но мне кажется, у нее серьезный роман, — вещала она по телефону старой подруге, которую давно не видела, но зато часто слышала. Женщины дружили чуть не со школы, а теперь жили в разных концах Москвы.

— Она разводится?

— Пока ничего не слышно. Но с мужем почти не разговаривает. Неделю будто бы отдыхала в санатории, понимаешь, в чем дело?

Подруга все понимала.

— Коля как раз был в командировке. И вот Нинка, едва вернулась домой, опять сбежала!

Если так — все очень серьезно, подытожила подруга. И спросила, знакома ли Инесса с новым кандидатом в мужья? Дамы обсудили Олега во всех подробностях — впрочем, у них был очень скудный материал. Однако Инесса отозвалась о потенциальном зяте скорее положительно.

— Если он еще и зарабатывает прилично — то ничего лучше не нужно, — сказала она наконец. — Ну все, заканчиваем, я жду звонка.

Однако к вечеру ее игривое настроение улетучилось. Николай позвонил, но только затем, чтобы задать все тот же вопрос. Инесса Павловна всполошилась:

— Она еще не звонила? А где Диана?

— Я ее отвез в школу, я и забрал, — мрачно ответил Николай. — Она дома.

— Мне приехать? — нерешительно предложила теща. И была сражена согласием Николая. Прежде, если она предлагала свои услуги «на дому», ей деликатно, но твердо отказывали.

...Диана уже спала. За последние дни она привыкла засыпать без матери, и теперь ее удалось уложить без труда. Бабушка и отец сидели на кухне. Николай подливал теще коньяк, а Инесса Павловна, уже изрядно подвыпившая, нервничала и паниковала все больше.

— Она никогда так не делала! — повторяла она. — Что-то случилось!

— Просто ушла совсем, — мрачно отвечал тот. — Вы есть не хотите? Осталось со вчерашнего...

— Да ничего я не хочу! Куда она могла уйти от ребенка!

— Она вам точно ничего не сказала вчера? И не намекала?

Инесса Павловна азартно встала на защиту дочери. Она передала разговор с нею, опустив подробности про ширмы и уверяя, что Нина нахваливала выдающийся ум своего супруга. Нет, она не могла уйти! Ну кто может сравниться с Николаем?!

— Я его видел, — неожиданно сознался тот. — Она привозила его вчера к нам на работу. Такой... Смазливый.

— Да ладно, какой там смазливый! Ничего особенного, — попыталась утешить его Инесса Павловна. И осеклась, поняв, что проговорилась.

И тут крайне взвинченная да к тому же успевшая напиться пожилая дама расплакалась и выложила зятю всю правду. «Раз уж ты и так знаешь!» — рефреном звучало в каждой ее фразе. Она призналась, что дочь присылала ей своего поклонника, чтобы тот отвез вещи Диане. Призналась также, что тот лгал о пребывании Нины в санатории (и лгал не очень уверенно). А также отрицал всякую связь с Ниной, кроме деловой.

— Он сказал, что работает у вас!

— Наврал, — бросил Николай. — Я его видел в первый раз.

— Коля, это у них давно?

— Черт его знает. Наверное. Давайте еще выпьем. — И он щедрой рукой наполнил стаканы. Николай не признавал меньших емкостей, но его собутыльнице такие порции были явно не под силу. Вскоре она принялась жаловаться на давление и головную боль, а затем ушла в спальню и уснула на супружеской постели.

Долгая ночь миновала, не принеся с собой ни возвращения Нины, ни ее звонка. Наутро Николай, как обычно, уехал на работу. Он с трудом разбудил тещу и попросил ее остаться с девочкой.

— Разве ее не нужно везти в школу? — спросонья пробормотала та.

Зять ответил, что в сложившейся ситуации Диане лучше посидеть дома.

— Я боюсь, что Нина ее подкараулит у школы и заберет с собой, — признался он. — Она на что-то такое намекала. Знаете, Инесса Павловна, мне кажется, что Нина слегка не в себе. Она такое говорила... Ладно, вам нечего беспокоиться. Просто посидите с девочкой.

Первую половину дня они провели у телевизора. Инесса Павловна мучилась головной болью и угры-

зениями совести по поводу вчерашнего пьянства. Кроме того, ее серьезно беспокоила печень. Диана лукаво поглядывала на нее и подшучивала над тем, что бабушка вчера напилась.

— Глупости, — ворчала та. — Слишком много стала дерзить. Погоди, вернется мама...

— А когда она вернется? Опять через неделю?

Инесса Павловна предпочла оставить этот щекотливый вопрос без ответа и переключила канал.

В обеденное время позвонил Николай. Он сообщил, что жена на службу не являлась, никому не звонила и ничего не сообщала. При этом зять произнес загадочную фразу, что звонил даже Арарату, но тот тоже ничего не знает.

С Араратом Инесса Павловна была знакома и находила его очень интересным мужчиной. Она задумалась, какие отношения у него могли быть с Ниной. Может быть, она уехала к нему? Это было бы куда понятней. Красивый мужчина, богатый, влиятельный... У него было только четыре недостатка — по числу горячо любимых им детей.

А ближе к вечеру, когда она принялась готовить ужин, телефон зазвонил опять. Мужской голос, показавшийся ей незнакомым, попросил позвать Нину. Она настороженно ответила, что ее пока нет, и спросила, кто говорит.

— Знакомый, — ответил голос.

И тут Инесса Павловна его узнала. Она взмолилась, чтобы не вешали трубку. Попутно поклялась, что Николай ни о чем не узнает. И отчаянно просила сообщить: где Нина? Опять у него?!

— Я вас не понимаю, — после заминки ответил мужчина. — Ее у меня нет.

— Но была?

— Была, но давно вернулась домой.

— Когда?! Она только сейчас уехала?

Мужчина ответил, что Нина уехала от него позавчера. Точнее, это он уехал к себе, предварительно отвезя ее сюда, в ту самую квартиру, куда он сейчас звонит.

— Вы Олег? — уточнила Инесса Павловна. — Скажите, так вы с позавчерашнего дня ее не видели?

Он подтвердил, что это именно так. В голосе его зазвучала тревога: неужели Нина опять исчезла? Если это так, то он не знает, где она может быть!

Инесса Павловна не знала, верить ему или нет. Олег первым повесил трубку, и она в задумчивости вернулась в комнату, где Диана сосредоточенно наблюдала на экране совсем не детскую сцену. Но бабушка была так погружена в свои мысли, что даже не заметила этого.

Когда телефон зазвонил опять, она как раз опомнилась и воевала с внучкой, желавшей досмотреть это зрелище до конца. Инесса Павловна в сердцах выключила телевизор, унесла пульт и бросилась к телефону. Она думала, что это перезвонил Олег — заговорила совесть, должно быть. Или же сама Нина...

Диана ожидала возвращения бабушки с презрительной миной, возмущенная тем, что у нее отняли пульт. Ну что такого особенного было в этом фильме? Неужели она не видела, чем занимаются люди в постели? Кем ее считают, в конце концов? Младенцем? Она устала ждать и, потеряв всякое терпение, вышла в коридор — всерьез поговорить с бабулей.

— Ну отдай уже! — Она потянула бабушку за рукав халата и попыталась отнять пульт. Та неожиданно отдала его без всякой борьбы, глядя куда-то мимо Дианы. Взгляд был такой странный, что девочка забыла о телевизоре. Она остановилась, желая послушать, о чем говорит бабушка. Но та молчала, прижав

к уху трубку. И все смотрела в одну точку — как будто ослепла и теперь тщетно старается что-то увидеть.

— Ба? — вопросительно протянула девочка.

Бабушкина рука легла ей на голову. Инесса Павловна гладила ее темные прямые волосы, по-прежнему глядя мимо, — будто машинально ласкала кошку.

— Ба, что случилось?

— Иди-иди, — наконец произнесла та. — Иди поиграй. Я сейчас... Да, слушаю! Записать? Сейчас... Диана, принеси ручку!

А потом девочка стояла и наблюдала, как бабушка выводит на клочке бумаги какие-то каракули. Положив трубку, Инесса Павловна как будто проснулась. Встретив вопросительный детский взгляд, она неожиданно схватила Диану в объятия и сжала ее так, что та едва не закричала от боли. Девочка хотела было выругать бабушку, но, отстранившись, оторопела. Инесса Павловна беззвучно плакала.

Глава 11

Инесса Павловна не пришла в себя даже к возвращению Николая. Он насторожился сразу, увидев, что ему открыла Диана.

— Бабушка ушла?

— Она плачет, — подавленно ответила девочка, оглядываясь в сторону приоткрытой двери столовой. — Та-ак плачет...

Николай отправился туда как был, не раздеваясь, оставляя на паркете мокрые следы. Девочка побежала в комнату вслед за отцом, но ее сразу же попросили выйти и закрыть за собой дверь. Диана неохотно выполнила это требование, однако осталась под дверью подслушивать. Она решила, что папа и бабушка будут

ссориться («из-за мамы, что она опять уехала!»). Но в комнате раздавались приглушенные, еле слышные голоса. Наконец распахнулась дверь. Отец, мимоходом потрепав ее по затылку, пересек прихожую и исчез на лестнице. Диана бросилась за ним.

— Ты куда? — закричала она, высунувшись в дверь.

— Приеду поздно, ужинайте без меня, — донеслось пролетом ниже. — Слушайся бабушку!

Он в самом деле приехал очень поздно, и Диане показалось, что от него сильно пахнет коньяком. Сильнее обычного, к слабому запаху она давно привыкла. Отец снова приласкал ее, но как-то странно — будто смущенно и не глядя в глаза. Девочка пыталась задавать вопросы, но ответа не получала. Бабушка уже не плакала. Она смотрела телевизор с выключенным звуком и с каждым вздохом распространяла вокруг сильный запах корвалола. Диану уложили спать.

О том, что случилось, она узнала от своей второй бабушки, которую видела очень редко — еще реже, чем Инессу Павловну. Та ворвалась к ним спозаранку, когда все еще спали, разбудила Диану и, вытащив ее сонную из постели, принялась тискать девочку и причитать над ней:

— Моя сиротка! Бедная моя сиротка! В восемь лет осталась без матери! Что же теперь с тобой будет!

Девочка приняла это за продолжение своего сна — ей всю ночь снились кошмары. Сперва она попыталась оттолкнуть бабушку, освободиться из ее жарких и болезненных объятий. Но вдруг притихла, окончательно проснувшись.

Днем квартиру наводнили родственники. Они съехались со всей Москвы. Тут были люди, которых Диана никогда не видела или видела, но забыла. И все жалели ее — кто молча, кто вслух. Она бродила по дому одетая как на праздник — в лучшем платье и по-

чему-то с бантом в волосах. Кто его завязал — она не помнила. Девочка ловила на себе слезливые взгляды, но сама не плакала. К вечеру ее даже стали за это упрекать. «Папина бабушка» поймала ее за локоть и стала внушать, что раз мама умерла, то нужно поплакать. Станет легче. Инесса Павловна неожиданно вступилась, заявив, что девочке самой виднее, плакать или нет. Раньше бабушки часто препирались, но на этот раз ссора утихла, не успев начаться.

Николай сидел на кухне в компании своего отца и самых близких друзей. Как до них дошел слух о несчастье — он не знал. Утром он позвонил своим родителям, Инесса Павловна поставила в известность свою близкую родню. До остальных новость дошла, как расходящиеся круги по воде.

Нина была сбита машиной — позавчера, в среду, в центре города, в одном из переулков. Переулок располагался совсем неподалеку от офиса, откуда она вышла во время обеденного перерыва. В то утро Николай толком даже не видел жену. На работу они поехали порознь — он отвозил Диану в школу, а Нина сказала, что доберется сама. В офисе их пути тоже не перекрещивались. Нина разбирала накопившиеся за время ее «отдыха» бумаги и в кабинет к мужу не заходила. Незадолго до полудня она сказала своей подчиненной, что пойдет выпить кофе в одном из ближайших ресторанчиков. Та пыталась было составить ей компанию, однако начальница решительно отказалась. Правда, тут же извинилась за резкость, пояснив, что хочет просмотреть за чашкой кофе кое-какие бумаги. Общество ей ни к чему.

Она ушла, и с тех пор ее никто не видел. Очевидцев происшествия тоже не оказалось, несмотря на то что в обеденное время переулки рядом с офисом были достаточно оживленными. Судя по тому месту,

где нашли тело, Нина действительно направлялась в маленький ресторанчик, где бывала и прежде. Ей оставалось пройти всего несколько шагов и свернуть за угол... Но она осталась лежать на тротуаре.

Милицию и «скорую помощь» вызвали, судя по всему, спустя несколько минут после наезда. Однако свидетелей случившегося так и не нашлось, а помощь опоздала. Нина скончалась еще до того, как над ней склонился врач.

Для того чтобы найти родных и оповестить их, потребовалось больше суток — и все потому, что при женщине не оказалось ни сумки, ни каких-либо документов в карманах пальто, ни ключей — ничего. Только сплющенная до неузнаваемости пачка сигарет и несколько случайных монет, завалявшихся на дне кармана. Персоналу ресторана, куда она направлялась, была показана сделанная с трупа фотография. Кто-то из официантов узнал Нину, припомнил, что она приходила сюда несколько раз в месяц. Иногда с нею бывали какие-то люди — судя по всему, сослуживцы. Время — всегда обеденное. Но где именно она работала и как ее звали — официант не знал.

Помогла случайность — одна из посетительниц, увидев снимок, едва не лишилась чувств, а потом истерично закричала, требуя объяснить: что случилось с ее начальницей?! По иронии судьбы это была та самая женщина, которая накануне пыталась составить Нине компанию. Она после работы зашла в ресторан, чтобы купить сыну свежих фирменных пирожных. Именно от нее следствие получило все координаты жертвы.

— Мы его найдем, Коля, — внушал другу изрядно подвыпивший Арарат. Глаза у него были на мокром месте, и он выглядел едва ли не более расстро-

енным, чем вдовец. — Мы заплатим, чтобы нашли, и его найдут!

— Успокойся ты, — сквозь зубы отвечал Николай. — Сядь прямо, ну? Как ты домой поедешь?

— Коля, — ронял тот голову другу на плечо и бессвязно вспоминал, как давно они дружат, сколько вместе пережили, сколько проблем разрешили... И вот теперь такое несчастье! Захмелевший Арарат подзывал Диану и совал молчаливой девочке деньги — полную пригоршню мятых долларов и рублей. — Купи себе что-нибудь!

— Спасибо, — неожиданно разговорилась Диана. Это было чуть ли не первое слово, произнесенное ею за вечер.

— Верни деньги, — приказал отец.

Но Арарат сказал, что в таком случае он смертельно обидится. Имеет он право сделать подарок своей крестнице? И в самом деле, когда-то он крестил Диану, в крещении Дуняшу. Именно из-за этого простецкого имени, навязанного дочке, Нина и недолюбливала Арарата. Она сама звала дочь Дианой и других приучила к этому имени.

Инесса Павловна бродила по квартире, робко заглядывая на кухню, но не решаясь заговорить с зятем. На него тяжело было смотреть, хотя он, подобно Диане, не плакал и не устраивал истерик. Темное, почти бурое лицо, посветлевшие от горя, застывшие глаза... Прошлую ночь он совсем не спал, и как держался до сих пор на ногах, было непонятно. Приходилось отнести это чудо за счет его богатырского сложения.

Наконец ей удалось привлечь внимание зятя. Она вызвала его в коридор энергичными знаками, а затем увлекла и дальше, на лестницу.

— Знаешь, ведь Он вчера звонил! — сообщила она, произнеся «Он» с большой буквы.

— Кто? — Николай потер лицо широкими ладонями и на миг застыл так, будто собирался играть в жмурки. — Не могу, падаю... Сейчас всех разгоню, и спать!

— Правильно, ложись. Но я решила, что тебе нужно знать. Он звонил... Этот... Ну, Олег.

Последние слова Инесса Павловна произнесла очень виновато, как будто стыдилась упоминать это имя в связи с погибшей дочерью.

Николай весьма индифферентно отнесся к ее сообщению. Он только спросил: что этому типу было нужно?

— Беспокоился, что она опять пропала, — призналась теща.

— Откуда он узнал? — насторожился Николай.

— Прости, но это я ему сказала. Думала, Нинка опять у него отсиживается. Коля, скажи мне, бога ради, что у вас в последнее время происходило? Почему она вдруг ушла?

— Ох, да не лезьте вы не в свои дела! — взорвался Николай.

Его голос прогремел на весь подъезд, испуганная женщина чуть не присела от этого рыка. Она укоризненно взглянула на зятя, напомнила, что намного старше его, и с достоинством поднялась в квартиру. Проверила, легла ли Диана спать. Та спала полураздетая, крепко сжимая в кулаке подаренные деньги. Инесса Павловна осторожно вытащила их из горячих мокрых пальцев и надежно спрятала у себя в сумке. А затем стала понемногу выпроваживать гостей, шепотом объясняя, что всем нужен отдых, впереди еще столько хлопот... Она вела себя так разумно и сдержанно, что некоторые, мало осведомленные люди ее принимали скорее за свекровь, чем за мать покойной.

Наконец посторонние разошлись. Но и тогда спальных мест хватило не всем. Впрочем, мужчины спать не собирались. Они все еще сидели на кухне, опустошая очередную бутылку и обменивались — в который раз — клятвами найти этого козла-водилу и уделать его, как Бог черепаху.

— Сбить женщину и не остановиться! — негодовал Арарат. — Да я сам с ним разберусь, главное...

— Ну да, главное — найти, — соглашался приятель. — Можно и своими средствами.

— Как ты своими средствами найдешь? Свидетелей-то нет.

— Можно поискать, — с пьяным упрямством повторял тот.

— Как ты будешь искать, чудила? Сыщика наймешь?

Они углубились в проекты расправы. Николай сидел с краю стола с таким видом, словно все это его не касалось. Он вертел в руке вилку с нанизанным на зубья маринованным грибком. И вдруг замер, уставившись на грибок с таким изумлением и ненавистью, будто именно он был причиной всех несчастий. Отложив прибор, он отправился будить тещу.

Инесса Павловна уже успела задремать — она легла рядом с Дианой. Увидев склоненное над собой темное лицо зятя, женщина слегка оторопела.

— Скажите, а чего он вообще хотел, этот Олег? — спросил он. — Почему позвонил?

— Почему? — силилась сосредоточиться женщина. — Я не поняла... Он Нину позвал, ну а дальше...

— А зачем ему Нина? Они же расстались, накануне она мне сама сказала.

— Правда? — обрадовалась та. Но тут же погасла — какое это теперь имело значение! — Он не сказал, за-

чем она ему нужна. Но очень тревожился, что она снова пропала. Коля, да забудь ты о нем! Что теперь сводить счеты... Лучше не вспоминай!

Она указала на спящую рядом Диану и приложила палец к губам. Николай поглядел на дочь и тихо спросил: нет ли у Инессы Павловны адреса этого Олега?

— Ради бога, не вороши эту историю! — застонала теща.

Но зять приказал ей ни о чем не беспокоиться. Он-де спросил из чистого интереса.

...Однако, когда все заснули, он вошел в спальню, где на супружеской постели усталым, тяжелым сном спали его родители. Осторожно, стараясь никого не разбудить, Николай раздвинул дверцы шкафа и, включив подсветку, принялся рыться в вещах погибшей жены. Спустя некоторое время у него в руках оказался небольшой урожай: старая записная книжка, несколько скомканных, истертых на сгибах бумажек и чьи-то старые визитные карточки, валявшиеся по карманам и отделениям сумок с незапамятных времен.

Он заперся с ними в туалете — единственном месте в доме, где его никто не мог потревожить. Опустил крышку унитаза, сел и внимательно осмотрел находку. Визитные карточки изорвал и спустил в унитаз — они принадлежали людям, с которыми Нина когда-то общалась по работе. Бумажки оказались памятными заметками, но никаких телефонов там тоже не было. И только записная книжка принесла желаемый результат. Телефон, который он так старательно искал, оказался записан на букву «О» — в самом конце страницы. Точнее, там было два телефона: московский и мобильный. И рядом просто упоминание — «Олег».

Открыв книжку на нужной странице, Николай вышел в переднюю и остановился у телефона. Было уже очень поздно, в квартире повсюду погас свет. Только на кухне было еще светло, и оттуда слышался бессвязный, бессмысленный монолог Арарата. Он все никак не мог успокоиться и строил планы мести. Николай снял трубку и набрал московский номер.

Ему ответили только на второй раз — сперва никто не подошел, и связь разъединилась. Наконец раздался сонный и очень сердитый голос. Николай коротко представился, и голос в трубке сразу изменился. Теперь он звучал смущенно и встревоженно.

— Что-то случилось? — спросил Олег. — С Ниной?

— А, вы уже знаете?

— Я ничего не знаю! Ее мама сказала мне, что она...

— Уже нашлась, — оборвал его Николай. — У меня к вам есть один вопрос, уж постарайтесь на него ответить.

Он говорил таким начальственным тоном, какой позволял себе в очень редких случаях — если подчиненный тяжело провинился. И Олег, невольно поддавшись магии этого властного голоса, виновато спросил, что случилось, но уже без прежнего напора.

— Откуда вы знали, что ее собьет машина? — спросил Николай.

— Как?! Повторите!

— Ее сбила машина на следующий день после того возвращения, — с трудом сдерживая ярость, пояснил Николай. — И это сделал не я — можете снова прийти и допросить моих сотрудников. Разрешу вам это в последний раз. Так вот, я хочу знать — как вы могли это предвидеть? Вы и Нина?

Олег неожиданно положил трубку.

* * *

Впрочем, он сделал это скорее от растерянности, чем из нежелания продолжать разговор. Когда он услышал последние слова Николая, рука с трубкой опустилась сама. Олег взглянул на часы — половина третьего. Розыгрыш? Нет. Он узнал голос, и этот голос говорил правду.

Первые мысли были какими-то странными: «Почему машина? Почему опять машина? Ведь это уже было, почему они повторяются?» Осознав, о чем он думает, Олег обругал себя идиотом. Как будто так важно, каким образом погибла Нина! Она умерла, ее больше нет. Им все-таки удалось ее убить — именно тогда, когда они наконец расстались.

«Тамара это предчувствовала. Она настаивала, чтобы я оставался с Ниной. Нужно было...» Он снял трубку с телефона и тут же положил ее обратно. Куда звонить, зачем? Тамаре, чтобы сообщить, чем закончилась эта история? Николаю — чтобы заставить его сказать всю правду? «Как он говорил со мной! Прямо обвинял! Как будто это я сбил его жену... Не может он так думать! И он знает больше, чем хочет показать! Ему хочется обвинить меня, и это так легко! Дескать, я знал, что ее собьют! Абсурд! Знал бы — так не пришел бы к нему в офис рассказывать о неудавшемся покушении. Он ведет себя глупо!»

И тут же одергивал себя: «А как ему себя вести в такой-то момент? А вдруг он в самом деле страдает и не отвечает за свои слова? А если только изображает горе?»

Олег наконец очнулся и, обнаружив, что стоит босиком на холодном паркете, первым делом обулся. А потом пошел в кухню, поставил чайник, нашел сигареты. На него нахлынуло какое-то странное спо-

койствие, почти апатия, и это поражало его едва ли не сильнее, чем смерть бывшей возлюбленной. «Я ведь ждал, ждал чего-то в этом роде. Когда мы расставались в последний раз, мне показалось, что больше я ее не увижу. Но разве я думал всерьез, что она погибнет? Все это было игрой! Да, для меня это было головоломкой, которую я с таким упоением решал... Комбинировал варианты, собирал факты, искал свидетелей... А она видела все это и страшно нервничала. Потому что для нее-то это не было игрой! Эта головоломка прямо угрожала ее жизни, вот почему она так злилась, когда я слишком увлекался. Она была права, что злилась... А я... Я никогда перед ней не оправдаюсь. Она просила о помощи, а я ее не спас. Нельзя мне было уходить».

И все-таки настоящего горя Олег не ощущал. Он перелистал свои чувства, как давно знакомую книгу в поисках нужной страницы. Да, вот здесь, сразу за «любовью к Нине», и должно быть «страшное горе». Но эта страница оказалась вырванной. Женщина исчезла, оставив после себя вопрос, нерешенную загадку, возможно, даже опасность. Но плакать Олег не мог.

Николай больше не звонил, телефон молчал. «Он позвонил сгоряча, и сам это понимает. Если он виновен в ее смерти — ему все равно не удастся снять с себя вину и переложить ее на мои плечи. Если он невиновен и его пытались подставить в качестве женоубийцы, как я предполагал... Тогда он сейчас просто невменяем. Если его пытались подставить...»

Тогда у них наконец получилось!

Олег вскочил, едва не опрокинув хрупкий кухонный столик. Его до тошноты напугал резкий свисток закипевшего чайника. Он выключил газ, и руки у него при этом дрожали.

— Черт, нервный, как барышня, — пробормотал он вслух. — Но все-таки вышло по-моему! С этой машиной все было слишком глупо, чтобы Николай оказался настоящим убийцей!

Олег вспомнил о заявлении, которое сделала в милиции Нина. Наверное, теперь к этому заявлению отнесутся куда серьезнее. Женщина жаловалась, что ее пытался сбить некто, сидевший за рулем ее собственной машины. И вот пожалуйста — не прошло и десяти дней с того покушения, как она в самом деле была сбита... И произошло это сразу после того, как в Москву вернулся из командировки ее супруг. Подозрительно? Не то слово. Мог ли подстроить подобное сам Николай?

«Нужно решиться и поговорить с ним. Откровенно, без намеков на прошлое, как будто мы не знакомы. Ведь если он невиновен, то Нина была обречена с самого начала. Она даже не знала, кого нужно опасаться! Не могла назвать ни одного врага, но враг-то у нее был, да еще какой! Кто же это? Она наверняка не говорила мне всей правды. Считала, что я не могу ей помочь. Но тогда почему так упорно возвращалась ко мне и посвящала во все детали?»

Он поймал себя на том, что начинает ссориться с покойницей, и это его не то испугало, не то опечалило. «Я не умею прощать даже мертвым. А уж такой грех, как скрытность и непоследовательность, нужно прощать любой женщине. Наверное, мама права, и мне никогда не обзавестись семьей».

Чай постепенно остывал, за окном медленно, неохотно рассветало. Олег раздернул новенькие, еще непривычные занавески, впуская в кухню зимнее свинцовое утро. И почему-то только теперь, глядя на истоптанный снег под окном, на гаснущие фонари, на собак, обследующих помойные баки, он понял,

что Нины в его жизни никогда уже не будет. Будет все, что угодно, — рассветы, ночные часы, эта зима и следующее лето, новая работа и другие привязанности. Семья или одиночество, дети или домашние животные, старые друзья и новые враги... Весь мир в его распоряжении, но ничто в мире не вернет ему эту женщину.

«Наверное, именно это и есть смерть. — Он смотрел, как зажигаются окна в доме напротив — сперва поодиночке, потом целыми созвездиями. — Это единственная вещь, с которой спорить бесполезно, сила, которой нечего противопоставить. И только поэтому она так пугает тех, кто остался в живых. Мне страшно, но плакать я не могу».

Олег подошел к телефону и набрал домашний номер. «Номер Нины», — подумал он. Но теперь это был не ее номер.

Николай подошел третьим — до этого трубку брали и передавали друг другу какие-то сонные, невнятно отвечающие люди. Хозяин, должно быть, тоже спал — голос у него был хриплый и раздраженный.

— Нам с вами нужно встретиться, — сказал Олег. — Хотя бы раз. По поводу...

— Идет, — оборвал его тот. — Но не сейчас, не сегодня.

— Лучше бы поскорее, — виновато ответил Олег. Он растерял всю свою смелость, когда подумал, какой наглой должна казаться такая просьба. Нину наверняка еще не похоронили.

После длинной паузы Николай согласился увидеться с ним сегодня, после полудня.

— В городе. — Он говорил отрывисто, будто жалел лишнего слова. — Возле нашего офиса, в половине второго. Я вас подберу, и тогда поговорим.

Не прощаясь, он повесил трубку. У Олега осталось ощущение, что его почти оскорбили. Но на что он мог рассчитывать? «Если он все-таки нанял киллера для Нины, то и я пропал. Лезу прямо в пекло. Слишком много знаю. Но есть очень простой выход — я могу туда не пойти. Это был бы выбор разумного человека, которого волнуют прежде всего собственные дела. У меня будет время подумать».

Однако Олег кривил душой, напоминая себе об этой отсрочке. Он прекрасно знал, что пойдет.

* * *

Ровно в половине второго директор вышел на крыльцо своего офиса. Вслед за ним вышел охранник, сохранявший на лице выражение безмерного горя, и какая-то высокая полная женщина — в плечах едва ли не шире, чем сам Николай. Она говорила громко и несколько покровительственно. Убеждала его «держаться», сжимая при этом кулаки и демонстрируя великолепный маникюр. А из-за спины этой дамы выглядывала заплаканная маленькая секретарша. Лиза — вспомнил ее имя Олег — в этот день даже забыла надеть парик. Ее собственные волосы оказались под стать хозяйке — жиденькими и короткими. Именно такое упущение в туалете убедило Олега, что девушка переживает искренне. «А я-то считал ее любовницей босса... Сама Нина была в этом уверена».

Николай распрощался с провожатыми, пожал руку представительной даме, кивнул секретарше и, на ходу доставая ключи, пошел к своей машине — той самой злополучной «хонде». Олег заметил ее, когда ждал у крыльца, и осмотрел пострадавшее крыло. Царапины все еще были на виду — никто не потрудился их замаскировать. Хозяину, как видно, было не до того.

— Вы на машине? — сквозь зубы спросил его Николай.

— Сегодня нет.

— Сегодня? — Он впервые взглянул Олегу в глаза.

Богатырь очень изменился за прошедшие дни. Его широкое лицо казалось измятым, глаза открывались с трудом. От него исходил резкий запах коньяка и одеколона. Олег засомневался, в состоянии ли Николай сесть за руль, но того никакие сомнения не терзали.

— Заодно пообедаем, — довольно неожиданно сообщил он, когда Олег уселся рядом с ним в «хонду». — Здесь недалеко есть одно местечко.

В самом деле, местечко оказалось совсем рядом. Пришлось проехать всего два-три переулка и повернуть за угол. Такое расстояние вполне можно было пройти пешком. Николай припарковал машину у маленького ресторанчика с высоким крыльцом, украшенным кованой решеткой.

— Вы тут бывали? — спросил он Олега.

— Никогда. Эти переулки... Их за всю жизнь не узнаешь как следует.

— Да... А Нина бывала часто. Кстати, в тот день она тоже шла сюда. Выпить кофе. — Он заговорил отрывисто, громко, будто кого-то обвиняя. И Олег даже подозревал, кого именно. — Она не успела даже свернуть за этот угол, там и осталась. Я не видел, но мне рассказали.

Олег вздрогнул, обернулся. Но угол, на который указал Николай, выглядел совершенно невинно. Из-за желтой, давно не крашенной стены виднеются несколько деревьев с замерзшей, скрученной в жгуты листвой. Небольшой уклон — как почти всюду в центре. Если асфальт обледенел, машину могло занести, и тогда человек, неожиданно выходящий из-за угла...

— Ее сбили сзади, — неожиданно ответил на его мысли Николай. — Никакой это не несчастный случай.

— Она долго...

— Умерла сразу. — Похоже, Николай задался целью не дать своему сопернику закончить ни единой фразы. — Ну все, идемте.

Когда они раздевались в крохотном гардеробчике, Олег вдруг понял, почему его привезли именно сюда. Ему стало жарко. «Он хотел проверить, как я отреагирую на это место. Неужели правда думает, что я ее сбил?! С ума он сошел, что ли?»

Ресторанчик был полон, в окрестных офисах наступило обеденное время. Но для Николая немедленно сняли «резервную» табличку с укромного столика в углу. По тем взглядам, которые бросали в их сторону официант и бармен, Олег понял — о смерти Нины тут знают.

— Готовят здесь очень хорошо, — неожиданно доверительно сообщил Николай. Возможно, ему слегка подняли настроение запахи еды. — Я подскажу, что взять...

— Спасибо, но я не обедать сюда пришел, — возразил Олег. — Просто возьму кофе.

— Но я-то голоден! — И Николай принялся заказывать себе обед по карточке. Он действовал быстро, не колеблясь, видимо зная меню насквозь. Блюдами, которые ему принесли, был занят почти весь стол. В самом деле, осталось место только для чашечки кофе, которую с недоумением поставил перед Олегом официант.

«Как он будет есть, при таком-то разговоре? — подумал Олег. — Вся эта роскошь остынет, пропадет». Но он напрасно беспокоился. Никакие жизненные потрясения не могли испортить аппетит его

сотрапезнику. Он ел не торопясь, методично, красиво и в то же время размашисто. Смотреть на него — и то было удовольствие. Олег почему-то почувствовал зависть. Сам он в это утро так и не смог заставить себя позавтракать.

— Я хотел спросить вас кое о чем, — начал он, доставая сигареты.

— Нет уж. — Сотрапезник поднял глаза от салата. — Сперва просветите меня насчет истории с машиной. Царапины я видел, когда Нина пригнала ее домой. Говорит, было закрашено, а краску вы потом сняли. Ну так вот, еще раз повторяю — первый раз все это вижу и слышу. Когда вы с Ниной ко мне пришли и стали уверять, что я пытался ее сбить... А теперь не знаю, что думать. Это что — правда?

— Нина говорила, что ее на самом деле пытались задавить. И случилось это где-то неподалеку отсюда.

— Так, может, все-таки была другая машина? — Николай даже опустил вилку.

— Она говорит — ваша. Правда, почему-то сперва была в этом не уверена. Но вот царапины, на том самом месте... И кто-то же их закрасил!

Николай ткнул вилкой в узел на своем галстуке:

— Я, думаете? Ни хрена!

— Но и не она, верно?

— А кто тогда? Чепуха страшная... — Николай начинал злиться, но аппетита и тут не терял. Теперь он принялся за чудовищный бифштекс, занимавший почти всю большую тарелку. — У меня и краски такой нет. Я ремонтом не промышляю, сразу еду в автосервис, если что случается. Тем более там свои ребята... На хрена мне машину уродовать?

— Конечно... Но кто-то это сделал, — упрямо повторил Олег. — Кто-то взял вашу машину в прошлый

понедельник, когда вы были на совещании, и пытался сбить Нину. А своих ключей от машины она так и не нашла.

— Нина говорила об этом, — мрачно подтвердил Николай. — Черт знает что. Куда охранник смотрел? Хотя этот гад вечно болтает по телефону или пьет кофе. Но на черта воровать мою машину, а потом красить и ставить обратно? Это же такая морока!

— И я так думаю!

Олег стукнул ладонью по столу — чашечка жалобно звякнула. Николай взглянул на него с интересом:

— Может, все-таки что-нибудь закажете? Мясо у них парное.

— Ну его! Вы и сами видите — все сделано глупо, неудобно! Вы могли сразу заметить покраску на крыле, охранник мог заметить, что кто-то угоняет вашу машину! А потом-то ее еще и на место поставили! Такой риск, и для чего?

Николай воткнул вилку в бифштекс и с возмутительным спокойствием отрезал себе еще один розовый кусочек. Сдобрив его горчицей, глотнул вина и только тогда поинтересовался: для чего же, по мнению собеседника, преступники так надрывались? Олег даже обиделся.

— Вас хотят подставить, — холодно бросил он и допил свой кофе. — А кто — вам лучше знать.

И только теперь Николай отодвинул тарелку, даже не проглотив отрезанного куска, забыв о вине и о закусках. Он не сводил с Олега пристального, цепкого взгляда, в котором не осталось ни следа усталости.

— Меня? Таким образом?

— Все сходится на этом. Ваша жена была доведена до такого состояния, что пряталась у меня, не решалась возвращаться домой. Даже в милицию обратилась! Там и сейчас лежит ее заявление.

— Так не на меня же!

— Имени подозреваемого там нет, но сейчас получается, что на вас. Два покушения, второе закончилось... успешно. Машину никто не видел, верно? Свидетелей наезда нет? Зато известно, какая была машина в первый раз. Все сходится на вас.

— Да ни черта! — воскликнул он. — Мне сказали, она умерла где-то около полудня, а в это время я, как пришитый, сидел в офисе. Человек десять могут подтвердить!

— Вы и в первый раз сидели в офисе, — напомнил Олег. — Машина-то все равно была ваша.

Николай задумался. Он вертел в руке столовый нож и водил им по салфетке, вычерчивая круги и спирали — как будто пытался нарисовать какую-то траекторию. Олег следил за этим движением как завороженный. «А если я ошибаюсь?! — думал он. — Если передо мной убийца, заказчик. В каких я тогда дураках! Одной-то вещи я все равно не могу объяснить. Нина права — кто же в таком случае подслушал наш с нею разговор и узнал о свидании на Чистых прудах? А ведь о нем знали! Или же... Может, Мария не имеет вообще никакого отношения к этому делу? И ее приход туда — это самое невероятное совпадение? И их внешнее сходство — тоже случайно?!»

— Короче, вы думаете, что меня хотят подставить? — наконец произнес Николай. — Это может быть. Вполне вероятно, что кому-то я не нравлюсь. Но при чем тут жена, какого черта они пристали к ней?

— А вам никто не угрожал?

— Да какие там угрозы, — презрительно бросил собеседник. — Я, знаете, не бандит! Все решаем полюбовно, в кабинетах или вот в ресторане. Ножа мне

никто не показывал, жене и дочке не угрожал. А тут такое... Они бы предупредили, прежде чем кого-то убивать, неужели не ясно? И я бы пошел на уступки. Да ради семьи — на любые! Зачем же им сразу мокрое дело?

Олег был вынужден признать его правоту, но лишь отчасти.

— Нет, так не делается, — все больше возбуждался его собеседник. — Меня бы предупредили, дали понять... И потом, не знаю уж, кем вы работаете...

— Я переводчик, — скромно ответил Олег.

Это произвело некоторое впечатление. Николай быстро взглянул на него и переменил тон с презрительного на более нейтральный:

— Так вот, мне-то хорошо известно, что бандиты такими методами не пользуются. Помните, что Нина рассказывала? Открыли газ! Представляете себе? Да станут эти амбалы на цыпочках ходить, чтобы она не проснулась! Если бы они вошли в квартиру — так сразу бы с ней покончили. Скорее всего, пулей или ножом. А тут что? Машина. Ни в какие ворота не лезет!

— Вот я и говорю — это вас хотели подставить, — уже с отчаянием напомнил Олег. — А вы никак не хотите понять! Не разобраться с вами, а подставить вас! Это тонкая игра, тут не просто бандиты! Я сам все время думал, что это вы стараетесь убить свою жену! И только недавно до меня дошло, до чего же вы в таком случае подставляетесь!

Николай молчал. По его виду невозможно было определить — согласен он с этим предположением или нет. Его широкое лицо оставалось неподвижным, взгляд был направлен куда-то внутрь. Наконец он глубоко вздохнул, как будто просыпаясь, и посмотрел на Олега с некоторым удивлением.

— Не думал, что буду сидеть с вами вот так и говорить о своих делах, — сказал он. — Даже дико как-то.

— Да и мне тоже диковато, — признался Олег.

— Почему вы обо мне беспокоитесь, а? — Он спрашивал это без иронии — скорее с недоумением. — Нина умерла, делить нам больше нечего. Насчет взаимной любви и дружбы это уж перебор...

— Да, верно, — торопливо согласился Олег. — А беспокоюсь я не столько за вас, сколько за нее. Задним числом, так сказать. Я в последнее время только и делал, что занимался этими покушениями. Не могу я теперь все бросить и отойти в сторонку. Да и вам это повредит.

— Мне-то да, — все так же задумчиво и удивленно ответил Николай. — Скажите начистоту: вы в самом деле не верите, что я на нее покушался?

— Не хочу верить. — Олег поколебался и уже не так уверенно добавил: — Не верю.

— Ну спасибо. — Николай с глубоким вздохом отодвинул подальше тарелку и махнул официанту. — Кофе!

Он поведал Олегу о том, как продвигается следствие. Рассказал поподробнее обо всех обстоятельствах гибели Нины. О том, как ее опознала их сотрудница в этом самом ресторане, о пропаже всех ее документов вместе с сумкой. Олег жадно слушал. Пропажа сумки особенно его взволновала.

— Почему забрали сумку? Это же не грабеж!

— Может, хотели замаскировать под грабеж!

— Вряд ли. Тут что-то другое. Значит, ее сбили, а потом остановили машину, вышли, забрали сумку... Опять лишний риск! Зачем он нужен? Им должно быть все равно, как обставить дело, подозревать-то все равно будут вас!

Николай поежился:

— Может, и так. Тогда сумку взяли, чтобы ее подольше не опознали. Тянули время!

— Зачем?

Официант принес две чашки кофе и с недоумением, даже с тревогой посмотрел на не тронутые Николаем блюда. Видно, такое поведение постоянного клиента было ему в диковинку. Мужчины молчали, пока он не собрал тарелки и не отошел подальше. А потом Николай рассказал о еще одной версии следствия. Сумку мог подобрать случайный прохожий, увидевший Нину первым, когда несчастье уже случилось. Грустно, но факт — такое иногда случается, и свидетель, вместо того чтобы помочь, грабит и бросает жертву. Тогда это сразу два дела.

— Конечно, такой возможности исключать нельзя. Нина была хорошо одета, привлекала внимание. Меня одно бесит — если бы этот гад хотя бы вызвал «скорую», можно было успеть. Хотя вряд ли...

Они расстались, почти по-товарищески пожав друг другу руки. Олег ни за что не поверил бы в подобный финал, отправляясь на эту встречу.

— Если что, созвонимся, — сказал Николай, когда Олег отверг предложение его подвезти. — А то, что вы мне сказали, я запомню. И подумаю...

— Если будут новости...

— Конечно, сообщу. Следствие идет, но свидетелей-то пока нет.

Они стояли на крыльце и никак не могли попрощаться. Оставалось еще кое-что. Оба думали об этом, но не решались заговорить. Николай наконец решился.

— Похороны завтра, — сказал он. — В десять. Адрес дать?

Олег записал адрес и снова пожал Николаю руку. «Я бы так не смог, — подумал он, глядя вслед удаляющейся машине. Синяя «хонда» быстро исчезла за поворотом — тем самым поворотом. — Неужели для них действительно не существовало ревности?»

Глава 12

Тамара уже несколько минут стояла перед дверью, не решаясь позвонить. Она то поднимала, то безвольно роняла руку; прислушивалась, наклоняясь к замочной скважине. Наконец нажала на кнопку звонка.

Хозяева были дома — Тамара определила это еще на улице по светящимся окнам. Она очень хорошо знала эти окна — когда-то сама зажигала в них свет.

Глазок потемнел, и после паузы дверь отворилась.

— Это ты? — Валерий оправил на груди расстегнутую рубашку и оглянулся.

— Сам видишь, что я. — Тамара говорила спокойно, чуть насмешливо. Стук своего колотящегося сердца слышала только она сама. — Можно войти?

— А что случилось?

— Так можно или нельзя?

Не дожидаясь разрешения, она сделала шаг вперед. Валерию пришлось отступить, и она оказалась в квартире. Из кухни выглянуло испуганное бледное лицо. Тамара учтиво кивнула и поздоровалась.

Лика вышла в коридор, теребя в руках кухонное полотенце, и перевела взгляд на сожителя.

— Я по делу, — официально сказала Тамара. И, увидев вытянувшиеся лица, поспешила успокоить хозяев: — Не в связи с наследством, сами понимаете. Мне ничего не нужно.

— Понимаешь, — виновато сказал Валерий, — мы собирались уходить.

— Так поздно, куда?

— В театр. Но если ты ненадолго...

Не дожидаясь его помощи, Тамара сняла шубу, повесила ее на вешалку. Постучав об пол каблуками, прошла в комнату. Лика следила за ней ненавидящим, но беспомощным взглядом.

— Я не разуваюсь, но у вас не очень чисто, — язвительно заметила Тамара.

— Все равно, у нас разуваются, — бросила та и скрылась в кухне.

Валерий плотно закрыл дверь. Он смотрел на бывшую жену какими-то странными глазами — будто не верил, что она решилась войти. Тамара подошла к окну, выглянула, постучала пальцами по стеклу. Потом осмотрела кончики пальцев и отряхнула их — довольно демонстративно.

— Сразу видно, что больше никто не убирается, — заметила она будто про себя.

— На что ты намекаешь? — ощетинился он. — Лика, между прочим, работает! Это ты весь день дома!

— Да, — согласилась она. — А Маша умерла. Она ведь делала всю работу по дому, верно?

— Разве при тебе было по-другому?

Тамара обернулась и прищурилась. Она не могла различить его лица с такого расстояния, а очки надевать не хотела. В них она всегда чувствовала себя сдавшейся, проигравшей.

— Да, она и тогда вела все хозяйство. Но я никогда не обращалась с ней как с прислугой! И она никогда не говорила, что уйдет отсюда навсегда. Как видишь, разница есть!

— По-твоему, это мы виноваты в том, что ее убили?! — Валерий уселся на диван и раздраженно от-

бросил в угол смятые газеты. — Так даже следователь не думает, между прочим!

— Кстати, он давно заходил? Есть какие-нибудь новости?

Новостей не было. Валерию было велено ждать, когда появятся новые данные. А они пока не появлялись. Тамара кивнула:

— Ну конечно, как вас можно подозревать? Ты и так имел все права на квартиру. Конечно, втроем тут тесновато, но что поделаешь! Семья у вас благополучная, ты не пьешь, руку на мать не поднимал...

Бывший муж даже не взглянул в ее сторону, просто развернул газету, нашел спортивный отдел и погрузился в изучение какой-то таблицы. Но Тамару это ничуть не смутило. Она некоторое время рассматривала его угрюмое лицо, потом потихоньку заулыбалась.

— Приемчики у тебя те же самые, — заметила она будто про себя. — Когда не хочешь чего-то слышать...

Он не выдержал и отбросил газету. Та шлепнулась на пол, как птица с перебитыми крыльями.

— Ради бога, зачем ты пришла? — прошипел Валерий. — Мотать нервы? Упрекать меня? Между прочим, это моя мать умерла, а не твоя! Ведешь себя, как...

— Так, как могу. — Она пожала плечами. — Если ты ответишь мне на пару вопросов — я уйду немедленно.

— Какие еще вопросы?

— Те же самые. Но на этот раз я хочу, чтобы ты ответил правду. В тот вечер, две недели назад, когда Маша уходила...

— Я сто раз тебе говорил — понятия не имею, куда она пошла!

— А у меня другие сведения. — Тамара неожиданно подошла и присела на диван — так близко к бывшему мужу, что тот почувствовал прикосновение ее бедра. Валерий замер, потом поглядел на нее в упор. На этот раз ей удалось посмотреть ему в глаза. Она засмеялась: — Уверяю, у меня нет на тебя видов! Этого не бойся. А вот что касается Маши... Почему ты никому не признаешься, что в тот вечер она ушла навсегда?

Несколько секунд длилось молчание. Валерий не сводил с нее взгляда, ожидая продолжения. В наступившей тишине за дверью послышался легкий скрип. Тамара подняла указательный палец и шепнула:

— Она там?

— Ты с ума сошла, — наконец пробормотал Валерий. — Ушла навсегда? Откуда же я знал...

— Она предупреждала об этом.

— Какой бред, Томка!

— Не совсем бред. — Она говорила спокойно, почти ласково, и это заставляло его нервничать еще больше. — Вспомни, какой скандал вы устроили ей из-за камбалы. Не очень красиво, но вполне типично.

Дверь слегка приоткрылась. Это можно было отнести за счет сквозняка, но Тамаре показалось, что в проеме мелькнуло что-то цветастое, похожее на полу халата.

— И тогда Маша пообещала вам, что вскоре уйдет отсюда навсегда. А во вторник в самом деле ушла.

— Это сплетни! — Лика не выдержала и вошла в комнату. Она остановилась перед диваном, смерила жениха выразительным взглядом — так что тот отодвинулся в самый угол, подальше от бывшей жены.

Тамара осталась сидеть на прежнем месте, благожелательно улыбаясь Лике:

— Почему же сплетни? Это чистая правда. Только вот куда она собиралась уходить? Неужели не сказала?

— Представь, нет! — бросил Валерий.

— А вы даже не поинтересовались?

— Мама сказала так сгоряча, потому что обиделась! — опять вмешалась Лика. — Ну и что? Мало ли что мы друг другу говорили? Теперь будете утверждать, что я ее со свету сживала? Мы с ней очень даже хорошо жили!

— И все-таки, куда она могла уйти?

Лика не ответила. Она распахнула дверцы старого шифоньера, извлекла оттуда нечто синее, поблескивающее (Тамаре показалось, что это было вечернее платье на плечиках) и светским тоном напомнила Валерию, что через полчаса они должны выйти — иначе опоздают в театр. После чего Лика с достоинством удалилась, прихватив с собой также обувную коробку.

Валерий шумно вздохнул, когда за ней закрылась дверь.

— Тома, ты напрасно ворошишь это дело, — страдальчески произнес он. — Мало ли что случается в семье? В тот вечер, во вторник, мама просто вышла погулять. Как тебя в этом убедить?

— Она ничего тебе не говорила?

— Ни слова. Просто сообщила, что идет подышать воздухом.

— А не сказала, что скоро вернется?

— Нет. И никаких вещей с собой не взяла. Только сумку, с которой всегда ходила.

— Но почему же она отправилась на Чистые пруды? Это слишком далеко от дома, чтобы сойти за простую прогулку перед сном!

— Не знаю почему! — Он нервничал и все чаще поглядывал на большие стенные часы. — Тома, мы

опаздываем. Я все тебе сказал. Мама просто пошла погулять вокруг дома, как всегда...

— Зачем же она ловила машину?

Валерий схватил ее за руку. Прикосновение было таким неожиданным, что Тамара отшатнулась.

— Она села в машину? Ее кто-то видел?

— Да, есть свидетель. — Тамара попыталась освободить руку, но он сжимал ее крепко — почти до боли, видимо не сознавая этого, а потому и не замечая ее движения.

— Что за машина? Ее увезли? Заставили сесть?

— Да отпусти же! — Она с трудом выкрутила запястье и растерла его. — Никто ее не заставлял, она села в машину сама. Может быть, даже поджидала эту машину. Так или иначе, Валера, но в тот вечер она ушла надолго. Возможно, навсегда... Но вряд ли знала, чем все это закончится.

— И ничего, ничего не сказала! — пробормотал он, вскакивая и плотнее закрывая дверь. — Ей никто в тот вечер не звонил! Чем хочешь клянусь!

— И ты даже представить не можешь, куда она могла поехать?

— Ты же сама знаешь, что у нее было мало знакомых. Разве что из библиотеки? Мама до последнего времени с кем-то там перезванивалась. Только не помню с кем.

— Она была там год назад, — возразила Тамара. — И потом, зачем бы она поехала встречаться со старыми друзьями среди ночи? Кстати, кто-нибудь из ее коллег жил рядом с Чистыми прудами?

Валерий нахмурился, пожал плечами. Сказал, что никогда не бывал в гостях у подружек матери — даже Тамара знала их лучше. Может быть, кто-то и жил в центре, в коммуналке. Что было бы

неудивительно — все эти женщины были старыми коренными москвичками.

— Но что-то не помню, чтобы она с ними общалась, — сказал он, как-то украдкой раскрывая дверцы шкафа. — Ты меня сбила с толку. Она села в машину? Не знаю, что и думать. Теперь мне и самому кажется, что в последние дни мама была чуточку не в себе. Но она ушла не из-за этой проклятой рыбы, уж ты мне поверь! Да я и не дал бы ей никуда уйти, если бы знал...

— Подумай еще! — настаивала Тамара. — Вспомни! Если не в тот день, так, может, раньше были какие-то подозрительные звонки? Может, она с кем-то познакомилась и рассказывала об этом?

Валерий опять взглянул на часы — это был очень красноречивый взгляд, пропавший попусту. Без очков Тамара все равно не могла его оценить.

— Извини, но мне правда пора... Сто лет не были в театре! Говорят, хороший спектакль.

Женщина встала, грустно улыбнулась:

— Теперь ты свободный человек, самое время отдохнуть. Да ладно. — Она заметила его протестующий жест. — Я не обвиняю тебя. Любить по заказу невозможно, даже собственную мать. И горевать по заказу тоже нельзя. Живи как знаешь. Я только хотела узнать правду...

Валерий не ответил и принялся искать на полке чистую рубашку. Тамара вышла, не прощаясь. За ней по пятам следовала новая хозяйка квартиры, уже наряженная в искрящееся на груди темно-синее платье. Тамара надела очки, чтобы причесаться перед зеркалом в прихожей, и вдруг замерла. Обернувшись, она как завороженная уставилась на Лику. Та встретила ее взгляд — сперва вызывающе, потом недоуменно... А затем возмутилась:

— В чем дело? От меня-то вам что нужно?

— Платье... — пробормотала Тамара. — Это платье... Вы носите его?!

Лика на мгновение запнулась, но тут же собралась с силами и храбро ответила, что в своем доме делает что хочет. Не хватало еще, чтобы она обсуждала с кем-то детали своего туалета!

— Это платье я сама подарила Маше три года назад, на юбилей, — тихо произнесла Тамара. — Она надевала его раза два. Второй раз тоже в театр, как вы сейчас. Лучше бы вы его сняли!

Лика задохнулась. Она невольно коснулась бисерного шитья на груди — там, где платье было ей тесновато. А потом молча отворила входную дверь. Тамара оглянулась в сторону комнаты, где переодевался Валерий.

— Это он сказал, чтобы я взяла себе платье, — буркнула Лика. — Мы не так богаты, чтобы покупать новые вещи! Это вы промышляете уроками и можете себе позволить, а я живу на свою нищенскую зарплату...

Тамара вышла. На улице, в машине, ее ждал Олег.

* * *

— На тебе лица нет, — посетовал он. — Не нужно было туда ходить, я же говорил!

— Господи, какая я была дура! — простонала Тамара, усаживаясь в машину. — С кем я жила, кого терпела! И как мне теперь стыдно... Представляешь, он отдал своей невесте мамины платья. Ее убили две недели назад, а сегодня они уже идут в театр, и Лика надевает единственное оставшееся после Маши нарядное платье... Она бы и ее пальто нацепила, не будь оно прострелено!

С трудом сдерживая слезы и разминая в трясущихся пальцах сигарету, она поведала, что сама покупала все приличные вещи, которые были у покойной. Пресловутое платье, нарядные туфли, даже то пальто, в котором Маша встретила свою смерть! Тамара приобрела его для свекрови два года назад — почти накануне своего развода. Ей больно было видеть, в каких обносках ходит родственница, а сроднились они по-настоящему.

— Сыну всегда было наплевать, как она одета, не мерзнет ли... Они с Ликой какие-то железобетонные! Без нервов, без совести, без сердца! Чудесная подобралась парочка!

Тамара никак не могла успокоиться. Олег несколько раз спрашивал, куда ее отвезти, но она продолжала курить и спорить — на сей раз сама с собой. Ее губы шевелились в страстном беззвучном монологе. Наконец она опомнилась. Олег сказал, что ему не хочется попадаться на глаза Валерию.

— Да, не стоит рисковать, — согласилась она. — Куда же мы теперь? Наверное, ты устал?

Олег и в самом деле чувствовал себя совершенно измученным. Утром он был на похоронах Нины. И до сих пор жалел, что пошел. «Не нужно было устраивать такое представление для ее родных. Это жестоко и глупо с моей стороны. Сходил бы после на могилу, принес цветов... Но Николай держался здорово. Просто здорово. Даже пожал мне руку».

Вдовец и в самом деле никак не акцентировал чужого внимания на присутствии Олега. Тот с самого начала — еще до выноса тела из морга — держался в стороне. Приехал на своей машине, в разговоры не вступал, на первый план не лез. Но сперва его узнала Инесса Павловна, потом Диана. И с этой секунды цепкий, пристальный взгляд де-

вочки уже его не отпускал. Куда бы Олег ни отошел, как бы ни отворачивался — эти глаза, так поразительно похожие на глаза Нины, следили за каждым его движением. Что было в этом взгляде? Хмурое любопытство? Подозрение? Ненависть? Знала ли девочка, что связывало с матерью этого человека, который как-то привез ей вещи? Рассказала ли ей бабушка о своих догадках? Или Диана все поняла и почувствовала сама?

Мало-помалу на Олеге стали останавливаться многие взгляды. Его никто не знал, но все подозревали, что он имел какое-то отношение к покойной. Иначе почему пришел, привез цветы? Он узнал ее сотрудников — тех самых, которых Нина при нем допрашивала в кабинете у мужа. Тут была и Лиза — она зябла в легоньком черном пальтишке, но, вероятно, ее немного согревал массивный парик, как-то странно сочетавшийся с ее узким лицом и тонкой шейкой. Сегодня секретарша не плакала и выглядела достаточно элегантно.

Николай оказался рядом неожиданно — Олег даже не увидел, как тот подошел.

— Есть новости? — тихо спросил тот, отводя гостя подальше к машинам.

— Пока нет. А у вас? Как идет следствие?

— Мало-помалу, — сдержанно ответил Николай. — Вчера я после ресторана ездил к следователю. Между прочим, мне вернули сумку Нины.

— Нашли? Где же?

Сумка оказалась в одном из ближайших к месту наезда проходных дворов, в мусорном баке. Ее обнаружил один из жильцов, выносивший мусор. Новенькая щегольская сумка лежала на самом верху и, естественно, привлекала внимание. Денег там не оказалось — бумажник исчез. Зато все остальное оказа-

лось на месте. Нашедший сумку сразу сообразил, что наткнулся на следы какого-то ограбления, и, проявив сознательность, не поленился позвонить в местное отделение милиции.

— Значит, украли только деньги?

— Да. Но я не думаю, что там было много денег. А так все цело, и ключи тоже. Не знаю, что и думать. Если верить вашему вчерашнему рассказу, то все это проделано для отвода глаз.

— А следователь не спрашивал вас о заявлении, которое писала Нина?

Николай как-то странно, порывисто оглянулся, будто боялся, что кто-то неслышно подкрался к ним сзади. А потом еле слышно осведомился: откуда Олег вообще взял, что было какое-то заявление? Тот оторопел:

— Как? Да ведь Нина сама ходила в милицию в прошлый понедельник!

— Это она вам так сказала?

— Конечно! Я с ней там не был, но... Но... — Он вдруг осекся. Так некстати отключенные телефоны, остановленный будильник, ее странный уход поутру — почти бегство. А вечером — сбивчивый жалобный рассказ о том, что в милиции к ней отнеслись пренебрежительно...

— Вот вам и «но», — грубовато заметил Николай. — Никакого заявления не было. Я и то думал — что за чепуха? Да разве Нина стала бы заявлять на меня в милицию? Сами посудите — она же ко мне вернулась! Получается, доверяла? Не считала убийцей?

— Она все равно говорила, что вы ей подозрительны! — не выдержал Олег. — Мы просто поссорились, вот она и вернулась домой!

— А, да бросьте вы, — устало ответил Николай. — Это чисто семейные сцены. Сегодня доверяет, завтра

нет... И так много лет подряд. Нет у следователя никакого заявления — нигде его нет. Я ждал-ждал — когда же меня об этом спросят? А потом, как идиот, сам намекнул — дескать, как быть с заявлением моей жены? Мы потом полчаса не могли друг друга понять. Слава богу, я не все им рассказал. А то бы... Вовремя спохватился!

В результате выяснилось, что Нина в милиции не была, на собственную машину жалоб не предъявляла, и о первом наезде, а также о царапинах там ничего не знают.

— Я оттуда выскочил, как из бани, — признался Николай. — Аж в глазах темно стало! Короче, она нам наврала. Так я и знал!

Олег был ошеломлен. Чего-чего, а этого он никак не мог предположить. Не была в милиции? Но ведь решилась, твердо решилась! Как она осматривала царапины на крыле, как раскаивалась в том, что сразу не заподозрила супруга... Возмущенно описывала Олегу, как пыталась убедить следователя в своей правоте. И что же получается? Лгала?!

— Вы мне не верите? — заметил Николай, впрочем, без особого огорчения. — Ваше дело, можете сами сходить в милицию и узнать. Только лишнего не говорите! И за то спасибо, что я от этой мороки избавился! А то, если рассуждать по-вашему, я главный подозреваемый.

— Но тогда... Тогда вас теперь не заподозрят... — пробормотал Олег. Он был совершенно сбит с толку и не знал — верить Николаю или нет? И все-таки склонялся к тому, чтобы поверить.

— Вот именно, — согласился тот. — Вы все про первый наезд говорили — как это для меня плохо да почему моя машина поцарапана... А теперь получается, что этого наезда как бы и не было!

— Но он все равно был! И только благодаря Нине о нем не узнали в милиции!

— Да, спасибо ей за это, — сумрачно ответил Николай. — Ну что ж, я свое слово сдержал — поставил вас в известность. А теперь...

Он сдержанно попрощался и отошел к группке ближайших родственников покойной. Потрепал по плечу Диану, потом грубовато, но в то же время бережно прижал к себе девочку. Та слегка извернулась из-под отцовской руки и снова нашла взглядом мужчину, с которым тот только что разговаривал. Олег отвернулся.

С телом он не прощался, лоб не целовал — не решился. Но к гробу все-таки подходил, и ему показалось, что Нина очень изменилась, хотя лицо не было изуродовано — во всяком случае, никаких ран не было видно. Но выражение... Точнее, отсутствие выражения. Одушевляющая сила исчезла, а оболочку он не узнавал, хотя Олегу казалось, что знал и любил это лицо. Круглый выпуклый лоб, за которым теперь не было ни единой мысли, опущенные ресницы, застывший, задранный кверху подбородок, непривычно, чужими руками подкрашенный полный рот... Олег ничего не узнавал и после очень жалел, что смотрел в лицо покойнице. Прежняя Нина исчезла, как только он взглянул на эту. У него даже не осталось ни одной фотографии — Олег не запасся материалом для воспоминаний, потому что не ожидал, что они так быстро расстанутся. Осталось только это сероватое, замершее среди белых кружев лицо. А потом — длинная колонна разномастных машин, окраинное, открытое всем ветрам кладбище, желтая глинистая яма, суета, женские слезы. И небо над кладбищем — серое, застывшее, тоже как будто мертвое.

А после похорон он поехал к Тамаре — не позвонив, не предупредив о своем визите. Олег загадал — если ее не окажется дома, он больше никогда с ней не свяжется. Просто потому, что все это не имеет смысла. Нина мертва, и даже если найдут убийцу — это ее не воскресит. С Марией все давно кончено. И есть ли между этими женщинами какая-то связь — в сущности, теперь не важно. С их смертью все связи распались. Зачем кого-то искать, к чему строить догадки? Нужно жить дальше.

Но Тамара оказалась дома. Она как раз занималась с очередным учеником, и, когда отворила Олегу дверь, он услышал доносящиеся из комнаты странные, заунывные звуки — будто кто-то пел горестную песню без слов.

— Упражнения для гортани, — пояснила женщина, поймав его удивленный взгляд. — Что-то случилось?

В двух словах он рассказал, что произошло и откуда он явился. Тамара замерла, потом резко, неловко сняла очки. Ее глаза стали влажными и беспомощными. Она пообещала отменить следующий урок, хотя Олег убеждал ее, что такая жертва вовсе ни к чему.

— Нет-нет, я не смогу сегодня заниматься, — в какой-то тихой панике повторяла она. — Ее все-таки убили! Ужасно! А я было поверила, что ей ничто не угрожает! Все это было как-то немного не всерьез... Посиди на кухне!

Она в самом деле быстро разделалась с учеником, позвонила еще кому-то и, наконец, полностью освободилась.

— Честно тебе скажу, — призналась Тамара. — Я ведь так и не ходила больше к Валере. Не могла себя заставить. А сейчас пойду и вытрясу из них все, что можно. Ты ведь меня подвезешь?

...А теперь она курила уже третью сигарету подряд, кашляла и нервно оглядывалась на подъезд. Наконец выбросила окурок в полуопущенное окно и велела трогаться с места.

— Куда мы едем?

— В библиотеку. Не представляю себе, с кем еще можно поговорить. Маша в самом деле ни с кем не общалась — только с коллегами по работе да со мной. Тут они не врут. Ирина Степановна ничего не знает, но, может, Маша звонила кому-то еще?

— А не поздновато ли? — Олег взглянул на часы. — Скоро шесть. Нас туда пустят?

— Меня пустят. Я всех там знаю, сто раз бывала.

...Тамару и в самом деле узнали. Да и самому Олегу показалось знакомым лицо женщины, которая вышла к служебному входу, когда Тамара позвонила ей по местному номеру. Оказалось, он видел ее на похоронах Марии.

— Сто лет ты у нас не была, — вздохнула Александра — так звали эту немолодую сухощавую даму в рабочем голубом халатике. — Зайдешь? Надеюсь, чаю выпьешь? А этот молодой человек с тобой?

— Олег, мой приятель, — скромно представила его Тамара. — Можно нам в хранилище? Я бы ему показала ваше «подземелье ведьм»!

— Нет, сейчас нельзя, там такое творится... — расстроилась та. — У нас уже целый месяц идет учет. Ты не представляешь, сколько мы книг переворошили. Посидим в служебке?

Тамара охотно согласилась. В подвальной комнате с низкими сводчатыми потолками было очень холодно — крохотный обогреватель едва тянул. За низким окошком, расположенным под самым потолком, слышался шум скребка — дворник чистил от свежего снега внутренний двор. Александра извинилась за

скромное угощение — оно состояло из жестких бледных сушек.

За первой чашкой жиденького чая гости выяснили, что сегодня на работу вышли всего две сотрудницы хранилища — по случаю выходного дня.

— А завтра будут все. Ты что — по делу?

— Откуда вы узнали? — удивилась Тамара.

— Да ты очки надела! — засмеялась сухонькая дама. — Томочка, ты не представляешь, до чего все по тебе видно. Когда случается что-то серьезное — ты всегда в очках!

Олег и сам успел заметить эту особенность. Это неосознанная причуда Тамары очень его забавляла. Молодая женщина тоже засмеялась и смущенно сняла очки:

— Да, в общем-то я по делу. Это все из-за Маши... Знаете, убийцу ведь так и не нашли.

— Знаю-знаю, — кивнула та. — Думаю, что и не найдут.

— Почему?

— Где же его искать? Думаю, что убили-то ее, бедную, случайно. Мало ли пьяных, наркоманов... Просто хулиганья. И свидетелей, наверное, нет.

— Да, не нашлось ни одного. Скажите, а она давно тут была? Ирина Степановна говорит — год назад.

Женщина призадумалась, с сомнением взглянула на большой настенный календарь, пошевелила обветренными, ненакрашенными губами... И наконец сказала, что Ирина Степановна ошибается.

— Машенька заходила в конце лета, это я точно помню, — задумчиво произнесла она. — Почему же Ирина Степановна... А, так она, скорее всего, тогда ушла в отпуск. Вот они и не встретились.

Тамара попросила вспомнить подробности того летнего визита, и теперь пожилая библиотекарша с

трудом восстановила в памяти некоторые подробности. Маша принесла небольшой тортик, и они пили чай — в этой самой комнате. Потом пенсионерка прошлась по всем подвальным помещениям, где проработала столько лет — не видя солнечного света, вдыхая старую книжную пыль. На свою жизнь, насколько припоминала Александра, она не жаловалась. Выглядела не очень здоровой и не слишком веселой, но тут не было ничего необычного — ведь Маша часто болела, да и депрессии были для нее обычным делом.

— Так зачем она все-таки приходила?

— Наверное, соскучилась, — предположила та. — Я сама переживаю — что буду делать на пенсии? Мне осталось всего полгода. Может, оставят еще поработать, а может, «уйдут». Правда, желающих на мое место найдется немного, потому что зарплата у нас тут... Работаем с такими ценностями, с раритетами, а платят, как уборщицам. Да и уборщицы в больших фирмах больше получают!

Она еще долго рассуждала о несправедливости нынешней оплаты труда, и свернуть ее с этой темы было невозможно. Тамара и не собиралась этого делать — она внимательно слушала, сочувственно кивала, изредка вставляя словечко.

Олег не вмешивался. С тех пор как ему дали чашку чаю, он не произнес ни слова. «Опять ничего не вышло, — стучало у него в висках. И опять перед ним возникало мертвое серое лицо, слышалась ненавистная заунывная музыка. Он терпеть не мог звуки похоронного марша — каждая нота гвоздем вбивалась в нервы. — Это нужно бросить, все бросить и забыть. Как бы уйти отсюда? Как увести Тамару? Неужели она не видит, что все напрасно?»

Но тут разговор принял несколько иное направление. Тамара поинтересовалась, кто сегодня работает. Она знала всех сотрудников — их состав практически не изменился с тех пор, как Мария вышла на пенсию.

— Валечка и Лена, — ответила та. — А вторая Леночка ушла на похороны. Наверное, на поминки осталась... Ну что же, раз такое дело...

— А кто у нее умер?

— Подружка. Они вместе к нам пришли, еще практикантками. И в институте учились вместе. Только Нина скоро уволилась. Ты ее не знала, да и я плохо помню.

И после паузы Александра добавила, что ужасно, когда умирают молодые да еще оставляют маленьких детей.

— Леночка прямо сама не своя. Хотя редко виделись, но все же... Она и узнала-то об этом случайно, через каких-то знакомых по институту... Ей вчера прямо сюда позвонили. Она весь день ходила сама не своя: «Торцову Нинку убили!»

Олег вскочил бы, но ему помешал край стола. Больно ударившись об угол животом, он охнул, сел и расплескал на стол остывший чай. Тамара недоуменно на него взглянула, потом укоризненно сощурилась... Олег с трудом перевел дух:

— Извините, как ее фамилия?

— Леночкина?

— Нет, вы сказали — Торцова? Ее хоронили сегодня?!

Тамара вздрогнула и, уже не стесняясь, нацепила очки.

— Олег, но ведь это не...

— Это она! — И, обращаясь к удивленной Александре, Олег горячо пояснил: — Я сам только что с похорон! Я ее знал!

— Это она?!

Сотрудница хранилища крайне встревожилась, увидев, как отреагировала на новость ее старая знакомая:

— Томочка, ты ее тоже знала? Да откуда? Нина работала здесь лет десять назад!

Тамара первой взяла себя в руки. И взглядом приказала Олегу успокоиться — он никак не мог усидеть на стуле.

— Удивительно, как мир тесен. — Тамара произнесла это довольно хладнокровно. — Мы ведь ее знакомые... Только не знали, что она здесь когда-то работала.

— Я знал, что у нее библиотечное образование! — снова не утерпел Олег. И опять напоролся на близорукий, но все-таки твердый взгляд.

— Так она проработала здесь совсем недолго? — уточнила Тамара. — Как все-таки странно... Она не была знакома с Машей?

— Как не была? — почти обиделась Александра. — Ведь это Маша обучала в хранилище всех новых девочек! Они так и ходили за ней гуськом — Нина и Леночка. А потом Нина вышла замуж, ждала ребенка... Ушла в декрет, а потом совсем уволилась.

Призадумалась и уныло добавила, что судьба все-таки играет злые шутки. Вот, например, люди столько лет не общались! И вдруг убивают Машу, а через неделю — Нину.

— Я все-таки верю в какие-то астральные связи, — глубокомысленно заявила она.

— А других связей, кроме астральных, не было? Нина тут не появлялась? — перебила ее Тамара, отбросив всякие церемонии. — Олег понял, что она крайне возбуждена.

— При мне — никогда. Я даже в лицо ее не помню. Тамарочка, что же ты так переживаешь?

Та не ответила. После недолгого раздумья она попросила домашний телефон Лены, а затем торопливо распрощалась.

Александра проводила парочку до самого выхода. Дряхлый вахтер попросил Тамару предъявить сумку и бегло осмотрел ее содержимое. Наконец они оказались на улице.

Уже стемнело, зажглись фонари и окна. На углу лениво расцветала розовая неоновая вывеска маленького кафе, в узкий безлюдный переулок осторожно падал снег. Этот же снег медленно покрывал и центр старой Москвы, и окраины, и далекие кладбища, и свежую могилу на одном из них. Олег отряхнул волосы, и его рука стала мокрой.

— Значит, они были знакомы... — пробормотал он, все еще не в силах в это поверить. — Почему же Нина мне не сказала?

— Не знаю. — Тамара тоже притихла, ее нервное возбуждение прошло. — А ты когда-нибудь называл ей фамилию Маши?

— Я и сам ее не так давно узнал. Кажется, нет.

— Она могла не знать, о ком идет речь.

— Да. Но все-таки они оказались знакомы... Я чувствовал между ними какую-то связь, только не знал, как ее найти...

Олег снова замолчал. Вот оно — долгожданное открытие, но его ли он ждал? В последнее время, когда он все больше склонялся к мысли о невиновности Николая, связь между женщинами стала для него не столь очевидной. Он даже готов был поверить, что время и место на Чистых прудах совпало случайно. Просто Мария пришла на свое свидание вовремя, а Нина на свое — опоздала.

— Знаешь, о чем я жалею больше всего? — сказал он наконец. — Мы узнали об этой связи слишком поздно. Теперь некого о ней спросить.

Но Тамара возразила: как это некого? Они немедленно должны позвонить Леночке! Правда, она не слишком хорошо с ней знакома, но этот звонок все равно будет выглядеть естественно.

— Как, прямо сейчас? — замялся Олег. — Скорее всего, она еще на поминках.

— Прямо сейчас, — твердо сказала женщина. — У тебя телефон с собой? Звони!

...Леночка уже вернулась домой. Она сразу вспомнила Тамару, выразила свои соболезнования — в связи с недавней кончиной ее свекрови, своей коллеги и бывшей учительницы. А потом поделилась свежим горем. Тамара слушала ее не перебивая, время от времени высоко поднимая брови и поглядывая на Олега. Тот ничего не слышал и мог следить за разговором только по оттенкам выражения на ее лице.

— Осенью? — переспросила наконец Тамара. — Этой осенью? А когда? В сентябре? Погоди, или все-таки в октябре? В начале октября... Ясно. А почему Александра говорит, что Маша приходила в августе? Ах, у нее в сентябре отпуск... А ты когда уходила? Так поздно, и на море? Ах, в Турцию! И как отдохнула?

Снова длинная пауза. Некоторое время Тамара слушала с весьма унылым видом, а потом вдруг оживилась:

— И Маша тоже? Да что ты говоришь? Так они общались? Кто бы мог подумать... Нет, я не знала. Впервые слышу. Случайно встретились? А...

Пауза. Недовольное движение бровей, опущенный взгляд.

— Да, понимаю... Жаль ужасно. Спасибо тебе, отдыхай... Я как-нибудь еще зайду.

Она нажала кнопку отбоя и вернула телефон Олегу:

— Не знаю, обрадуешься ты или нет, но только Нина с Машей в самом деле поддерживали связь. И в последнее время — тоже.

Леночка, даже не дожидаясь наводящих вопросов, поведала, что в начале октября к ним в книгохранилище пришла Мария в сопровождении элегантной молодой женщины, которую там узнали с трудом. Александра об этом втором визите старой подруги не знала, так как именно в это время наступил ее черед отдыхать и она уехала за город, обустраивать на зиму свою любимую дачу. Ирина Степановна прямо из отпуска отправилась в больницу, залечивать какую-то хроническую болезнь, так что в ту пору начальства в хранилище практически не осталось. Там были одни «девочки» — так называли всех сотрудниц моложе сорока лет.

Леночка прекрасно помнила тот визит — она была так удивлена и обрадована, узнав свою старую сокурсницу! Нина, по ее словам, выглядела шикарно, но держалась очень скромно, рассказывала о своей семье, о работе, показывала фотографии дочки. Ей захотелось взглянуть на ниву своей прежней деятельности. Спустились в подвалы — там Нина вздыхала, предаваясь нахлынувшей ностальгии. Маша во время этого визита выглядела печальной — видимо, тоже скучала по любимой работе. Потом попили чаю с коньяком — Нина принесла с собой целую сумку продуктов. Просидели за столом чуть не до вечера. Договаривались созваниваться, встречаться, но, к сожалению, больше ни та ни другая не приходили. И этот-то визит, по словам Леночки, был случайным.

Женщины просто встретились на улице, обрадовались, узнав друг друга, и Нина предложила навестить заодно прежнее место работы, благо встреча произошла в центре.

— Не находишь, что все становится еще более странным? — спросила Тамара. — Ты столько раз говорил о Маше в присутствии своей подруги, а у той даже вопросов не возникало.

— Но я не знал фамилии, не упоминал, где работала Мария...

— И все равно это подозрительно! Если они общались, поддерживали связь, то Мария могла оказаться на Чистых прудах не случайно!

— Ты имеешь в виду, что Нина пригласила ее туда?!

Абсурдность такого предположения поставила Олега в тупик. Но Тамара настаивала на том, что это вполне могло случиться!

— Разве Маша поехала бы среди ночи...

— Она бы поехала, если бы твоя подруга привела какие-то веские аргументы!

— Например?

— Например? — И не медля ни секунды Тамара повторила то, что говорила и раньше: — Если бы ее позвали на помощь! Нина ведь позвала на помощь тебя, именно тогда — той ночью! И ты туда поехал, хотя тоже удивлялся!

Олег окончательно растерялся. Попробовал объяснить, что Нина не упоминала о том, что звала на помощь кого-то еще. Сказал, что та с самого начала полагалась исключительно на него, говорила, что больше ей не к кому обратиться...

— Она могла соврать! — бросила Тамара. Хмуро взглянула на него и неохотно извинилась: — Прости, вырвалось. Но знаешь, что я скажу? Не зря твоя под-

руга так боялась любого упоминания о Маше! Она в самом деле считала себя виновной в ее смерти! И решила молчать, когда поняла, что Машу убили вместо нее!

И тут у него в памяти эхом отдались оброненные Ниной слова: «Если ее убили из-за меня, то это все равно что я ее убила. Я ее убила».

Глава 13

Расставляя чашки, Тамара сообщила, что вареньем ее всегда обеспечивала свекровь. И эта смородина тоже ее изготовления.

— Когда я развелась с Валерой, она стала варить варенье прямо у меня. Мы шли на рынок, покупали ягоды, вместе мыли, вместе закручивали. Она работала на два дома, но была так счастлива, что кому-то нужна!

Олег слышал ее сквозь какой-то туман и оценить замечательное варенье мог с трудом. Только теперь, уйдя затылком в мягкую спинку дивана, он понял, как устал. «Ужасно долгий день, просто бесконечный. Когда я был на кладбище — неужели этим утром? Тогда была грязь, желтая глина, а теперь там, конечно, только снег. Уснуть бы, прямо здесь... И почему я не поехал домой!»

Но Тамара настояла, чтобы они отправились к ней. Она непременно хотела, чтобы Олег посмотрел старые семейные альбомы, которые покойная свекровь некогда отдала ей на хранение.

— Там столько снимков десятилетней давности! Ты сможешь узнать на них свою Нину?

Оказалось, что Тамара предоставила Маше в распоряжение целый стенной шкаф. Это был вынужден-

ный шаг — когда Лика переехала к Валерию со всеми вещами, выяснилось, что места для них не хватает. Сперва по углам тесной квартиры стояли сумки и коробки, потом новая хозяйка стала потихоньку вытеснять старую. К ней переходили полка за полкой, шкаф за шкафом. Мария оказалась перед неизбежным выбором — или выбросить свои старые, но дорогие как память вещи, или куда-то их перевезти. Тамара предложила ей устроить склад у себя на квартире.

— Конечно, в такой квартирке троим тесновато, — сказала она Олегу. — Но когда там жила не Лика, а я, места хватало для всех.

Стенной шкаф был забит до отказа. Олега шатало от усталости, и он ничего не мог толком рассмотреть. Ему показалось, что там преобладали книги и связки бумаг. Одежды не было совсем, никаких ценных предметов он не заметил. Тамара извлекла с верхней полки два распухших ободранных плюшевых альбома. Когда-то на них были металлические уголки, но они давно отклеились и потерялись.

— Ищи свою подругу, а я сделаю чай. — И Тамара исчезла на кухне.

Чужая жизнь высыпалась ему на колени потоком фотографий. Старики и младенцы, знакомые, но почти неузнаваемые московские улицы — той поры, когда его еще и на свете не было. Солдаты и невесты, школьники, молодожены... У Олега слипались глаза, и он перелистывал страницы больше для видимости — чтобы Тамара его не упрекала.

«Она старается из самых добрых побуждений, но как же я вымотан! Больше нет сил! Еще в прошлое воскресенье я ухватился бы за эти альбомы, а то, что мы узнали в библиотеке, лишило бы меня сна. Но теперь... Мне все равно».

— Ну где же ты ищешь? — расстроилась Тамара, присаживаясь рядом и отбирая у него альбомы. — Нины здесь быть не может! Нужно смотреть восьмидесятые годы, самый конец. Кстати, это я!

Она показала ему отдельно лежавший снимок, изображавший худенькую рыжую школьницу в массивных, почти уродливых очках.

— Какая я была смешная! — протянула Тамара, поднося снимок ближе к глазам. — Мне эта фотография не нравится, но Маша попросила для альбома именно ее. А вот наша свадьба, но это неинтересно.

Она быстро прикрыла страницу ладонью и смущенно улыбнулась:

— Мы слишком далеко залезли. Назад... Ну вот, примерно то, что нужно.

Это были любительские снимки, сделанные обычной «мыльницей». Почти все они изображали какие-то застолья, и глаза у пирующих были как на подбор, пугающего кроличьего цвета. И все-таки Олег без труда узнал на одном из снимков совсем молоденькую Нину. Он испытал нечто вроде потрясения — эта худенькая, неловко позирующая девушка слишком сильно отличалась от женщины, которую он встретил год назад. Тогда, в свои двадцать лет, Нина была коротко острижена, носила какую-то невзрачную, дешевую одежду и почти не красилась.

Тамара тоже ее опознала:

— Смотри, вот она! А вот еще, в профиль, и Маша сидит рядом с нею! Видишь, как она тогда выглядела? Совсем еще молодая, красивая. А Нина ничего не рассказывала о своей работе в библиотеке?

Олег пожал плечами:

— Почти ничего. Говорила только, что зарабатывала очень мало, а когда появился ребенок, пришлось подумать о смене профессии.

— Да, сейчас там остались истинные фанатики своего дела, — согласилась Тамара. — Они получают сущие гроши, но увольняться ни за что не желают. Может быть, твоя Нина правильно сделала, что вовремя переменила профессию... Тем более, что настоящего призвания у нее наверняка не было.

Олег неожиданно обиделся за покойную подругу и спросил: почему она так думает? Тамара коротко ответила:

— Глаза не те.

Она достала из альбома тот снимок, где Мария и Нина были сняты рядом, и отложила его в сторону:

— По крайней мере, это доказывает, что они были знакомы десять лет назад.

— И что это нам дает? — вяло отреагировал Олег. — Нину все равно ни о чем не спросишь... И доказать ничего невозможно. Ты пойдешь к следователю с этим снимком?

— С этим снимком и с тобой, — твердо сказала Тамара. — Ты расскажешь всю историю своей подруги — от начала до конца. Ведь это единственная зацепка! Единственная причина, по которой Маша могла поехать на Чистые пруды!

— Но мы все равно не сможем доказать, что это Нина ее туда пригласила! Послушай, эту встречу Нина назначила мне уже после шести вечера! Твой бывший муж утверждает, что в это время никто его матери не звонил! Откуда же Мария узнала об этом свидании? Каким образом ее туда позвали?

Тамара ничуть не озаботилась этой несостыковкой. Никакого впечатления не произвели на нее и объяснения Олега: он, мол, сперва считал, будто муж Нины подслушал ее телефонный разговор и послал киллера в назначенное место, а в последнее время все больше верит в его невиновность. И что теперь?

Вернуться к исходной версии? Считать Николая заказчиком убийства? Идти в милицию и практически сдать его? Потому что кто еще знал о том свидании? Кто послал туда убийцу?

— Раз об этом свидании узнала Маша — мог узнать вообще кто угодно, — отрезала Тамара, глядя на него почти с сожалением. — Как ты не понимаешь — Нина могла не говорить тебе всей правды! Почему ты ей так безусловно веришь? По-моему, она врала не меньше остальных!

Олег ничего не ответил. Возражать было невозможно — Тамара права. И Нина действительно не выносила разговоров о женщине, погибшей из-за нее на Чистых прудах. Тогда ему казалось, что это просто нервы, нежелание впутываться в еще одну неприятную историю. А вдруг это было законное чувство вины?

Он сумел привести в свою пользу только одно соображение: какой именно помощи могла ожидать Нина от своей бывшей сотрудницы? Неужели Мария могла защитить ее от убийцы? Сомнительно. Дать ей пристанище? Она и сама жила на птичьих правах в собственном доме, да и не стала бы Нина стеснять чужую семью. Может быть, она просила совета? Но почему его нельзя было получить по телефону?

— Да, это странно, — подумав, согласилась Тамара. — Но ты не знал Машу. Она могла приехать без всяких просьб, просто потому, что испугалась за Нину. А куда и когда — Нина могла проговориться случайно.

— Но для этого они все равно должны были созвониться!

Тамара отмахнулась и предложила ему поужинать. Чай — это баловство, а Олег весь день мотался по городу и ни разу не перекусил.

Он сам не заметил, как задремал, полулежа на мягком диване, разморенный душной теплотой этой тихой квартиры. С кухни доносилось слабое шкварчанье масла, тянулся запах жареного мяса. Сознание отмечало все как будто во сне — спокойно и отстраненно. Потом Тамара с трудом растормошила его, почти насильно заставила поужинать. И смеялась, глядя, как Олег промахивается ножом и вилкой мимо отбивной котлеты. Сама она ела с аппетитом и жалела только о том, что к ужину нет бутылки сухого вина. Олег вызвался сбегать в магазин, но она его удержала:

— Куда тебе бежать, на ногах еле держишься.

— Да... Знаешь, я, наверное, поеду домой.

И тут Тамара совершенно естественным тоном, глядя ему прямо в глаза, предложила заночевать у нее. У Олега разом прошло раздражающее сонное оцепенение. Он почувствовал себя рассеянным пешеходом, внезапно обнаружившим, что на него на полной скорости мчится автомобиль. И нужно срочно решать: куда податься? Бежать вперед или назад? И на размышления ему отпущена всего доля секунды.

«Если я откажусь остаться, она страшно обидится. А если останусь... Я как-то об этом не думал...» Олег был потрясен собственными противоречивыми чувствами. Эта женщина ему нравилась с самой первой встречи, особенно завораживали ее странные глаза и удивительный голос. А еще нежные руки, и пышные рыжие волосы, и это странное сочетание деловой женщины и застенчивого очкастого ребенка, которое он отмечал уже не раз. И все-таки...

Тамара не выдержала — улыбка, давно уже дрожавшая в углах ее рта, постепенно расплылась.

— Господи, нельзя же так пугаться! У меня же две комнаты! Можешь запереться на задвижку!

Олег тоже рассмеялся — и ему сразу стало легче. Ситуация из неловкой превратилась просто в смешную.

— Запираться не буду, а вот спать... Знаешь, Тамара, я уже ни рук ни ног не чувствую.

— Через полчаса ляжешь, — пообещала она. — Куда ты доедешь в таком состоянии, подумай! Не дальше первого фонарного столба.

Он едва рассмотрел комнату, где Тамара постелила ему постель. Перед глазами мелькнул книжный стеллаж, сухие цветы в синей напольной вазе, темный ковер с протоптанной от окна к порогу дорожкой. Он лег и едва не застонал от удовольствия и усталости. Белье свежо похрустывало и слабо пахло чем-то очень знакомым. Проваливаясь в сон, Олег неожиданно вспомнил название этого цветка. Это было лиловое, душистое, очень ночное слово — лаванда. Мешочки с крымской лавандой всегда лежали в шкафу у его матери — крохотные, загадочные, похожие на новогодние игрушки.

...Открыв глаза, Олег не сразу сообразил, где находится. В темноте слабо светилась длинная узкая полоска — свет пробивался из коридора. Потом он вспомнил весь этот долгий день, похороны, библиотеку, Тамару. Который теперь может быть час?

За дверью что-то прошелестело и шумно обрушилось на пол. Тамара негромко ругнулась. Он приподнялся на локте, потом встал, наскоро оделся и вышел.

Тамара сидела на корточках перед раскрытым стенным шкафом и разбирала рассыпанные на полу бумаги. Она так ушла в свое занятие, что вскрикнула, увидев наклонившегося над ней Олега:

— Не спишь?! Господи, напугал!

— Который час?

— Наверное, три. Я тебя разбудила? — Она снова склонилась к упавшим бумагам. Это были какие-то потемневшие, странного вида листы большого формата, сложенные в несколько раз и потрепанные на сгибах. — Я никак не могу уснуть, разбираю Машин шкаф. Хочу найти еще что-нибудь, что касалось бы Нины.

— Нашла? — Он тоже присел на корточки. — А это что такое?

— Не знаю, первый раз вижу.

Тамара взяла один лист, осторожно его развернула, нахмурилась и разложила на полу во всю ширину. Это оказалась географическая карта — судя по виду, очень старая. И очень странная — изображенные на ней земли имели совершенно непривычные очертания. Олег заинтересовался, рассматривая ее:

— Какая старина! Все надписи по-латыни... И похоже, что раскрашено от руки...

— Это не бумага, — пробормотала Тамара. — Смотри, какой странный материал! Тяжелый, плотный... Пергамент?

— Да, и очень хорошей выделки. Сколько роюсь в антикварных магазинах — такого в руках не держал. Откуда это у тебя?

— Да не у меня, у Маши. — Тамара стала разворачивать другие листы. Это тоже были карты — как определил Олег, по большей части изображавшие средиземноморские провинции.

— Они ужасно старые, — с почтением произнесла женщина. — Как по-твоему, сколько им лет? Даже прикасаться страшно!

— Боюсь ошибиться, но думаю, что век пятнадцатый.

— С ума сойти! — воскликнула она. — Маша никогда не говорила, что у нее есть такой антиквариат! Откуда, что ты! Наверное, все-таки ошибаешься.

Но Олег был уверен, что определил возраст карт правильно — хотя бы приблизительно. Внизу каждого огромного листа микроскопическим шрифтом было написано: «Theatrum orbis terrarum». Он перевел для Тамары — «Театр земель».

— Эти карты явно взяты из какого-то старого географического атласа, — пояснил он. — Взгляни, какие тут итальянские государства... В шестнадцатом веке, а тем более в семнадцатом политическая карта мира была уже другая.

Тамара сокрушенно призналась, что совершенно не разбирается даже в современной географии — что уж говорить о такой давности, как пятнадцатый век! Она даже стала смотреть на Олега снизу вверх, хотя оба продолжали сидеть на корточках.

— И все-таки, откуда они у Маши, ума не приложу! — недоумевала она. — Сколько это может стоить, ну хоть приблизительно?

Олег затруднился назвать рыночную стоимость находки, но предположил, что на приличную квартиру хватит. Тамара ему не поверила:

— Брось! Это же всего-навсего старые кусочки телячьей кожи! Даже не картины и не книги! Это вообще откуда-то вырезано!

И она провела пальцем по краям карт. В самом деле, на каждом пергаменте слева виднелись свежие, довольно неровные следы острого ножа. Олег сложил карты вместе, сравнил срезы и нахмурился:

— Такое ощущение, что все вырезано из одного места. Видишь — неровности совпадают.

— Ты говоришь — все вместе представляло старый атлас?

— Да, он назывался «Театр земель». И уж поверь мне, Тамара, на эти кусочки телячьей кожи всегда найдется покупатель. Особенно сейчас, когда сто-

ящих антикварных книг становится все меньше. В магазины они уже практически не поступают — расходятся прямо из подсобки или из-под полы. Безумный бум, когда можно было купить практически все, что угодно, у нас уже прошел в начале девяностых, если не раньше. Старые коллекции распроданы, а те, кто их сохранил, не собираются с ними расставаться. А карты сейчас очень модно вешать на стенку в красивых рамках — для украшения интерьера.

С него весь сон слетел. Он перебирал пергаментные листы и ощущал сладкое волнение библиофила, которому посчастливилось найти что-то действительно редкое. Тамара тоже волновалась, но несколько по другому поводу. Ей не давал покоя вопрос: как такая вещь могла попасть к ее бывшей свекрови?

— У них в доме никогда не было ничего подобного!

— А у нее на работе? — напомнил Олег.

Тамара охнула и неожиданно села на пол. Растирая занемевшие колени, она довольно резко объяснила, что Маша скорее отрезала бы себе палец, чем позволила что-то вынести из хранилища. Да и потом — зачем ей эти карты? Не собиралась же она их продавать?

— А вдруг собиралась?

Женщина окончательно оскорбилась:

— Я тебя прощаю только потому, что ты не был с ней знаком! Хочешь сказать, что она была воровкой? Решила заработать себе на прибавку к пенсии и перед увольнением двинула эти карты из хранилища? С ума сошел!

— Ну ладно, а откуда она их тогда взяла?

Тамара решительно сложила карты — теперь она обращалась с ними более почтительно — и упаковала увесистую связку в оберточную бумагу.

— Может, это вообще не ее добро, — как бы про себя сказала она. — Может, ей их дали на хранение?

— Или на оценку?

— Да что она могла оценить? Разве что научную ценность. Хотя ты прав, ей могли дать эти карты, чтобы посоветоваться. Вдруг кому-то досталось наследство, а что с ним делать — человек не знал? Но тогда у них есть хозяин...

— А почему она спрятала их у тебя?

— Сына боялась, — коротко ответила Тамара и закрыла шкаф. С трудом поднявшись на ноги, она прижала к груди сверток. — А еще больше, кажется, она опасалась Лики. Та могла выбросить что угодно, решить, что это просто старый хлам. Меня удивляет другое. Почему Маша ничего мне не рассказала? Она всегда спрашивала разрешения, чтобы положить что-нибудь в этот шкаф, хотя я его вроде как ей подарила.

— За этими картами должен прийти хозяин, — напомнил ей Олег. — Лучше бы спрятать их понадежнее. Уверяю тебя — это слишком большая ценность, чтобы хранить их вот так — среди старых газет и варенья.

— Спрячу, — пообещала Тамара. — Только как этот хозяин меня найдет? Где он? Неужели не слышал, что Маша умерла?

Он уже опять улегся в постель, погасил свет, а в соседней комнате все не утихали шаги Тамары. Она ходила из угла в угол, паркет поскрипывал, выдавая каждый шаг. И Олег уже не мог уснуть. «Как-то глупо у нас получается, — подумал он. — Она мне нравится? Конечно! Я ей? Скорее всего, да. Иначе не оставила бы ночевать. Я выспался, пришел в себя... Так что же я тут лежу? Она может разозлиться и даже возненавидеть меня. Моя бывшая жена призналась

как-то, что с ней чуть такое не случилось — потому что я не сразу начал к ней приставать...»

Он мучился этим вопросом до самого рассвета, едва ли не терзаясь угрызениями совести — как будто поступил непорядочно по отношению к Тамаре. Но за утренним завтраком она была куда веселее, чем накануне, и обиженной не выглядела.

— Нам нужно ехать к следователю, — решительно сказала она, когда гость доел яичницу. — Сегодня же. У меня есть его телефон, я сейчас позвоню. Вот они обрадуются!

— Ты думаешь?

— А как же? Ведь у них до сих пор нет никаких зацепок! Если бы не ты — просто не знаю, когда бы все это кончилось. А теперь я чувствую — конец близко!

«Хотел бы я знать, каков будет конец», — подумал Олег. Визит к следователю его вовсе не впечатлял. Только вчера Николай подал ему руку на кладбище, над могилой своей жены. Только вчера радовался, что та не писала никакого заявления и он вышел сухим из воды. И просил, чтобы Олег не усугублял ситуацию, не вредил ему... А он именно это и собирается сделать. Если рассказывать — то рассказывать все.

«А Нина ничего никому не рассказала. Куда же все-таки она ездила в понедельник, когда отключила мне будильник и телефоны? Почему скрыла правду? Ведь в тот момент она была уверена, что ее пытался убить муж!»

Тамара снова отменила все занятия. Потеря денег ничуть ее не огорчала — похоже, она ни в чем не нуждалась. Она села на телефон, обзвонила всех учеников, а затем попыталась дозвониться следователю, который вел дело ее свекрови. Но поговорить в кон-

це концов удалось только с помощником. Тамара осталась очень недовольна:

— Говорят — приезжайте, рассказывайте, что у вас нового. Прямо как в гости на пироги зовут. Ничего им не интересно, и самого следователя сегодня не будет, так мне сказали.

— Да они ко всему привыкли, — заметил Олег, — не жди от них бурных эмоций!

— Едем, — решила она. — А то боюсь, ты передумаешь. Что это за странная дружба с мужем Нины? Все-таки вы, мужики, непостижимый народ! Бабы друг другу глаза бы вырвали на вашем месте, а ты собираешься его покрывать!

* * *

При всем нежелании выдавать этого человека Олег был вынужден это сделать. С того момента, как Тамара решительно представила его помощнику следователя, а тот отыскал имя Олега в бумагах, касающихся смерти Марии Игоревны Седенко, обратного пути не было.

Олег вкратце напомнил, при каких обстоятельствах обнаружил труп на скамейке. Но на этот раз он поведал также о том, что на этом самом месте и приблизительно в то же время ему самому назначила свидание другая женщина. Помощник следователя взглянул на Тамару — но та покачала головой.

— Нет, это была в самом деле другая женщина, — смущенно пояснил Олег. — Моя старая знакомая... Она погибла в прошлую среду.

После этого его стали слушать более внимательно. Олег рассказал о том, что его знакомая просила у него помощи и убежища. Описал историю всех совершавшихся покушений. И никак не смог обой-

ти появления царапин на крыле ее собственной машины.

— Царапины и сейчас там, — сказал он. — И хотя Нина не была уверена, что это та самая машина... Но похоже, именно та.

— Ее собственная «хонда»?

— Да. Вторые ключи от машины пропали у нее еще в начале осени. Кто был за рулем — неизвестно, но только не муж. Тот был на рабочем совещании, есть много свидетелей.

Олег закончил рассказ описанием гибели Нины. Ее фамилию записали и пообещали связаться с теми, кто ведет это дело. Но Тамара не считала рассказ оконченным.

— Самое главное, — вмешалась она, — то, что женщины были знакомы! Нина когда-то работала в той же библиотеке, что и моя свекровь! Под ее началом, можно сказать. Вот, нашлась фотография той поры.

И она положила на стол улику. Ее поблагодарили за помощь, но помощник следователя был явно озадачен таким поворотом дела.

— Олег, почему ты молчишь? — возмутилась Тамара. — Помнишь, что ты говорил? Что Машу... Марию Игоревну могли убить вместо твоей Нины!

— Повторите-ка еще раз, — попросил их молодой человек. Теперь он смотрел на них с крайним недоумением. Наверное, самой большой загадкой для него оставались взаимоотношения этой странной пары.

— Я так думал, — запинался Олег. — Потому что сам сперва обознался, знаете, в темноте... У них были очень похожие пальто, с такими белыми воротниками. И прически тоже примерно одинаковые. Я думаю, что Мария пришла туда раньше, и вот... Это случилось.

— А ваша знакомая?

— Она опоздала. Отвозила мужа в аэропорт, дочь к матери... Ну и задержалась. Когда она туда пришла, уже все было кончено.

Помощник следователя выслушал все с крайним вниманием, но удивленное выражение по-прежнему не покидало его лица. Подумав минуту и просмотрев какие-то записи, он наконец задал вопрос, которого больше всего боялся Олег.

— А как Мария Игоревна вообще туда попала? Ее что — тоже позвали на свидание?

Олегу показалось, что в его голосе прозвучала легкая ирония. Но сдержался и спокойно ответил, что об этом ему ничего не известно.

Тамара снова вмешалась:

— А как же иначе? Конечно, Нина ее позвала, или она сама пришла ей на помощь! Это не может быть совпадением! Они ведь были знакомы!

На улице Олег с трудом перевел дух:

— Тебе не кажется, что мы задурили ему голову? Набросали слишком много фактов!

— А раньше их было слишком мало. Ничего, теперь они разберутся.

— Только боюсь, что первым делом примутся за Николая, — мрачно ответил Олег.

— Да тебе-то что? Кто он тебе?

— Никто, меньше, чем никто. Только... Понимаешь, он вел себя в этой ситуации как человек. Никакого злопамятства, а ведь я и его жена...

Тамара взяла его под руку:

— Это все психология. Может, он просто хотел втереться к тебе в доверие.

— Может быть. Но знаешь, что я тебе скажу? Если бы Николай был виновен — то первым делом хорошенько отремонтировал бы свою машину! А он

так и ездит на исцарапанной! А потом — что это за глупость — сбить Нину еще раз! Это же подводит его под монастырь!

Тамара ничего не желала слышать. Она сказала, что Николаю придется доказать свою невиновность — только и всего. Ему же лучше — не придется всю жизнь оправдываться. Зато у Олега теперь совесть чиста — он сделал то, что давно должен был сделать.

— Нина была очень мягким человеком, раз не донесла на мужа, — сказала она. — Может, потому и погибла, что была чересчур доверчива. Хватит переживать за ее мужа! Думаю, он достаточно взрослый человек, чтобы позаботиться о себе!

Они поравнялись с машиной Олега, но почему-то, не сговариваясь, прошли чуть дальше. Тамара первой замедлила шаг, оглянулась:

— Ты никуда не спешишь?

— Нет. Правда, дома лежит работа, но она подождет.

— Хорошо быть свободным художником, правда? — улыбнулась она. — Я это очень оценила, когда стала заниматься с учениками на дому. Знаешь, как трудно было найти клиентуру, особенно вначале!

— Скажи, а как ты придумала такой ход — раскладывать свои визитки по книгам?

Олег почти бессознательно двинулся дальше. Тамара покорно шагала рядом. Она рассказывала, что сперва обращалась в газеты, публиковавшие частные объявления. Но звонили самые неподходящие люди, вплоть до маньяков, которым нужен был просто приятный женский голос по телефону.

— А с одним из них я так попалась, — грустно и в то же время иронично призналась она. — Говорил по телефону как нормальный человек, хотел зани-

маться. Я пригласила его домой, ну и... Словом, пришлось отбиваться всем, что под руку попалось!

Олег спросил: не страшно ли ей впускать в дом незнакомых людей? Ведь она живет одна, у нее даже собаки нет! Тамара пожала плечами:

— Теперь, когда у меня постоянная клиентура, уже не так страшно. А сперва я ужасно трусила! Дело наладилось, когда я придумала эти визитки в книгах. Почему-то мне казалось, что сексуальные маньяки и воры редко перелистывают книги в магазине. Наверное, я была наивна, но пока ни разу не было осечки.

Помолчав, она добавила, что свекровь очень за нее переживала, узнав, что она будет заниматься с учениками на дому.

— У Маши были те же страхи, что у тебя. Она иногда приезжала, если у меня был урок, и сидела в другой комнате... Охраняла, как маленькую!

— Вы друг друга очень любили, — заметил Олег почти про себя.

Но Тамара все-таки его услышала. Она промолчала, но ее рука крепче сжала его локоть сквозь рукав куртки.

— Куда это мы идем? — спросила она наконец. — Ты решил бросить машину?

И Олег решился. Каким-то ненатуральным голосом он предложил провести этот вечер как-нибудь весело. Например, сходить в театр или в оперетту, если Тамара это любит. Он согласен даже на ночной клуб, хотя считает, что для дискотеки уже староват.

И тут Тамара в очередной раз его потрясла. Весьма строгим учительским тоном, который Олег уже успел невзлюбить, она напомнила, что не так давно погиб близкий ей человек. Да и он сам, насколько она поняла, пережил потерю. О какой оперетке или дискотеке может идти речь?

Олег просто остолбенел от этой неожиданнной отповеди. Потом попытался оправдаться — он-де никого не хотел оскорбить, но, в конце концов, нельзя же все время предаваться унынию... Тамара отрезала:

— Ты со своим горем уже разобрался, как я вижу. Интересно, что бы на это сказала Нина? Только вчера ее похоронили, а сегодня тебе захотелось в оперетту!

— Как тебя задела оперетта! — съязвил Олег. Он чувствовал, что в чем-то его новая знакомая права, но какое ей дело до Нины? Кто она такая, чтобы читать мораль? Кто, в конце концов, оставлял его ночевать? И как, по ее мнению, это выглядело?

— Меня не оперетта задела. — Тамара отняла у него руку и с вызовом взглянула ему в глаза. — Мне надоело равнодушие! Всем друг на друга наплевать! Стоило твоей подруге погибнуть — как тебе уже и в милицию идти не хотелось! Ты бы и не пошел, если бы я тебя не отвела за ручку!

— Откуда ты знаешь?

— Вижу! Я думала, ты ее любил!

«Ну хватит, — подумал Олег. — Это уж слишком. Какая-то полиция нравов наоборот!» И довольно язвительно заметил, что надеется самостоятельно разобраться в своих чувствах. Целый год у него это получалось, бог даст, справится и теперь.

Тамара слушала его с каким-то странным, непередаваемым выражением — будто его слова причиняли ей боль, — но не перебивала. Потом взглянула на часы и молча пошла прочь — в сторону метро. Олег сделал несколько шагов ей вслед, но остановился. «Как — даже не прощается! Кто ее поймет?! Она еще хуже Нины — та, по крайней мере, сразу предупредила о своих недостатках! Что я такого сказал,

в конце концов? Она что — ревнует меня от имени Нины? Или просто ревнует?! Ко мне самому?!»

Догонять Тамару было поздно — он видел, что та спускается под землю, быстро прихватывая перила затянутой в блестящую перчатку рукой. «Ну уж нет, не буду я ее догонять и изображать из себя Орфея! Пускай спускается в свой ад одна!»

Он вернулся к машине, настроил радио на любимую станцию и поехал домой. По пути заглянул в магазин — холодильник снова опустел, в последнее время ему некогда было заниматься хозяйством. Все это время Олег продолжал мысленно ссориться с Тамарой, как некогда ссорился с Ниной, если та уходила, оставив последнее слово за собой. И чаще всего это были несправедливые, обидные слова!

Олег припарковал машину под окнами, перекинулся парой слов с соседом — тот всегда ставил свою «Волгу» рядом. Соседу явно очень хотелось узнать, куда подевалась примелькавшаяся во дворе синяя «хонда» со столь же приметной хозяйкой, но от прямых вопросов он воздержался. Олег его разочаровал — не обмолвился об этом ни словом.

Поднимаясь к себе, он обдумывал дальнейший план действий. Собственно, действовать совсем не хотелось. «Сейчас первым делом — горячая ванна. Ненавижу ночевать в гостях, невозможно расслабиться. Потом поужинаю и лягу спать. Выспаться все равно не удалось. Когда встану — тогда встану. Специально не буду заводить будильник. И сяду за перевод — сколько можно тянуть, получится то же безобразие, что и в прошлый раз...»

Олег достал ключи, попытался отпереть верхний замок, но почувствовал что-то неладное. Ключ поворачиваться не желал. Олег нажал ручку — дверь охотно приоткрылась.

Первой мыслью было: «Забыл запереть, когда ехал на похороны, совсем голову потерял!» Вторая: «Не может быть!»

Он осторожно переступил порог и с первого взгляда понял — тут кто-то побывал. Платяной шкаф в прихожей — настежь, вещи на полу. Олег бросился в комнату и увидел, что все книги — любимые, годами стоявшие на своих местах — сброшены и безобразной кучей валяются на ковре. Ящики письменного стола лежали по углам, бумаги оказались рассыпаны по всей комнате. Олег почувствовал себя так, будто разом хватил стакан водки — у него даже поплыла голова, но от этого как будто полегчало...

Он с трудом пришел в себя, первым делом проверил, нет ли кого в квартире, и мгновенно убедился — он здесь один на один с ужасающим разгромом. Все, что можно было открыть, вывернуть и взломать, — было открыто и взломано. Содержимое мусорного ведра валялось прямо посреди кухни.

Олег опустился на табуретку и некоторое время сидел, тупо разглядывая окружавший его натюрморт. Он не ощущал даже раздражения — настолько был потрясен. Его грабили впервые в жизни — а это был явный грабеж.

Потом явилась смутная мысль о деньгах. Он только что получил гонорар... Но деньги были у него при себе, в куртке. Компьютер остался на месте — он заметил это сразу, едва войдя в комнату. Телевизор тоже никого не заинтересовал. Да и немудрено — это был настоящий ветеран отечественной радиотехники. Олег относился к нему с почтением, как к вымирающему виду, и включал очень редко — еще и потому, что лица на экране троились и выглядели нездорово-розовыми.

В прихожей он поднял с пола новенькую кожаную куртку с вывернутыми карманами. В комнате обратил

внимание на уцелевшие хрустальные фужеры — мамин подарок. Она хотела, чтобы у сына была приличная посуда для гостей — подразумевались потенциальные невесты. Все, что имело какую-то ценность, осталось на месте. О никому не нужном барахле, вроде старой одежды и книг, и говорить не приходилось.

«Да, у меня особо не поживишься, — подумал Олег. — Что они искали? Думали, я прячу где-то кучу денег? Откуда они это взяли, придурки?» Однако хорошее настроение не возвращалось, несмотря на то что грабеж, в сущности, не состоялся. Противнее всего было сознавать, что кто-то с легкостью вошел в его квартиру. А ведь дверь была стальная, и Олег считал ее надежной защитой.

Он осмотрел замки — все они действовали, как прежде, и взломаны не были. «Мастер, который ставил дверь, говорил, что эти замки — турецкое барахло, нужно что-то другое, покруче. А я пожалел денег! Но мне же нечего было охранять!»

Однако кто-то, видимо, считал иначе.

Глава 14

— А я тебе говорю — это ее рук дело!

Вчера ночью, вернувшись из театра, они были слишком потрясены увиденным, чтобы сразу приняться за уборку квартиры. Наутро оба, как обычно, отправились на работу. А вечером, едва вернувшись домой, принялись наводить порядок.

Однако было ясно, что это займет несколько дней. Тесная двухкомнатная квартирка, от пола до потолка забитая мебелью и прочими пожитками, выглядела так, будто все ее содержимое провернули в гигантском миксере. Одежда, книги, старые газеты, кухонная ут-

варь — все было вверх дном. Вчера, переступив порог, Лика от потрясения расплакалась. Она металась по комнатам на подламывающихся каблуках, так и не сняв вечернего платья, и размазывала по лицу слезы вперемешку с косметикой.

Валерий отреагировал совсем иначе. Он казался спокойным — пожалуй, даже излишне спокойным. Но, обнаружив треснувшее стекло в серванте, неожиданно ударил по нему кулаком. Стекло рассыпалось, а он сосредоточенно облизал слегка оцарапанную руку. Лика сразу перестала плакать.

Они были настолько потрясены, что даже не строили никаких предположений. Лика сразу бросилась проверять свою музыкальную шкатулку с «драгоценностями». Она тоже была открыта и чьей-то небрежной рукой отброшена в угол. Цветной пластик треснул, бижутерия и потемневшие серебряные украшения высыпались на пол. Одну брошь раздавила чья-то подошва, и багровые стеклышки превратились в мелкую пыль. Правда, шкатулка продолжала исправно издавать заунывные электронные звуки, но даже это не обрадовало ее хозяйку.

Ни золота, ни драгоценностей не украли, поскольку в доме их вообще не было, но Лика все-таки чувствовала себя обокраденной. Валерий с трудом уговорил ее лечь спать — она была перевозбуждена и совершенно забыла о том, что завтра нужно идти на работу.

Сейчас оба немного успокоились и, осмотрев квартиру как следует, поняли, что у них ничего не украли. И вот тогда-то Лика вынесла приговор: все это устроила бывшая жена Валерия, исключительно из чувства мести.

— На черта это ей, — мрачно ответил Валерий, расставляя на полках книги.

— А просто так, чтобы мне досадить! Ты не видел, как она в воскресенье рассматривала мое платье! Как будто я его украла!

— Да брось, Тамара никогда бы такого не сделала.

— Ну конечно, она хорошая, а я плохая! Она умная, а я дура! — Лика постепенно повышала голос, и уже было ясно, что тирада закончится визгом. — Ты мне все время это говоришь! Зачем же тогда развелся?!

— Заткнись, ладно? — спокойно попросил ее Валерий.

На секунду Лика и в самом деле замолчала, но тут же накинулась на него с удвоенной силой. Она припомнила все обиды — начиная с тех, которые он ей нанес еще два года назад.

Это был обыкновенный служебный роман — из тех, которые кончаются ничем. И он кончиться должен был очень скоро, потому что Валерий был недоволен своим местом и подыскивал себе другое. В то время он работал водителем микроавтобуса в большой торговой фирме. Каждый раз, устраиваясь на новую работу, Валерий надеялся, что наконец-то нашел то, что нужно. И каждый раз среди его знакомых находился человек, который устроился куда лучше — и работы меньше, и зарплата выше. Валерий начинал мучиться, считать себя обманутым, обойденным судьбой и в результате нигде подолгу не задерживался.

Напротив, Лика считала, что ей очень повезло с новым местом. В то время она как раз закончила курсы секретарей-референтов и думала, что это большой прорыв. В ее семье, где никто не получал образования выше восьмого класса, владение пишущей машинкой или компьютером считалось чем-то исключительным. Девушка была честолюбива и твердо решила никогда не заниматься физическим трудом и

не поднимать ничего тяжелее телефонной трубки. Однако вскоре она обнаружила, что диплом ее курсов ни в одной солидной фирме не котируется и рассчитывать на высокую зарплату нечего. Кроме того, ее знание английского оказалось совершенно недостаточным даже для простого телефонного разговора. Это было неприятным сюрпризом. На курсах ей об этом не говорили. И когда ей наконец удалось устроиться в фирму, где работал Валерий, Лика была счастлива, и даже мизерная зарплата ее не огорчала.

Несколько раз Валерий возил на своем микроавтобусе Лику с какими-то документами — на первых порах она работала чуть ли не курьером. Скромная, бесцветная девушка с сонным взглядом не привлекала его внимания. Тамара была куда ярче, а его тянуло именно к таким женщинам. Лика выглядела так, будто ее нарисовали простым карандашом, затем, решив, что вышло неудачно, стали стирать резинкой, а потом и вовсе бросили это дело на полдороге — живи так!

Однако вскоре Валерий начал приглядываться к девушке внимательнее. Его заинтересовал ее восхищенный взгляд — так на Валерия не смотрела еще ни одна женщина, включая его жену. Лика была робка, и самое большее, на что она отваживалась, — это попросить у него сигарету или зажигалку, не изобретая более сложных поводов заговорить. И в конце концов ему стало нравиться в ней именно то, что прежде отталкивало.

Лика была нейтральна, тиха, и рядом с ней любой мужчина чувствовал себя уверенным, сильным, ярким. А рядом с Тамарой Валерий всегда тушевался, отступал на второй план. И сам признавал, что так нужно, иначе просто быть не может. Кроме того, Тамара получила высшее образование и занималась

таким делом, смысла которого муж даже не понимал. Если бы кто-нибудь сказал Валерию, что он выбрал себе жену, чем-то похожую на мать, он бы только рассмеялся — ведь они такие разные! Но обидней всего было то, что у этих двух женщин всегда находилась тема для разговора, а когда он входил в комнату — они замолкали.

С Ликой он мог говорить сколько угодно, не боясь показаться ни глупым, ни скучным. Она смотрела на него снизу вверх — по причине, известной только ей одной. В конце концов все случилось само собой — в том самом микроавтобусе, припаркованном на заднем дворе. Другого места для встреч они так и не нашли. Лика жила в коммунальной квартире, в одной комнате с младшей сестрой, а привести любовницу к себе Валерий никогда бы не решился.

В конце концов об их связи узнал весь младший персонал. Это была не такая потрясающая новость, чтобы вызвать долгие пересуды, но все-таки многие удивлялись. Валерия как-то видели вместе с женой, и никто не мог понять, почему этот видный парень, женатый на настоящей красавице, выбрал в подруги такую невзрачную девицу.

Тамара узнала обо всем случайно. Как-то в конце рабочего дня она оказалась неподалеку от места работы Валерия и зашла к мужу, рассчитывая, что он отвезет ее домой на служебном автобусе — Валерий часто парковал его у себя во дворе.

Ей услужливо сообщили, где она может найти мужа. Молодую женщину удивили странные, предвкушающие взгляды, которыми ее провожали к выходу во двор. Дверь знакомого микроавтобуса оказалась незапертой. Оттянув ее в сторону, Тамара увидела картину, не требовавшую никаких комментариев. Позже, когда Валерий пытался ей объяснить, как глупо все

получилось, она не желала слушать. И на все оправдания отвечала:

— Я это видела.

Тамара сама подала на развод. Казалось, она ослепла и оглохла — не слушала никаких уговоров, отвергала любые дружеские советы и просьбы. Когда от нее отступился Валерий, семью пытались спасти родственники. Все — дальние и ближние, за исключением свекрови. Та, узнав причину развода, замкнулась в себе и даже не пробовала переубедить сноху.

Валерий был потрясен. Ни разу за все время своего нелепого и в общем-то ненужного ему романа он не предполагал, что все может закончиться таким образом. И что ему теперь остается делать? Жениться на Лике? Абсурд! В ту пору, когда он еще пытался переубедить жену, в качестве главного довода приводился именно этот. Он не собирается жениться на той девушке! Она ему совсем не нужна! Это была глупость, случайность, такое больше не повторится! Он уйдет с этого места, дает слово, что больше ей никогда не позвонит, не будет искать встреч...

Тамара его будто не слышала, и в конце концов он был вынужден подчиниться. Жена ушла из его жизни, ничего с собой не взяв — ни приобретенной за годы совместной жизни мебели, ни его подарков (признаться, их было немного), ни купленной ею самой кухонной утвари. После ее ухода в квартире ничего не изменилось.

А через несколько дней в доме появилась Лика — так же тихо, почти незаметно, как она вошла в его жизнь. Девушка просто вызвалась поухаживать за его матерью — Мария как раз слегла от очередного приступа ревматизма и не могла заниматься хозяйством. Валерий согласился машинально, едва понимая, что он делает. После развода он ходил в легкой простра-

ции, а по вечерам выпивал не одну бутылку пива, как обычно, а три. И только увидев расширенные, почти безумные глаза матери, сын слегка смутился. Но тут же оправился и почти с вызовом представил ей свою новую подругу. Мария не сказала ни слова против.

Лика вела хозяйство не слишком умело. Это был ее первый подобный опыт, прежде она жила на попечении матери. Обеды получались пресными и чем-то похожими на саму Лику, по углам скапливалась пыль, из раскрывавшихся шкафов постоянно выпадали небрежно сложенные вещи. Но были у нее и положительные качества. Если Валерий выговаривал ей за невкусный обед или плохо выглаженную рубашку, Лика тут же признавала свою неумелость и просила прощения. А если в редких случаях он ее хвалил — девушка чудесным образом расцветала, становясь почти привлекательной.

Лика все делала медленно, но верно. Сперва она задержалась в этом доме до выздоровления Марии, потом осталась еще «на недельку» — оказалось, что младшая сестра воспользовалась ее отсутствием и привела к себе в комнату жениха, так что места для Лики там больше нет. В соседней комнате живут их родители — к ним тоже вторгаться неловко. А вокруг — недружелюбная коммуналка. Податься некуда... Можно она поживет здесь еще немного? Вряд ли у сестры с этим парнем что-то серьезное, так что место скоро освободится.

«Неделька» длилась сперва месяц, потом — три... В конце концов она растянулась на два года, и за это время Лика стала в этом доме полновластной хозяйкой. Валерий отдавал ей зарплату — как отдавал прежде жене. Она смело выговаривала свекрови за упущения по хозяйству — совсем так, как

прежде выговаривал ей самой Валерий. Возможно, девушка не задержалась бы здесь надолго, но случилось невероятное — Валерий начал ее ревновать.

Никаких причин для этого не было, кроме одной. Лика ни за что не соглашалась пойти в ЗАГС и узаконить отношения. Он предложил это еще год назад, затосковав по какой-то определенности, и, в общем, без особого энтузиазма — но девушка сразу отказала.

— Я всю жизнь прожила в коммуналке, — оправдывалась Лика. — А теперь чем лучше? Бьюсь, как рыба об лед, никаких прав не имею... Конечно, ты хорошо ко мне относишься, но я тут никто. Твоя мама все равно все делает по-своему.

— При чем тут моя мама?

— Конечно ни при чем, — скромно ответила девушка.

— Давай вообще забудем об этом?

Он был потрясен отказом. Ему казалось, что он делает ей большое одолжение, предлагая вступить в брак. И вдруг... Валерий решил, что она попросту капризничает, набивая себе цену. Кому она нужна-то, кроме него?

Вскоре предложение было сделано повторно — опять же в виде эксперимента. Но было отвергнуто так же решительно и мгновенно, как в первый раз. Валерий занервничал. Не может быть, полагал он, что причина только в его матери. Тут что-то не то. Если Лика не собирается за него замуж — зачем тут остается? Поджидает более выгодного жениха? Ищет другую партию? А вдруг уже нашла?!

С этого момента он, сам того не замечая, стремился только к одному — чтобы она, наконец, согласилась стать его женой. Когда погибла мать, он сразу подумал об этом. Согласится ли она теперь?

— Как ты можешь думать об этом сейчас? — удивилась Лика. — Не ожидала от тебя!

— Да ты же сама говорила, что из-за нее не хочешь за меня выходить! — рассердился Валерий. Он сам не знал толком, на кого злится: на упрямую невесту или на себя самого — что снова выбрал такой неудачный момент.

Но Лика начисто забыла о своих прежних сомнениях. Она ответила, что мама никогда ей не мешала. Что все эти два года она просто проверяла свои чувства. А выходить замуж сейчас — значит настроить против себя всех родственников Валерия. Они и так ее ненавидят. Уговоры не подействовали — Лика настояла на своем и осталась в доме на положении невесты.

Он так рассчитывал на вчерашний поход в театр! Впервые они шли куда-то вместе — нарядные, свободные... Дома их не ждал ничей укоризненный взгляд — раньше ему все время становилось не по себе, когда мать на него смотрела. Возможно, он просто не мог забыть выражения ее глаз в тот день, когда впервые привел в дом Лику...

И вот такой удар! Валерий точно решил, что, вернувшись из театра, поставит вопрос ребром — да или нет, идти в ЗАГС или расставаться. А теперь...

Вчера Лика металась по квартире, как безумная, и не знала, на каком она свете. А сегодня, с места в карьер, принялась обвинять Тамару.

— Да ты просто сдурела! — кричал Валерий, забыв о всякой дипломатии. — Говорю тебе — она тут ни при чем!

— Давай-давай, выгораживай ее! — Лика больше не плакала. Ее лицо исказилось от гнева, глаза стали ярче, а черты как-то значительней. Она была совершенно не похожа на себя, Валерий ее просто не

узнавал и потому желал еще сильнее. — Она никак не может от тебя отвязаться, потому и шляется сюда! Хочет нам помешать!

— Да чему помешать, дуреха?! — не выдержал он. — Ничего же нет!

Лика задохнулась:

— Как ничего?! Два года вместе — это ничего?!

— Да ты же не выходишь за меня замуж!

— Если только в этом дело... — Она немного поутихла, коснувшись опасной темы, но тут же взорвалась с новой силой: — Я, может, потому и отказывала тебе, что ты все еще ее любишь!

— Вранье!

— А как ты на нее смотришь, когда она сюда является? Как ты разговаривал с ней на похоронах?!

— Я почти и не разговаривал...

— А как смотрел?! Как кот на сливки! А зачем она вчера сюда явилась? Нагадить, напакостить!

— Да она о маме спрашивала! Ты же подслушивала за дверью!

Лика мотнула головой — растрепанные светлые волосы разлетелись по плечам. С горящими глазами, в которых пугающе выделились суженные сумасшедшие зрачки, она закричала, что ничего не подслушивала и вообще вошла только в самый последний момент, когда они уже опаздывали в театр.

— Говорю тебе — твоя Тамара никак не может успокоиться, что ты ей изменил! Два года прошло, а она все еще не остыла! Она просто мечтает, чтобы ты меня бросил! Стала мне выговаривать, что дома грязно, что я плохая хозяйка! Да какое ей дело до этого, если она тебя забыла!

Однако, что бы там ни говорила невеста, Валерий не верил, что подобный погром могла устроить Тамара. Он не мог представить, что она рыщет по

квартире, бьет посуду, переворачивает все вверх дном.

— По-твоему, она караулила, когда мы уйдем в театр, и потом вернулась? А как она сюда попала, по-твоему?

— Она тут жила и наверняка унесла свои ключи!

— Она все оставила!

— Значит, заранее сделала копию! На всякий случай! — Лика даже слегка застонала от этой мысли. — Когда-нибудь она явится сюда и зарежет нас во сне! Вот увидишь!

Это рассмешило Валерия, хотя Лика явно рассчитывала его напугать. Она надулась:

— Ладно, тогда скажи, на что это похоже? Нас же не ограбили, ничего не взяли! Но во что превратили квартиру! И раздавили мою брошку, самую любимую!

— Да откуда ей было знать, что эта брошка любимая!

— Поверь мне — это месть! Твоя Тамара решила испортить нам начало новой жизни! Знает, что мы остались одни, что ее любимую Машу наконец убили, и вот...

Но тут Валерий посерьезнел. Она не смеет говорить в таком тоне о его матери! Он этого не потерпит! И как всегда, от его повелительного голоса Лика сразу притихла. Она стала прежней — только глаза блестели как-то непривычно и слегка дрожал голос. Особенно когда она спросила: что же им делать? Поменять замки и все забыть? Или все-таки заявить в милицию?

— Зачем же в милицию? — все еще сердито спросил Валерий.

— А как иначе? К нам тут шляется бог знает кто... Сам же испугался, когда приходил тот мужик. Будто

бы из милиции, а сам непонятно кто! Явно наводчик! Все осмотрел, чтобы потом ограбить!

— У нас нечего красть.

— Ну ладно, а та баба? Она, по-твоему, тоже заходила к нам случайно? Это было совсем недавно!

И тут он наконец согласился с нею. Тот визит недельной давности в самом деле выглядел очень подозрительно.

Лика в прошлый понедельник допоздна задержалась на работе — а то бы она и на порог не пустила странную визитершу. Валерий вернулся первым и только собрался закусить оставшимся от вчерашних поминок салатом, когда в дверь позвонили. Он совсем этому не удивился — вчера здесь было столько народу, возможно, кто-то что-то оставил. Но, открыв дверь, увидел на площадке совершенно незнакомую женщину.

Впрочем, ничего подозрительного в ней не было. Одета прилично, в руке — дорогая блестящая сумка. Слегка растрепанные темные волосы, массивные очки, застенчивая улыбка — нет, она не выглядела воровкой.

Женщина извинилась, спросила: не здесь ли живут Седенко? Узнав, что попала куда нужно, неожиданно расплакалась — во всяком случае, Валерию так показалось. Женщина сняла очки, быстро вытерла глаза и сообщила, что случайно узнала о смерти старой знакомой. Когда будут похороны?

— Уже были, вчера, — ответил ошеломленный Валерий. — А вы, извините, кто?

Визитерша покачала головой. Конечно, он ее не помнит, а вот она-то его знает! И назвала по имени. После этого Валерий просто не мог не впустить ее в квартиру. Женщина никак не могла успокоиться. Она то надевала, то снимала очки, озиралась по

сторонам и повторяла, что никогда себе не простит, что не была на похоронах. Валерий даже не знал, как ее утешить — она была взволнована куда больше, чем он сам вчера, на кладбище.

Потом женщина попросила стакан воды. Валерий выполнил ее просьбу, но этим дело не кончилось. Гостья расположилась на диване, отпила глоток и сказала, что ей нехорошо. Сердце пошаливает — слишком разволновалась. Ведь у Маши тоже было больное сердце, правда?

Валерий мало-помалу начал раздражаться. Визитерше явно хотелось поговорить, вспомнить покойную, а ему больше всего хотелось есть. И не от какого-то исключительного бесчувствия, а просто потому, что утром он с похмелья проспал и не успел позавтракать. Отпуск на работе по случаю похорон ему не дали — Валерий и так был на плохом счету, а начальство сентиментальностью не отличалось и никаких законов не признавало. Охотнее всего его бы просто уволили.

Наконец хозяин предложил гостье поужинать с ним. Как у него вырвалось это приглашение — Валерий сам не понял. Но после поминок осталась водка, хотелось похмелиться, а делать это в одиночку неудобно. Тем более, что женщина так переживает...

Но та неожиданно отказалась помянуть покойницу. Помявшись, гостья попросила разрешения немного посидеть в одиночестве — вот на этом диванчике. Она просто попьет воды и немного придет в себя. Валерию не очень хотелось оставлять женщину одну — все-таки он был с ней не знаком, хотя она утверждала, будто знает его. Но все-таки пришлось согласиться.

Валерий наскоро перекусил, выпил рюмку-другую, отрезал кусок подсохшего пирога. Все это вре-

мя он прислушивался к тому, что делает в комнате гостья, и пытался вспомнить, где и когда они могли видеться. Ему казалось, что она должна быть его ровесницей. Может быть, в детстве? Она называла его мать просто Машей, и это немного озадачивало Валерия. Так же, как озадачивала и раздражала его манера Тамары звать свекровь просто по имени. Ему казалось, что это ненормально, но Тамара в ответ смеялась:

— Я не могу называть ее Марией Игоревной. Так звали мою классную руководительницу.

Так ничего и не вспомнив, Валерий вернулся в комнату и снова пригласил гостью к столу. Она к тому времени вполне пришла в себя. Во всяком случае, он застал ее возле книжного шкафа с каким-то увесистым томом в руках. Увидев его, женщина смутилась и сказала, что ей получше, но ни есть, ни пить она все равно не хочет, спасибо за приглашение.

«А чего же ты хочешь?» — подумал он, начиная злиться. И прямо спросил, чем может помочь. Если нужны координаты кладбища и могилы — он готов их дать прямо сейчас.

Женщина смутилась:

— Да, конечно, нужны. Только я хотела спросить еще кое о чем. Маша ничего для меня не оставляла?

Он насторожился:

— Для вас? А вы кто?

Но она как будто не заметила вопроса.

— Понимаете, я недавно кое-что передала ей на сохранение, а она вдруг погибла... Небольшой сверток, вы должны были его заметить...

И тут Валерий окончательно уверился, что перед ним мошенница. Женщина требовала отдать то, что ей точно не принадлежало и более того — никогда не существовало. Никакого свертка его мать домой не

приносила и вообще не брала на хранение чужие вещи. Так он и заявил подозрительной даме, жалобно смотревшей на него сквозь стекла очков. И ему вдруг почудилось, что зрение у нее в полном порядке, а стекла в оправе — самые обыкновенные.

И тогда Валерий попросил ее представиться. Он не может ей ничего отдать, пока не узнает, с кем имеет дело.

Она страшно взволновалась:

— Все-таки она принесла сюда мой сверток?! Пожалуйста, отдайте мне его!

— Как вас зовут? Что-то не помню, чтобы мы были знакомы! Откуда вы знали мою мать?

Женщина прикусила нижнюю губу — ему потом часто вспоминался ряд ровных блестящих зубов, блеснувших на алой помаде. Она была накрашена до странности ярко, и ему с первого взгляда показалось, что это ей несвойственно. Она выглядела странно и как будто непривычно для себя самой. И эти бесполезные очки! Он слишком долго жил с близоруким человеком, чтобы теперь не распознать подделку.

— Ну вот что, хватит, — твердо сказал Валерий. — Или вы сейчас уходите отсюда, или я звоню в милицию.

— Ну зачем же так!

— Назовете вы свое имя или нет?

Вместо ответа, женщина стала рыться в сумке, а затем с нелепой улыбкой объявила, что забыла паспорт.

— Мне не паспорт нужен, а имя!

— Вы же не поверите на слово, — жалобно сказала она.

И в самом деле — теперь уже не поверил бы. Вот если бы гостья представилась сразу, тогда бы у него никаких вопросов не возникло. Неизвестно, чем бы

кончилось это противостояние — Валерий безуспешно пытался объяснить, что ничего не отдаст, не зная, о чем идет речь, женщина умоляла... Но тут наконец вернулась Лика.

Узрев в своем доме ярко накрашенную, хорошо одетую особу никак не старше тридцати лет, девушка превратилась в воплощенный упрек. Она кротко посмотрела на сожителя жалобными бесцветными глазами и молча ушла на кухню. Однако грохот посуды, тут же раздавшийся оттуда, никак не соответствовал этой кротости.

— Уходите, — повторил Валерий. — У меня ничего для вас нет. Мать все завещала мне.

— Но вы не понимаете, о чем речь! Она никому не могла завещать мое имущество!

— Да какое имущество?! Знаете, я сейчас позвоню в милицию, пусть разберутся! — не выдержал Валерий. — Был тут на днях один тип, тоже все задавал вопросы, заливал, что следователь. А потом оказалось, что никакой он не следователь, пришел с улицы. Так что — выход там!

Она все еще не двигалась с места. Ее спугнуло только то, что Валерий в самом деле снял телефонную трубку. Гостья круто повернулась на каблуках и мгновенно исчезла из квартиры. Остался только длинный шлейф ее духов да еще очки в качестве сувенира. В какой-то момент женщина их сняла да так больше и не надела. Валерий приложил очки к глазам и убедился, что был прав. Стекла оказались простыми, и он со своим стопроцентным зрением видел в них превосходно. Тут он окончательно решил, что гостья была обыкновенной мошенницей, пытавшейся его надуть.

Лику этот визит тоже взволновал — ревность перешла в страх, и она объявила, что дело нечисто —

вокруг его матери крутятся какие-то подозрительные люди. И не зря, не зря она погибла такой ужасной смертью! Добропорядочных граждан просто так не застреливают!

И сейчас Лика твердила, что она не может быть спокойна в квартире, куда являются то фальшивые следователи, то мошенницы в поддельных очках, то вообще какие-то погромщики! Лучше уж она уйдет обратно в коммуналку. Там хотя бы все предельно просто и понятно. Сволочи-соседи, пьяный отец, младшая сестра, меняющая четвертого парня за последний год... Ничего, ей не привыкать!

— Буду спать в прихожей на полу, но, по крайней мере, не попаду ни в морг, ни в сумасшедший дом!

И тут Валерий понял, что ему вовсе не хочется ее останавливать. Это открытие его поразило — в последнее время он только тем и занимался, что пытался привязать к себе Лику. А собственно, зачем? Она продолжала что-то говорить, ее рот открывался и захлопывался, на бледном лице застыло выражение обиды и ненависти... А он смотрел, слушал и не понимал, как мог так долго за нее бороться. С ума он сошел, что ли? Чем его околдовала эта никчемная, бесцветная бабенка?

И когда Лика снова заявила, что погром не обошелся без участия Тамары, а все эти подозрительные типы явно ее дружки, Валерий неожиданно заявил, что Лика может уходить когда ей заблагорассудится. Лучше всего — прямо сейчас. Он закончит уборку сам, это его не затруднит.

Она не поверила, и ему пришлось повторить. Лика растерялась, хотела заплакать, но была слишком обескуражена, чтобы выжать из себя хоть одну слезу. Она казалась совершенно сбитой с толку.

— Уходить прямо сейчас? — переспросила она. — Ночью?

На дворе в самом деле давно наступила ночь. Валерий глянул на темный квадрат окна и сказал, что до утра она может остаться. Заодно соберет свои вещи. А завтра он урвет у работы час-другой и перевезет ее багаж на служебной машине.

Только теперь Лика поняла, что он говорит серьезно. Она потрясенно опустилась на край стула и прошептала:

— Ты все еще ее любишь, я же говорила! Стоило мне на нее напасть — и ты уже гонишь меня!

Валерий хлопнул дверью — ее жалобный взгляд так раздражал его, что он боялся дать волю рукам. За дверью немедленно раздались рыдания. Их наверняка слышали соседи сверху и снизу, а уж тем более соседка за стеной... Но ему было все равно. Завтра пойдут слухи, что он выгнал невесту. О нем и так уже шепчутся — стоит показаться во дворе, как на него начинают коситься, сторонятся, как от чумного. Все из-за матери. Точнее, из-за соседки, которая распустила слух, что они травили покойную. Он очень хорошо помнил ту злополучную ссору из-за рыбы. В сущности, поэтому мама и сорвалась... Иначе промолчала бы, как обычно.

Когда она пообещала , что скоро они избавятся от нее навсегда, у нее было такое лицо, что Валерий испугался: не сошла ли она с ума? В тот миг она явно верила своим словам. Но это был абсурд. Уйти было некуда, мама сама знала это лучше, чем кто бы то ни было. Конечно, имелись родственники, но никто не согласился бы принять к себе еще одного жильца. Квартиры у всех, как на подбор, были небольшие и тесно заселенные. И потом, мама могла быть такой неуживчивой! Конечно, скандалов она не закатыва-

ла — этим занималась Лика. Но ее молчание иногда было хуже любого крика. Особенно когда она поднимала глаза и Валерий читал в них не то упрек, не то вопрос — короче, ужасно неприятно.

«А теперь и Тамарка узнала, что мама собиралась уйти. Ну куда бы она пошла? Разве что к самой Тамаре. Может, она это и имела в виду?»

Валерий снял телефонную трубку, поколебался и набрал знакомый номер. Он помнил его еще с тех времен, когда был женихом. Несколько цифр скрывали за собой пышные рыжие волосы, прищуренные близорукие глаза, голос Тамары — этот голос снился ему по ночам, даже когда перестало сниться все остальное. Он увидел ее на похоронах впервые после долгого перерыва и был потрясен тем, что она совсем не изменилась. Только смотрела на него совсем по-другому — подозрительно, упрямо.

— Да? — сонно ответил ее голос.

— Тома? Это я.

— С ума сошел? — очнулась она. — Ты знаешь, что уже...

— Да знаю, смотрел на часы. Слушай... Можно я приеду?

Это вырвалось почти случайно и тоже отдавало временами их первых встреч. Они виделись у нее, в той самой квартире, куда Тамара ушла жить после развода. Только тогда она жила там с какой-то теткой.

— С ума сошел, — повторила она, но уже как-то неуверенно. — Что случилось? Откуда ты звонишь?

— Из дома. Понимаешь, меня ограбили, то есть ничего не взяли, но все равно...

Тамара потребовала объяснений. Ее голос неожиданно зазвучал очень серьезно — а он-то думал, что она попросту пошлет его куда подальше! Валерий рассказал о том, что случилось вчера вечером,

когда он был в театре, и бывшая жена ни разу его не перебила. Рыдания в комнате утихли — там тоже прислушивались к его голосу.

— И ничего не украли? — переспросила Тамара, когда он умолк.

— Ничего. Да у нас и взять-то было нечего. Хотя... Могли бы унести телевизор.

— Ты заявлял в милицию?

— Думаешь, стоит заявить? Ничего же не пропало!

— А как они попали в квартиру? Дверь взломана?

Он ответил, что замки целы. Валерию не хотелось говорить об этом дальше — это уводило его в сторону от желанной темы. А он желал одного — чтобы она разрешила приехать. Желал уже давно, но в слова это вылилось только сейчас. Про Лику он попросту забыл, до такой степени она была ему больше не нужна.

— Так можно мне приехать?

Молчание. В трубке слышалась приглушенная знакомая музыка — откуда-то пробивалась радиоволна. Но музыки ее голоса не было слышно.

— Не стоит, — наконец сказала она. — Я уже сплю. Что тебе взбрело в голову?

— Я снова один, — признался Валерий. В эту самую минуту за его спиной приоткрылась дверь. Лика наверняка стояла на пороге и все слышала. Но ему было все равно,

— Вот оно что, — после короткой паузы ответила Тамара. — И все равно, не стоит приезжать. Скажи мне лучше — к тебе никто не обращался насчет какой-нибудь вещи, которую Маша брала на хранение?

Он так расстроился, что чуть было не ответил «нет» и не бросил трубку. Но в следующую секунду до него дошел смысл вопроса.

— Откуда ты знаешь? — воскликнул он. — Так она в самом деле что-то брала у той женщины?

— Говори, говори! Звонила какая-то женщина?

— Приходила!

— Почему же ты мне ничего не сказал вчера, когда я спрашивала...

— Да ты об этом не спрашивала! Ты спрашивала о тех днях, когда она погибла! Тогда никто не приходил и не звонил, я тебе не вру! А вот в прошлый понедельник, сразу после похорон, явилась какая-то подозрительная баба в фальшивых очках и чего-то от меня хотела! Говорила про какое-то свое имущество, которое я должен отдать, а маму называла просто по имени. Но я ее впервые видел!

— Кто она такая? Что она требовала отдать?

— Ничего не сказала, представляешь? Даже имени не назвала! Выглядела как сумасшедшая, чего-то боялась. Когда я сказал, что обращусь в милицию, сбежала — будто черти унесли! А выглядела... Наверное, твоя ровесница, волосы...

— Темные, глаза карие!

Он чуть не уронил трубку — Лика незаметно очутилась у него за спиной. Она широко распахнула глаза и указывала на телефон, что-то беззвучно шепча. Но что она хотела сказать, Валерий не понял. И почему Лика вдруг вмешалась — тоже.

— Темные, довольно длинные, причесана гладко. Глаза карие, — тем не менее повторил он. — Довольно видная из себя и одета хорошо. Кажется, у нее была красная помада.

— Накрашена, как проститутка, — вставила Лика. Но этого он передавать не стал.

Тамара некоторое время молча усваивала информацию. А затем спросила, какое пальто было на этой безымянной визитерше. Валерий крайне уди-

вился, но постарался припомнить. Тут очень пригодилась бы помощь Лики, которая наверняка разглядела ту женщину до мелочей, но ему не хотелось к ней обращаться. Наконец он вспомнил, но его ответ почему-то озадачил Тамару. Валерий сказал, что на странной гостье вовсе не было никакого пальто.

— Был только теплый свитер, сиреневый, кажется. И черные брюки. Наверное, она приезжала на машине.

— И она так-таки не сказала, чего хотела?

— Нет. Только намекала на что-то, но я не понял. Тамара, ты что — знаешь ее?

Лика пришла в крайнее возбуждение. Теперь ему удалось расслышать ее шепот. Она твердила: «Я же тебе говорю, это одна шайка-лейка! Ничего ей больше не рассказывай!»

— Срочно приезжай! — раздались в трубке слова, которых он уже не ждал. — Немедленно! Ты можешь взять такси?

— Конечно, — заторопился он. — Я буду через полчаса!

Когда Валерий повесил трубку и стал переодеваться, Лика буквально повисла у него на локте. Он стряхнул ее, но в следующую секунду она впилась в него с неожиданной силой:

— Не пущу! Не смей туда ездить!

— Какое ты имеешь право мне приказывать? Собирай свои вещи и езжай домой!

— Она заманивает тебя, неужели не понимаешь? Я не ревную, я просто боюсь!

— Да чего ты боишься, дура?!

За два года, которые они прожили вместе, Валерий не называл ее дурой столько раз, сколько за последние сутки. Но на Лику это никакого впечатления не произвело. Она плакала — на этот раз настоящи-

ми слезами и бурно умоляла его остаться, не соваться в логово врага. Валерий едва выбрался за дверь — она всерьез пыталась преградить ему дорогу.

— Тамара тебя ненавидит! — раздалось ему вслед. — Будь осторожен!

— Не ори на весь дом, дурища, — весело донеслось снизу. — Когда я вернусь, чтобы духу твоего тут не было!

Глава 15

Ближе к полудню, когда Николай уже собирался уезжать в ресторан, позвонил следователь, ведущий дело его жены. Лизе было приказано в таких случаях соединять сразу. Переговорив, Николай быстро собрался в путь. Перед уходом он велел принести обед из ресторана прямо в кабинет — но доставить блюда не раньше, чем через полтора часа, чтобы не слишком остыли. Он выглядел встревоженным и на участливый вопрос, не открылись ли новые факты, ответил, что все может быть.

Однако Николай вернулся в офис куда позже, чем через полтора часа. Блюда к тому времени остыли и подернулись жирной пленкой, но босс даже не поднял салфетки с поставленного перед ним подноса. С недоумением посмотрел на него и приказал унести. Лиза сразу сообразила, что случилось что-то очень серьезное. Шеф никогда не терял аппетита.

— Вот что, Лиза. — Николай на минуту присел к столу и черкнул пару строк на листке бумаги. — Я опять уезжаю, и сегодня меня больше не будет. А ты будешь звонить по этому номеру. Дозвонишься — скажешь, что он козел. Поняла?

— Так и сказать? — испугалась девушка.

— Прямо так и скажи, не смей выбирать выражения! — Увидев потрясенные глаза девушки, шеф слегка смягчился и с кривой улыбкой пообещал, что ей за это ничего не будет. Он лично проследит.

Секретарша осмелилась спросить: почему он сам не может это сказать? Она, разумеется, наберет номер и подаст ему трубку... Ответ ее окончательно ошеломил. Николай заявил, что никогда в жизни не скажет ни слова с этой мразью. Разве что на очной ставке — но тогда тому тоже не поздоровится. А сейчас он едет к своему адвокату — но не стоит передавать это всем и каждому.

Когда за боссом закрылась дверь, Лиза с опаской взяла листок и довольно неохотно набрала номер. Девушка надеялась, что дозвониться удастся не сразу, но ей не повезло — трубку немедленно сняли.

— Извините, — срывающимся голосом произнесла она. — Можно попросить Олега?

— Слушаю!

— Вам просили передать, что вы... Это просил наш директор... Одним словом, что вы...

Она наконец решилась произнести то, что было приказано. Лиза боялась, что услышит в ответ нечто похлеще, и негодовала на шефа — как он мог дать ей подобное поручение! Но собеседник не стал платить той же монетой. После краткого замешательства он спросил, кто этот директор. Услышав имя Николая, сразу повесил трубку.

Безумная гонка продолжалась — а Олег так надеялся, что все уже позади! Вчера, кое-как прибрав квартиру, он сходил в магазин, купил бутылку водки и напился в одиночестве — чтобы снять напряжение и вернее уснуть. Но выспаться снова не удалось, потому что среди ночи его разбудил телефонный звонок. Звонила Тамара. Она, казалось, совершенно за-

была, на какой неприятной ноте они расстались, и теперь требовала, чтобы он немедленно приехал к ней. Когда Олег отказался, объяснив, что сейчас не в состоянии сесть за руль, она пообещала взять такси и приехать к нему сама. Попросила адрес, и он был вынужден его дать.

Олег чувствовал себя таким пьяным и разбитым, что даже не стал ее дожидаться. Он попросту улегся в постель и решил, что как-нибудь услышит звонок в дверь. Однако она так и не приехала.

Проснувшись поздним утром и окатив лицо холодной водой, он даже подумал, что этот бредовый телефонный разговор ему приснился. В самом деле — зачем ей понадобилось приезжать посреди ночи, да еще после того, как они поссорились? Тамара не объяснила, что случилось, а он был не в состоянии чем-то интересоваться. Но потом Олег припомнил, как диктовал свой адрес... Не случилось ли с ней чего в дороге?

Домашний телефон Тамары не отвечал, других координат у него не было. Олег снова взялся за уборку, время от времени повторяя попытки дозвониться. Больше всего его беспокоило то, что она сама ему не перезвонила. «У нее был такой странный голос, как будто она испугана и в то же время обрадована!»

Уборка с грехом пополам была закончена после полудня. Совершенно обессиленный, Олег прилег на диван и попытался составить план действий. Прежде всего — дозвониться до Тамары и выяснить, что все это означает. Потом — найти мастера, чтобы поставил замки понадежней. Иначе можно считать, что входная дверь открыта всем желающим. Ну и в конце концов, ему пора браться за очередной перевод. Кое-что он уже успел сделать, но так давно, что

даже забыл, о чем шла речь в книге. Какой-то очередной детектив...

«Нужно взяться за ум, иначе в скором времени придется залезать в долги, — думал он, оглядывая наспех прибранную комнату. — Идиоты, нашли к кому лезть. У соседа напротив замки почти такие же хлипкие, а добра видимо-невидимо, вся мебель антикварная, телевизор с экраном на полкомнаты... Может, они просто двери перепутали?» Эта мысль его рассмешила, но совсем не убедила. «Если бы перепутали — ни на минуту бы здесь не задержались. Неужели залезли какие-то неопытные малолетки? Да ну, эти бы все переломали и уж компьютер точно унесли бы!»

Как ни странно, но эти тревожные размышления постепенно начинали его усыплять. Впрочем, в последнее время Олег уставал настолько, что его усыпляло буквально все. И звонок, вырвавший его из теплой дремоты, показался худшей из пыток.

На пороге стояла Тамара — счастливая, свежая, с веселыми шалыми глазами. Олег отступил, машинально взглянув на наручные часы.

— Прости, опоздала часов на десять, — небрежно и бодро заявила она, проходя в комнату. — А у тебя уютно! Ты убирался? Уже закончил?

Гостья заметила стоявшее посреди комнаты ведро с водой — Олег собирался завершить уборку, протерев паркет, но сил не хватило..

— Да вроде того, — пробормотал он, проходя за нею. — Наводил порядок... Меня, знаешь ли, пытались ограбить...

— Как?! — Она порывисто обернулась. — И тебя тоже?! Значит, я была права! Еще одно доказательство!

Олег окончательно проснулся. То, что она говорила, было более чем странно. Он потребовал объяс-

нений. Кого еще ограбили? Неужели саму Тамару? Но она его успокоила:

— Моего бывшего мужа. Кстати, сегодня ночью он совершенно серьезно предлагал мне восстановить разрушенную ячейку общества.

— Господи боже. — Олег машинально пригладил растрепанные волосы. «Ну и видок у меня с похмелья, — подумал он. — Не зря она улыбается!»

— Я обещала подумать над этим предложением. — Тамара продолжала оглядывать комнату. — Кстати, что у тебя украли?

— Ничего.

— А беспорядок при этом был жуткий?

— Ну разумеется! Все перевернуто!

— Знакомая история. — В ее голосе послышалась улыбка. — У Валеры тоже ничего не взяли. Кстати, когда это случилось?

Олег впервые задумался над этим вопросом. В самом деле, когда? Он уехал из дома утром в воскресенье, рассчитывая после похорон вернуться домой. А вместо этого встретился с Тамарой и провел всю ночь у нее.

— Это могло случиться когда угодно — в воскресенье или даже вчера, в понедельник, — пробормотал он. — А когда обокрали Валеру?

— Ну, он-то уверен, что в воскресенье, — хладнокровно ответила она. — Там похозяйничали, когда они ушли в театр, то есть вскоре после того, как мы сами оттуда уехали. Кстати, ты не приметил — может, за их подъездом кто-то следил? Ты ведь ждал меня внизу, в машине.

Но Олег никого не заметил. Там могла крутиться целая шайка хоть с фомками, хоть с отбойными молотками — он бы не обратил на них внимания, настолько был занят своими мыслями.

— Довольно странное совпадение, — пробормотал Олег. — И это при том, что у него тоже брать нечего, я видел их квартиру.

— Да не скажи. — Тамара наконец расстегнула шубу. До этого ее визит выглядел так, будто она заглянула на минутку. — Просто воры нацелились на конкретную вещь, а ее не было ни у тебя, ни у него. Зато она есть у меня!

Хитро улыбаясь, она извлекла из сумки сверток и отогнула край оберточной бумаги. Олег увидел кусок разрисованного от руки пергамента и поднял на хозяйку изумленный взгляд.

Как раз в это время позвонила секретарша Николая, но ее звонок уже не произвел на него никакого впечатления. Что слишком, то слишком — Олег разучился удивляться, а тем более негодовать. У него на столе лежали карты уже не существующих государств, а Тамара, склонившись над ними, возбужденно рассказывала, как сделала свое открытие.

Бывший муж позвонил ей сегодня ночью, когда она уже ложилась спать. Звонок был какой-то странный — он намекал, что желает возобновить отношения. Это было тем более удивительно, что в воскресенье женщине показалось, будто Валерий вовсе не хочет ее видеть. Но еще более странным был его рассказ о неудачной попытке ограбления.

— Конечно, попытка была неудачной — у них нечего воровать, — сказала она. — И все бы ничего, но тут он признался, что неделю назад к нему приходила какая-то дама и просила отдать нечто, взятое Машей на хранение. И я вспомнила об этих картах!

Едва подумав о них, Тамара уже не сомневалась, что угадала правильно. Во-первых, у Маши давно вошло в привычку уносить из дома все дорогие ее

сердцу вещи и прятать их в стенном шкафу Тамары. Однако этот шкаф Тамара знала наизусть. Она изучила каждую полку со всем ее содержимым и могла рассказать историю каждого предмета. Каждого, кроме этих самых карт, которые бывшей свекрови явно не принадлежали.

— Помнишь, мы говорили о том, что владелец карт обязательно явится и потребует их обратно? Вот он и явился. Вернее, она. Это была женщина лет тридцати. Я попросила ее описать, и вот тут...

В описании внешности той странной визитерши ничего примечательного не было. У тысяч женщин длинные темные волосы и карие глаза, многие из них прилично одеты или ярко накрашены... Эти черточки никак не складывались в единое целое, пока у Тамары не возникло смутное подозрение. Портрет был слегка похож на Нину. Но могла ли это быть Нина? Валерий упоминал о каких-то очках, а та ими не пользовалась.

— И тогда я спросила про то, как она была одета. Ведь когда Нина приходила ко мне — а это было на следующий день после того визита, — на ней было пальто с белым воротником, очень похожее на Машино, только подороже. Валера ответил, что на ней вообще не было пальто, но вспомнил сиреневый свитер.

Сиреневый свитер помнил и Олег. У Нины был такой — совсем новый, она купила его недавно и надевала очень часто.

— Ты думаешь, это была она?!

— Я это точно знаю! — твердо сказала Тамара. — Когда он сказал про свитер, я велела ему немедленно приехать. Бедняга... — Она усмехнулась. — Он-то, наверное, думал, что я соблазнилась его предложением. А мне хотелось, чтобы он как можно скорее взглянул на снимок из альбома. Один я отдала сле-

дователю, но второй, там где Нина одна, у меня еще остался. И он ее опознал. Конечно, не с первого взгляда — все-таки разница между ярко накрашенной дамой и юной застенчивой девушкой на старом снимке оказалась слишком велика. Но в конце концов Валерий признал, что это именно та женщина, которая к нему приходила.

Олег был слишком потрясен, чтобы делать выводы. Тамара даже обиделась — так вяло он отреагировал на ее рассказ.

— Похоже, ты мне не веришь, — холодно сказала она. — Тебя вообще еще что-нибудь волнует?

Она явно собиралась освежить в памяти вчерашнюю ссору, когда ему пришлось выслушать упреки в бесчувствии и в том, что он слишком быстро забыл свою возлюбленную. Олег очнулся:

— Еще как волнует, однако... Не могло выйти ошибки? Откуда у Нины такие карты?

— Никакой ошибки нет,— отрезала она. — А откуда у нее карты — нужно спрашивать у наследников. Такие имеются?

— Да, но они не имеют никакого отношения к таким вещам! Муж торгует древесиной, мать работала где-то в Министерстве путей сообщения. При чем тут «Театр земель» пятнадцатого века! Скорее всего, эти карты оказались у Нины случайно. В конце концов, она могла приобрести их по случаю в какомнибудь антикварном магазине...

Произнося это, Олег сильно кривил душой. Он прекрасно помнил, что Нина, несмотря на свое библиотечное образование, была совершенно равнодушна к редким книгам. Для нее не имело никакого значения, в каком году и каким издательством выпущена книга, которую она читает, и что изображено на обложке — кровавая лужа или золотое тиснение

по настоящему сафьяну. Главным для нее всегда оставалось содержание. Предположить, что Нина могла рыться в антикварных залежах и тратить деньги на карты, которые даже читать нельзя, — значило вместе с тем допустить, что он совершенно не знал эту женщину.

— Меня больше интересует, зачем она передала свои карты Маше, — вздохнула Тамара. Она немного успокоилась, но все еще хмурилась. Олег снова почувствовал себя виноватым — она действовала, а он совершенно устранился.

— Ты сказала Валерию, что карты у тебя?

— Что ты, не сошла же я с ума, — усмехнулась Тамара. — Он способен наложить на них лапу и продать. Он их никогда не увидит, не так я глупа.

И неожиданно кокетливо добавила, что самым трудным было выставить бывшего мужа за дверь. Тот нипочем не желал уходить.

Она задумчиво прошлась по комнате, разглядывая книги на стеллаже. Остановилась, вынула одну из них, перевернула и поставила как следует — в спешке Олег перевернул некоторые книги вниз головой. Сделай это любой другой гость — он бы испытал раздражение. А на нее сердиться не мог — Тамара сделала это задумчиво, совершенно машинально, из любви к порядку.

— Я позвонила тебе сразу, как только он опознал Нину. Думала, что мы сумеем увидеться побыстрее, — сказала Тамара. — Но он так умолял его оставить, а уж когда узнал, что я собираюсь куда-то среди ночи... Ставил какие-то условия — или он пойдет со мной, или я никуда не пойду. Не могла же я с ним драться!

«То есть он остался ночевать, — понял Олег. — Ну что ж, ты и меня оставляла. А он все-таки бывший муж. Какое мне, собственно, дело до их отно-

шений! И зачем она об этом рассказывает — как будто оправдывается передо мной?»

— А утром пришли ученики, и у меня не было ни минуты свободной. — Тамара продолжала переставлять книги — точными, быстрыми движениями. И вдруг, неожиданно сменив тему, заявила, что у Олега тоже искали эти карты. Теперь она совершенно в этом уверена. — Между этими ограблениями есть только одна связь! — твердо сказала она. — Нина владела картами, она отдала их Маше — правда, не знаю пока, зачем. А Маша погибла! Нина пыталась вернуть свое имущество, но, естественно, думала, что та хранила карты дома. Она же не могла знать, что у меня в квартире был склад Машиных вещей! А потом, когда погибла сама Нина, кто-то принялся искать эти карты во всех возможных и невозможных местах. Прежде всего — у Валеры. Потом — у тебя. Значит, есть еще один владелец карт. Он-то жив и, как ты понимаешь, действует решительно. Даже слишком...

— У меня голова кругом, — признался Олег. — Почему же их искали у меня?

— Да потому что этому наследнику известно, кто был ее любовником, — так же спокойно и рассудительно ответила Тамара, переставляя последнюю книгу на полке. — Занятно, да? Похоже, между ними не было секретов. Он знал, что карты можно искать у Маши, знал о твоем существовании, имел на руках ваши адреса... Так или иначе, но он решил, что Нина могла хранить карты у тебя.

Олег промолчал. Нина и Мария. Он всегда чувствовал, что здесь что-то неладно. В сущности, не займись он в свое время судьбой безымянной женщины на Чистых прудах, ему никогда не пришлось бы общаться с Тамарой и держать в руках эти странные карты. Мария осталась бы для него простой ста-

тисткой, которая появилась на сцене только затем, чтобы умереть. Однако для Нины эта женщина статисткой не была. Они поддерживали отношения до самого последнего времени, у них были какие-то дела... Но как отчаянно Нина отрицала эту связь! Она сразу приходила в бешенство, когда он пытался об этом говорить. Уходила, чтобы прекратить расспросы, зажимала уши, бросала его в растерянности, ничего не объясняя... И все время врала. Врала и боялась, но в конце концов пришла с повинной и показала ему изуродованную машину... И снова ушла, на этот раз — чтобы погибнуть. Почему она погибла? Кому помешала ее жизнь или жизнь Марии? При чем здесь эти карты? Чтобы их добыть, кто-то пошел на квартирные кражи. Мог ли тот же человек пойти еще дальше — вплоть до убийства?

— Ты согласен со мной или хочешь что-то возразить? — забеспокоилась Тамара — он молчал слишком долго.

Олег ответил, что в принципе согласен. Если Валерий опознал Нину по снимку десятилетней давности, значит, так тому и быть. Все равно других свидетелей нет, придется поверить этому. И он согласен признать, что у него могли искать именно этот сверток.

— Знаешь, что я тебе скажу? — добавил он. — Прежде всего должны были обыскать ее собственную квартиру или квартиру ее матери. Почему они сразу кинулись ко мне и к Марии?

Тамара призадумалась и неуверенно пожала плечами:

— Не знаю... В самом деле странно! Может быть, их квартиры уже обыскали, просто мы об этом не знаем? А может... Может быть, карты ищет кто-то из ее родственников? Например, муж?

— Брось, он бы просто позвонил мне и прямо сказал, что ему нужно.

— Ты до сих пор слишком ему доверяешь. Не забывай, какую тайну делала Нина из своего «имущества»! Она ведь тоже могла сказать прямо, зачем пришла! А вместо этого плела какую-то чепуху, Валерий так и не понял, что ей было нужно.

— Почему она боялась назвать вещи своими именами?

— Кто знает... — Тамара подошла к нему вплотную и заглянула в глаза. — Скажи... Только не обижайся, ладно? Ты вполне уверен в ее честности? Я имею в виду не вранье, а кое-что другое. Подумай, какой выстраивается ряд: Маша, хранилище, их визит туда в начале октября, эти странные карты...

Олег промолчал, стараясь не встречаться с ее взглядом, который упорно требовал какого-то ответа. Наконец не выдержал и отвернулся к окну. Тамара не стала настаивать на немедленном ответе. Ее каблуки простучали, удалившись на кухню. Оттуда поплыл сигаретный дом. Слава богу, она больше ни о чем не спрашивала.

Эти карты... Невозможно! Эти карты принадлежали Нине легально, они достались ей по наследству, были куплены случайно... Все, что угодно, но украсть она не могла! И потом, ведь она была в хранилище вместе с Марией, а за нее Тамара ручается, как за саму себя. Что же получается — крали на пару?

«Ни за кого нельзя ручаться, — подумал он. — Почему я, например, так безусловно верю Тамаре? Да полно, кому я теперь способен верить? Нина — воровка? Что ж, может быть. Но в таком случае — Мария сообщница. Впрочем, это еще нужно доказать».

Он пошел на кухню и как можно спокойнее сказал, что готов проверить эту версию. Можно прямо

сейчас или в крайнем случае завтра поехать в хранилище и спросить, имеется ли там книга, из которой могли вырезать карты. Если такая книга есть — нужно просто-напросто ее проверить на предмет вырезанных листов.

Тамара выслушала его с каменным лицом. Ему показалось, что это предложение не слишком ее обрадовало. Наконец она ответила, что не слишком расположена так поступать.

— Почему же? Ты только что обвинила Нину в воровстве! Кстати, каким образом она могла провернуть такое дельце? Ведь та женщина из хранилища...

— Александра, — напомнила она забытое имя. — Да, помню. Она говорила, что в подвал спускались все вместе. И конечно, на глазах у всех Нина ничего вырезать не могла. Но откуда еще могли взяться карты? И вообще — что это за внезапный интерес к бывшему месту работы? Она столько лет спокойно жила и не вспоминала о хранилище! И вдруг забеспокоилась, нашла Машу, разорилась на угощение для тамошних сотрудниц... Странная сентиментальность!

— А ты не думаешь, что она могла пойти в хранилище, чтобы найти подобные карты и сравнить со своими? Или просто получить консультацию?

— Ни с кем она там не консультировалась! И если твоя Нина получила эти карты законным путем — почему она делала из этого такую тайну?

— Ну хорошо, — сдался он. — Ты твердо убеждена, что Нина — воровка. В таком случае почему ты не хочешь это проверить? Если мы найдем порезанную книгу, я первый признаю, что...

И тут Тамара не выдержала. Она оборвала его на полуслове и резко заявила, что никогда не позволит бросить тень на Машу. Если обнаружится, что дело обстоит именно так, — значит, Маша сопро-

вождала вора в хранилище, а после укрывала краденые карты!

— Я на такое не пойду! — отрезала Тамара.

— А если это правда?

Ответ в корне изменил его представление о моральных устоях этой женщины. Олег и сам не знал, стал ли он после этого уважать ее больше или меньше... Даже если это правда, сказала Тамара, — такая правда обнаружиться не должна.

Некоторое время они молчали. Наконец Олег развёл руками:

— Ну ладно. Ты выгораживаешь родственницу, обвиняешь бог знает в чем мою покойную подругу... Я тебе не мешаю. В таком случае скажи: чего ты хочешь? Что собираешься предпринять? В милицию, как я понимаю, ты больше не стремишься?

Она отвернулась к окну. Олег понимал, что она восприняла его слова как упрек, но он и сам был раздосадован. К чему эта излишняя щепетильность? В конце концов, ее свекровь действительно замешана в каком-то темном деле! Конечно, может оказаться, что она ни в чем не виновата, а может быть, и Нина приобрела эти карты законным путем. Но почему бы не проверить обе версии? Или еще лучше предоставить эти материалы в распоряжение следователей, которые ведут дела обеих женщин?

— Прежде всего я хочу, чтобы ты спрятал карты у себя, — сказала наконец Тамара.

Олег оторопел:

— Ничего умнее не придумала? — От волнения он отбросил всякие церемонии и заговорил так, будто знаком с Тамарой много лет. — Видела, какие у меня замки? К тому же их уже кто-то отпирал! Это все равно что выбросить карты на улицу!

— Наоборот, — возразила она. — Тебя уже обыскивали, значит, больше не полезут. Здесь самое надежное место. Я сразу об этом подумала, когда ты сказал, что тебя обокрали.

В конце концов ему пришлось согласиться. Тамара призналась, что не решилась оставить карты дома и привезла их с собой потому, что тоже испугалась ограбления. Но ведь не может она таскать их за собой повсюду!

— Ну ладно, — мрачно сказал Олег. — Я постараюсь припрятать их понадежнее. Но у меня возник один вопрос... Этот человек будет искать карты по всем адресам, какие сможет добыть. Значит, ты тоже должна ждать его визита.

— А я уже готова, — отмахнулась Тамара. — Только что отвезла к родителям все самое ценное. Их адреса он точно не достанет.

— Ценности его не интересуют, он ищет только карты. Зато он может выбрать другую тактику. Пока что этот тип действует наугад: бомбит одну квартиру за другой — авось повезет. Но это слишком трудоемко.

Поняв, к чему он клонит, а она часто понимала его с полуслова, Тамара медленно склонила голову. Когда же она снова ее подняла, на ее лице не было испуга. Только какое-то странное, будто замороженное спокойствие.

— Ты думаешь, он попытается выйти на личный контакт?

— Боюсь, что попытается. Ведь карт ему теперь не найти — разве что он пойдет по второму кругу. И боюсь еще, что контакт этот будет не слишком безопасным.

— Ты предлагаешь мне переехать в другое место? — все так же спокойно поинтересовалась Тамара. — Куда, например?

— Ну... К родителям. Если, конечно, ты уверена, что никто не знает их адреса.

— Валера знает, — сообщила она. — Конечно, он мог забыть его, за два-то года. Но сдается мне, что он многое помнит лучше, чем я ожидала.

— Тогда к подруге, к дальней родственнице. — Он начал раздражаться. — Как я могу давать такие советы? Тебе виднее.

И тут она ошеломила его вторично. Тоном, не терпящим возражений, Тамара заявила, что самым безопасным местом считает его квартиру. Поскольку сюда уже никто не сунется — все обыскано с пола до потолка.

Олег онемел. Первым побуждением было сказать, что это невозможно. Однако он промолчал. Тамара ждала ответа и как будто совершенно в нем не сомневалась. А у него в голове проносился какой-то вихрь. Лицо Нины, безмятежное, сияющее — каким было в ту пору, когда они встречались в кафе и самой большой бедой было то, что она торопилась домой... Ее детская улыбка, вечная готовность рассмеяться — так звонко, как взрослые женщины не смеются. Разве что дети... Лицо ее дочки на кладбище — серьезный и подозрительный взгляд, как будто она все узнала и все поняла. Лицо Николая. Этого человека он никак не мог понять. И вместе с тем не мог ему не верить. Лицо Марии в книжном магазине. С каким грустным, бессильным укором она смотрела на продавщицу, вырвавшую у нее из рук книгу! А потом возникло лицо сестры.

«Что я скажу Ольге, если она явится за очередной подачкой! А она всегда является без предупреждений, чтобы я от нее не сбежал!»

— Ясно. — Тамара улыбнулась, но улыбка получилась неискренней. Ей просто не хотелось терять

лицо. — Что ж, я пойду. А карты пусть полежат у тебя. По крайней мере, на это ты согласился.

Он опомнился:

— Перестань, оставайся! Просто я вспомнил, что ко мне часто забегает сестра.

— И что? — с любопытством спросила Тамара. — Я тебя скомпрометирую?

— Понимаешь, она только что познакомилась с Ниной, и вдруг такое...

— А ты скажи, что я твоя редакторша из издательства, и мы работаем на дому. — Ее улыбка наконец стала естественной. — Знаешь, ты самый скромный мужчина из всех, кого мне приходилось встречать. Образование тебя испортило!

Он никогда не мог понять, почему, едва воцарившись в доме, женщина немедленно ставит чайник.

* * *

— Этот гад поехал туда, да и сдал меня! — Николай сцедил в стакан остатки водки. — А клялся, что на моей стороне! В прошлую субботу встретились, он вытянул из меня все, что хотел, влез в душу без мыла...

— Давай уточним — что ты ему рассказал. — Его собеседник почти не пил и с неодобрением следил за тем, как Николай откупоривает вторую бутылку. — Главное — успокойся. Если ты чист, не о чем волноваться.

— Если! — бросил тот, срывая крышку и наклоняя бутылку над стаканом. Опьянение выражалось у него только в том, что он все больше нервничал. — Я чист, как стеклышко!

— О чем он тебя спрашивал?

— О моей машине. Говорил, что меня хотели подставить, потому и повредили крыло. И Нину сбили специально. Якобы все для этого и подстроено.

— Ты и впрямь не помнишь, когда появились эти царапины? Может, стукнулся где-нибудь?

Николай покачал головой. Нет, такого он бы не забыл.

— А в тот день, когда погибла твоя жена... Уж прости, что мы опять об этом! Ты спрашивал своего охранника — может, кто-то брал твою машину?

— Спрашивал — никто не брал. Но я ему не доверяю, на этого типа надеяться нельзя. Уволю! Вообще всех разгоню, зажрались!

Николай соорудил чудовищный бутерброд с колбасой и разом откусил половину. Он жевал, глядя в стену покрасневшими, слезящимися глазами, а потом, словно вдруг лишившись аппетита, положил бутерброд на тарелку.

— Самое главное, — хрипло сказал он, — что Нинка, когда окончательно ко мне вернулась, ни в чем меня не обвиняла. Был обычный вечер... Ну, почти обычный. Конечно, я здорово на нее злился, всему есть предел. Гуляй на стороне, но зачем уходить из дома? Подумала бы о дочке — такой пример для девчонки! И мой авторитет от таких кульбитов падает.

— Ты говорил еще про какие-то покушения? — Друг перевел разговор на менее скользкую тему, но Николай отмахнулся. Он сказал, что эти покушения — чепуха. Газ, какой-то звонок по телефону, засада в их собственной квартире...

— Нинка могла все это выдумать.

— Да зачем ей это?

— Ну или почудилось. Нервы разыгрались — и пожалуйста! А вот машина — это серьезней. Царапины-то налицо.

— Следователь тоже спрашивал о машине?

При упоминаниии о следователе Николай переменился в лице — до этого он выглядел почти успокоившимся. Помянув недобрым словом Олега, он сказал, что в основном о машине и был разговор. Где была машина тогда-то и тогда-то да кто еще садится за руль, у кого ключи, в какой мастерской он обслуживается...

— Да еще насчет моего алиби спрашивал. Его оба наезда интересовали. Я ему все доказал, показал, назвал свидетелей. А потом прямо говорю — вы что, меня подозреваете? Соображаете, что говорите? Зачем мне убивать жену?!

— А он?

— А эта рожа мне говорит: мало ли почему убивают, узнаете — удивитесь. Из ревности, например! Я отвечаю: да к кому мне было ревновать? У вас что — ее любовник побывал? Вы только от него и могли все это узнать. Так вот знайте — мне на него наплевать с высокой башни. И всегда было наплевать!

Друг — по совместительству адвокат — только покачал головой. Он знал терпимость Николая к подобным вещам и никак этого не одобрял. Но высказать свое мнение не решился.

— Короче, взяли подписку о невыезде и всякое такое, — мрачно заключил Николай. — Они там следственный эксперимент собираются делать — на том месте, где она погибла. Из какого положения ее сбили и прочее. Да! У меня тачку конфисковали для экспертизы!

Тут он почти подавился каким-то нервным смешком. Друг с тревогой на него взглянул.

— Я говорю — берите машину, берите все, только найдите гада, который убил мою жену. Потому что иначе я сам его найду и вам нечего будет с ним делать.

— Это ты напрасно. Держись спокойнее — им только и нужно, чтобы человек вышел из себя и наговорил черт знает чего.

Николай пообещал успокоиться. Но сдержать обещание ему было трудно — тем более что он опять вспомнил об Олеге.

— На похороны приперся, — прошипел вдовец. — Стоял с такой постной физиономией — прямо друг семьи!

— Да, я видел его. Он шатен, среднего роста? Ты еще с ним разговаривал.

— Ну да. Как последний идиот, поверил ему. Решил, что он нормальный мужик, а что с Нинкой связался — за это упрекать не приходится. Тем более, что она сама была рада... А он взял да и подставил меня!

Когда Николай немного успокоился — для этого ему потребовалось выпить почти треть бутылки, — друг спросил, не думает ли он, что его в самом деле хотели подвести под монастырь. Николай эту версию отверг:

— Если бы хотели нагадить — натравили бы на меня налоговую инспекцию или местных бандюков. Да просто дали бы по башке, у меня же нет охраны. Здесь что-то другое. Личные Нинкины проблемы, например. Но сошлось-то все на мне!

— А жена тебе ни на кого не жаловалась? Может, намекала, а ты пропустил мимо ушей?

Николай пожал плечами. Он был вынужден признать, что в последнее время они с Ниной редко пускались в откровения друг перед другом.

— Работа виновата, понимаешь? Мы же с ней весь день пахали вместе, только в разных кабинетах. Вернемся домой, и начинается то же самое. Все как на работе, и разговоры те же. Ни на что она не жаловалась.

В кухонную дверь кто-то поскребся. В щели показалось личико Дианы. Она молча оглядела мужчин, задержавшись взглядом на бутылках. Гость попытался подозвать девочку, но та как будто его не слышала.

— Чего тебе? — обернулся Николай. — Почему ты еще не спишь?

— Я не могу, — призналась девочка. — Мне страшно.

— Ну вот, страшно ей... — проворчал отец, выбираясь из-за стола. — Пойдем, я тебя уложу. Бабушка спит, и ты давай спи.

Но, забравшись в постель, девочка продолжала лежать с открытыми глазами. Николай потоптался возле ее кровати, попытался поправить подушку. Что сказать — он не знал, а Диана ни о чем не спрашивала. После похорон матери она притихла, ушла в себя. Но, сталкиваясь с ее тревожным взглядом, Николай каждый раз чувствовал смутный страх — как будто с девочкой происходило нечто, ему неподвластное.

— Ну что ты мучаешься, спи, — повторил он, склоняясь над постелью и укладывая ей на подушку мягкого плюшевого медвежонка. Диана спала с ним чуть не с рождения.

Но девочка отбросила истрепанную игрушку и приподнялась на локте.

— Не оставляйте меня больше одну! — неожиданно потребовала она.

— Кто тебя оставляет? Бабушка весь день сидит с тобой.

— Неправда! Сегодня она ушла в магазин, а меня оставила здесь. А к нам в дверь звонили.

Николай насторожился:

— Надеюсь, ты не открыла?

— Конечно нет, — с возмущением ответила Диана. — Я дурочка, по-твоему? Я заглянула в глазок, а там никого нет.

— Баловались, наверное, — успокоил ее отец, но все-таки встревожился. Диана не сводила с него темных блестящих глаз — из коридора падал свет и выхватывал ее лицо из сумрака спальни.

— Я спрашиваю «кто там?», а мне не отвечают. А потом, когда они поняли, что я одна, попробовали открыть дверь!

— Что?! Ты уверена?!

— Да, они сунули ключ в замок, — жалобно подтвердила девочка. — А когда я закричала, что вызову милицию и папа сейчас вернется с работы, они достали из замка ключ и убежали.

— Ты видела, кто это был?

— Нет. Они чем-то залепили глазок. А когда они ушли, я выглянула. Там была жвачка. — И девочка подвела итог: — Одна я тут больше не останусь! А то меня убьют, как маму!

И Николай ничего не смог ответить дочери, которая больше не верила в его могущество. Диана смотрела на него слишком взрослыми глазами и видела, что ему тоже стало страшно.

Глава 16

— Вас давно не было видно!

Чаще всего любые слова, произносимые Таней, звучали как упрек. Но на этот раз в ее голосе слышалась радость — правда, с оттенком разочарования.

Олег не был здесь уже почти две недели, но ему казалось, что прошло намного больше времени. Последний раз он заходил в этот магазин на другой день

после того, как к нему переехала жить Нина. «Странное совпадение, — подумал он, оглядывая книжные полки. — А теперь явился, когда ко мне приехала Тамара. В чем дело? Это что — чувство вины? Другие бегут в церковь, чтобы очиститься от грехов, а я — в книжный магазин».

— Какие новости? — спросил он, оборачиваясь к Тане.

Та вздохнула:

— Да ничего хорошего. По вашему списку ничего не пришло, а то бы я позвонила. Телефон у меня есть. А у вас как дела?

Ее сочувственный тон заставил его улыбнуться:

— Что, я так жутко выгляжу?

— Ну почему, — смутилась она. — Просто вид у вас усталый. Скажите, насчет той несчастной женщины ничего нового не слышно?

— Вы имеете в виду не нашли ли убийцу? Нет.

Таня опустила глаза. Было видно, что она неподдельно огорчена. «Вот и еще один человек втянут в этот порочный круг, — подумал Олег. — Казалось бы, Таня не имеет ко всему этому никакого отношения, но все равно волнуется. Да, Мария производила странное, но сильное впечатление. Особенно ее глаза — их трудно забыть. И Таня, однажды позволившая себе грубое слово в ее адрес, теперь испытывает угрызения совести и ждет, когда найдут убийцу».

— Знаете, а я ведь перестала их гонять, — неожиданно призналась она.

— Кого? Тех, кто раскладывает по книгам листовки? — догадался Олег.

Она махнула рукой:

— Вообще всех. Пусть распространяют свою рекламу, читают, пристают ко мне с глупостями. Не

поверите — я теперь боюсь их тронуть. А вдруг с ними тоже что-то случится, а я потом не усну!

— Не думаю, что у вас в магазине начнется повальная эпидемия убийств, — возразил Олег. — Зачем вы так себя терзаете?

Она попросила не говорить об этом в подобном тоне. «Да, это серьезнее, чем я предполагал. — Олег заметил нервное подергивание ее бледных губ. — У нее, кажется, началась депрессия. Не нужно было ничего рассказывать. Сам виноват — поддался настроению, захотелось, чтобы кто-то расплатился за эту смерть. Нашел крайнюю...»

Он отошел в глубь отдела, к книжным полкам, и, подняв голову, увидел свое отражение в зеркальном потолке. Вид у него и впрямь был неважный. Полночи он не спал, и вовсе не по каким-то романтическим причинам. У него случился приступ гастрита — не иначе как на нервной почве. Тамара хлопотала вокруг него, как заботливая медсестра. Искала в шкафу таблетки, делала отвар из трав, сочувственно смотрела, как он корчится от боли, предлагала вызвать «скорую помощь». И все же эта опека скорее мешала ему, чем помогала. Если бы не ее присутствие — Олег позволил бы себе постонать, и ему стало бы легче. Но при ней приходилось сдерживаться.

Тамара подробно расспросила, чем он питается, что умеет готовить. Заглянув в холодильник, заметила, что ничуть не удивлена этим приступом. Сплошные полуфабрикаты — это просто смерть для желудка! Он не возражал — просто не было сил с нею спорить.

— Как хорошо, что я здесь, — сказала перед рассветом его добровольная сиделка. — Иначе ты и воды себе не мог бы налить. У тебя совершенно зеленое лицо!

Наконец он впал в сонное забытье. Боль отступила, и как сладко было засыпать, не чувствуя, что в желудке непрерывно плещется кипяток.

А наутро позвонили из издательства, с которым он плотнее всего сотрудничал. Там запускали новую серию, для которой многое нужно было переводить. Олег уже давно просил иметь его в виду при распределении заказов, и вот теперь о нем вспомнили.

Услышав, какой именно роман ему предлагают перевести, Олег напряг память. Что-то в этом роде он определенно уже видел. Кажется, был какой-то давний перевод, не позже тридцатых годов. Он держал эту книгу в руках, когда копался в букинистическом отделе своего любимого магазина. Хотел даже купить ее — в качестве курьеза отечественного перевода. Книге не повезло — местами текст был просто безграмотным.

— Согласен, — сказал он. — Присылайте курьера. Кстати, вы читали ее в переводе? Он, между прочим, существует.

Ему ответили, что о существовании этого безобразия им известно, но нельзя же переиздавать книгу в подобном виде. Времена нынче, может, и почище тридцатых годов, но, так или иначе, народ стал более грамотным.

Тамара очень забеспокоилась, когда он стал собираться в город. Она утверждала, что после вчерашнего приступа ему нужно лежать в постели. Олег отмахивался и говорил, что чувствует себя великолепно. Он ощущал настоящий охотничий азарт. Если возможно достать эту книгу — он ее достанет. Будет крайне забавно прочитать ее и сравнить с тем, что сделает он сам. Тем более ему есть куда обратиться. Заодно повидает Таню — та наверняка соскучилась.

Он попросил Тамару принять курьера, если тот приедет в его отсутствие, но больше никому не отпирать.

— И закройся на задвижку, — наставлял он свою гостью. — Конечно, это не бог весть какая защита, но мне будет поспокойней.

Тамара грустно улыбнулась:

— А мне не будет... Как представлю, что ко мне ломятся мои ученики, — хочется плакать.

— В самом деле, как быть с учениками?

— А что с ними поделаешь? Придется отменять все занятия. — Она была всерьез расстроена. — Столько мучиться, чтобы создать клиентуру, и все потерять... Скажу, что заболела, делать нечего. Плохо только, что найти другого преподавателя не проблема. Многие меня бросят...

Олег боялся, что она станет упрекать его в развале своего дела. Ведь это именно ему пришла в голову счастливая идея о перемене места жительства. Но Тамара, похоже, смирилась с возможными потерями. Во всяком случае, домой она не рвалась.

...Он зашел в этот отдел больше для того, чтобы поздороваться с Таней, чем ради книг. Здешний ассортимент обновлялся не слишком часто, и он уже давно купил все, что хотел. Но теперь, стоя среди полок, вдыхая душный горячий воздух, пропитанный тонким запахом краски, бумаги и пыли, Олег снова поддался очарованию этого места. Ровный, глухой гул голосов, поднимающийся к зеркальному потолку, кое-где — островки затишья, шелест страниц. Изредка — скрип передвигаемой лесенки. В самом деле, этот магазин был чем-то похож на храм.

А какие лица можно было здесь увидеть! Олег сразу отличал постоянных посетителей от тех, кто забрел сюда случайно, не зная толком, что ему нуж-

но. Старичок в потрепанном пальто истово шевелит губами над раскрытой книгой. Теперь он может читать беспрепятственно — Таня его больше не тронет, в память о погибшей. Девушка застыла перед полкой и как будто отключилась от происходящего. Вряд ли она видит названия книг, что стоят у нее перед глазами, — ее взгляд где-то далеко, за пределами магазина. О чем она задумалась? Почему так глубоко забылась? Мужчина взбирается по ступенькам лесенки под самый потолок. Вид у него сосредоточенный и недовольный, он никак не может найти того, что ищет, и наверняка позовет на помощь Таню. А та застыла за кассой, тоже погрузившись в какую-то прострацию. Бледное, усталое лицо, серый, застывший взгляд, табличка с именем на плоской груди...

Год назад, такой же поздней осенью, он встретил в этом отделе женщину, которую недавно потерял. Нина была так очаровательно беспомощна в этом книжном наводнении — ее взгляд блуждал по полкам, руки быстро касались книг и тут же отдергивались. Олег сразу обратил на нее внимание — интересное лицо, красивые глаза. Она заговорила первой, неожиданно попросив совета и почему-то предпочтя его продавщице. Спросила, не знает ли он, как можно найти сборник каких-то рассказов. Кажется, Лавкрафта. Она прочла где-то один рассказ, и ей захотелось найти еще.

Олег отвел ее в другой отдел — здесь она бы ничего не нашла. Сам отыскал ей нужную книгу на полке. С некоторым удивлением смотрел, как она радуется. Он никогда бы не подумал, что такая женщина может увлекаться мрачными, довольно наукообразными историями великого американского мистика.

После этого она заинтересовала его еще больше. Пристрастие к Лавкрафту так же таинственно, как

и темные, почти без блеска, глаза Нины. Олег забыл, какую книгу искал и зачем вообще сюда пришел. А она говорила с ним, как с давним знакомым, совершенно не смущалась, глядела прямо в глаза. Они вместе вышли на улицу, и только тогда Олег сообразил, что, в сущности, пристает к незнакомой женщине. Но это ее ничуть не шокировало — она шла с ним рука об руку, кутаясь в легкую шубку, давя каблуками застывшие лужи, и говорила, говорила без умолку... О книгах, о погоде, о том, что у нее совершенно нет времени следить за новинками, а ведь когда-то она училась на библиотекаря... Мимоходом представилась, засмеявшись, призналась, что никогда не знакомится таким образом. Он будет плохо о ней думать? Нет? В самом деле, что тут плохого... И, продолжая его удивлять, предложила зайти в кафе поблизости.

— Я сбежала с работы, — весело сказала женщина. — В общем, собиралась поесть, но вдруг захотелось купить что-нибудь почитать на сон грядущий. Сто лет не была в книжных магазинах!

Олег заметил, что она выбрала достаточно странную книгу для чтения перед сном. Неужели ее усыпляют рассказы о живых мертвецах, чудовищах, обитающих в старых бостонских развалинах, каннибальских культах и ужасах древних цивилизаций? Однако Нина призналась, что всегда любила пугаться.

— Я немножко ненормальная, — со смехом говорила она — уже сидя в кафе. — Все страшное меня смешит! И потом, разве можно всерьез напугаться из-за книги? Жизнь куда страшнее, а я и то не боюсь!

Он сидел напротив нее, за маленьким столиком, их колени почти соприкасались. Слушал ее свободную, экстравагантную болтовню и не мог поверить, что полчаса назад даже не знал о существовании этой

женщины. Олег был удивлен тем, что она сама пригласила его в кафе, и не знал, как к этому относиться. Он никогда не считал себя красавцем, но знал, что нравится многим женщинам. Только это были совсем другие женщины, не похожие на Нину. Тихие, серьезные, не делающие резких движений. Такие, как его нынешняя подруга. Олег никогда бы не смог поверить, что она может познакомиться с мужчиной в магазине и пригласить его посидеть в кафе. А у Нины это получилось очень естественно.

Он пытался угадать: чем она занимается, как живет, замужем ли? Почему так легко познакомилась с ним в магазине — чуть не на улице? Женщина была красива, великолепно одета, в ушах поблескивали бриллиантовые сережки. Кафе, куда она его зазвала, тоже было не из дешевых. Руки холеные, речь раскованная, словарный запас выдает гуманитарное образование. Стосковалась по общению? Одинока, несчастна? Ни в коем случае. Оставалось предположить одно — ему невероятно повезло, что она обратила на него внимание. Или же ей просто не с кем было поболтать о книгах.

Позже оказалось, что он угадал верно — среди нынешних Нининых знакомых никто не интересовался литературой. Но в первые дни общения Олег ощущал постоянный страх, что она его покинет — так же внезапно, как выделила из толпы. Как будто ему на руку неожиданно опустилась бабочка, которая в любой момент может взмахнуть крыльями и исчезнуть.

Нина не говорила о возможности еще одного свидания. Ничего не пообещала, ни на что не намекнула. В ее словах не было никакого подтекста, как Олег ни пытался его расслышать. Женщина позволила заплатить за свой кофе с коньяком, выкурила еще одну си-

гарету и неожиданно предложила ему номер своего мобильного телефона. Он вздрогнул, и ему пришлось несколько раз переспрашивать цифры. Все шло не по привычному сценарию, по которому он обычно знакомился с женщинами. Это Олег должен был попросить телефон, а Нина — назвать свой номер с многочисленными ужимками и оговорками.

— Может, как-нибудь встретимся, поболтаем, — сказала она, поднимаясь из-за столика. — Нет, сидите, не нужно меня провожать!

Его телефона она не спросила, передав всю инициативу в его руки. Он позвонил ей через три дня, хотя ежечасно порывался сделать это. Олег тогда решил: если она скажет, что у нее нет свободного времени, больше он звонить не будет. Однако Нина, услышав его голос, сразу согласилась увидеться и, казалось, была рада звонку. Она играла не по правилам, не по правилам жила, умерла странной смертью... Но теперь некому было ее судить.

...Олег очнулся. Он так и стоял возле книжной полки, где его настигли воспоминания. Именно с этой полки когда-то все началось. Не странно ли, что и Марию он впервые встретил в этом отделе? Совпадение? Конечно! Это один из самых крупных книжных магазинов города, здесь хотя бы раз побывал каждый читающий москвич. И все же в этом совпадении ему почудилось нечто роковое.

Олег обернулся — Таня была занята с покупателями. Ему удалось незаметно уйти из отдела. Не хотелось ни с кем говорить, никого утешать. Он и сам нуждался в утешении.

Зато с букинистическим отделом никаких воспоминаний связано не было. Нина, как выяснилось в дальнейшем, вовсе не была отъявленной библиофилкой. Сперва это даже возмутило Олега — она могла

читать что угодно, в том числе совершенную чепуху. Это как-то странно сочеталось с любовью к редким, малопопулярным авторам. Она и в самом деле не признавала никаких правил.

В этом отделе его хорошо знали и сразу позволили пройти за прилавок, к полкам. Электронной защиты на здешних книгах не ставили, и поэтому за покупателями следили очень внимательно. Некоторые букинистические раритеты стоили дороже, чем целый стеллаж в обычном отделе. Олег рассеянно осмотрел потрепанные корешки. Глупо было надеяться, что интересующая его книга все еще имеется в продаже. Тогда он не обратил внимания ни на издательство, ни на тираж. Даже точный год издания выветрился у него из памяти. Без помощи не обойтись...

Молоденькая продавщица не смогла отыскать на полках нужную книгу. Не было ее и в каталоге — а значит, вообще не было в продаже.

— Я позову Семена Федоровича, он точно знает, можно ли это достать, — пообещала девушка.

Вскоре появился ее начальник — мужчина лет шестидесяти, с заметным брюшком, выпирающим под теплой кофтой. Хотя в магазине даже зимой было жарко, он почему-то мерз. Сколько Олег помнил эту комичную фигурку — столько фигурка и куталась в какие-то растянутые вязаные вещи. Они были знакомы давно и, встретившись, пожали друг другу руки.

— Опять что-то потеряли? — поинтересовался тот. — Вы у нас такой привередливый клиент — чего ни спросите, ничего нет.

Олег улыбнулся:

— Я в этом не виноват.

— Понятно, это я виноват... Так что вам нужно? — заворчал букинист, доставая из-под прилавка собственный толстый истрепанный каталог, чем-то похо-

жий на самого Семена Федоровича. Какие-то таинственные записи, сделанные его неразборчивым почерком, отваливающаяся обложка, пожелтевшие страницы. Он спросил название книги, ловко перелистал каталог, почти не вглядываясь в надписи. Потом задумался и горестно цокнул языком: — Нету, и в ближайшее время не обещаю. Кажется, эту книгу приносили недавно на комиссию, но мы не взяли. Сами видите — отдел переполнен, а других площадей нам не дают. Предпочитают торговать халтурой, оборот они повышают... А наш отдел, между прочим, самый прибыльный. — И, чему-то усмехнувшись, добавил себе под нос: — Был когда-то. Ну ладно, я записываю вашу заявку. Телефончик у меня имеется, позвоню, если книжка найдется.

Но Олег прекрасно знал, что это «если» — чистой воды условность. Семен Федорович всегда выполнял любой заказ, даже самый трудный. Он торговал артистично, хотя, как подозревал Олег, не всякую прибыль с проданной книги отдавал родному магазину. В букинистическом отделе это было возможно — проинспектировать здешний товар мог только человек, изучивший все досконально. Иногда Семен Федорович звонил ему и ворчливо сообщал, что заказ пришел. Но при этом книга не снималась с прилавка, а выносилась из подсобки. И оплата производилась не через кассу. В таких случаях зябкий пузатый человечек говорил, что отдает покупателю собственное достояние и магазину нечего на этом наживаться. Чье достояние он продавал — Олег не знал и знать не хотел. Семен Федорович оказал ему немало ценных услуг. Без него полки его домашней библиотеки выглядели бы совсем иначе.

И тут ему в голову пришла неожиданная идея. Тамара может сколько угодно оберегать честь своей по-

койной свекрови — это ее право. Она может сторониться расследования в хранилище, где та когда-то работала, бояться огласки и позора. Но «Театр земель» пятнадцатого века — не та книга, которая встречается на каждом углу. Если она есть в Москве, то, скорее всего, в единственном экземпляре. Может быть, в двух — но это уже было бы чудом. А если в Москве имеется какая-то редкая книга, Семену Федоровичу об этом должно быть известно. Во всяком случае, он может сказать, где ее можно найти.

И Олег, преодолевая волнение, самым небрежным тоном сказал, что у него есть еще один заказ.

— Только не знаю, писать ли заявку, — добавил он с сомнением. — Не думаю, что это вообще можно найти.

Семен Федорович мельком на него взглянул и снова углубился в чтение своего каталога, как будто не знал его наизусть. Но Олег знал — тот заинтригован, задета его профессиональная гордость. А переспрашивать не будет — ни за что. Он великолепно знает, что клиенту больше некуда пойти.

— Дело в том, что книга редкая и очень старая. — Олег продолжал ходить вокруг да около. Он мельком подумал, что если бы Тамара его слышала, то страшно бы возмутилась. Ведь это была тайна, да еще и чужая.

Семен Федорович на миг поднял глаза и снова уставился в свой каталог.

— Я таких редкостей у вас никогда не заказывал, — добавил Олег.

Тот наконец не выдержал:

— Да о чем речь? Вы мне скажите толком, а я сразу вам отвечу — да или нет.

— Это сборник географических карт пятнадцатого века, — признался Олег, понизив голос. — На

пергаменте, раскрашенном вручную. Нет, вижу, что я напрасно к вам обращаюсь.

Семен Федорович закрыл каталог и медленно поднял взгляд. В его круглых, всегда как будто запыленных глазах отразилось недоверие. Он будто не был уверен, что точно расслышал покупателя.

— Географические карты пятнадцатого века? — повторил он. — Однако... В самом деле впервые о таком слышу. У нас-то, сами видите, художественная литература, искусство, альбомы... Но чтобы карты, да еще на пергаменте...

Он задумался, возведя глаза к зеркальному потолку и разглядывая там свое отражение. Потом тяжело вздохнул.

— Не знаю, что и сказать, — признался он. — Вы меня удивили. Интересуетесь такими вещами?

— Иногда, — скромно ответил Олег.

— Вы точно знаете, о чем идет речь, или просто слыхали о такой книге?

— Просто слыхал. Но от человека, который ее видел.

Семен Федорович опустил взгляд и сокрушенно покачал головой:

— Ну, я тоже повидал многое. Если бы я продавал все, что когда-то видел, этот магазин был бы мой.

И сам тихонько усмехнулся своей шутке. Казалось, можно с чистой совестью отойти от прилавка, но Олег остался на месте. Он ждал. Семен Федорович был уязвлен — самолюбие артиста не позволяло ему сказать «невозможно», а «достану» он тоже произнести не мог. В нем шла мучительная борьба. Время от времени он устремлял на Олега быстрый, испытующий взгляд, будто проверял: не шутка ли это, не насмехается ли над ним клиент, спрашивая такую диковинную вещь? Ведь ничего

подобного в этом магазине никогда не встречалось. Самая старая книга, которую видел здесь Олег, был славянский Псалтырь времен Иоанна Грозного. Этот монументальный черный фолиант, похожий даже не на книгу, а на какое-то древнее существо, долго стоял в углу, заботливо прикрытый какой-то потрепанной рогожкой. Казалось, он там живет — не хватало только блюдечка с молоком для полной иллюзии.

— А где, если не секрет, ваш приятель видел такую книгу? — спросил наконец Семен Федорович.

— В Москве.

— Вот как, в Москве... — недоверчиво повторил букинист. — Ему повезло!

Олег ступил на слишком зыбкую почву и сам это понимал. Ведь он знал наверняка только то, что в Москве находились несколько страниц из огромного фолианта. Где сама книга, откуда вырезали карты, — он понятия не имел. Может быть, в хранилище, может, у какого-нибудь коллекционера, вполне возможно, что ее и вовсе не существует.

— А позвольте спросить, — так же вкрадчиво, осторожно поинтересовался Семен Федорович, — вам это нужно просто для интереса или собираетесь купить?

Олег заволновался:

— Вы знаете, где можно ее купить?!

— Боже упаси. Я просто спрашиваю, какие у вас намерения. Чтобы заранее знать, что мне делать. Ведь как бывает — находишь книгу, а она, например, срочно продается. И тогда нечего зевать. Лишний день — и никогда в жизни вы ее больше не увидите.

— Я бы хотел купить.

Олег произнес эти слова через силу. Он хорошо понимал, что ни за что не купит этой книги — и в силу

финансовых причин, и в силу личных. Зачем ему такое древнее чудище, да еще за баснословную цену? Тем более, что он никогда не увлекался географией.

Услышав такое, Семен Федорович посмотрел на него с глубоким уважением. Давний клиент мгновенно вырос в его глазах.

— И сколько вы даете? — деловито спросил он. — Опять же, спрашиваю, чтобы потом не вышло осечки. Вы представляете себе примерную цену? Это, знаете ли, кругленькая сумма.

— Дам, сколько запросят, — твердо сказал Олег. — А что делать, если книга нужна?

— Ну да, ну да... Что ж, дайте мне точное название, и я попробую ее найти, — оптимистично заключил букинист. — Ничего, естественно, не обещаю. И не желаю обещать. Чтобы вы потом на меня не обижались. Ну а первый ваш заказ найдем — это что, это мелочи.

И когда Олег записал ему точное латинское название «Театра земель», тот принял листочек с крайним почтением. На эти строчки Семен Федорович смотрел с каким-то сладострастием, предвкушая долгую и трудную охоту, которая может завершиться провалом, а может и принести немалые комиссионные. Но самое главное — успех послужит его чести и славе. Олег ушел от него в растерзанных чувствах. Он и сам не мог понять — глупость он сделал или же предпринял очень хитрый ход, который никого не может скомпрометировать.

«Но Тамара все равно осталась бы мною недовольна, — подумал он, выходя их магазина. — А что мне делать, если она перекрыла единственный источник информации? Если нельзя пойти в хранилище, будем искать другие пути. Необходимо узнать, откуда у Нины эти карты. Слишком все это странно. И боюсь...

Боюсь, это как-то связано с ее гибелью. Она где-то раздобыла эти карты и погибла. Мария брала их на хранение — и ее постигла та же судьба. Обыски в квартирах, попытки покушений, убийства... Какой-то порочный круг, а в центре — эти две женщины и карты. Конечно, карты! Другой связи во всем этом я просто не вижу...»

* * *

— Задолбали! — Николай бросил трубку и мгновенно набрал другой номер. Дозвонившись приятелю-адвокату, он попросил его немедленно подъехать в офис.

— Что случилось?

— Да опять меня вызывают! Теперь начнется — весь день полетел к черту! Приезжай скорее, я обещал быть там через час.

Однако появление частного адвоката у следователя восторга не вызвало. Николая спросили: почему он так беспокоится? Идет обычный рабочий процесс, его вызывают в качестве одного из свидетелей, он не обвиняемый, не состоит под стражей... Но тот заявил, что без адвоката больше шагу не ступит. Ему не имеют права в этом отказать.

— Ну что ж, как хотите. У меня к вам несколько вопросов.

— Ради бога, — с вызовом ответил тот и повернулся на стуле так резко, что хлипкая мебель угрожающе крякнула. — Работайте.

— Вы никогда не занимались косметическим ремонтом своей машины? Я имею в виду — ничего не делали своими руками?

Николай раздраженно напомнил, что на этот вопрос ему уже приходилось отвечать. Не далее как

вчера, в этом самом кабинете, он сказал, что никогда не ремонтировал машину.

— Я в этом не разбираюсь. А если вы имеете в виду покраску...

— Вот именно. Вы никогда не красили машину сами?

— Даже не знаю, как это делается, — фыркнул Николай.

— Скажите, сколько было экземпляров ключей от вашей машины?

— И об этом вы уже спрашивали. Один. Второй жена потеряла.

— Как давно?

— Не знаю, осенью, наверное. В последнее время она всегда брала ключи у меня.

— Все ключи хранились на одной связке? И от багажника тоже?

Николай фыркнул:

— Все на одной связке, и все я вам отдал. В чем дело, в конце концов? Чем вы недовольны? Вы вообще не имели права забирать у меня машину, мне ездить не на чем! А я добровольно пошел навстречу, чтобы вам легче работалось! Теперь начинаются претензии на ровном месте!

Друг шепнул, чтобы Николай успокоился. А из ящика стола в это время появился целлофановый пакет, на дне которого болтался какой-то округлый предмет. Николай всмотрелся и недоуменно нахмурился:

— Что это?

— Баллончик с краской. Специальная краска для машин, быстросохнущая, с аэрозольным распылителем. Продается в любом автомагазине.

— Ну и что? — уже не так уверенно произнес Николай. — Зачем вы мне его показываете?

— Дело в том, что этот баллон был найден в вашем багажнике. Им уже пользовались. И цвет краски — мы проверили — точно соответствует цвету вашей «хонды».

Николай молча смотрел на находку. По-видимому, он никак не мог осмыслить значение услышанного. Зато заволновался приятель-адвокат.

— Подождите, — наконец вымолвил его подзащитный. — Откуда этот баллончик? Никакой краски в багажнике не было.

— Была.

— Почему вы обыскивали машину без присутствия хозяина? — волновался адвокат. — Вы не имели права!

— То есть как — без присутствия? — возразил следователь. — Вчера, когда вы передали нам ключи, мы при вас открывали и салон и багажник. И вы в присутствии свидетелей признали все вещи своими. В том числе этот баллончик.

— Да не обратил я на него внимания! — возмутился Николай. — Вы мне показываете мой же багажник, где черт знает сколько барахла, и спрашиваете: все вещи мои? Все мои, чьи же еще! Я вам так и сказал!

Его друг погас и только покачал головой. Николай вопросительно взглянул на него и перевел взгляд на следователя:

— Ну и что вы хотите сказать? Царапины закрасили этой самой краской?

— Похоже на то.

— Но я этот баллон туда не клал.

— В таком случае вы можете сделать письменное заявление об этом, и мы приобщим его к делу.

Николай задумался. Потом спросил: нет ли на баллоне отпечатков пальцев? За себя он ручается — в жизни не держал его в руках!

— Там нет никаких отпечатков, — порадовал его следователь. — Даже отпечатков пальцев продавца. Баллончик протерли, прежде чем положить в багажник. Значит, своим вы его не признаете?

— Ни в коем случае.

— Но вчера вы все-таки подписали протокол, признав все вещи своими.

— Да я не об этом думал! Вы сказали предоставить машину для эксперимента — я предоставил! Все было добровольно, я же хотел вам помочь! — Николай вскочил и навис над столом, будто собираясь разнести его на части ударом внушительного кулака. — Сами подумайте — ну на кой мне было класть этот чертов баллончик в свой багажник, если это я поцарапал и покрасил машину?! Я что же, по-вашему, — полный дебил?! Угрохал жену и следов не замел?!

Друг дергал его сзади за пиджак, уговаривая сесть и замолчать, но разъяренный Николай его не слушал. Дискуссия ни к чему не привела. Все закончилось написанием заявления, после чего Николая отпустили. Он едва переводил дух, усаживаясь в машину своего приятеля.

— Дело плохо, по-твоему? — спросил Николай, вглядываясь в его помрачневшее лицо.

— Слушай, ты точно не покупал эту краску?

— Ручаюсь. Зачем мне ее покупать?

— А твоя жена не могла...

— Она такими вещами не занималась.

Тот вздохнул:

— Ты уж меня извини, но похоже, приятель твоей жены оказался прав. Тебя кто-то хочет подставить. Баллончик подкинули, ясное дело. И это очень скверно, что у тебя всего один комплект ключей от машины. Ты сам это признал. А стало быть, если ис-

ключить твою жену, положить что-то в багажник мог только ты.

— Да глупости! Если бы я заметал следы и красил машину, я бы выбросил этот баллон! Неужели непонятно?!

Николай распустил узел гастука и сказал, что так примитивно его подставить не удастся. Наличие в багажнике баллончика с краской еще ничего не доказывает.

Если его друг и думал иначе, то все равно промолчал. Ему не хотелось раньше времени объяснять, насколько серьезно положение, в котором очутился Николай. Да тот бы ему и не поверил. В эту минуту он больше всего беспокоился об оставленной дома дочке.

После похорон матери Диана не ходила ни в школу, ни в свои бесчисленные кружки. Бабушки решили, что девочка пережила слишком глубокое потрясение, чтобы перенапрягаться, и держали ее дома. Инесса Павловна жила там постоянно, мать Николая приезжала каждый день. В доме все время появлялся кто-нибудь из родственников или друзей. Несмотря на это, Диана все равно выглядела заброшенной и очень одинокой.

Ее вчерашнее признание сильно озадачило отца. Николай поверил девочке — но только в первую минуту. Потом он призадумался. То, что рассказала Диана о неудачной попытке взлома, было слишком похоже на те байки, которые он слышал от покойной жены. Может быть, девочка услышала нечто подобное краем уха и теперь повторяла? Он не верил, что кто-нибудь может взломать дверь — там стояли достаточно надежные замки.

И все-таки... Из сумки его жены пропали ключи от квартиры. Ее паспорт остался на месте, но ведь там указан адрес. Преступнику не нужно быть семи

пядей во лбу, чтобы найти квартиру и проникнуть в нее. И Николай решил срочно поменять замки, раз уж невозможно сменить адрес.

Он еще с утра созвонился с фирмой, где когда-то заказывал входную дверь, и вызвал мастеров, а когда вернулся, работа уже шла вовсю. Диана стояла на лестничной клетке и сосредоточенно наблюдала за тем, как мастер выкручивает старый замок. Отец потрепал ее по склоненной голове:

— Ну, теперь успокоилась?

— А если они сломают дверь? — глубокомысленно произнесла дочь.

Мастер удивленно заметил:

— Надо же, какой умный ребенок! Не бойся, девочка, не сломают. Дверь у вас надежная, а сейчас я вам поставлю самые лучшие замки.

— Слышала? — спросил отец.

Но их аргументы не произвели на Диану никакого впечатления. Она слегка вздернула плечики:

— Все равно, папа, не оставляй меня одну. Я потом не могу спать.

Николай увел ее в квартиру, усадил в кресло и внушительно предупредил, что если она не перестанет бояться, то ей придется переехать жить к бабушке Инессе. Разве Диана этого хочет?

Девочка задумалась, потом подняла глаза:

— Нет, я останусь с тобой. Только ты так поздно возвращаешься! Папа, а почему у тебя отняли машину?

— Я сам ее отдал, на время.

— А бабушка говорит — ее не вернут.

— Бабушка говорит глупости, — сказал он и тут же пожалел об этом.

Диана и так почти не слушалась его тещи, а после таких заявлений становилась совсем неуправляемой.

Единственный человек, чье мнение было для нее авторитетным, умер. Только мать она выслушивала до конца и делала какие-то выводы. Сам Николай никогда не мог относиться к ребенку с нужной строгостью, и девочка часто понукала им, как хотела.

— Бабушка говорит, что мамины вещи нужно отдать бедным, — поведала ему Диана. — По-моему, не нужно. Я ей говорю, а она все равно хочет отнести их в нашу церковь.

— А тебе что — жалко?

Девочка забилась в глубь кресла и ничего не ответила. Глаза у нее были грустные, а вид такой неприкаянный, что Николай окончательно разозлился на тещу. «Могла бы подождать раздавать вещи! Еще и девяти дней не прошло, как погибла Нина!»

А Инесса Павловна как раз заканчивала разбирать огромный шкаф, где ее дочь хранила свои наряды. В основном там были деловые костюмы, брюки и свитера. Она раскладывала вещи на кровати аккуратными стопками, сортируя их по какому-то известному ей одной признаку. Николай остановился на пороге. Она не сразу его заметила, а увидев, смутилась:

— Ты уже вернулся? А я тут прибираюсь.

— Инесса Павловна, разве это так спешно? Диана переживает.

Та покачала головой:

— А что делать? Продавать нехорошо, да вы в этом и не нуждаетесь. Оставить все в шкафу — моль сожрет... Неужели ты думаешь, тряпки заменят девочке мать?

Он так не думал, но не мог забыть грустных глаз дочери. Однако Инесса Павловна стояла на своем — она отнесет вещи в местную благотворительную организацию, причем возьмет с собой Диану, чтобы та сама передала вещи в фонд. Она считала, что это

окажет на девочку положительное воздействие и поможет выйти из депрессии.

— Конечно, самое ценное мы оставим, — сказала она. — Шубу, например, кое-что из кожи. Ну и драгоценности, разумеется. Это пойдет Диане, кое-что она потом сможет носить. А остальное... Пока девочка вырастет, эти тряпки выйдут из моды. А ей — лишние слезы. Увидит что-нибудь, расстроится, начнет переживать.

В конце концов Николай вынужден был согласиться, что часть вещей лучше отдать, оставив дочери на память только самое ценное.

— И вот еще что, — после некоторого колебания сказала Инесса Павловна. — Уж прости, что я вмешиваюсь не в свое дело, но стоит ли хранить дома такую крупную сумму?

— Да ладно, о чем тут говорить, — отмахнулся Николай. — Сами видите — меняем замки.

— И все же...

— Не такие уж это большие деньги, — возразил он. — Не могу же я бегать в банк каждый раз, когда мне нужна мелочь на расходы.

Инесса Павловна странно на него взглянула, помялась и наконец осмелилась спросить: как у него идут дела на фирме? По-видимому, торговля пиломатериалами процветает?

— Как обычно, чуть лучше, чем в прошлом году, — удивился Николай. — А что?

Теща никогда не интересовалась его бизнесом и не отличала дубовой доски от ламината. Ее неожиданное любопытство очень озадачило зятя. Но он еще больше поразился, когда Инесса Павловна подала ему совет — не рисковать, пряча пачку денег в таком ненадежном хранилище, как стенной шкаф.

— Воры туда лезут первым делом, — напомнила она. — Ты бы подумал об этом... Я на эти деньги не зарюсь, но жалко будет, если пропадут. Это же трудовые, не ворованые!

— Постойте, Инесса Павловна! Вы о каких деньгах говорите? Я никогда не клал их в шкаф!

Она достала с опустевшей полки сверток в черном целлофановом пакете и протянула зятю.

— Я заглянула, думала, там какие-то вещи. Оказалось, доллары. Все-таки подумай над моими словами! Я их не искала, но вот — сразу наткнулась...

Он взял сверток, развернул обертку. У него в руках оказалась пачка стодолларовых купюр. Просмотрев ее, Николай убедился, что там было около тридцати тысяч. Инесса Павловна продолжала что-то говорить, но он уже не слушал.

Он никогда не приносил в дом такой суммы «на мелкие расходы». А если бы принес, то ему бы и в голову не пришло прятать деньги в шкаф.

— Где вы, говорите, это нашли? — резко спросил он, перебив тещу.

Та показала. Пачка хранилась на полке, где Нина держала свое нижнее белье. Николай никогда в жизни там не рылся.

Глава 17

Подушка пахла сладко и незнакомо — по ней расплескалась волна темно-рыжих волос. Олег тихонько дотронулся до них. Тамара не услышала — она уже спала.

Рядом на столике лежали ее очки — она сняла их так порывисто, что не успела положить в очешник. Если они случайно упадут и разобьются, то назавтра

их обладательница окажется почти слепой. Олег подумал, что нужно встать и переложить их подальше от края, но не было сил.

— Что? — переспросил он, склоняясь над нею. Ему показалось, что Тамара что-то сказала. Но она лишь слегка шевельнулась во сне, повернув к нему лицо.

Она не смыла косметику, сразу уснула. Вокруг глаз размазались зеленоватые тени. «Похожа на русалку, — подумал Олег. — Хорошо, что я ничего ей не рассказал, иначе бы она разволновалась. А сейчас так спокойно спит!»

Курьер из издательства приехал в его отсутствие. Тамара приняла его и обещала передать книгу по назначению. Потом Олегу звонила какая-то женщина — Тамара сняла трубку, заговорила с ней, но толку не добилась. Вместо того чтобы представиться, женщина принялась расспрашивать, с кем говорит. Казалось, она была встревожена.

— Это мама или сестра, — объяснил Олег. — Нет, скорее сестра. Мама бы обязательно представилась. И вообще, была бы рада твоему появлению.

— Почему?

— Она все пытается меня женить, — признался он. — До сих пор переживает, что я когда-то развелся.

— А, так мы с тобой члены одного клуба, — засмеялась Тамара. — Нужно было сказать, что я твоя невеста?

Они перебрасывались шутками на эту деликатную тему, и Олег не ощущал никакой неловкости. Скорее он растерялся накануне, когда она впервые у него заночевала. А теперь — ничуть. Он полностью сосредоточился на своем предприятии с Семеном Федоровичем, и, когда Тамара неожиданно подошла вплотную и заглянула ему в глаза, он даже не сразу понял, чего

она от него хочет. И только почувствовав нежное тепло ее губ, безмолвно обругал себя дураком.

Она больше не вспоминала своих прежних упреков, не говорила о том, как быстро возлюбленный забыл Нину. Олег не искал в ее поведении логики — ее не было, а если была, то он все равно не смог бы ее постичь. Он не задавал вопросов, и она ни о чем не спрашивала. Только поздно ночью, когда они лежали обнявшись, Тамара очень тихо сказала то, отчего ему сразу захотелось отодвинуться.

— Как страшно, — произнесла она.

Уже вторая женщина приходила к нему, ища помощи и защиты. Только поэтому? Олегу не хотелось так думать. И особенно не хотелось проводить между ними параллели. «С ней ничего не должно случиться, я этого не допущу!» — думал он, вдыхая запах ее волос. И думал, что скоро привыкнет к этому запаху, почти перестанет его замечать, но пока это внове, тревожит и возбуждает. «Тамара ничего не сделала и вообще тут ни при чем. Она права, что решила остановиться, спрятаться. Не стоит идти в хранилище, ни к чему задавать вопросы. Сегодня я сделал все, что мог. Если книгу не найдут — значит, это просто-напросто конец истории. И наверное, начало новой... Если Тамара не сбежит от меня, как только перестанет бояться».

Раньше она казалась ему смелой — иногда даже чересчур смелой. Особенно его раздражало, что она все-таки вынудила его пойти к следователю. В награду он получил сцену странной ревности от самой Тамары и оскорбления от секретарши Николая. А будет ли из этого какой-то толк...

Утром следующего дня, когда Тамара открыла глаза и повернулась к нему, Олег убедился, что смелой его подруга вовсе не была.

Она обняла его, спрятала лицо у него на плече и шепнула почти те самые слова, с которыми уснула:

— Я жутко боюсь.

— Опять? — огорчился он. — Прямо с утра? И чего ты боишься на этот раз?

Она вздохнула — будто кто-то пощекотал ему шею перышком:

— Боюсь все время. Знаешь, если бы ты не оставил меня здесь, я бы натворила кучу глупостей. Сбежала бы к родителям, например. А меня бы там могли найти.

— Не хочешь узнать, что творится у тебя дома?

Она очень даже хотела это знать. Но пойти туда — ни за что! Тамара сразу отвергла такое предложение. Олег пояснил, что она неверно его поняла — он сам собирался туда съездить и хотя бы взглянуть на входную дверь.

— Нет, нет. — Тамара отодвинулась и села на постели, нервными движениями собирая в узел спутанные волосы. — Тебя выследят. Я уверена, что за всеми нами следят.

— За кем — за всеми?

— За тобой и мной, за мужем Нины и за Валерой. И все из-за этих проклятых карт! Если бы можно было от них избавиться!

Она нисколько не сомневалась, что Маша тоже боялась этих проклятых листов пергамента. Иначе почему ни слова не сказала о том, что прячет их в шкафу?

— Значит, боялась, что я не позволю. Бедная... Ей немного было нужно, чтобы испугаться, а тут такое! Я уверена, она предчувствовала, что с ней случится несчастье. Потому и выразилась так странно в то воскресенье. Она никуда не собиралась уходить из дома. Да ей и некуда было идти — разве что ко мне, но она бы не захотела меня стеснять. Нет,

она имела в виду, что скоро умрет... А карты спрятала у меня в самый день своей гибели.

Олег изумленно на нее взглянул:

— Почему ты в этом так убеждена?

— Зачем же она заходила? — ответила Тамара вопросом на вопрос. — Она держалась так странно, как будто сама не понимала, зачем пришла. И ничего толком не сказала, не захотела подождать, когда уйдет мой ученик. Думаю, тогда-то она и спрятала карты в шкаф.

— От кого? От Нины?

Та нехотя кивнула и признала, что получается именно так. Ведь это Нина потом разыскивала карты.

— Значит, твоя свекровь не желала их возвращать хозяйке?

Тамара и тут вынуждена была согласиться, но это немало ее озадачило.

— Маша могла отдать свое, но чтобы взять чужое! Это на нее не похоже.

— Опять заколдованный круг!

В этом круге была одна неувязка, и Олег ясно ее различал. Если Нина была законной и окончательной владелицей карт — отчего она это скрывала? Почему сбежала, как только Валерий попытался установить ее личность? И кто на нее покушался? Если, конечно, допустить, что эти покушения впрямую относились к найденным в шкафу картам.

Но Тамара явно думала не об этом. Одеваясь и причесываясь, она выглядела очень расстроенной. А за чашкой кофе — и вовсе угнетенной. У нее был совсем безрадостный вид, и Олег даже пошутил, что это задевает его честь.

— У тебя такое лицо, будто ты вот-вот расплачешься, — сказал он. — Надеюсь, в этом все-таки виноват не я?

— Нет, — понуро ответила она. — Прости... Както глупо у нас все получилось.

— Глупо?

— Ну... странно, — поправилась Тамара. — Ведь ты явился ко мне совсем не потому, что я тебе приглянулась, и я стала общаться с тобой тоже не поэтому... Так все до сих пор и катится. Мы встречались, чтобы найти какие-то улики, я переехала к тебе жить от страха за свою жизнь, а совсем не потому что...

— Совсем не поэтому? Ничего себе! — перебил он.

Тамара запнулась и неожиданно рассмеялась:

— Да, я перегнула палку. «Поэтому» тоже, не сомневайся. Иначе я попросту вернулась бы к бывшему мужу. Как-никак он меня приглашал.

— А куда он денет свою подружку? Неужели она его бросила?

— Валера ее выгнал. Говорит — прозрел, надоела. Но меня это не волнует! Я никогда к нему не вернусь, даже если будет совсем некуда идти.

Олег не спрашивал, чем вызвано такое озлобление. Он слишком хорошо понимал, что можно возненавидеть человека, которого прежде любил, — причем без особых причин. Именно так и вышло с его ранним браком. Поженились второпях, узнали друг друга слишком плохо и поздно, оба считали себя обманутыми... И, расставаясь, смотрели друг на друга с неприязнью — хотя причин для этого не было.

— Мне даже странно вспоминать, что я когда-то была им увлечена. — Тамара говорила тихо, будто сама с собой. — Он казался хорошим, добрым парнем, и, во всяком случае, я думала, будто он меня любит. А потом, когда появилась эта девица...

«Значит, они все-таки расстались из-за Лики, — констатировал про себя Олег. — Да, я уже заметил, что Тамара ревнива».

— Хватит! — Она улыбнулась и перевела на него потеплевший взгляд. — Давай не будем говорить о нашем прошлом?

— Охотно, — согласился Олег. — Иначе придется слишком много оправдываться.

Она коснулась его плеча и тут же смущенно убрала руку.

— А за ту сцену, которую я устроила в понедельник, ты меня прости. Нервы не выдержали. Знаешь, мне почему-то подумалось — может, ты и меня забудешь так же просто, как забыл Нину? Придет время — и забудешь. Я дура, да?

Тамара улыбалась сквозь выступившие слезы. Главная ее беда, призналась она, в слишком бурной фантазии. Едва человек ей понравится — и готово, она сразу строит далекие планы на будущее. И в том числе, помимо картин семейного счастья, воображает его измену, предательство...

— И все кончается, даже не начавшись, — сокрушалась она. — Я каждый раз думаю: зачем его ждать, зачем ему верить, если все равно наступит охлаждение и кто-то кого-то обманет?

— Если так рассуждать, то логичнее покончить с собой, — заметил Олег. — Все равно умирать, какая разница — раньше или позже?

Тамара не успела ни возразить, ни согласиться. В коридоре зазвонил телефон. «Если это Ольга, мне придется долго и бестолково врать, — подумал он, неохотно вставая из-за стола. — И хуже всего, что Тамара услышит каждое мое слово».

Но в трубке зазвучал мужской голос, который Олег сразу узнал по характерной, чуть ироничной интонации.

— Здравствуйте, это из магазина.

— Семен Федорович? — У него замерло, а потом быстрее забилось сердце. — Неужели нашли?!

— Почти нашел, — озабоченно и не очень радостно признался тот.

— Так быстро?!

— А вы как думали? — сердито оборвал его букинист. — Вы мне вчера задурили голову своим атласом, извините за выражение... Весь вечер обзванивал знакомых, всю Москву поднял вверх дном. Все-таки нашел. Но...

— Да?

В трубке повисло молчание. Семен Федорович был великим мастером на эффектные паузы. Олег давно это знал, но эта причудливая черта никогда не раздражала его в старом знакомом. Сейчас же он был готов сорваться и заорать, что нечего напускать туман, дело слишком важное!

Однако букинист заговорил сам. Он признался, что лично книги не видел — но зато услышал о ней через знакомых каких-то знакомых, которые, в свою очередь, слышали о ее существовании в одном месте... Семен Федорович рассказывал историю поисков со вкусом, не упуская подробностей, а Олег томился, не решаясь его перебить. Больше всего он боялся, что тот потребует немедленно расплатиться за выполненный заказ. А платить было нечем — полученный в издательстве аванс стремительно убывал, да и сумма была явно недостаточной для подобной покупки.

— Так можно будет взглянуть на книгу? — наконец вставил словечко Олег.

Семен Федорович снова замялся:

— Можно-то можно, да только она не продается...

«Книга в хранилище, — мелькнуло у него в голове. — Так я и думал!» Олег все-таки попытался выцедить из своего собеседника, где находится вожделенный «Театр земель». В этот миг он совершенно

забыл о Тамаре и опомнился, только увидев рядом ее большие, испуганные глаза. Она прижимала руку к губам и то и дело порывалась что-то сказать.

— Если книга не продается, я с этим смирюсь, — твердо сказал Олег. — Но мне обязательно нужно на нее посмотреть!

— Зачем?

— Ради... научного интереса.

— А может, все-таки хотите купить?

В этом голосе было столько вкрадчивости, что Олег насторожился. Книга продается, это ясно — иначе к чему задавать вопросы? Семен Федорович ничего не скажет зря. Но цена явно оказалась такой заоблачной, что букинист просто не решается ее назвать и теперь разжигает аппетит у потенциального покупателя.

— Хочу, — кротко, без раздражения повторил Олег.

— Да откуда у вас такой интерес к географии? — удивился тот. — Цена-то, знаете... Кусается. А что пользы от этой книги? Разве вы коллекционируете карты?

Олегу с трудом удавалось сохранять спокойствие. Тем более, что рядом стояла Тамара и лихорадочно следила за ходом разговора. Он попытался ее успокоить, дотронулся ладонью до ее волос, но женщина даже не заметила этого жеста. Она нервничала так сильно, что ее возбуждение, как грозовое электричество, пронзало воздух.

— И сколько же просят за этот атлас? — спросил Олег. — Говорите, Семен Федорович, я ко всему готов.

— Ну как я могу сказать такое по телефону...

— Тогда давайте встретимся?

Букинист неожиданно перестал увиливать и сам назначил время. Это еще раз убедило Олега, что кни-

га все-таки найдена и продается. Иначе тот не стал бы тратить свое время на разговоры о ней.

Встреча была назначена не в самом магазине, а в примыкающем к нему переулке. Семен Федорович объяснил, что оставляет там машину.

— И мы сразу поедем на место, — сказал букинист, окончательно отбросив свои прежние увиливания. — Потому что стоит поторопиться. Вам крупно, очень крупно повезло!

Стоило положить трубку, как Тамара вцепилась в него. Она была почти в истерике:

— О чем ты говорил?! Где этот чертов «Театр земель»?! Там, да?!

— Где — там?

— В хранилище?

Олег попытался переубедить ее. Да, он просил о помощи частного букиниста, но ни словом не упоминал о хранилище. Будь книга в хранилище — она бы не продавалась! А ему почти что назвали цену.

Тамара боялась верить. Он видел, как в ее глазах мелькает то страх, то радость, то сомнение. Наконец она пробормотала, что это было бы просто замечательно. Но... Все равно такой поворот событий ей не нравится. Почему Олег не предупредил, что продолжает поиски?

— Я сделал все, чтобы оставить Марию в стороне. Сказал, что книга нужна мне самому, что я узнал о ней понаслышке. Что здесь подозрительного?

Но она никак не могла успокоиться и тревожно спросила: поедет ли он к продавцу этой проклятой книги? Да ведь это попросту опасно! Как он считает — сколько таких книг может быть в Москве? Откуда могли вырезать эти карты, которые так тщательно прятала Маша?

Олег и сам задавался этим вопросом. Края срезов были совсем свежие и еще не успели обмахриться. Их как будто сделали вчера — еще виднелись зазубрины от ножа на плотном покоробившемся пергаменте. И вот — эта книга ждет его совсем рядом, где-то в Москве. Может ли быть, что ее хозяин каким-то образом был связан с гибелью обеих женщин?

— Где эти карты? — настойчиво расспрашивала его Тамара. — Почему тебе толком не сказали? Куда придется ехать?

А так как Олег не мог ответить ни на один вопрос, она заявила, что либо поедет с ним, либо никуда его не отпустит. Он решительно возразил:

— Этого еще не хватало! Под каким соусом я тебя представлю?

— Кому это придется меня представлять? Этот человек — твой друг? — И, мгновенно сбавив тон, она поинтересовалась, не был ли он знаком с Ниной.

Олег покачал головой. Семен Федорович, вероятно, как-нибудь видел Нину — они однажды вместе зашли в букинистический отдел. Но та держалась равнодушно, книг не рассматривала и быстро отошла к стенду с поздравительными открытками. Вряд ли букинист выделил ее из толпы покупателей.

— Тогда почему я не могу поехать? — жалобно спросила Тамара. — Ведь это прежде всего касается меня!

Она напомнила, что фактически карты были отданы ей на хранение. Конечно, Маша ничего об этом не говорила, но раз доверила именно ей... Логика была диковатой, но Олег больше не возражал. Ему подумалось, что присутствие Тамары будет вполне оправданно. Предположим, она его жена и отговаривает мужа от безумной траты денег... Поэтому и потащилась вслед за ним, хотя ее никто не звал. Под этим предло-

том он в конце концов сможет отказаться от покупки карт. «А если я соглашусь на сделку, то придется прощаться с машиной, а то и с квартирой... — подумал Олег. — Уж что-что, а уламывать покупателя Семен Федорович умеет! Сколько я ему денег переплатил! Однако нужно отдать ему должное — он может найти то, о чем другие даже не слыхивали».

Он поделился с Тамарой своим планом, и она согласилась разыграть роль скуповатой жены, контролирующей мужа-коллекционера.

* * *

Олег давно уже не встречал на улицах Москвы этих старых пузатых «Побед». А у Семена Федоровича оказалась именно такая машина, причем в превосходном состоянии. Заметив удивленные взгляды, он пояснил, что раньше хотел было распрощаться с этим отцовским наследством, но потом передумал и привел автомобиль в полный порядок.

— Тоже своего рода антиквариат, — заметил он. — Теперь мне за него большие деньги предлагают, можно выгодно продать. Но я не хочу. Меня на нем еще маленьким мальчиком возили, мы вроде как родственники.

Он уселся за руль, часто поглядывая на Тамару. Вероятно, ожидал, что женщина разговорится, но она молчала. Олег представил ее как свою супругу и больше никаких комментариев не делал.

— Нам недалеко, — сказал Семен Федорович. — Можно бы и пешком, но вот ноги... А ноги — это мой хлеб, они меня кормят.

Олег припомнил поговорку о волке, которого кормят ноги, но, разумеется, не высказал ее вслух. А Тамара все так же равнодушно, не отрываясь, смотрела

в окно. Она выглядела скучающей, уставшей от мужниных капризов супругой и великолепно, на взгляд Олега, играла свою роль.

В самом деле, доехали меньше чем за двадцать минут. И чем больше они приближались к району Чистых прудов, тем больше волновался Олег. «Вот оно, вот... — стучало у него в висках. — Все сходится! Здесь живет владелец книги, сюда пришла Мария... Здесь назначила мне свидание Нина». Вероятно, и Тамара думала о том же, но держалась стойко, и на лице ее не было заметно ни малейшего волнения.

Машина остановилась в конце длинного, плавной дугой загибающегося к центру переулка. Семен Федорович вышел и пригласил спутников следовать за ним. Миновали подворотню и очутились в замусоренном, тесном дворе. Здесь стояло несколько разномастных домиков, один из которых выглядел настоящим ветераном. Бревенчатый, черный от времени двухэтажный дом с тусклыми окнами и заколоченными крест-накрест дверями казался нежилым, однако Семен Федорович направился именно к нему. Обогнул угол, потянул на себя ручку массивной, обитой дерматином двери. Она открылась — хлипкий замок не был заперт.

И все трое оказались в холодной, нетопленой прихожей. Или, вернее сказать, — в сенях. Свет слабо проникал сюда из маленького занавешенного линялой тряпицей окошка. Сени от пола до потолка были забиты каким-то громоздким хламом. Остро пахло сыростью и мышами. Тамара невольно придвинулась ближе к Олегу, и он ощутил мягкое, горячее касание ее шубы. Нашел в глубине меха тонкие пальцы, и они быстро, тайно ответили ему нервным, сухим пожатием.

— Нас ждут, поэтому открыто, — пояснил Семен Федорович, осторожно пробираясь к дальней двери. — Звонка-то нет.

— Я здесь, Сема, здесь, — неожиданно отозвался из глубины дома странный, какой-то невнятный голос. Казалось, заговорила сама избушка — растягивая и пережевывая слова, не делая между ними четкой границы. Дальняя дверь отворилась, и возникшая в проеме фигура приветливо поманила гостей войти.

Еще одни сени — крохотные, устланные рваным — явно с помойки — линолеумом. В углу — кованая чугунная вешалка, несколько огромных стеклянных бутылей и угрожающе накренившийся хилый табурет. Пол ощутимо уходил под уклон — казалось, визитеры спускаются в сырую вязкую темноту. Но тут вспыхнул свет, и они оказались в маленькой душной комнатке.

Олег не знал, куда смотреть — у него разбегались глаза, такое он видел впервые. И никогда бы не поверил, что подобный особнячок может уцелеть в самом центре Москвы, где земля на вес золота, а печное отопление приказало долго жить.

Треть комнаты занимал кафельный бок огромной печки. От него так и веяло стужей — Олег ненароком задел его плечом. Жарко в комнатке было потому, что в розетки были воткнуты шнуры от двух мощных обогревателей. Он взглянул на Тамару — у нее разгорелось лицо, она торопливо расстегивала шубу.

Комнатка была крохотной, не больше десяти метров общей площадью. Но потолок оказался высоким да еще украшенным лепниной. Все стены были сплошь увешаны картинами — как успел заметить Олег, довольно посредственными и явно современными. В основном это были пейзажи, среди которых затесались два-три натюрморта. Из прочей обстановки присутствовал низенький столик с гнутыми нож-

ками и такое же приземистое, превосходно сохранившееся креслице. Обе вещи — явно из прошлого столетия, и, может быть, из этого самого особнячка. И конечно, в комнате наличествовал сам хозяин.

Это был бледный, какой-то отсыревший старичок с пустым младенческим взглядом голубых глаз. Несмотря на страшную жару, он был одет очень тепло — на плечах меховая жилетка, на ногах — коротко обрезанные валенки. Семен Федорович поздоровался с ним за руку и представил своих спутников:

— Вот эти молодые люди, Кирюша. Я тебе говорил.

Тот впился глазами ему в лицо, кивнул и перевел взгляд на гостей. Олег слегка поклонился. Он не знал, как себя вести, что подумать. Но чувствовал — если эта книга в Москве, ее настоящее место именно здесь. Он даже ощущал ее присутствие где-то в недрах особнячка.

Кирюша — в нем действительно было что-то детское — выжидательно смотрел ему прямо в глаза. Олег смущенно заговорил:

— Мы слышали, у вас есть эта книга, так вот...

Но Семен Федорович моментально его перебил:

— Не отворачивайтесь, он вас не слышит. Читает по губам.

— Говорите, пожалуйста, медленнее, — снова протянул этот глухой, невнятный голос, проглатывающий согласные и путающий звуки. На некоторых звуках его заедало, совсем так, как западает и долго звучит клавиша старого пианино. Гласные перетекали одна в другую, и понять что-либо было почти невозможно.

И тут вперед выступила Тамара. Отчетливо артикулируя, как будто занимаясь с нерадивым учеником, она коротко и толково объяснила цель визита. Кирюша обрадовался:

— Да, есть такая книга!

Тамаре пришлось перевести это для Олега. И в дальнейшем, что бы ни произносил хозяин особнячка, она быстрым шепотом передавала его слова Олегу. А тот говорил много и охотно, совсем не считаясь со своим физическим недостатком и с тем, что слушатели мучительно напрягались, чтобы его понять.

— Он говорит, что знает эту книгу, видел ее, — переводила Тамара.

Она раскраснелась — то ли от жары, то ли от волнения и совершенно вышла из роли равнодушно скучающей жены. Впрочем, и Олег обо всем забыл. При первом же взгляде на Кирюшу у него из головы вылетели все приготовленные для него легенды.

— Говорит, что книга очень редкая и ее никогда не продавали. Поэтому о ней никто ничего не знает. А он знает.

— Чего он только не знает, — дружелюбно подтвердил Семен Федорович. Букинист по-свойски расположился в креслице и жевал неизвестно откуда взявшееся яблоко. Возможно, он принес его в кармане пальто. — Тип колоссальный! Не упускайте возможности, посмотрите на него хорошенько. Глух, как тетерев, на оба уха, таким и родился. Был беспризорником, побирался, всю страну изъездил, в Москве попал в детдом для дефективных. Научили его там говорить, читать, рисовать. Открылись способности... В свое время был известным иллюстратором! — Семен Федорович ностальгически вздохнул. — Теперь уж его забыли. Пережиток прошлого, никому не нужен... Но этот домик все-таки при нем остался, от Союза художников когда-то перепало. Здесь у него мастерская. На старости лет открыл у себя новый талант — пишет старичок маслом, светотень осваивает. Не сдается! А ведь всю жизнь гуашью работал. Верно, Кирюша?

Кирюша, с восторженным вниманием следивший за губами друга, усиленно закивал и принялся что-то лопотать. Тамара вслушалась и пояснила Олегу, что старик вспоминает похороны Сталина и свое чудесное избавление от гибели в обезумевшей толпе.

— Он провалился в канализационный люк на Страстном бульваре и заполз подальше за трубы, — сказала она. — Ужас, кошмар. Про книгу больше не говорит.

— Кирюша, ближе к делу, — услышал ее Семен Федорович. — Это у нас, стариков, времени много. А молодежь всегда торопится. Где книга?

— У меня ее нет.

Теперь даже Олег его понял, возможно, потому, что очень хотел понять.

— Но он знает человека, который ею владеет и, может быть, даже продаст, — перевела Тамара.

— А посмотреть на книгу можно?

Кирюша закивал:

— Можно! Можно! Только хозяин боится показывать!

— Почему?

Оказалось, хозяин книги боится быть обворованным. Семен Федорович добавил от себя, что ничего удивительного в этом нет. К коллекционерам часто приходят покупатели... Вроде хорошие, понимающие люди. А потом забирают товар без всяких денег. Фомкой орудуют, а то и ножом.

— Да неужели вы считаете меня... — начал было Олег, но собеседник его остановил:

— Я не о вас говорил, а вообще. Хозяин книги — старый человек, вот как мой Кирюша. Защитить его некому, а ценности у него хранятся большие. Натурально, боится.

— Но с вашей рекомендацией...

Семен Федорович решительно заявил, что в таких случаях никаких рекомендаций не дает. И за себя самого не поручится, не то что за другого.

— Вы же понимаете, что коллекционеры — сумасшедшие, — ласково сказал он. — Бывает, что и порядочный человек может украсть. Это страсть, помешательство в своем роде. Так, Кирюша?

Но тот не следил за его губами. Очень заинтересовавшись Тамарой, старичок показывал ей развешанные на стенах картины и что-то горячо объяснял. Она кивала, улыбалась и время от времени быстро, отчаянно оглядывалась на Олега. Тот начинал закипать.

— Тогда скажите мне, Семен Федорович, зачем мы сюда пришли? Что книга есть в Москве — это мне и раньше было известно. Я хотел на нее взглянуть, а получается, что это невозможно.

— Почему невозможно, все можно сделать. Кстати, — Семен Федорович доел яблоко и элегантно швырнул огрызок на печку, — от кого вы узнали о существовании такой книжицы? Дело в том, что старичок никому об этом не рассказывал. Разве что Кирюше, но они, можно сказать, родные. Теперь хозяин беспокоится. Узнал через Кирюшу, что ищут его книгу, и беспокоится. Вы поймите — ему уж под девяносто, слабый больной человек, с причудами. И потом, его уже не раз пытались обворовать.

Олег раздраженно ответил, что совершенно не помнит, кто упоминал об этой книге. Мало ли у него знакомых! Услышав о существовании такого раритета, он заинтересовался им, и этот интерес не имеет ничего общего с уголовщиной.

— Жаль, что вы не помните, — вздохнул букинист. — Беда в том, что эту книгу уже пытались украсть. Именно эту книгу. И кто о ней пронюхал — до сих пор непонятно.

Тамара обернулась, оставив без внимания своего древнего кавалера. Тот как раз захлебывался вдохновенным клекотом перед каким-то натюрмортом.

— Так эту книгу украли? — резко переспросила она.

Олег про себя умолял ее сдержаться. Она совсем вышла из роли, обо всем забыла. Но Семен Федорович не усмотрел в ее испуге ничего удивительного. Он успокоил гостью, пояснив, что книга цела. Точнее, цела частично.

— Но из нее вырезали несколько страниц, — убито признался он. — Варвары, убийцы... Старикан едва остался жив, когда увидел...

У Олега потемнело в глазах. Услышанные слова растянулись и поплыли в нестерпимой жаре, хотя у Семена Федоровича не было никакого дефекта речи. Он расслышал слабый далекий вскрик Тамары, а потом, после короткой темной паузы, увидел над собой ее склонившееся бледное лицо.

Олег сидел на полу, прислонившись спиной к печке. Голова все еще кружилась, но дурнота постепенно проходила. Ломило виски. Семен Федорович, ругаясь на Кирюшу, пытался открыть крохотную форточку, прорезанную в рассохшемся высоком окне:

— Вот глухой дьявол, натопит, как в бане, и морит людей. У него артрит, вечно мерзнет.

— А-аит... — грустно подтвердил Кирюша. — Ваады а-ите?

— Олег, может, в самом деле водички? — тревожно спросила Тамара. — Как ты себя чувствуешь?

Он медленно поднялся, цепляясь за угол печки. Повел взглядом — комната больше не кружилась, все предметы остались на месте. Семену Федоровичу удалось открыть форточку, и струя морозного воздуха побежала в натопленную духоту.

— Нет, мне уже хорошо, — поблагодарил Олег. — Не знаю, что со мной случилось... Устал.

— Это нервы, — кивнул букинист. — Так вот, что касается книги, я не договорил. Какой-то неизвестный субъект вырезал из нее пятнадцать карт, причем из самой середины фолианта. А до этого книга была в превосходном состоянии. Насколько это вообще возможно для такой седой древности... В общем, настоящая трагедия. Я как услышал — сердце защемило, что уж говорить о самом дедушке... Он бы скорее руку себе дал отрезать, чем эти страницы.

Кирюша понял, о чем идет речь, и добавил кое-что от себя. Он сообщил, что воры забрались в жилище его друга среди ночи, когда тот спал, и ничего, кроме этой книги, не тронули. Хотя могли бы вынести множество редких и старинных вещей.

— И хозяин не проснулся? — удивилась Тамара. Она взяла себя в руки и говорила почти спокойно. Но Олег различал в ее глазах острые яркие искорки. Она очень волновалась.

— Я же вам говорю — ему почти девяносто, — сокрушенно возразил Семен Федорович. — Он почти ничего не слышит. Хотя до Кирюши ему все равно далеко. Кирюшу тоже как-то попытались обворовать, правда, старикан? Все иконы вынесли, хорошо — милиция помогла. Тут отделение прямо напротив, увидели, что какой-то незнакомый молодняк выносит сумки из Кирюшиной избушки. А к нему такие гости не ходят. Он ведь у нас дед-лесовик, один на всю Москву... Местный дух.

Кирюша понял и довольно засмеялся.

— Самое грустное, что теперь этот фолиант потерял половину своей ценности, — продолжал Семен Федорович с профессиональной скорбью. — Или цены — кому как нравится. Испохабленная вещь —

это уж на любителя. Сами понимаете, такой товар не всякого устроит. Ну вот хозяин и колеблется: что ему теперь делать? Оставить книгу у себя — одни слезы. Продать? А сколько брать? Кто ее такую купит? — Он махнул рукой. — Вот если бы он прежде ко мне обратился, я бы ему такого покупателя нашел! А теперь... Не знаю, как за это взяться.

Олег повторил, что ему все равно хотелось бы увидеть эту книгу. Научный интерес. Но Семен Федорович выдвинул жесткое условие — книгу можно увидеть только в том случае, если она немедленно будет приобретена.

— Зачем зря старика нервировать? Он и так на ладан дышит. Вы учтите — это вам не магазин, он к каждой вещичке всей душой прирос. И никому ничего не продавал — никогда в жизни. Мог быть богатым человеком, а живет черт знает как!

— Мы подумаем, — быстро вмешалась Тамара. — Да, Олег? Подумаем. — И взяла его под руку, крепко сжав локоть.

Олег понял — она хочет его отсюда увести.

— Но почему вырезали именно эти карты? — спросил он. — Почему не унесли всю книгу?

Семен Федорович развел руками:

— Ну мало ли почему. Такая книга — вещь громоздкая, ее так просто не унесешь. Но думается мне, что это сработали какие-то недоумки. Решили, что смогут продать на черном рынке несколько картинок и замести следы — никто, дескать, не поймет, откуда они взялись. А может, не представляли себе, сколько за всю эту прелесть можно выручить. Не знаю, я этого с ними не обсуждал. А вы, я вижу, остыли. Что и требовалось доказать. Кому нужен порченый товар? — Он слегка обнял за плечи Кирюшу и шутливо его тряхнул: — Вот если бы нашлись

карты, да, Кирюша? Хозяин бы немало за них заплатил!

— Вы же говорите, что он нищий, — удивилась Тамара.

Но Семен Федорович очень серьезно пояснил, что для восстановления своего имущества хозяин книги никаких денег не пожалеет. А деньги у него есть — как не быть. Он владеет такими вещами, которые получше денег, потому что с каждым днем только дорожают.

— Старичок расстался бы кое с чем, чтобы получить обратно свои картинки. И в милицию на воров не заявит, я его знаю. Найти бы только! Скажите, вы могли бы ему помочь?

Глава 18

Олег подумал, что ослышался. Семен Федорович произнес последнюю фразу небрежно, как бы не вкладывая в нее никакого особого смысла. Но потом, когда до него дошло, о чем тот просит, ему снова стало душно. И не из-за жары — комната успела проветриться. Рядом стояла притихшая, настороженно напрягшаяся Тамара.

— Но чем же я могу помочь? — словно со стороны услышал Олег свой спокойный, совершенно равнодушный голос. Он даже возгордился тем, как ловко овладел собой за считанные секунды.

— Могли бы вспомнить, кто вам говорил про книгу, — все так же небрежно продолжал Семен Федорович. — Вы поймите — вопрос очень деликатный. Может быть, человек сделал это не подумав, не сообразил, что творит... А теперь раскаивается, жалеет, хочет вернуть карты. Да к тому же он еще и день-

ги за это получит. То есть все равно заработает — понимаете?

Кирюша волновался, с надеждой вглядываясь в лицо Олега. Тому было очень неловко. «Неужто он принимает меня за вора? Семена стесняться нечего, он тот еще тип, но вот этот, этот... Ведь сущее дитя! Не он ли настоящий хозяин карт? Может быть, просто не хочет сознаваться?»

— Я попробую вспомнить, — пообещал Олег. — Но не думаю, что среди моих знакомых мог оказаться вор. Да еще такой варвар! Вырезать карты, испортить книгу! Как вы думаете, сколько он думал за них выручить? Я имею в виду настоящего вора?

И тут он окончательно убедился, что его подозревают в совершенном преступлении. Быстрый, острый взгляд Семена Федоровича, испуг в глазках Кирюши. И наконец, ответ:

— Ну, около двух тысяч долларов.

— Как, всего? — вырвалось у Олега. Он не был специалистом в данном вопросе, но ему казалось, что карты должны стоить намного дороже.

— Я имел в виду черный рынок, ведь как ни крути, а это краденка, — пояснил Семен Федорович. — Да сами посудите — какая им цена без самой книги?

Взволнованный Кирюша промялил что-то совсем уж неразборчивое. Даже Тамара нахмурилась, тщетно пытаясь его понять. Семен Федорович перевел:

— Кирюша говорит, что хозяин ничего не пожалеет, но больших денег у него нет. Однако настоящую цену за карты все равно даст. Даст еще на тысячу больше.

— Какой смысл вообще об этом говорить? — возразил Олег. — Это надо обсуждать с тем, кто взял карты.

Букинист погас. Олег видел, что тот хочет сказать что-то еще, но не решается. Все было ясно — его приняли если не за вора, то, во всяком случае, за сообщника. «А вдруг так и есть? — мелькнуло у него в голове. — Могла ли Нина... Нет!»

Тамара начала прощаться. При этом она так настойчиво тянула своего кавалера к двери, что Олег вышел из комнаты, сам того не замечая. Он опомнился только в передних сенях, когда больно ушиб колено о какой-то древний сундук. За сундуком что-то зашуршало, покатилось, Тамара взвизгнула.

— Крысы, — равнодушно сказал Семен Федорович. Он шел за ними. — Тут их полно. Кирюша не боится, он в своей жизни и не такое повидал... Жаль, жаль.

Его жалость явно относилась не к превратностям жизни старого друга, потому что на свежем воздухе он снова заговорил об испорченной книге. Букинист пустился в рассуждения о том, как трудно сохранить в неприкосновенности подобный раритет, какой страшный ущерб нанесен драгоценному изданию и как было бы замечательно восстановить его в прежнем виде.

— Тут даже не о деньгах речь, а об исторической ценности, — сокрушенно сказал он. — Думаю, хозяин дал бы все пять тысяч. Даже не сомневаюсь в этом. Подумайте...

Олег обернулся — в наступающих сумерках лицо Семена Федоровича расплывалось в плоский серый блин, и невозможно было различить его выражения. Фонари в этом дворике не горели.

— Послушайте, вы всерьез полагаете, что я знаюсь с ворами? — резко спросил он. — Мне кажется, что вы пытаетесь со мной торговаться!

Тот перепугался:

— Да что вы, и в мыслях не было! Это я так, размышляю вслух! Просто удивительно, что вы прежде слышали об этой книге... Такое совпадение.

— Скажите, а когда обворовали того старичка? — неожиданно вступила в разговор Тамара. До этого она что-то напряженно обдумывала.

Семен Федорович сообщил, что порча книги произошла совсем недавно, в октябре. Олег похолодел. Он боялся даже взглянуть на Тамару. Ведь ее свекровь принесла таинственный сверток в самом начале ноября. Все совпадало. «Нина купила краденые карты, Мария их укрывала. Больше нечего строить домыслы. Факты говорят сами за себя».

Тамара больше ни о чем не спрашивала. Она кивнула и неуверенной походкой двинулась в сторону подворотни. Олег догнал ее, придержал за локоть — казалось, она вот-вот упадет. На улице, под фонарем, он взглянул ей в лицо и отшатнулся — так страшно оно было искажено.

— Скажи ему, что мы доберемся сами, — прошептала Тамара.

Олег с трудом избавился от навязчивой любезности букиниста. Тот непременно хотел подвезти парочку домой. В конце концов они распрощались, и Семен Федорович уехал. Тамара все это время молчала и только старалась отвернуться, чтобы на ее лицо не падал свет. Олег обнял ее за плечи:

— Успокойся! Может, все еще и не так...

— Замолчи, — простонала женщина. — Все именно так! Твоя подруга передала Маше краденое... Та не знала, не могла знать! Иначе никогда бы не взяла!

— Конечно, не знала. — Олег гладил ее плечи и оглядывался. Нужно срочно найти кафе. Стакан воды, рюмка коньяку — и Тамара придет в себя. А сейчас ее

так трясет — вот-вот разрыдается, забьется в истерике. «Ужасно, когда рушатся идеалы, — подумал он. — Хотя ее свекровь, может быть, и не виновата».

Вряд ли Тамара сознавала, куда он ее ведет. Она шагала рядом, как заведенный автомат, глядя себе под ноги и не вступая в разговор. Олег довел ее до угла, выходящего на бульвар. Прямо перед ними прогрохотал освещенный изнутри, набитый вечерними пассажирами трамвай. И только тут Тамара очнулась и подняла взгляд.

— Поехали домой, — предложил Олег. — Я сейчас возьму такси, здесь совсем недалеко.

Но она промолчала, вглядываясь в черную, покрытую пятнами наледи гладь пруда. Потом подняла руку и указала на противоположный берег:

— Ты нашел ее там?

— Да. Вторая скамейка от конца. Видишь?

Она видела. Некоторое время они стояли на ветру не двигаясь, не разговаривая. Олег начал замерзать. Наконец Тамара повернулась к нему:

— Давай где-нибудь посидим. Кажется, здесь есть недорогой ресторанчик, я в нем была.

Ресторан, специализировавшийся на разнообразных блюдах из курятины, был полон. Олег с трудом отыскал столик, купил Тамаре пива — от коньяка она решительно отказалась, как, впрочем, и от другого угощения. Себе он взял целый обед — его одолевал волчий голод.

— Не ешь острого, — машинально заметила спутница, когда он щедро полил румяную куриную тушку мексиканским соусом. — Недавно же мучился с желудком.

— Ты говоришь как жена, — пошутил он. И в самом деле, у нее был такой тон, будто они прожили вместе не менее десяти лет.

— Будет тебе, — отмахнулась Тамара. — Просто я за тебя боюсь. Олег, что будем делать?

Он с сожалением оторвался от курицы:

— А что мы можем сделать?

— Нужно вернуть этому несчастному старику его карты. Конечно, не за деньги, это просто... — И после заминки закончила фразу: — Грабеж.

— Сперва нужно выяснить, каким образом эти карты попали к Нине. Не забывай, что она погибла!

— Ее могли убить те, кто украл карты, — тихо сказала Тамара. Она вертела в пальцах запотевший бокал, но пока не сделала ни одного глотка. — Скажем, предложили ей их приобрести, она согласилась... А потом что-то заподозрила и решила выяснить их происхождение. А это было опасно.

У Олега постепенно пропадал аппетит, и вовсе не потому, что он уже наелся. Возражать Тамаре смысла не имело — все это время она как будто говорила сама с собой. Нервный шок еще не прошел, и она едва замечала своего спутника.

— Но зачем она встретилась с Машей? — Она подняла глаза к потолку, будто искала там написанный огненными буквами ответ. — Почему они ходили в хранилище? Ведь это было как раз в начале октября.

— Я все-таки думаю, что Нине потребовалась консультация насчет этих карт, — сказал Олег. — Скажем, насчет их ценности, старины, действительной редкости... Нина в этом не разбиралась — поверь мне на слово. А твоя свекровь?

Тамара пожала плечами:

— Маша с первого взгляда определила бы, что эти карты подлинные, могла бы приблизительно назвать их возраст, происхождение. Но рыночной цены она знать не могла. Что именно интересовало твою подругу? Зачем ей вообще понадобилось покупать карты?

Олег этого не понимал. Он просто не мог допустить мысли, что Нина тайком от всех стала собирательницей старинных пергаментов. Можно тайно спиваться, заводить романы, но впасть в подобную коллекционерскую страсть...

— А может быть... — Тамара перевела на него неожиданно прояснившийся взгляд. — Может, она хотела сделать тебе подарок?! Ты же этим увлекаешься!

Олег отодвинул тарелку. Курица окончательно потеряла свою привлекательность, а от острого соуса во рту заполыхал пожар. Нет, они никогда не делали друг другу подарков. Да еще таких дорогих! Он даже такой мысли не допускает. Нина купила карты для каких-то личных целей. Возможно, хотела украсить интерьер своей квартиры — она слыла большой оригиналкой, и вкус у нее был отменный.

Тамара наконец сделала глоток. На губах ее вздулись пенные пузырьки, и она быстро слизнула их языком.

— Выхода нет, придется идти в хранилище, — подытожила она. — Во всяком случае, теперь мы точно знаем, что карты были похищены не оттуда. Только почему-то на душе от этого не легче.

— Какой смысл туда идти?

— Леночке придется вспомнить, о чем шла речь, когда к ней приходили Маша и Нина. Не могли же они просто завернуть туда попить чайку. Дай-ка мне телефон, я ей позвоню.

* * *

Леночка была дома — у нее болел ребенок, и ей пришлось взять отгул. На этот раз она моментально узнала Тамару и тут же начала делиться драматическими подробностями своей семейной жизни, а та

слушала ее, машинально кивая и в отчаянии поглядывая на Олега.

— Лена, милая, у меня ведь к тебе просьба. — Тамаре с трудом удалось остановить несущуюся на нее лавину слов. — Помнишь, мы вспоминали, как к вам заходила моя свекровь? С твоей подружкой, Ниной?

Та отлично помнила.

— Ты говорила, они просидели у вас очень долго, до позднего вечера. А о чем вы говорили?

Леночка несказанно удивилась. Она не в состоянии вспомнить, о чем говорили почти два месяца назад! Наверное, ни о чем особенном — просто о жизни.

— Может быть, они просили у тебя какого-нибудь совета? — Тамара теряла терпение. — Спрашивали насчет каких-то книг?

Леночка искренне не понимала, в чем дело, но в конце концов призналась, что тогда выпила больше всех и коньяк, принесенный старой приятельницей, ударил ей в голову. А в таком состоянии она ничего не соображает. Помнит только, что на маленькой вечеринке присутствовали «большая Лена» и Валечка — ее коллеги. А больше не было никого.

Тамара сухо поблагодарила и торопливо нажала кнопку отбоя.

— Мне кажется, что мы действуем неправильно, — осторожно сказал Олег, успев тем временем очистить свою тарелку. Соус жег внутренности огнем, и он заливал его вторым бокалом пива. — В самом деле, кто может вспомнить, о чем болтал два месяца назад? Даже если будем опрашивать всех подряд — ничего не добьемся. И потом, Тамара, скажи-ка честно — ну кто из сотрудниц хранилища мог дать консультацию по такому сложному вопросу, как эти карты?

Та задумалась, а потом неуверенно сказала, что, скорее всего, — Ирина Степановна. Тем более, что

кроме нее по-латыни никто не читает. Но ее на той вечеринке не было. Могла что-то знать и Александра, но и она виделась с Машей только летом. И ни о каких картах между ними речи не было.

— Давай исходить из того, что Мария и Нина пришли туда с конкретной целью — что-то узнать о картах, — предложил Олег. — Они бы не стали тратить время на пустые разговоры, верно? Цель у них была совершенно определенная. И они ничего не делали зря. К примеру, зачем они спустились в подвал? Может, там работает кто-то, кто мог их проконсультировать?

Тамара объяснила, что именно в подвале в основном и работает весь коллектив хранилища. Никаких особых сотрудников там нет.

— Значит, люди их вообще не волновали! — озарило Олега. — Они хотели увидеть там что-то... Может быть, какой-нибудь каталог? А может, кто-то мог знать, у кого из московских коллекционеров хранится такая редкость, как «Театр земель»?

Тамара пожала плечами:

— Думаешь, таким образом она хотела выяснить происхождение этих карт? Да, в таком случае ее действительно в этой сделке что-то насторожило... А всяких записей да каталогов там предостаточно. Только разобраться в них вот так, с наскоку, просто немыслимо! Ты не представляешь себе, какая это адова задача!

— Но ты же сама говорила, что твоя свекровь прекрасно во всем разбиралась! Она проработала там всю жизнь, и для нее это никакого труда не составляло!

С этим Тамаре пришлось согласиться, равно как и с тем, что Нина без посторонней помощи ничего в архивах найти не могла. Однако оставался один пункт, который начисто опровергал все остальные.

— Ни в каких каталогах они не копались, — напомнила она Олегу. — Просто спустились в подвал, обошли его, все осмотрели и поднялись наверх. Если бы они стали рыться в бумагах, это бы сразу привлекло внимание.

— Им бы не разрешили?

— Маше разрешили бы все, что угодно, но ведь это запомнилось бы! Леночка говорит, что они пробыли внизу совсем недолго.

— Твоя Леночка была невменяема. Позвони кому-нибудь еще. У тебя есть телефоны остальных сотрудниц?

Но Тамара уже не слушала. По ее заблестевшим глазам и внезапно порозовевшему лицу Олег понял — ей в голову пришла какая-то замечательная идея, которой она тут же и поделилась.

Тамара предложила воспользоваться данными, которые подкинул им Семен Федорович. Почему бы и нет? Нужно поехать в хранилище, рассказать кому-нибудь из опытных сотрудников, что у них на примете есть такая редкая книга, как «Театр земель» пятнадцатого века. Может быть, это натолкнет собеседника на какие-то ассоциации? Возможно информация об этой книге действительно могла храниться внизу, в подвале? Во всяком случае, станет ясно, что так тесно связало Нину и Марию, почему они нанесли этот визит — и как раз в то самое время, когда был обворован старенький коллекционер.

— То, что нам нужно, находится там, внизу, — настаивала Тамара. — Все остальное — чай с коньяком, задушевные разговоры, ностальгия по прежней работе — только ширма. Твоя Нина во что бы то ни стало хотела попасть в подвал, значит, нам тоже нужно туда спуститься.

— Но в прошлый раз нас туда не пустили, — напомнил Олег. — Как раз был учет.

Тамара отодвинула опустевший стакан, встала и рассмеялась:

— Учет идет сколько я себя помню. Это перманентное состояние. Поехали прямо сейчас. Даже хорошо, что кончился рабочий день — будет меньше свидетелей. А наша Александра всегда засиживается на работе допоздна.

* * *

Так оно и было — Александра сидела одна в уже знакомой Олегу комнате с низкими сводчатыми потолками. Увидев посетителей, она и обрадовалась, и очень удивилась.

— Однако ты быстро соскучилась! — воскликнула женщина, целуя Тамару в щеку. — Детка, что случилось? По лицу вижу — опять что-то важное.

Та вздохнула и призналась, что у нее возникли большие сомнения по поводу одной книги. Эту книгу хочет купить ее знакомый, но никак не может решиться. С кем посоветоваться — ума не приложит.

Александра внимательно взглянула на Олега, а тот смутился.

— А что за книга, деточка? — ласково спросила женщина. — Что-нибудь редкое?

— Очень редкое. Представьте — фолиант пятнадцатого века, на пергаменте, все раскрашено вручную. Это географические карты.

Александра слушала, и брови ее все больше сдвигались у переносицы. Она поглядывала то на Тамару, то на Олега и наконец, не выдержав, перебила:

— Томочка, ты представляешь, сколько это может стоить?

— В том-то и дело, — пожаловалась та. — Просят такие огромные деньги, а вдруг это подделка.

Александра согласилась, что такой поворот дела вполне возможен. Подделывают все, что угодно, но все-таки, пергамент — очень редко. Ну добро бы какой-нибудь листик, а тут целая книга!

— Но чего же ты хочешь от меня? — недоумевала она. — Экспертизу я сделать не берусь, так и знай! Возьмешь на себя ответственность, а потом окажется, что это все-таки подделка. Я же за всю жизнь не расплачусь с твоим покупателем!

Но Тамара заверила ее, что никакой экспертизы не потребуется. Важно другое — знать, что владелец книги в самом деле имеет право ее продавать.

— Что она не краденая, понимаете? — пояснила Тамара. — Ведь это очень редкое издание, вряд ли в Москве есть несколько экземпляров. Хорошо бы выяснить имя владельца.

— Ишь чего захотела, — засмеялась та. — Так он тебе и сказал! Знаешь, Томочка, я тебе так скажу. Если твоему другу все равно, куда тратить деньги, — пусть тратит. Значит, водятся лишние. Не нужно так за него переживать! И помочь я тебе тоже ничем не смогу. Как я найду владельца? Вот если бы книга была наша — я бы тебе ее по каталогу отыскала. А так... Бесполезно.

Гости обменялись быстрыми взглядами. «Наверняка примерно то же самое им лгала Нина. Или Мария. И ответ должен был быть таким же. Ну откуда здешним работницам что-то знать о частных коллекционерах, да еще таких пугливых, как тот старичок? Однако, если они спускались в подвал, значит, их интересовала какая-то имеющаяся там информация».

Олег не сомневался, что Тамара сейчас думает примерно о том же. Она ласково попросила посмот-

реть каталог — ведь это не займет много времени. А вдруг отыщется второй экземпляр? Александра отнекивалась, ссылалась на усталость и нежелание работать на чужого человека, но Тамара была так настойчива, что та в конце концов сдалась.

— О господи, — пробормотала она, взглянув на часы. — А я-то уже собиралась домой. Ну, Тома, я это делаю только из уважения к Машиной памяти. До твоего приятеля мне дела нет!

Она сразу заговорила резко, отрывисто. Было видно, что характер у женщины довольно вздорный. Но Тамара не обращала на это никакого внимания. Она пригласила Олега тоже спуститься в подвал — таким тоном, как будто это разумелось само собой. Александра уже не возражала. Все трое прошли до конца длинный узкий коридор, будто сдавленный мощными стенами, и спустились по железной лесенке с покривившимися ступенями. Александра сняла трубку с висевшего на стене телефона и, набрав комбинацию цифр, сообщила невидимому собеседнику, что идет в подвал. После этого отперла дверь спецключом, извлеченным из кармана старенького серого халата.

Вспыхнул свет, и Олег увидел бесконечные ряды стальных стеллажей. Его сердце библиофила затрепетало. Он бы многое отдал, чтобы иметь возможность здесь осмотреться, но Александра, не останавливаясь, быстро пересекла длинную комнату и открыла другую дверь. Здесь были каталоги — древние желтые шкафчики с выдвижными ящиками. Уточнив название, Александра принялась резко вырывать один ящик за другим и, быстро пробежав по карточкам стальным прутом, возвращать их обратно. Потом работа замедлилась. Теперь она читала карточки, сосредоточенно хмурясь и что-то бормоча себе под нос.

— Точное название? — переспросила она еще раз.

Олег, запинаясь от волнения, повторил. Его попросили подойти и взглянуть. Он не верил своим глазам — на одной из пожелтевших картонных карточек было напечатано знакомое название: «Theatrum orbis terrarum».

Слишком много потрясений для одного короткого зимнего дня. Опять закружилась голова — слабо, но угрожающе. С трудом справившись с дурнотой, он поднял взгляд на Тамару. Та стояла с таким видом, будто ожидала приговора.

— Оно? — с мрачноватым интересом спросила Александра. Она явно не ожидала, что поиски увенчаются успехом, и теперь недоверчиво смотрела на своих гостей.

— Кажется, — пробормотал Олег. — Скажите, а нельзя ли взглянуть на саму книгу? Она действительно здесь?

— Если значится в каталоге — есть и в хранилище, — отрезала та, продолжая рассматривать мудреные шифры на карточке. — Но у нас постоянно все меняется. Вряд ли она лежит на том самом месте, где обозначено.

— Но все-таки...

— Пожалуйста!

Просьба Тамары, как обычно, возымела успех. Александра заперла комнату с каталогами и, ворча себе под нос, двинулась по залу. Она шла, разглядывая шифры на стеллажах и сверяя их с карточкой. Потом углубилась в длинный, казавшийся бесконечным ряд, попутно жалуясь на условия работы. Вот уже и зима на дворе, а топят так слабо, что наверняка система замерзнет. А потом, как водится, рванут старые батареи, которые уже ни на что не годны. И тогда — потоп, порча книг, колоссальные

убытки. Но главное — никого все это не волнует, и денег на ремонт не допросишься.

Наконец Александра остановилась. Последний взгляд на карточку и глубокий обреченный вздох.

— Стремянку я не понесу, — твердо сказала она. — Пусть молодой человек сбегает, если ему это нужно. Она у входа, в углу.

Не чуя под собой ног, он принес складную лесенку и установил ее у стеллажа. Александра неожиданно ловко вскарабкалась под самый потолок, и оттуда послышался ее удивленный голос:

— Надо же, на месте. Залезайте и смотрите сами. Но быстрее — мне давно пора быть дома.

Наверх полезла Тамара. Олег был слишком взволнован и взглядом попросил ее о помощи. Некоторое время женщина молча стояла на верхней ступеньке, потом послышался шорох толстых заскорузлых страниц. Едко запахло растревоженной пылью, от которой свербило в носу и в глазах.

Тамара медленно спустилась, сложила лесенку, передала ее Олегу. Только выйдя наверх, она опомнилась и поблагодарила Александру. Та отмахнулась:

— Я же говорю, всегда рада помочь. Но хочу предупредить — не ввязывайся ты во всякие экспертизы! Сама в этом ничего не понимаешь, только подведешь человека. Это вы собираетесь покупать карты? — обратилась она к Олегу.

— Нет, один мой друг.

— Тогда почему вы не посмотрели на книгу сами? Могли бы потом сравнить, раз уж оказалось два экземпляра. У нас точно подлинник. А теперь придется все делать со слов Тамары.

— Ничего-ничего, — ответила та. — Я хорошо все рассмотрела.

Она явно торопилась. Наскоро закруглила разговор, в двух словах распрощалась с Александрой. Дряхлый вахтер на выходе снова попросил показать сумочку, и она раскрыла ее так резко, что старик отшатнулся. Даже на улице Тамара продолжала спешить и шла так быстро, что Олег с трудом догнал ее.

— Что все-таки случилось? — спросил он, хватая ее за локоть.

Тамара пошла медленнее. На углу, возле розовой неоновой вывески кафе, она остановилась и обернулась к Олегу. Его поразило, что она старательно избегала его взгляда — все время отводила глаза, будто старалась рассмотреть что-то у него за плечом.

— Эта проклятая книга... — глухо сказала она. — Не могло же у меня быть галлюцинаций! Я заметила это сразу, как взглянула на обрез. Там, в самом центре, не хватает нескольких страниц! — И, встретив наконец его взгляд, Тамара еле слышно добавила: — Кажется, не хватает именно десяти—пятнадцати карт. Специально раскрыла книгу, чтобы убедиться. Срезы совсем свежие. Олег, я больше ничего не понимаю...

Глава 19

Услышав по телефону голос Семена Федоровича, Олег немедленно положил трубку.

— Что он тебе сказал?

— Ничего. Просто не успел. Наверняка хотел продолжить торг.

— Он знает, что карты у тебя! Как ты подставился! И меня подставил!.. — в отчаянии воскликнула Тамара.

— Может быть, это к лучшему, — мрачно сказал Олег. — Во всяком случае, теперь мы кое-что знаем.

Например, откуда были украдены карты. Прости, но нам больше не удастся выгораживать твою свекровь.

— Она не могла...

— Значит, Нина смогла, — отрезал он. — Во всяком случае, они провернули это дельце, когда спускались в подвал. Не спрашивай меня, как им это удалось и зачем было нужно. Вопрос явно упирается в деньги.

Тамара промолчала. Она еще некоторое время сидела в постели, беспомощно уронив на одеяло обнаженные руки. Потом легла, закутавшись до подбородка и плотно закрыв глаза. Олег присел рядом. Звонок раздался около полуночи — и он понял, что Семен Федорович не оставит его в покое, раз уж начал звонить в такое неподходящее время.

«Итак, байка о несчастном старичке — ложь, от начала до конца. Зачем он солгал? И вообще, каким образом оказался причастен к этому делу? Разве они с Ниной были знакомы? Скорее уж с Марией — та чаще бывала в магазине. Что за странное дело! У этих двух женщин оказываются краденые карты, причем краденые явно не без их участия. Зачем они идут на такой риск, на преступление? Только из-за денег — не вижу другой причины. Обе гибнут. А Семен Федорович, едва заслышав о старинной книге, круто берется за дело и немедленно сводит меня с каким-то коллекционером. Слишком быстро он нашел книгу, мне это сразу показалось подозрительным! Возможно, он вовсе ее и не искал, а сразу понял, о чем идет речь. Да и вообще, этот тип оказался слишком осведомленным — знал даже количество украденных карт, а уж это явно говорит о его причастности к делу. И все же — какое странное совпадение... Ведь я обратился к нему совершенно случайно!»

Тамара наверняка не спала, но и признаков жизни не подавала. Олег даже не слышал ее дыхания. Он

осторожно встал, погасил свет и вышел на кухню. Прикрыл за собой дверь, поставил чайник. Ему все равно не уснуть. Он вспоминал.

Где он познакомился с Ниной? В книжном магазине. Где он впервые увидел Марию? Там же. Правда, в другом отделе, но магазин был тот самый, где многие годы работал Семен Федорович. Есть ли в этом какой-то смысл? Прежде ему не приходило в голову его искать.

Никакого обокраденного коллекционера не существовало. Обокрали государственное книгохранилище, и это сделали две милые, безобидные женщины, поплатившиеся за это жизнью. А Семен Федорович обо всем знал. Знал настолько хорошо, что попытался перекупить у Олега карты. У него не было никаких сомнений, что постоянный клиент не просто интересуется раритетными книгами, а прямо причастен к этим дамам и к этой краже. Иначе не стал бы вести себя так нагло, только что не в глаза называл Олега вором.

Во всяком случае, он страстно хочет заполучить листы истрепанного пергамента и постоянно набавляет цену. Зачем ему карты? Смешной вопрос — перепродать. Ведь Семен Федорович ничем иным и не занимается. До какой цены он в конце концов дойдет? Или — до какой черты? Ведь женщины погибли.

Олег вспомнил смешную пузатую фигурку, задушевный голос. Убийца? Невероятно! И как он мог оказаться за рулем Нининой машины? Нет, здесь что-то не так. Хорошо бы встретиться с Николаем, спросить, входил ли букинист в число знакомых Нины. Но тот не пожелает с ним говорить и будет прав.

Дверь открылась так неожиданно, что он едва не подскочил на табурете. Тамара, заплаканная и несчастная, склонилась над ним и крепко обняла. Тороплि-

во целуя его висок и шею, она зашептала, что нужно немедленно, немедленно пойти к следователю, который ведет дело ее свекрови. Ее ласки так резко расходились с трезвыми, деловитыми речами, что Олег даже улыбнулся, хотя ему было не до смеха.

— Прямо сейчас? — спросил он. — Ночь на дворе.

— Завтра же, с утра! Теперь мы должны все рассказать. Все вообще!

— И ты больше не будешь...

— Нет. — Она зажала ему рот горячей соленой ладонью. — Больше ни слова против не скажу. Ты прав, нельзя так слепо верить в чью-то непогрешимость. Ты прав, молчи!

* * *

На этот раз их принял сам следователь. Он уже был знаком с Тамарой, Олега же видел впервые. Но, судя по всему, слышал о нем.

Тамара сразу взяла инициативу в свои руки. К утру она успокоилась настолько, что теперь производила впечатление какой-то древней воительницы, готовой идти по своему тернистому пути до конца. Она говорила четко, связно, совершенно бестрепетно. И умудрилась изложить долгую историю карт за какие-то двадцать минут.

Вид у следователя был ошалелый и вместе с тем серьезный. И он стал еще серьезнее, когда на стол легли сами виновники происшествия — пятнадцать пергаментных листов. Они выглядели так внушительно, что не последовало ни единого возражения или вопроса. Некоторое время следователь благоговейно рассматривал карты. Потом попросил повторить рассказ о визите к глухому Кирюше. Особенно его заинтересовал адрес загадочной избушки.

— Проверим, чья она, — пообещал он. — А пока вот что. Телефон отключать не стоит, а вот если позвонит этот ваш букинист — ничего определенного ему не говорите.

— А вдруг он будет настаивать, торговаться?

— Дайте понять, что сомневаетесь, но наотрез не отказывайте. Пусть думает, что вы с ним торгуетесь. Кстати, когда обыскивали вашу квартиру, дверь взламывали?

Олег признался, что замки были просто открыты. Сейчас они исправно действуют — никаких следов взлома.

— Тогда на время перемените место жительства, — посоветовал следователь. — И оставьте мне ваш мобильный телефон, я на днях позвоню. Одним словом, без моего звонка ничего не предпринимайте. И еще — где это ваше хранилище?

Записав все адреса и телефоны, он признался, что никак не ожидал от этого дела подобного оборота. И снова взглянул на карты. Было видно, что он колеблется. Тамара поняла:

— Вы хотите оставить их у себя?

— Да, здесь будет надежнее... Только под каким соусом их оформлять? — засомневался он. — Как вещдок? Имущество-то государственное...

Они провели в коридорах и кабинетах еще около часа, снова и снова давали разнообразные показания, подписывали бумаги. И когда оказались на улице — уже без своего проклятого драгоценного груза, — оба с облегчением вздохнули.

— Куда ты думаешь переехать? — спросила Тамара. Она задала этот вопрос будто вскользь, но Олег понял ее волнение. Ему вспомнились ее слова: «Едва влюбившись, я сразу думаю о том, как меня бросят...»

— Лучше всего — к моей маме, — сказал он. — Она будет очень тебе рада. В общем, я ничего не боюсь, могу остаться и дома, но вот ты... Я ведь теперь не один.

Тамара ничего не сказала. Но даже ее молчание было красноречиво и благодарно. Уже усаживаясь в машину, она неожиданно объявила, что тоже не боится Семена Федоровича. Он для этого слишком нелеп и суетлив. А уж Кирюша! Ей скорее страшно за него самого — как бы не рассыпался от дряхлости.

— Но ты же понимаешь, что убивал кто-то другой! — возразил Олег. — Думаю, это кто-то посильнее старого букиниста или Кирюши.

Тамара замялась. А потом с нервным смешком призналась, что знакомство с матерью Олега пугает ее намного больше, чем встреча с возможным убийцей.

— Ничего себе, комплимент для мамы! — возмутился он. — Чего ты вообще боишься?

— Ну, например, как ты собираешься меня представить?

— Как невесту, — хладнокровно ответил Олег. — Сестра начнет ехидничать, но зато мама будет сдувать с тебя пылинки!

Тамара неуверенно улыбнулась.

* * *

И все-таки к маме они не поехали. Тамара сочла собственную квартиру намного более удобным местом, хотя и не слишком безопасным. Ясно было одно — за время отсутствия хозяйки в ней никто не побывал. Все вещи оказались на своих местах. И Тамара заметила, что вовсе этому не удивляется.

— Теперь они знают, что карты у тебя, тебя и будут выслеживать. Хорошо, что мы поехали пря-

мо сюда! За твоей квартирой наверняка следят и, возможно, еще раз ее обыщут.

Олега этот переезд совсем не вдохновлял, но приходилось смиряться. Он даже не захватил денег и теперь жил за счет Тамары, а той, судя по ее довольному виду, все это очень нравилось.

Весь день телефон звонил не умолкая. Ученики интересовались, когда будут возобновлены занятия, а учительница вела с ними дипломатичные переговоры, уверяя, что небольшой перерыв не наносит ущерба учебе. Позвонил Валерий и с упорством маньяка потребовал, чтобы жена назначила ему встречу. Тамара отказала с таким легкомысленным смехом, что Олег рассердился:

— Еще решит, что ты кокетничаешь!

— Плевать! Главное, что мне весело. Знаешь, ведь Лика в самом деле ушла.

— И ты этому очень рада?

На миг призадумавшись, Тамара ответила, что скорее рада, чем нет. А в особенности рада тому, что эта Лика стала ей глубоко безразлична. Вот если бы это случилось еще месяц назад...

Олег ни на час не отключал свой мобильный телефон и постоянно ждал звонка от Семена Федоровича. Однако тот отмалчивался. Зато утром следующего дня позвонил следователь и попросил их явиться еще раз.

Его инструкции отличались предельной лаконичностью. Если букинист все-таки решится позвонить, нужно согласиться на встречу и продажу карт. Для виду можно поторговаться, но самое главное — не слишком повышать цену, иначе тот может отступиться. Сообщать какие-либо новости следователь решительно отказался. При беседе присутствовал другой милицейский чин, не проронивший ни слова. Потом Тамара призналась, что видела его впервые.

— Им все-таки стоило кое-что нам объяснить, — пожаловалась она, когда после инструктажа они возвращались домой. — Получается, что нас просто подставляют и даже непонятно зачем!

Но Олег был доволен. Ему надоело действовать по собственной инициативе. Про себя он думал, что, когда тобой руководят, это не всегда неприятно. И во всяком случае, куда менее ответственно.

Семен Федорович позвонил только на следующий день. Голос у него был расстроенный, почти заискивающий. Он начал издалека и долго извинялся за то, что не смог найти заказанную Олегом переводную книгу. Тот успел позабыть об этой своей причуде и в первый момент с трудом понял, о чем идет речь. Но букинист вскоре перешел к делу.

— Старичок плох, — признался он. — Боюсь, как бы не умер... Наследники только этого и ждут, а уж эти своего не упустят. Забросили деда, годами не появлялись. Зато сейчас зашевелились... Представляю, что будет с его коллекцией...

— А что с ней будет?

Семен Федорович пояснил, что наследники — люди весьма хваткие и достаточно образованные, чтобы взвинтить цены на самую ничтожную вещь. Что же говорить о редкостях!

— Если бы вы чем-то интересовались, я бы посоветовал вам ловить момент, — сказал он наконец.

— Вы знаете, чем я интересуюсь, — сказал Олег. — Книга продается?

Короткая заминка. Старичок не расположен ничего продавать — такой уж у него причудливый характер. Даже на смертном одре он только и мечтает восстановить поврежденный экземпляр. И теперь уж не пожалеет никаких денег за утраченные карты. Это, можно сказать, его последнее желание.

— Говорит, что и восьми тысяч ему не жалко, — осторожно сказал букинист.

— Восьми? Думаю, карты стоят больше. — Олег говорил деловито и больше не пытался казаться незаинтересованным.

Молчание.

— Десять он даст, — сказал наконец Семен Федорович со злобой в голосе. — Но это просто безбожно! Поймите, он все равно ее не продаст, вам книгу не получить! Так хотя бы заработаете на этом! Десять тысяч — никто и половины не заплатит за этот товар!

Олег промучил его еще несколько минут. Он выяснял, нет ли все-таки возможности переубедить старичка и купить у него книгу. В самом деле, что за странное желание — восстановить испорченный экземпляр? Какая ему от этого корысть? Выгоднее продать книгу и забыть об этом неприятном деле. Семен Федорович возражал, потом убеждал, наконец стал умолять.

— Мы с вами давно друг друга знаем, — говорил он. — Давайте уж начистоту. Двенадцать тысяч — но это последнее слово. Попробуйте найти того, кто заплатит больше!

И Олег согласился. Обрадованный Семен Федорович просил приехать немедленно — адрес уже известен, это у Кирюши. Нет, владелец книги вовсе не Кирюша, но расплатиться и передать товар удобней всего у него. Олег несколько передвинул время встречи. Он помнил инструкцию, данную следователем, — известить его о месте и времени встречи, как минимум, за два часа до нее.

— Но вы точно приедете? — умоляюще переспросил Семен Федорович. — Пожалуйста, захватите товар, не подводите меня! Старик на ладан дышит, он просто не выдержит, если сделка сорвется. Я и так его

обнадежил. И еще... — Он сделал многозначительную паузу. — Даю слово — вам это ничем не грозит.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что никаких жалоб со стороны владельца не последует.

Дав отбой, Олег подумал, что Семен Федорович никогда прежде не говорил с ним таким просительным, мягким тоном. «Кажется, он меня зауважал! Он все-таки принимает меня за вора. Но черт возьми, как с ним связалась Нина?! Никогда в жизни она не интересовалась букинистическими книгами!»

Следователь велел им быть на месте вовремя. Можно изготовить сверток, имитирующий тот, в котором были карты, а можно обойтись и без этого. Главное — внушить покупателям, что товар привезен в целости и сохранности.

— Но как же я отдам им какое-то барахло? — испугался Олег. — Не забывайте, что Марию попросту застрелили... Можно, по крайней мере, поехать одному?

Но Тамара возмутилась. Вот еще — как это ее не брать! Тем более, что в первый раз они ездили туда вместе. Ее присутствие вызовет доверие, иначе Семен Федорович может что-то заподозрить. В конце концов решили ехать вдвоем, наскоро изготовив поддельный пакет. Следователь велел взять деньги у покупателя не раньше, чем через десять минут с начала визита.

— Время замечайте точно, чтобы мы могли сориентироваться. Начинайте считать деньги, проверяйте купюры. Потом, минут через пять, войдем мы, а вы ложитесь на пол.

Олег представил, как они с Тамарой будут тесниться на полу крохотной комнатушки, и это скорее насмешило его, чем всерьез напугало. Уж очень не подходил для операции захвата тот бревенчатый дряхлый домик.

В избушке светилось сразу несколько окон — ждали гостей. Олег с Тамарой прошли под самой стеной, но ни одна занавеска не шелохнулась, закрытые форточки не выпустили наружу ни звука. Входная дверь по-прежнему была не заперта.

В сенях случилась маленькая неприятность — Тамара случайно зацепила подвернувшееся под ноги ведро, и оно со скрежетом покатилось по неровным доскам в угол. Вспыхнул свет — к ним выбежал Семен Федорович.

— Принесли? — спросил он, отбросив всякие церемонии.

— А вы-то принесли? — также отрывисто спросил Олег. Во дворе он внимательно оглядел все подъезды, припаркованные вдоль стен машины, но так и не смог понять, откуда к ним придет помощь. Ему было страшно, но он ни за что на свете не обнаружил бы это перед своей спутницей.

Семен Федорович с негодованием развел руками — с его стороны никакой задержки не будет! Сумма вся здесь, до последней бумажечки.

— А карты здесь! — Тамара качнула потяжелевшей сумкой. Там лежал завернутый в плотную бумагу орфографический словарь.

Букинист помедлил, пристально поглядел на сумочку и пропустил гостей в комнату. Олег ожидал увидеть здесь кого-то погрознее Кирюши, но на сей раз там не было даже дряхлого хозяина особнячка. Обогреватели не были включены, и в комнате стоял промозглый, сырой холод. Стоило сделать выдох — и перед лицом вырастал клуб серого пара. Семен Федорович проверил, хорошо ли задернуты занавески, прикрыл дверь.

— Хорошо бы взглянуть на товар, — сказал он, растирая озябшие ладони.

— А деньги?

— Да вы что — сомневаетесь? — возмутился он. — Деньги в порядке. И вообще, я вам удивляюсь... Вы же, извините за прямоту, продаете краденое!

— Краденое, да не нами! — отрезал Олег. И поймал быстрый волчий взгляд.

— Краденое и есть краденое, — жестко ответил букинист. — Какая разница кем!

У Олега рвались с губ обвинения и вопросы, но Тамара успела его остановить. Она призывно качнула сумкой и сладко осведомилась, нельзя ли все-таки пересчитать и проверить деньги, прежде чем передать товар. Семен Федорович окончательно обиделся:

— Не доверяете? Хорошо, сейчас принесу. Ну, молодые люди, нам до вас далеко!

С этим загадочным восклицанием он исчез где-то в недрах дома — они даже не успели заметить, за какой дверью. Тамара укоризненно взглянула на Олега:

— Зачем ты его злишь?

— Ничего страшного, от сделки он уже не откажется.

— Но все-таки это опасно.

Букинист быстро вернулся и издали показал плотненькую пачку, завернутую в бумагу. По иронии судьбы бумага очень походила на ту, в которую Тамара упаковала орфографический словарь.

— Ну вот, — сказал Семен Федорович. — Давайте обменяемся.

— Секунду. — Олег настороженно прислушивался, но не мог уловить ни единого постороннего звука. Старый дом — рассохший и дряхлый — молниеносно откликался на каждое движение тысячью скрипов и стонов. Нет, никого, кроме них, тут еще не было. Зря он взял сюда Тамару, надо было идти одному. Возможно ли, что никто не придет на помощь? Сейчас

придется отдать вместо карт словарь, и что последует затем? Он протянул руку за деньгами:

— Сперва пересчитаю.

— Как угодно, — фыркнул Семен Федорович. Он развернул пачку. Доллары — и побывавшие в употреблении, и совсем новые — замелькали между его пухлых, будто пыльных пальцев. Тамара следила за ними с выражением отчаяния. Наверняка она тоже представляла себе передачу «куклы» вместо карты и все возможные последствия.

— Скажите, — поинтересовался Олег, когда деньги были сосчитаны, — сколько вы сами рассчитываете выручить на этом деле?

— За меня не волнуйтесь, — огрызнулся Семен Федорович. Его трудно было узнать — он злился и нервничал одновременно. — Вам заплачено больше, чем вы заслуживаете. Откуда вообще у вас эти карты?

— Не догадываетесь? — удивился Олег. — А вы наверняка ее знали. Она часто бывала у вас в магазине.

Тот вопросительно уставился на него, а потом отрицательно качнул головой. Олег хотел спросить, почему он возражает против очевидного, но в эту минуту дверь распахнулась.

На пол никто не падал, впрочем, в этом и нужды не было. Семен Федорович даже не собирался обороняться. Он в ужасе посмотрел на вошедших, потом бросил взгляд на деньги, веером лежавшие на столе, попытался их собрать... В глубине дома послышался клекот и нарастающий шум. Олегу показалось, что мимо дверей, в сенях, провели упирающегося Кирюшу.

На улице поднималась сухая, крупитчатая метель. Семена Федоровича с церемониями усаживали в обычную гражданскую машину. Олег больше

не встречался с ним взглядом, зато Тамара потом уверяла, что он смотрел в их сторону остолбенело и как будто растерянно.

— Вор всегда бывает удивлен, встретив честного человека, — неожиданно назидательно заметила она. — Ведь ты запросто мог продать ему эти карты и заработать двенадцать тысяч долларов!

Олег попросил не развивать эту тему. Он думал о последних словах, которыми обменялся с Семеном Федоровичем, и пытался понять: что означал тот отрицательный жест? Ведь они уже дошли до той черты, когда объясняются начистоту.

* * *

Беседуя со следователем, Семен Федорович держался корректно и весьма спокойно. Он признался, что не мог удержаться от искушения и не приобрести по случаю такую диковинку, как эти карты. Сам-то он никогда их в глаза не видел, но представлял, сколько за них можно выручить при перепродаже. Он так легко сознавался в том, что продажа совершалась в обход закона и без участия налоговой инспекции, что попытка сыграть именно на этой струнке окончилась полной неудачей.

— Я больше тридцати лет занимаюсь раритетными книгами, — хладнокровно сказал букинист. — И не мне вам рассказывать, что такие сделки через кассу не совершаются. Чаще всего продавец не согласен засвечиваться. Ну и что? Я всегда покупал для себя самого, не для перепродажи. Если продавец согласен продать, а я — купить, то к чему впутывать третьих лиц? Я — коллекционер.

Его осторожно расспрашивали, кого он имел в виду, рассказывая продавцам карт про обокраден-

ного коллекционера. Тут Семен Федорович даже начал улыбаться:

— Да нет никакого коллекционера.

— Нет?

— Нет и не было, — с ясной улыбкой подтвердил он. — Я это выдумал, чтобы они решили, будто я покупаю не для себя. Привык подстраховываться, знаете ли... Потом обворуют, и поминай как звали...

— А саму книгу вы когда-нибудь видели? Знаете, у кого она находится в собственности?

Ответ был отрицательный. Семен Федорович даже дал представителям закона небольшую специальную консультацию. Он поведал, что «Театр земель» — такая редкость, которую в первой попавшейся частной коллекции не встретишь. Потому-то ему никогда не доводилось видеть эту книгу — ни целиком, ни частично. И он с жаром ухватился за предложение Олега продать карты.

— Но ведь он, кажется, ничего не предлагал? Напротив, собирался купить саму книгу через ваше посредничество?

Тот пожал плечами. Сказал, что молодой человек сделал слишком несерьезное предложение. Не верилось, что тот в состоянии купить подобную вещь, да и склонности у него другие. Так что сразу было ясно — тот желает не купить всю книгу, а продать ее часть. Просто не решается сказать об этом прямо. Семен Федорович рискнул вывести его на чистую воду и добился своего. Олег на продажу согласился.

— И все-таки это вы сами предложили приобрести карты?

Семен Федорович это отрицал. Он напомнил, что не знал даже о существовании подобной редкости. Олег-де сказал о них первым, ну а вскоре последовало и ответное коммерческое предложение.

— А если он говорит, что я первым предложил купить у него карты, — не верьте, — решительно сказал букинист. — Это он пришел ко мне в магазин и завел речь о той проклятой книге. Могу предоставить свидетелей — весь наш отдел.

— Однако вы назвали ему и его спутнице точное число вырезанных из книги карт. Откуда вы знали об этом?

Тот засуетился. Он сам назвал? Быть не может, оговорочка, это посетители сообщили точную цифру. Пять их было, пятнадцать или двадцать пять — ему в точности и сейчас неизвестно. С ним торговались, заманивали, набавляя цену, а теперь впутали в какую-то подозрительную историю.

Букинист был отпущен под подписку о невыезде. Когда он деликатно напомнил о конфискованных деньгах, ему сообщили, что они до поры до времени останутся приобщенными к делу в качестве вещественного доказательства.

— Ну вот... — проворчал Семен Федорович. Впрочем, он казался не слишком расстроенным и больше всего переживал за Кирюшу. По его словам, несчастный глухарь ничего не знал об этой неприятной истории и мучить его грешно и нелепо.

Кирюшу удавалось понимать с большим трудом — от волнения его речь превратилась в набор бессвязных звуков. Это очень затруднило снятие показаний, и в конце концов от него добились немногого. Он заявил, что о подобной книге отродясь не слышал, поскольку вообще ничего не слышит с самого рождения и обмануть его проще простого. Просто Сеня на правах старого друга попросил, чтобы Кирюша разрешил встретиться с покупателями у него в домике. Избушку, предоставленную старичку в качестве мастерской Союзом художников, его друзья рассматривали как

свою собственность. Он и согласился. Карт никогда не видел, точную цену им не знает, количества — тоже. Старик так разволновался, что его пришлось подвезти домой на служебной машине. Сам он вряд ли нашел бы дорогу — так отвык выходить в город.

Но еще больший переполох произвел неожиданный визит следователя в книгохранилище. Особенно когда выяснилось, чем именно интересуются незваные гости. На этот раз на месте была сама Ирина Степановна. Она согласилась провести следователя в подвал, где молчаливая Александра нашла карточку в каталоге и сызнова отыскала заветную полку. Попутно она осведомилась: не случилось ли чего, зачем ищут именно эту книгу?

— А как по-вашему, что могло случиться? — дружелюбно осведомился следователь.

Та уклончиво ответила, что этой книгой уже интересовались — и совсем недавно. Под гневным взглядом своей начальницы она призналась, что с этой целью сюда явилась ее старая знакомая — сноха покойной Марии Игоревны Седенко.

— И ты провела ее сюда?! — взорвалась Ирина Степановна.

Александра резко ответила, что ни на миг не выпускала визитеров из поля зрения. Она просто оказала им любезность — вот и все должностное нарушение. Но если за него придется отвечать — она ответит. Лучше уж сразу во всем признаться. Однако следователь ее успокоил — никто не собирается ее преследовать по закону, хотя, конечно, инструкция была нарушена.

Книгу осмотрели, но отдать ее следователю для приобщения к делу возможности не представлялось.

— Тут ничего не вносят и не выносят без особого разрешения, — твердо сказала начальница. —

В чем, собственно, дело? Пора бы вам объясниться! Это первый визит милиции на моей памяти!

В ответ попросили собрать для беседы весь наличный персонал хранилища. Среди сотрудниц оказалась также Леночка, которая очень всполошилась, когда прилюдно обнаружилось исчезновение из книги нескольких листов. Материальная ответственность падала на нее в той же мере, как и на остальных сотрудников, — ничуть не больше, но вид у нее был такой испуганный, что это привлекло внимание. Александра стояла как громом пораженная, Ирина Степановна была бледна, но спокойна. А вот Леночка так дрожала, что ее пришлось вывести наверх и напоить валерьянкой, после чего она расплакалась.

— Что со мной будет, — приговаривала она в отчаянии, не слушая вопросов, сыпавшихся со всех сторон. — Что будет! Неужели меня посадят?!

И только оставшись наедине со следователем — всех остальных он вежливо попросил выйти, — Леночка дала волю словам. Она клялась, что, если бы хоть что-то подозревала, была бы во сто крат осторожнее. Но что она могла подозревать, когда к ней в гости явились две старые знакомые, одна из которых была ее бывшей начальницей, а вторая — лучшей институтской подругой!

Об этом визите в хранилище следователь уже слышал от Тамары и Олега. Леночка заверила его, что, когда женщины спустились в подвал — освежить старые воспоминания, — она следовала за ними, и ни у той ни у другой не было возможности что-либо вырезать из находящихся там книг.

— А уж из этой — тем более, — всхлипывала она. — Она же на самой верхней полке, этого за минуту не сделаешь...

— Почему вы думаете, что книга была изрезана именно тогда?

Она вовсе так не думает! Но к сожалению, вспоминает, что Нина мимоходом завела разговор о том, что в хранилище все очень переменилось. Как раз прошла очередная инвентаризация, и многие книги сменили места. Нина никак не могла разобраться во всех последних перемещениях — она ведь уволилась отсюда давно. Зато Мария Игоревна...

— Она уволилась не так давно, все знала досконально, прежде могла найти любую книгу с закрытыми глазами. Прошла по всем рядам, а в том ряду остановилась. Когда вы теперь туда зашли и полезли наверх, я это вспомнила... Господи!

— Они спрашивали вас о картах?

— Ни слова об этом не было!

— В таком случае, почему же вы думаете на них?

Глотая последние слезы, Леночка поведала о совершенном ею страшном преступлении. То, что она сделала, в самом деле шло вразрез с инструкцией, но ведь у всяких правил бывают исключения. Вот и Александра провела старую знакомую в хранилище, а вместе с нею туда вошел вовсе не знакомый мужчина. Она, Леночка, не сделала ничего более преступного. Но... Однако...

Вздохнув, молодая женщина призналась, что одну ошибку она все-таки совершила. Но кто же мог подумать на Марию Игоревну!

— На Марию Игоревну? Именно на нее?

Выяснилось, что на другой день после того памятного визита Мария снова явилась в хранилище. На сей раз она пришла одна, причем поздно вечером. В это время в хранилище оставалась одна Леночка. Она заканчивала печатать новые карточки для ката-

лога, а запоздала с этим потому, что накануне совсем не могла работать. Из-за этих самых гостей.

— Мария Игоревна вошла к нам в кабинет, вахтер пустил, конечно, он ведь ее столько лет знает! Она сказала мне, что вчера была под хмельком и забыла у нас сумку. Даже не помнит, где ее оставила. Мы все обыскали, и я подумала, что сумка, скорее всего, осталась внизу. А у меня не было времени туда идти, ну совершенно... Было уже так поздно! Я им еще накануне говорила, что не успеваю с работой, завтра буду сидеть допоздна...

Кончилось тем, что доверчивая Леночка проводила бывшую начальницу вниз, отперла хранилище своим ключом и предложила ей самой поискать пропажу — у нее, мол, нет ни минуты лишней. Поднялась наверх и продолжила печатать карточки. Вскоре — минут через десять, никак не позже — Мария Игоревна уже с обретенной сумкой поднялась наверх, поблагодарила ее и попрощалась — очень тепло, так трогательно. После чего ушла и больше не появлялась.

— Но как я могла заподозрить Марию Игоревну! — в каком-то священном ужасе повторяла она. — Это все равно что подумать на... Не знаю на кого!

Этим содержательным возгласом ее показания и закончились. Явившись на следующий день в милицию для более подробного разговора, Леночка не сумела вспомнить ни единой новой подробности. Озарение, посетившее ее накануне, прошло бесследно, видимо, потому, что она немного успокоилась. Теперь женщину больше всего волновало, какую меру ответственности она понесет. Даже узнав, что карты найдены и, следовательно, ущерб невелик, Леночка все же не успокоилась окончательно. Уходя, она призналась, что больше никогда не будет верить людям. Мария Игоревна — да ведь это была женщина кристальной

честности! А что вышло на поверку? Воровка — да еще и вандалка... Поднять руку на такой раритет, можно сказать, на жемчужину... Это выше всякого понимания, мир катится в пропасть, если начинают воровать такие замечательные люди!

— Хотя, как я слышала, она очень трудно жила, — задумчиво произнесла Леночка. — И с сыном были нелады... Но все-таки всему есть предел. Я же вот не ворую!

Показания Валерия Седенко, сына покойной, тоже большой вразумительностью не отличались. На вопрос, не приносила ли его мать каких-либо ценностей в последнее время, он ответил отрицательно. Зато в подробностях рассказал о загадочном визите некоей дамы, которую его бывшая жена позже попросила опознать по фотографии. Опознал, хотя все это было как-то подозрительно, а он в темные дела не ввязывается. Вот его жена — особа импульсивная, резкая, от нее можно ожидать чего угодно. Валерий добавил, что раньше никогда той женщины не видел, хотя посетительница утверждала, будто они были знакомы. Требовала отдать свое имущество, хотя никакого чужого имущества в доме не было.

— Скажите, вам известно, что ваша мать хранила некоторые вещи у бывшей снохи?

Этого Валерий не знал и страшно удивился. Забеспокоившись, попросил рассказать, что именно она там хранила. Интерес его явно был скорее материальным, чем каким-то иным. Осиротевшего сына быстро успокоили, сказав, что его мать выносила из родного дома в основном книги и бумаги. Валерий ушел почти умиротворенным.

Но вовсе не так гладко прошла беседа с другим фигурантом — мужем покойной Торцовой. Прежде всего Николай страшно удивился, увидев незнакомо-

го следователя, и с надеждой спросил: уж не заменили ли того, прежнего? Хорошо бы, а то ему подкидывают всякие вещественные доказательства и потом требуют объяснений. Следователь, ведущий дело Марии Седенко, разочаровал его, объяснив, что ведет смежное дело и ни о каких подкинутых вещественных доказательствах не знает. Однако Николай может быть уверен — никто ему зла не желает и фактов не подтасовывает.

— Да уж, будешь тут уверен, — мрачно буркнул тот. — Что от меня нужно на этот раз?

Его спросили: не проявляла ли его жена интереса к редким старинным книгам? Вопрос так ошеломил вдовца, что тот не сразу нашелся с ответом. Потом объяснил, что читать его жена всегда любила и раньше даже работала в какой-то библиотеке. Но чтобы покупала какие-то древности — он не припомнит.

— А может быть, она общалась с какими-нибудь букинистами? Коллекционерами?

Тот отмахнулся — если его жена и завела таких знакомых, ему об этом неизвестно. Например, был у нее в последнее время один приятель — тот, кажется, интересовался книгами. Она даже познакомилась с ним в книжном магазине, сама рассказывала.

— Вот с него и спрашивайте! Тот еще гусь!

Николай говорил с какой-то подавленной яростью и очень желал дать координаты этого самого приятеля для приобщения его к делу. Выяснив, о ком идет речь, Николая поблагодарили и записали все, что тот смог сообщить. А потом вернулись к исходному пункту. Возможно, он замечал, что жена приносила домой какие-нибудь рукописи, которые выглядели как старинные? Говорила на такие темы? Упоминала, что посетила старое место работы? От-

вет на все вопросы был отрицательный. Более того — Николай признался, что жена его была женщиной достаточно прижимистой, привыкла считать деньги — она ведь бухгалтер. И никогда не выбросила бы солидной суммы на бесполезные приобретения вроде этих затхлых книг. Статьи семейных расходов были ему известны досконально — одежда, питание, развлечения, поездки на курорты, машина, образование дочери. А насчет книжных пристрастий жены он может сказать следующее. Если Нине приходилось выбирать между двумя изданиями одного романа, она выбирала более дешевое, пусть даже в самой ужасной обложке. Она сама както со смехом об этом упоминала, как будто гордилась своей непритязательностью.

— Нина говорила — лучше читать книгу в плохой обложке, чем ставить ее на полку в хорошей. И презирала всякие такие изыски. Считаю, что она права! Была... — добавил Николай и замкнулся.

Некоторое время он молчал, ожидая следующих вопросов, но следователь занялся писаниной и, казалось, забыл о нем. Николай поворачивался на стуле, отчего тот издавал истошный скрип — хлипкая мебель просто не выдерживала его веса. И наконец потребовал внимания.

— Почему вы вообще меня об этом спрашиваете? — спросил он. — Книги, рукописи всякие... Какое это имеет отношение к моей жене?

— Боюсь, что прямое. — Следователь вкратце поведал ему, почему вынужден заниматься чужим делом и вызывать Николая в качестве свидетеля.

Узнав кое-какие подробности, тот замер. Потом, подумав, нахмурился.

— Слушайте, а эти самые карты в самом деле такие ценные? — хрипло спросил он.

— Боюсь, что да. Точнее, за них уже бояться нечего, они вовремя были найдены. А то могли уйти бог знает куда, и с концами!

— Сколько? — перебил его Николай.

— Что — сколько? Сколько было карт или...

— Вы поняли меня! — неожиданно рассердился тот. — Сколько она могла за них выручить?

Следователь задумчиво посмотрел на него, поиграл ручкой. Уклончиво назвал приблизительную сумму, ориентируясь по той, что была предложена Семеном Федоровичем. Однако экспертиза уже дала справку, что на черном рынке Москвы подобные карты ценились намного дешевле. Это расхождение в цене было одним из самых загадочных моментов. Не похоже было на то, чтобы Семен Федорович позволил себя обмануть или не знал рыночной цены приобретаемых карт. Даже если допустить, что он действительно покупал кота в мешке, не понимая, о каком товаре идет речь, вилка цен должна была оказаться намного скромнее. Деньги, изъятые у него, оказались настоящими — до последней купюры, и вся обещанная сумма была найдена в пакете полностью.

— Двенадцать, — пробормотал вдовец. — Маловато.

— Маловато?!

Николай опомнился. Откашлявшись и неуверенно глядя на следователя, он заявил, что должен коечто рассказать. Может, он опять действует себе во вред, как в том случае с машиной и найденным в багажнике баллоном краски, черти бы все это взяли! Но он хочет, чтобы вошли в его положение. Для него главное — найти убийцу своей жены. Человек он не так чтобы очень богатый, но деньги его не интересуют, ему важнее справедливость. Что это такое — взять да убить женщину, осиротить ребенка!

Обалдевший следователь слушал внимательно и не перебивал. И когда Николай признался, что нашел в бельевом шкафу жены весьма солидную сумму денег, о которых та никогда не упоминала, подался вперед:

— Тридцать тысяч долларов?! И вы не знаете, откуда они взялись?!

— В том-то и дело, — проворчал Николай. — Побочных доходов у нее не было, взаймы не брала. Я уж многих расспросил. Нет и нет. Да и кто сейчас даст такие деньги, еще и наличными? Дела у нас в порядке, все здоровы, долгов нет. Предприятие работает...

На вопрос, может ли он ненадолго предоставить найденные купюры в распоряжение следствия, Николай обреченно согласился. Он с черным юмором заметил, что машины у него больше нет, так что начало разорению уже положено, а что будет дальше — одному Богу известно. Следователь шутки не поддержал.

Николай провел в коридорах несколько томительных минут. Он то и дело порывался уйти, но сделать это без подписанного пропуска было невозможно. Вскоре он узрел знакомое лицо — того самого следователя, которого подозревал в подмене вещественных доказательств. Его опять пригласили в кабинет. И тут же попросили в подробностях восстановить вечер того дня, когда он уезжал в командировку.

Николай вспылил — как он может помнить то, что случилось три недели назад! Тем более, что он часто ездит в командировки и тот вечер был ничем не примечателен. А если его опять собираются расспрашивать, не было ли вмятины на машине...

Знакомый следователь его остановил. Этот вопрос в данный момент никого не интересовал. Николай успокоился, но не совсем. Он запоздало вспомнил о

том, что должен был явиться сюда в присутствии адвоката. Его сбило с толку то, что прийти просил новый следователь. Подумав немного, Николай пожал плечами. Тогда был самый обычный вечер. Он допоздна задержался на работе, так как не были готовы важные документы для поездки. Кто это может подтвердить? Секретарша и еще кое-кто. Спросите любого сотрудника, который в тот вечер задержался вместе с ним.

— Потом я приехал домой, быстренько поужинал, переоделся, жена в это время собрала сумку. Мы уже опаздывали и сразу поехали в аэропорт. И Диана с нами.

— Ваша дочь? Но ведь было уже поздно, зачем ее взяли с собой?

— Она хотела меня проводить! — рявкнул он. — Не впутывайте ребенка! Это мое дело, во сколько она ложится спать! Было всего десять часов!

Он сел в самолет и улетел — вот и все. Могут проверить билеты — они наверняка сохранились. Но билеты никого не интересовали. Ему задавали вопрос за вопросом. Как вела себя его жена? Не говорила ли, что у нее назначена важная встреча? Может быть, торопилась больше обычного? Нервничала?

Николай отвечал неуверенно, путался, не помнил подробностей. Нервничала? Нет, она была даже весела, завидовала, что он вырвется из Москвы. Говорила, что ей самой хотелось бы куда-нибудь съездить — всей семьей в теплые края. Ведь погода испортилась и, кажется, наступила настоящая зима. Жена куталась в шубку, которую в тот вечер надела впервые, и жаловалась на холодный ветер.

Показания заняли всего несколько строчек. Николая переспросили только об одном: не упоминала ли Нина, что после аэропорта отвезет дочь к мате-

ри? Николай ответил, что это они не обсуждали. Само собой разумелось, что жена и дочь поедут домой, спать. Он тогда и думать не мог, что Диана окажется у бабушки, а Нина — бог весть у кого.

Пауза. Следователь, которого он уже привык видеть, открыл рот, чтобы что-то сказать, но второй неожиданно поднял руку, призывая к молчанию. Он в этот момент вчитывался в какие-то бумаги. Потом поднял голову и переспросил: как была одета Нина в тот вечер? Николай говорит, что в шубу? Он уверен в этом?

— В шубу, конечно! — подтвердил тот, слегка удивленный. — Ребята, вы и шубу приплели? Мало вам машины, денег? Могу привезти — она уцелела, висит в шкафу!

На его гневный выпад не обратили внимания. Но попросили вспомнить в точности все подробности туалета покойной. Напомнили, что у нее было еще и теплое пальто с меховым воротником. Он уверен, что Нина не была именно в нем?

Вдовец раздраженно согласился, что такая вещь действительно имелась в гардеробе его жены. Но она не очень любила это пальто и надевала его редко. Потому что оно было каким-то странным — для холодов слишком легким, для теплой погоды — тяжелым. В тот вечер она точно была в шубе.

— Но у нас тут есть показания, что в ту ночь ваша жена была одета в черное пальто с белым воротником, — монотонно заговорил следователь, который вел дело Седенко. — Могу процитировать...

Николай отверг это предложение. Он раздраженно заявил, что ему могут цитировать и приписывать все, что угодно. Мало баллончика, теперь взялись за пальто с шубами? В конце концов, что тут — следственное управление или универсальный магазин? Он отвеча-

ет за свои слова, всегда отвечал. Разве он не помогает следствию всеми силами, разве не отдал им машину, разве отказался привезти деньги?

Его попросили успокоиться. А через несколько минут подписали пропуск. Николай ушел еще более неуверенным в благополучном исходе дела, чем прежде. Он позвонил адвокату и узнал, что только что совершил еще одну серьезную ошибку. Нельзя было ходить на такую важную встречу в одиночку.

— Да чтоб вы все провалились! — простонал озадаченный Николай. — Иногда я думаю, что в самом деле лучше кого-то убить! Таких-то оправдывают в два счета! Надоело, к чертовой матери!

Он решил не возвращаться на работу, а прямо ехать домой, к дочке. Та очень тревожилась, когда отца не было дома, и затихала, только забравшись к нему на колени.

Поужинав, отец обнял Диану и грубовато погладил ее шелковистые темные волосы:

— Как дела?

— Ничего, — глухо ответила девочка.

— Скучала?

Молчание. Николай покачивал ребенка на коленях, совершенно забыв, что Диана уже не маленькая и укачивать ее поздновато. Но та блаженно молчала — ей это явно нравилось. Наконец отец коротко поцеловал ее в макушку и спросил, помнит ли она, как была одета мама в тот вечер, когда они все вместе ехали в аэропорт.

— На ней была шуба, — моментально ответила Диана.

— Ну вот, ты тоже видела! А можешь мне это доказать?

Девочка, мгновенно включившись в игру, ответила, что может. И вот почему — в кармане шубы, толь-

ко что извлеченной из пакета, в который она была упакована на лето, мама отыскала прошлогоднюю жвачку. Диана выпросила ее и сжевала. И отлично помнит, что жвачка была затвердевшая, сухая, совсем невкусная. Девочка грустно жевала ее до самого аэропорта, а после, когда вышли провожать папу, выплюнула. Тайком от всех, потому что мама запрещала плеваться на улице.

Эпилог

На нескольких новых купюрах из тех, что Николай нашел в шкафу, были обнаружены отчетливые отпечатки пальцев, и Семен Федорович прекратил упираться. Охотно переменив тактику, он перестал изображать обманутого коллекционера, схваченного за руку в чистейшем деле. Букинист пожелал сделать заявление.

«Этой женщины» — так он называл покойную Торцову — Семен Федорович толком не знал. Она как-то зашла к нему в букинистический отдел (в начале осени, если он не ошибается). Ничего не заказывала, ничего не покупала. Зато предложила купить кое-что у нее.

— Эти самые карты, — признался букинист. — Но клянусь — ни сном ни духом не знал, что они краденые! Дама выглядела так прилично, кто бы мог подумать...

Если отбросить эмоции, которыми букинист раскрасил свои показания, то дело сводилось к нескольким простым фактам. Нина-де неоднократно приходила к нему в магазин, расписывала достоинства товара и набавляла цену. И цена в самом деле дошла до цифры астрономической — тридцати ты-

сяч долларов. Семен Федорович скромно сказал, что, когда коллекционера охватывает азарт, деньги для него уже не так важны.

— Ничего подобного мне до сих пор не попадалось, нельзя было упускать случай! И к тому же, — подчеркнул он, — покупал-то для себя. Ну кто знал, что эта женщина попробует меня обмануть!

А «эта женщина» в самом деле обманула. Забрала деньги вперед — поверил даме на слово. Обещала принести карты прямо в заветный домик Кирюши — все расчеты должны были производиться именно там. Семен Федорович загодя запасся лупой и прочими пособиями для экспертизы, но дама не явилась. Была назначена еще одна встреча, но клиентка попросту пропала! Он звонил ей на мобильный — отключено. Домой — никто не брал трубку. Когда им наконец удалось встретиться — а это было уже в ноябре, — дама призналась, что сама была обманута тем, кто обещал доставить ей карты. Дескать, ее приятельница неожиданно передумала, от денег отказалась, товар отдавать не собиралась.

Семен Федорович кротко развел руками:

— И что мне было делать? Я ей сказал — не вышло так не вышло, верните деньги и забудем обо всем. Так вымотался за эту осень, что уже ничего не хотел. Но она уперлась — найдет карты, отдаст, денег вернуть не может, нужны самой. Обещала, что уговорит свою подружку, даже припугнет. Я сразу сказал — никакой уголовщины не нужно, откуда вы взяли карты — знать не хочу. Не впутывайте меня в свои разборки! — Он вздохнул. — Ну и вот... Так все и кончилось. Последний раз пообещала разобраться решительно и пропала надолго. Звоню ей домой — кто-то говорит: умерла. Я уж решил забыть про деньги.

— Как, про такую сумму?

— А с кого мне было ее требовать? — развел руками Семен Федорович. — И вдруг приходит ко мне в магазин этот молодой человек, мой старый знакомый... И сразу же заводит речь об этих картах. Ясно — намек, пришел от моей клиентки. Я так и понял. Решил — переплачу еще немного, но все-таки получу то, что давно искал...

Когда ему напомнили, что после всех манипуляций цена, уплаченная им за карты, достигла сорока двух тысяч, что явно превышало все допустимые пределы, Семен Федорович потупился. Такой уж он человек — ничего ему не жалко, если дело коснулось застарелой страсти к собиранию редкостей. На вопрос, случалось ли ему ездить с Ниной в принадлежащей ей синей «хонде» или брать у нее ключи от машины, Семен Федорович ответил отрицательно. Он предпочитает свою «Победу» и не доверяет женщинам за рулем. Бывал ли он дома у Нины? Никогда, даже не знает, где она живет, в каком районе. Быть может, он знал, где живет Олег Валентинович Круглов? Они давно знакомы, возможно, случалось заходить в гости?

— Да о чем вы, какое там знакомство, — отмахнулся тот. — Я и фамилии его не знаю.

К своему великому сожалению, букинист не смог восстановить в памяти всего, чем занимался в холодный ноябрьский вечер, около месяца назад. Назначал ли он встречу клиентке в районе Чистых прудов? Нет, этого он бы не забыл. И вообще, в такое позднее время он всегда сидит дома. Алиби доказать некому, поскольку живет один, гостей не принимает, за день в магазине урабатывается так, что больше не в силах делать резких движений. Неужели кто-то думает, что он мог застрелить несчастную, незнакомую ему жен-

щину на берегу Чистых прудов? Абсурд. Он даже не знает, с какого конца браться за пистолет. В конце концов, напомнил Семен Федорович, он — пострадавшая сторона. Его нагрели на кругленькую сумму, хотелось бы получить обратно свои деньги... Да что-то ничего в волнах не видно!

Дряхлый Кирюша после всех перенесенных переживаний слег. Его навещали уже не в избушке, а дома у внучатой племянницы. Та перевезла его к себе, чтобы легче было ухаживать за стариком, и призналась, что давно взяла бы к себе несчастного глухого, но тот упрямо держался за свою избушку, писал картины маслом, любил независимость и не считал себя старым. Теперь-то он даже возражать не может.

Визит закончился безрезультатно. Кирюша бессмысленно разглядывал фотографии Нины и Марии, качал головой, что-то лепетал. Никого не узнал и ничего не рассказал. Потом отвернулся к стене. Его внучатая племянница отвела следователя на кухню и попросила посвятить ее в подробности дела. Как старичка замешали в эту темную историю с картами?

— Я-то знаю эту женщину, — вздохнула она, глядя на снимок Марии. — Она часто заходила ко мне в отдел. В последний раз — в день своей смерти. Олег потом все мне рассказал... Это ужасно, но дедушка ни при чем! Уж поверьте, он не такой человек... За деньгами никогда не гнался. Если кто-то и виноват — так это Семен. Его ненаглядный Сенечка.

Татьяна говорила о букинисте с плохо сдерживаемой ненавистью, хотя, по ее словам, выходило, что именно он когда-то устроил ее на работу в большой книжный магазин, где долгие годы подвизался сам. Конечно, чем-то она ему обязана. Но этот человек никогда ей не нравился.

— Если нужно заговорить кому-то зубы — тут ему равных нет. Святого мог совратить, да еще и убедить, что на доброе дело. А с дедушкой вовсе не церемонился. Сколько раз я заходила к нему в избушку и видела какие-то книги, старые картины. Спросишь: откуда, чье? Дедушка думает, что очень хитренький, говорит намеками. Но я-то сразу все понимала. Семен часто хранил у него какие-то подозрительные вещи. Они появлялись, потом исчезали.

Испугавшись, что сказала слишком много, Татьяна поспешила полностью оправдать старика. Пусть следователь не думает, что тот предоставлял свой домик ради выгоды! Самое большее, на что раскошеливался Семен Федорович, — пачка хорошего чая, какие-то продукты, лекарства. Если бы дедушка знал, что у него устроили склад краденого, — сразу бы взбунтовался. Но он не знал даже, какой нынче год от Рождества Христова — такие мелочи его не волновали.

Домик был обыскан от чердака до подпола. Вскрывались полы, прочищались дымоходы, поднимались подоконники. Было найдено немало старинной мебели в ужасающем состоянии, небольшая библиотечка и множество картин, по большей части принадлежащих кисти самого Кирюши или его ныне покойных друзей. Все это старичок признал своим. Он скончался еще до завершения следствия. Татьяна утверждала, что последней каплей стало отчуждение Союзом художников старенького домика, с которым Кирюша сжился так тесно, как срастается черепаха с панцирем. Одно без другого существовать не могло.

Полностью подтвердились показания Николая о том, как была одета его жена в тот знаменательный вечер. Его поддержала отдельно допрошенная теща.

Та великолепно помнила, как удивилась, открыв дверь поздно вечером и увидев на пороге дочку с Дианой. В котором часу? В начале двенадцатого, девочка с ног валилась. Нина не дала никаких вразумительных объяснений, подкидывая ребенка бабушке, и уехала спешно, будто спешила на пожар. Одета была в шубу — Инесса Павловна помнила прекрасно, потому что в этом году дочь надевала шубу впервые.

Однако Олег продолжал твердить, что возлюбленная явилась к нему в черном пальто. Именно эта деталь потрясла его, поскольку он сразу уловил сходство с женщиной, убитой на Чистых прудах. Из давнего рассказа самой Нины следовало, что после аэропорта и заезда к матери она домой не возвращалась, а следовательно, переодеться нигде не могла. И тогда с помощью Олега отыскали стоянку, где женщина оставляла на несколько дней свою пострадавшую машину.

Давнюю клиентку никто из работников стоянки не вспомнил. А уж ее наряд — тем паче. Но был предъявлен регистрационный журнал, куда заносились данные о поставленных на хранение машинах. И обнаружилась странная вещь, которая никак не согласовывалась с рассказом Нины.

По ее словам, — Олег отчетливо это помнил, — отвезя Диану к матери, она долго заметала следы, опасаясь неведомых преследователей. Потом поставила машину на стоянку и поспешила к месту назначенного свидания. Опоздала она не больше чем на час. Значит, машина должна была оказаться на стоянке вскоре после полуночи.

Однако в журнале значилось совсем другое время. Судя по записи, синяя «хонда» с соответствующим номерным знаком была поставлена на стоянку в пятом часу утра.

И тогда, после долгих уговоров со стороны второго следователя, Николай дал согласие на подробный разговор с дочкой. Впрочем, девочка пошла на откровенность очень охотно. Она гордилась, что ее допрашивают, как взрослую, и обосновывала показания так, что следователь только диву давался. Диана подтвердила, что мама была в шубе, приведя свои собственные доказательства, включая жвачку. На вопрос, куда они поехали из аэропорта и о чем говорили по пути, Диана поведала, что мама сразу повезла ее к бабушке. По дороге они ссорились, потому что Диана вовсе не хотела туда ехать. Но потом мама решила подвезти какую-то женщину, голосовавшую на обочине, а при посторонних ссориться неприлично.

— Но ведь твоя мама торопилась?

— Очень гнала, как сумасшедшая!

— Зачем же она задержалась, чтобы взять седока? Ей деньги были нужны?

Диана заулыбалась. Наверное, ей просто стало жалко ту женщину, пояснила девочка. А та даже не сказала, куда ей нужно. Просто сидела и молчала, иногда смотрела на Диану, но так ничего ей и не сказала. Потом Диана с мамой поднялись к бабушке, а та женщина ждала в машине.

— Постой, — не выдержал следователь, — твоя мама оставила в машине незнакомого человека?

Диана задумалась, потом подняла тяжелые ресницы.

— Знаете, может, они были знакомы, — проговорила она.

— Почему ты так думаешь?

— Они все время молчали, — сказала девочка. — А незнакомые люди всегда начинают разговаривать.

Но самый большой триумф ожидал следствие, когда девочка принялась описывать ночную пассажирку,

не назвавшую адреса. В конце концов девочке показали увеличенную фотографию, и она уверенно подтвердила, что именно об этой женщине говорила все время.

— Почему же ты раньше о ней не сказала? — едва не застонал следователь.

— А кто меня спрашивал? — все так же серьезно, почти с вызовом ответила Диана. И в этот миг она была умопомрачительно похожа на своего отца, который присутствовал при всей беседе и с тревогой посматривал на дочь.

Именно тогда наконец была взята на экспертизу верхняя одежда Нины. До этого были обследованы на частицы краски одежда Николая, а также принадлежавший Торцовым гараж. Все — с отрицательным результатом. Зато на правом рукаве шубы — той самой, которую запомнило столько свидетелей, — без труда обнаружились глубоко въевшиеся в мех частицы синей краски. Невооруженным взглядом их никто на темном меху не разглядел.

Николай был счастлив — ему вернули машину и неимоверно гордую собой и своим отцом дочь. Уезжая в сопровождении друга-адвоката, он даже не вспомнил про деньги. Тем более, что друг всячески советовал не ввязываться в это темное дело.

— Что там провернула твоя жена — тебя уже не касается, — со знанием дела говорил он.

Николай поднес палец к губам и покосился на Диану. Но та, казалось, не слушала. Девочка смотрела в окно и меланхолично грызла леденец.

Ему бы очень хотелось сохранить происходящее в тайне, но в такой маленькой фирме вскоре все уже были в курсе уголовного дела. Тем более, что многих сотрудников тоже вызывали для дачи показаний. Теперь Николай то и дело ловил на себе странные

взгляды. В них были тревога, любопытство, какое-то настороженное сострадание. Но больше всего в этих взглядах было изумления.

Проходя по кабинетам, Николай то и дело вздрагивал — ему слышалось, как по углам треплют имя его жены. Неизвестно, как дошло до кого-то из сотрудников дело с картами, но та версия, которую передали с чужих слов Николаю, была чудовищна. Он ворвался в кабинет к экономисту — весьма ценной сотруднице, работавшей у него много лет, — и без лишних разговоров уволил ее, чтобы не болтала глупостей.

— Вас послушать — так Нинка Алмазный фонд грабанула! — рявкнул Николай. — Вон!

Несмотря на то что основные подозрения с него были сняты, он нервничал все больше и задавал себе слишком много вопросов, ответа на которые не знал.

Зачем? Зачем она пошла на эту кражу? Разве у нее было мало денег? Крупных сумм ей на хозяйство не давали, но к чему ей были нужны крупные суммы? Может, он был излишне придирчив, когда дело касалось ненужных расходов? А Нина так привыкла к независимости... Все-таки зачем?

Как? Как она решилась на такое дело? Пусть крала не она сама, но ведь нашла покупателя, сторговалась, даже взяла деньги вперед. А что потом? Что у нее вышло с той женщиной, которую Диана видела в машине? И куда они потом отправились?

Почему? Почему она выдумала эти идиотские покушения, ведь ни единого не было! Теперь доказано, что никакая синяя машина ее не преследовала — сама купила краску, сама нанесла царапину и закрасила ее. Той же ночью, в той же шубе — Нина надела ее впервые. Неужели не понимала, что подозрения падут на него? Рассказала любовнику целый роман... Почему?!

Кто? Кто убил их обеих?

В кабинет бочком вошла Лиза. Она поставила перед шефом чашку кофе и шепотом сказала, что на прием просится охранник.

— Говорит — важное дело... Просить?

Охранник был красен и очень смущен. В офисе еще не утихли отзвуки скандала — уволенная сотрудница уходила с шумом. Он признался, что долго думал, прежде чем явиться к боссу, но все-таки решил это сделать. То, что он хочет сообщить, может быть чепухой, а может...

— Короче! — перебил Николай.

Охранник был обижен на следствие. Всех допрашивали подробно, а его нет. Задали только один вопрос: не брал ли кто машину шефа со стоянки? Получили отрицательный ответ и отпустили. А ведь он мог припомнить кое-что еще, и глядите — припомнил!

— Насчет вашей жены, — шепотом сказал он.

— Что такое?!

Охранник отчетливо помнил тот вечер, когда шеф уезжал в командировку. Еще бы не помнить — шла такая запарка! Наконец офис опустел, он расположился отдохнуть... То есть нести службу. Однако вскоре его потревожили.

— Смотрю на экран — перед офисом стоит ваша машина, а рядом с ней Нина Ивановна... Выходит, звонит. А было поздно, половина двенадцатого. Я открываю, конечно. Попросила принести воды — дескать, нечем запить таблетку, проезжала мимо, голова болит. Я пошел в кухню, слышу — Нина Ивановна кричит: «Не нужно, тороплюсь!» И уехала. Я снова все запер, удивился, конечно...

Охранник помялся, нерешительно поглядывая на Николая. Тот ждал.

— А среди ночи опять приехала. Уже в третьем часу. Я совсем встревожился — на ней лица не было! Усталая, вся дрожит. Одета по-другому — черное пальто. И руки прямо прыгают! Я решил, в самом деле больна. Хотел вызвать «скорую», но Нина Ивановна отказалась. И я все не мог понять: почему она кружит вокруг офиса? Но ваша жена опять попросила воды. На этот раз дождалась меня, выпила. И уехала — только сказала, чтобы я никому об этом не рассказывал, а то люди неправильно поймут.

— Ну и что? — раздраженно перебил Николай.

— Да я насчет оружия...

Шеф медленно приподнялся над столом. Охранник испуганно вскочил:

— Я ничего плохого сказать не хочу, может, все и не так...

— Дальше!

— Вы знаете, оно в ящике стола, на ночь я его туда кладу, чтобы не таскать на себе...

— Так!

— И вот... Потом, когда стал сдавать смену, по привычке проверил пистолет... Он ведь заряжен... — И, цепенея под страшным взглядом шефа, охранник убито добавил: — Одного патрона не хватало. Я все думал — куда он делся, никто из этого пистолета сроду не стрелял... Ничего не хочу сказать, но у нас сейчас все говорят про то убийство, и вот...

Он выскочил из кабинета, не дожидаясь реакции шефа, — хватило одного взгляда Николая. Лиза, слышавшая все от первого слова до последнего, тут же приникла к дверям. Она ожидала, что раздастся грохот ломаемой мебели, зверские крики, ругань. Но за дверью было тихо, и эта тишина пугала ее больше всего. Наконец девушка решилась и слегка приот-

крыла дверь. Шеф сидел спиной к ней, на стуле для посетителей. Ничего не делал — просто сидел и казался частью массивной обстановки, сделанной под стать своему хозяину.

* * *

— Такое делается часто, — вещал эксперт, приглашенный другом-следователем на бутылку водки. Кроме него были и другие гости, вечеринку устроили прямо на рабочем месте. Но героем дня был, разумеется, он.

— Это частичная контрабанда. Скажем, за границей есть такая же книга, но порченая. Будь она целая — цена взлетела бы под небеса, книга бы до аукциона не дошла, взяли бы по дороге. Но она все же порченая, и цена ей — грош. Что они делают в таком случае — ищут подобную книгу по всему миру. Наши библиотеки обработать легче, чем у них, и в то же время сложнее. Сложнее потому, что нет компьютерного учета, трудно найти нужную книгу. И легче — любое дело можно провернуть за деньги или по знакомству. Вот этот ваш Сенечка и пытался сделать гешефт.

— Сорок две тысячи был готов отдать, — буркнул следователь. — А сколько стоит целая книга?

— Эта цифра не для твоих нервов, — отрезал эксперт. — А вы теперь хватайте и сажайте его, голубчика, только ведь он чист. Ну, будут неприятности с налоговой инспекцией, дадут какую-нибудь нестрашную статью. До контрабанды не дошло, к картам не прикасался, что встречался с вашей Торцовой и обыскивал по ее наводке чужие квартиры — не доказано. Свидетелей нет, все приблизительно. Кто хочет пари, что этот тип соскочит чистенький?

Пари никто не принял.

* * *

— Ты не поверишь, но меня больше всего поражает другое, — вслух размышлял Олег. — Может быть, я просто не верил в ее непогрешимость так, как ты верила своей свекрови. Хотя Нина была куда богаче, и мотивов для кражи у нее было меньше. А может, больше, не знаю? Ведь денег никогда не бывает достаточно.

— Не забудь, что Маша так и не отдала ей карты, — напомнила Тамара. — Думаю, она даже хотела их вернуть в хранилище... Ну почему она мне ничего не сказала!

— Не хватало впутывать еще и тебя! Ты права, твоя свекровь оказалась женщиной незаурядной. Возможно, она даже не постигала масштабов совершаемого преступления, но что-то подозревала. Нет, я думаю совсем о другом...

— Как Нина решилась выстрелить?

Олег покачал головой:

— Она могла случайно нажать на спусковой крючок, откуда ей знать, как обращаться с оружием. Скорее всего, просто хотела припугнуть...

— Тогда что?

— Да эта история о покушениях, которую она выдумала специально для меня! Уверен — это было придумано сразу после того, как она сбежала с Чистых прудов. Металась по городу на своей машине — целехонькой, в теплой шубе... И думала, как выпутаться, замести следы. И вдруг поняла, что я-то наверняка приехал на Чистые пруды — ведь она назначила мне свидание именно там! Отсюда следует, что убивать она не собиралась, — иначе зачем ей свидетель? И дочка могла что-то рассказать, и охранник мог не вовремя обнаружить пропажу пистолета... Все

задумывалось, как спектакль, но постановка провалилась! Наверняка она просто решила припугнуть Машу — ведь та никак не хотела расстаться с картами. А когда все случилось и ничего уже нельзя было изменить, она увидела то, что должен был увидеть и я. Они были похожи!

Олег замолчал, как бы прогоняя перед внутренним взором короткий фильм. Он не переставал видеть его с тех пор, как узнал подробности завершившегося дела. Давно наступила весна, а ему все снилась по ночам черная вода в пятнах наледи, оранжевый свет фонарей, загадочная фигурка на пронзительном ветру. И Нина. Все, что было с ней дальше, когда она отправилась домой, переоделась в пальто, почти неотличимое от Машиного. А по дороге, еще не переменив шубы, доехала до ночного автомагазина, купила краску и изуродовала свою машину так, чтобы произвести впечатление неумелого ремонта.

— После этого она могла рассказывать мне все, что угодно, — я бы поверил. Никак не мог забыть то, что увидел на пруду. Нина своего добилась — я не связывал между собой двух историй, потому что все выглядело как путаница, совпадение. Но... Только сначала. Чем больше я интересовался Марией, тем сильнее она нервничала.

— А чем больше ты интересовался мной, тем меньше бывал с ней, — тихо сказала Тамара, вставая и задергивая занавески. В комнате становилось жарко, в окне маячили тополиные ветки с лопнувшими почками. — Все-таки ты испорчен образованием. Тебя больше всего поразило, как ловко она придумала эту историю, отводя от себя подозрения. Как переоделась, «загримировала» машину. Да, в ней погибла актриса, что и говорить. А меня поражает другое.

— Что?

— Она ведь понимала, что этим враньем подставляет под удар своего мужа, и сознательно выбрала его в жертвы! А ты сделал все, чтобы сдать Николая милиции, — даже сам того не желая. Просто хотел ее спасти. Твое поведение понятно, но вот ее... — И, помедлив, Тамара добавила: — Она тебя любила. Иначе — поверь — подставила бы тебя, а не мужа. — И, не слушая его возражений, покачала головой: — Знаешь, в таком случае даже я поверила бы, что именно ты — убийца. Она все рассчитала, все предусмотрела. И только одного не учла. Пьяного водителя, едущего из ее любимого ресторана, обледеневшего крутого поворота. Этого в ее сценарии не было, так же, как и украденной сумки. Ни один человек не верит в то, что может просто-напросто попасть под машину.

Малышева А.

М20 Ночь опасна: Роман. — «Черная метка». — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 428 с.

ISBN 5-227-01719-0

Нина назначает своему любовнику свидание поздним вечером на Чистых прудах. Приехав, Олег находит труп женщины, удивительно похожей на возлюбленную. Приглядевшись, он вспоминает, что недавно видел жертву в книжном магазине — тогда незнакомка произвела впечатление человека робкого и беззащитного. Олег недоумевает — кому могла помешать эта несчастная и как она связана с Ниной?..

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Литературно-художественное издание

Анна Малышева

НОЧЬ ОПАСНА

Роман

Ответственный редактор *М.С. Сергеева*
Редактор *Л.А. Левина*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 11.02.2002
Формат 70x90 $^1/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,79. Уч.-изд. л. 18,78
Тираж 60 000 экз. Заказ № 433

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Анна Малышева окончила Литературный институт имени Горького. С 1996 года издает любовно-детективные романы, которые сразу получили горячее признание широкой читательской аудитории.

БЕСТСЕЛЛЕР

НОЧЬ ОПАСНА

Олег был порядком разозлен: любовница уже трижды отменяла встречу. И когда Нина позвонила в очередной раз, он объявил, что уезжает. Но Нина обещала обязательно быть, только назначила странное место и время для свидания. Олег приехал, чтобы расставить точки над «i». Он еще издали увидел знакомую фигурку на скамейке и обрадовался, что Нина все-таки пришла. Но это оказалась другая женщина. И она была мертва...

ISBN 5-227-01719-0
9 785227 017192

ЦЕНТРПОЛИГРАФ